

АЙРИС ДЖОАНСЕН

Пьянящий
ВКУС ЖИЗНИ

Айрис Джоансен
Пьянящий вкус жизни
(Сильнее времени)
Серия «Танцующий ветер», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159629

Оригинал: IrisJohansen, "Reap the Wind"

Перевод:

Л. А. Аралина

Аннотация

В жизни Кэтлин Вазаро две мечты – разгадать тайну драгоценной статуэтки, известной со времен падения Трои под названием «Танцующий ветер», и спасти от разорения свое поместье. Когда в ее жизни появляется загадочный Алекс Каразов, предлагая решить все проблемы, ей кажется, что для него нет ничего невозможного... Но что на самом деле ему нужно от нее и для чего ему понадобился «Танцующий ветер»?.. Реальность оказывается более опасной и захватывающей, чем мечты.

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	8
2	41
3	71
4	104
5	129
6	159
7	196
8	222
9	258
10	295
11	329
12	357
13	380
14	409
15	438
16	447
17	472
18	509
19	536
20	565
21	596
22	612

Айрис Джоансен

Пьянящий вкус жизни

ПРОЛОГ

Базара, Франция. 12 июля 1978 г.

– Что ты делаешь здесь одна, в такой поздний час? – Жак д'Аблер опустился на колени рядом с девочкой. – Тебе давно пора спать, малышка!

– Жак! Он забрал мой кулон! – прошептала Кэтлин. – Моего крылатого коня.

Тяжелая рука Жака осторожно легла на голову девочки. Он нежно погладил ее по волосам.

– Не горюй! Рано или поздно ты снова получишь свое сокровище.

– Нет! Я бежала следом за ним по дороге, но он даже не обернулся. Мама сказала, что он больше нас не любит. – Кэтлин уткнулась Жаку в грудь. – И никогда не вернется в Вазаро.

– Пойдем домой, – мягко сказал Жак, помогая ей подняться.

– Зачем он забрал Пегаса? Ведь он сам подарил его мне. – Она всхлипнула. – Я веду себя совсем как маленькая, да?

– В двенадцать лет можно позволить себе немного попла-

кать.

– Он обещал мне, что обязательно покажет настоящую статуэтку. Что я увижу Танцующий Ветер. Он говорил...

– Забудь о нем! Выбрось его из головы. Завтра мы пойдем в поле собирать лаванду. Мы не хотели начинать без тебя.

– Завтра надо идти в школу, – отозвалась девочка.

– Я попрошу, чтобы мама отпустила тебя.

– Правда?

– Никто не сможет отобрать у тебя твои поля и цветы.

– Никогда?

– До тех пор, пока ты будешь ухаживать за ними и беречь их. – Он взял ее за руку. – Пойдем.

– Значит, я так никогда и не увижу Танцующий Ветер? Это тоже был обман, как и все остальное?

Жак молчал, не желая огорчать ее еще больше.

Кэтлин зашагала за ним по дороге и вдруг услышала, как в поле запели цикады. Легкий ветерок донес острый запах лаванды, который смешался с запахом земли. Рядом с ней шел Жак. Сильный и крепкий, как те деревья, что росли вокруг, он тоже, казалось, был частью природы. Ощущение покоя и уверенности смягчило горечь утраты. И Жак, и Вазаро остались с нею. Они никогда не предадут ее. Кэтлин вытерла слезы тыльной стороной ладони.

– Он сказал маме, что Пегас стоит очень дорого, но мне он нравился не из-за этого, – тихо сказала девочка. – Он был так похож на Танцующий Ветер. И я надеялась, что...

Она надеялась, что отец всегда будет любить их, что все постепенно наладится и он никогда не покинет Вазаро...

– Танцующий Ветер не может сотворить чуда, Кэтлин.

– Да, конечно.

И все же она не могла не верить в волшебные свойства сказочно красивого крылатого коня с изумрудными глазами. Она могла ошибиться в чем угодно, но только не в этом. Мечта не может быть обманом.

1

Базель, Швейцария. 14 июня 1991 г.

Загадочные, завораживающие глаза крылатого коня, казалось, смотрели прямо на Алекса Каразова.

Несмотря на то, что это была черно-белая иллюстрация, старинная статуэтка и в самом деле производила странное, почти мистическое впечатление. «Наверное, случайный эффект, который получился из-за освещения во время съемки», – подумал Алекс, встряхивая головой и отгоняя навязание. Но теперь он по крайней мере мог понять, отчего с этой статуэткой связано столько легенд и преданий, столько таинственных историй, которые так и не получили разгадки до сегодняшнего дня. Фотографу удалось передать особенную атмосферу таинственности, которая окружала статуэтку и которая возникала всякий раз, как появлялось очередное сообщение о ней. Зато в подписи к иллюстрации он не обнаружил ничего нового для себя:

«Статуэтка Пегаса, известная как „Танцующий Ветер“, считается одним из самых ценных произведений мирового искусства. Знаменитые „глаза Танцующего Ветра“ выполнены из пары великолепно подобранных изумрудов по шестьдесят пять с половиной каратов каждый. Инкрустация из четырехсот сорока семи бриллиантов украшает основание статуэтки...

Лили Андреас, опубликовавшая в 1923 году свою книгу „Факты и легенды о Танцующем Ветре“, утверждала, что существуют исторические свидетельства о том, что Александр Македонский завладел статуэткой во время своего первого похода в Персию в 323 году до Р. Х. Впоследствии эта статуэтка оказалась у Карла Великого. Книга Лили Андреас вызвала ожесточенные споры. Особенно потому, что Лили Андреас, называя имена великих правителей, связывала падение и расцвет того или иного императорского дома с появлением и исчезновением магического крылатого коня. Эта статуэтка неизменно находилась в руках самых влиятельных исторических личностей. Более того, во все века правители прилагали невероятные усилия, чтобы завладеть статуэткой...»

Алекс раздраженно захлопнул второй том «Сокровищ мирового искусства» и поставил альбом на полку. Он и без того знал чуть ли не наизусть содержание книги Лили Андреас, поскольку Ледфорд в те времена, когда они вместе работали, цитировал из нее буквально целые главы.

Павел, сидевший в кресле и наблюдавший за своим другом, вскинул густые кустистые брови:

– Опять ничего?

– Мне нужны факты, а не легенды, – раздраженно сказал Алекс. – Мы напрасно тратим время. Прошу тебя, свяжись с главным хранителем Лувра и...

– ... спроси его, где сейчас находится Танцующий Ветер, –

закончил за него Павел. Покачав головой, он усмехнулся. – Ты же знаешь, что произойдет после этого. Он тотчас сделает запрос, узнает, откуда поступил звонок, и сообщит о нем в Интерпол. После вчерашней пропажи «Моны Лизы» они все там на ушах стоят. Самый невинный вопрос вызвал бы у них переполох, что же говорить о Танцующем Ветре?

– Да, да! Ты прав, – отрешенно проговорил Алекс, невидящими глазами глядя на стол, заваленный книгами, газетами, вырезками из журналов, словно перед ним была мозаика, из которой должно было сложиться заветное слово, нужный ответ. Над этой головоломкой как раз тщетно бился Алекс, пытаясь найти каждому кусочку мозаики свое место и обнаружить невидимый пока узор: связь между самыми разными событиями.

«Во Флоренции украдена „Венера“ Тициана».

«Террористы из группы „Черная Медина“ убили кардинала на его пути в Ватикан».

«Полицейские Амстердама сумели предотвратить похищение картины „Ночной дозор“ из музея».

«Из Лувра украдена „Мона Лиза“».

«Три человека погибли во время взрыва, совершенного террористической группой „Черная Медина“ в аэропорту Шарля де Голля».

Алекс смотрел на заголовки газет, разбросанных по сто-

ду, и никак не мог понять, где же скрывается ключ к разгадке. Если он на верном пути, то запрос в Лувр вызовет даже больший переполох, чем думает Павел.

– А почему бы и нет? Не сидеть же здесь как приклеенному, ломая голову над тем, что из чего вытекает. Надо действовать. И тебе придется позвонить. Сошлись на меня. Скажи, что я собираю материал для очередного романа и мне надо узнать, где находится Танцующий Ветер. Семья Андреас сейчас живет в Штатах. Но я припоминаю какой-то опрос, который несколько лет назад проводился во Франции: и большинство французов считают, что статуэтка является национальным достоянием, их страны. Так что в моем вопросе нет ничего криминального. Постарайся выжать из главного хранителя как можно больше сведений.

Павел не сводил глаз с сосредоточенного лица Алекса:

– Ну и что же произойдет, когда я добуду еще один кусочек информации для твоей мозаики? – Он шумно вздохнул. – А если статуэтка похищена? Тогда чем это обернется? В чьи двери сразу начнет стучаться полиция? – спросил он и сам же ответил, ударив кулаком в свою мощную грудь, обтянутую серым свитером: – В двери Павла Рубански. Нет! Этот звонок не сулит мне ничего, кроме массы неприятностей. Эх, будь у меня голова на плечах, я бы давно ушел от тебя и нашел бы пусть и менее оплачиваемую, но зато более безопасную работенку.

– И умирал бы там со скуки, – усмехнулся Алекс, вытас-

кивая очередную статью из пачки газет, – как умираю от тоски я...

Шагнувший было к двери Павел остановился, обернулся и удивленно посмотрел на друга:

– Наконец-то ты в этом признался! Так брось свои дурацкие головоломки. Оставь их Интерполу! Ты богатый человек. Ну и живи, как только может себе позволить состоятельный мужчина. Зачем нужны деньги, как не на то, чтобы их тратить? Давай вместо главного хранителя я позвоню в турагентство и закажу билеты на Мартинику? Тебе же всегда нравилось бывать там в это время года. – К его голосе появились просительные нотки. – Ну, на худой конец, я могу позвонить Анжеле и кому-нибудь из ее подружек. Приглашу их сюда на недельку. Секс – тоже неплохая разрядка. Не хуже любого путешествия.

– Ты и в самом деле считаешь, что столь заурядное развлечение заставит меня забыть про загадку Танцующего Ветра? – спросил Алекс, глядя на просиявшее надеждой лицо Павла.

Тот кивнул:

– Тебя опекают одновременно две такие могущественные организации, как ЦРУ и КГБ. А кто я для агентов Интерпола? Никто! Самый простой, самый заурядный человек, который мечтает о чем? О том, чтобы ему перепало немного солнца, немного любви, ну и, конечно, немного вкусной еды...

– Когда ты последний раз взвешивался? – с ласковой усмешкой перебил его Алекс, окидывая взглядом огромную неповоротливую фигуру друга.

– Это не жир. Это мускулы. Ну и потом, что мне еще делать здесь, в горах? Только есть, и все. А окажись я сейчас на Мартинике, мне бы не пришлось отвечать полицейским ищейкам...

– Интерполу и без тебя есть чем заняться, – перебил его Алекс. Но, вспомнив о последних заголовках, промелькнувших на страницах газет всего мира, нахмурился. – Если, конечно, это не часть какой-то более значительной операции, в которую...

– Часть чего?

Алекс не ответил. Его ум лихорадочно принялся сортировать все имевшиеся у него сведения заново, перетасовывая факты, отбирая нужное и отбрасывая лишнее, чтобы затем соединить разрозненные куски в цельную, законченную картину.

– Ну вот! – сердито вздохнул Павел. – Как только ты начинаешь биться над очередной головоломкой, ты перестаешь видеть и слышать, что творится вокруг. С тобой невозможно разговаривать. Ты просто наркоман! – И он вышел, хлопнув дверью.

Алекс, на секунду отвлекшись, подумал, насколько справедлив в своих упреках Павел. Азарт поиска действительно захватывал его целиком, не давая покоя ни днем, ни ночью

до тех пор, пока не накатывала волна радостного удовлетворения, когда ему удавалось наконец найти разгадку.

Через час Павел вернулся в кабинет и бросил ему на стол листок из блокнота:

– Вот то, что ты хотел узнать. Танцующий Ветер сейчас является собственностью Джонатана Андреаса.

Алекс несколько секунд смотрел на листок с наскоро сделанными беглыми записями, а потом быстро спросил:

– Где он живет?

– Поместье Андреаса находится в Южной Каролине. Он один из самых богатых людей Америки. В штате его работников имеются телохранители, охраняется и дом, к тому же есть специальная система сигнализации.

– Точно так же, как это было и в Лувре, – иронично заметил Алекс, – что, однако, не помешало похитителям вынести «Мону Лизу» из музея. – Он снова взглянул на листок, лежавший перед ним. – А что он сказал насчет Вазаро?

– Это имение расположено во Франции, в окрестностях Грасса. Там выращиваются цветы для парфюмерных фабрик. Семейство Вазаро состоит в родстве, хотя и довольно отдаленном, с Андреасом. Пять лет назад Кэтлин Вазаро, посещавшая в то время лекции в Сорбонне, занялась поиском документов, подтверждающих не только уникальную художественную ценность Танцующего Ветра, но и ту роль, которую он оказал на ход истории. Эта тема впоследствии легла в основу докторской диссертации Андре Божоли. – Павел

помолчал. – Так ты считаешь, что воры сейчас нацелились на Танцующий Ветер?

– Это только предположение.

– Тогда зачем я потратил битый час на бессмысленный звонок в Лувр? Главный хранитель был подозрителен и осторожен, как старая дева.

– Потому что все предметы искусства, о которых мы с тобой говорили, обладают первостепенной значимостью в европейской культуре. «Венера» Тициана в Италии, «Ночной дозор» в Голландии, теперь – «Мона Лиза» во Франции. Если бы Танцующий Ветер находился в Европе, несомненно, наступил бы его черед. – Алекс пожал плечами. – Как жаль, что он оказался в Штатах и похитителям не добраться до него.

– Джонатан Андреас, наверно, придерживается другого мнения.

Алекс усмехнулся. Его голубые глаза оживились, хотя выражение лица по-прежнему оставалось непроницаемым.

– Мне казалось, что полученная информация должна тебя успокоить. Отчего же ты впал в такую мрачную задумчивость?

– Потому что слишком хорошо знаю тебя. Судя по твоим горящим глазам, ты не только нащупал какую-то ниточку, но уже и дернул за ее кончик, – сумрачно проговорил Павел.

– Дело в том, что я жду звонка.

– И от кого же?

– От Ледфорда.

Павел в изумлении уставился на него:

– Боже мой!

– Господь бог не имеет к нему никакого отношения, – едко усмехнулся Алекс. – Скорее уж Люцифер.

– Ты считаешь, что за всем этим стоит Ледфорд? – Павел кивнул на кипы лежащих газет.

– Кое в чем проскальзывает его почерк. Ледфорд всегда склонен был к вычурности, а до того, как его перевели под мое начало, он руководил несколькими операциями Управления, связанными с произведениями искусства.

– Я совсем забыл об этом. – Павел покачал головой, пытаюсь восстановить в памяти детали. – Он сумел выкрасть назад дель Сарто (Андреа дель Сарто (1486–1530) – итальянский художник, представитель школы Высокого Возрождения.), на которого, по требованию террористов, обменяли похищенного ими португальского дипломата в Бразилии, так ведь?

– Это всего лишь один из его подвигов.

– Но ведь все это были операции, проведенные ЦРУ?

– Прежде и я так думал. Теперь нет.

– Тогда кто же стоит за ними?

Алекс задумался на секунду:

– Не исключено, что после звонка Ледфорда мы это и выясним.

Павел прищурил глаза:

– Так вот зачем ты заставил меня связаться с Лувром! Ты не думал, что Танцующий Ветер стоит на очереди. Своим звонком мы напоминаем похитителям о нем.

– Скорее даже указываем. Бросаем им вызов, – усмехнулся Алекс. – Считай, что я бросил им перчатку. Ледфорд давно буквально бредил Танцующим Ветром. Он сразу поймет, что означает мой звонок в Лувр.

– Ты считаешь, что главный хранитель сотрудничает с Ледфордом?

– С ним или с кем-то, кто выкрал «Мону Лизу». В Лувре очень надежная охрана. Но главный смотритель может обойти ее.

– Взятка?

– Не просто взятка. Я бы сказал, за это заплачено целое состояние. Миллионы.

– Но какой смысл тратить такие бешеные деньги? Зачем красть то, что невозможно сбыть? Ни один частный коллекционер не рискнет приобрести столь знаменитое полотно, как «Мона Лиза». Что он станет с ней делать? Не прятать же ее в грязном чулане, подальше от любопытных взоров!

– Верно поставленные вопросы. – Алекс откинулся на спинку кресла. – Тем интереснее получить на них ответы.

– Ледфорд не станет говорить на эту тему по телефону. Он приедет сюда.

– Не исключено.

– Алекс, ты совершил серьезный промах. Если Ледфорд

и в самом деле причастен к кражам, тебе не следовало привлекать к себе его внимание...

– А что тут особенного? Мне ведь уже приходилось иметь с ним дело.

– Тогда вы работали с ним в одной упряжке.

– Он, конечно, подонок. Но не злодей.

– За то время, что вы не виделись, Ледфорд мог сильно измениться и не в лучшую сторону, – возразил Павел. – Мне кажется, ты недооцениваешь его.

Алекс продолжал задумчиво смотреть на страничку блокнота, машинально рисуя на ней непонятные узоры: круги, спирали, стрелки. Он обвел слово «Вазаро», соединив его волнистой линией со словами «Танцующий Ветер», и поставил четыре вопросительных знака рядом с именем Джонатана Андреаса. Он думал о том, что в словах Павла есть рациональное зерно. И все же именно мысль, что Ледфорд может быть каким-то образом связан со всеми этими похищениями, подстегнула его интерес. Их прежние отношения оставили после себя какой-то неприятный осадок, и Алекс хотел избавиться от него. Правда, вполне возможно, что причиной этого неожиданного поступка была обычная скука, нередко заставлявшая Алекса принимать рискованные решения. Но теперь поздно рассуждать. Запал уже горит. Если Ледфорд причастен к этим делам, его уже наверняка известили, что Алекс проявил к ним интерес. Остается только ждать ответного шага.

– Нет! – вырвалось из груди Кэтлин Вазаро, когда она разглядела на горизонте черную полосу. До самого последнего момента она тешила себя надеждой, что сводка погоды окажется неверной. – Только не сегодня! – взмолилась она, обращаясь неизвестно к кому. – Еще один день!

– Кэтлин, что случилось? – услышала она голос матери из кухни, где та накрывала стол к завтраку. – Что-то не так?

– Не так? Мама! Ты понимаешь, что вот-вот разразится буря! А розы еще... – Кэтлин отвернулась от окна и бросилась бегом к входной двери.

– Неужели нельзя сначала позавтракать, – обиженно проговорила мать, появившись в проеме, ведущем в столовую. – Я чуть не целый час возилась на кухне! Что изменится от того, что ты задержишься на несколько минут? – Аккуратно подведенные брови Катрин Вазаро неодобрительно сдвинулись. – Посмотри, какая ты тощая! Одна кожа да кости. И мне опять не удастся усадить тебя за стол. Я так стараюсь приготовить что-нибудь повкуснее... – Лицо ее прояснилось. – Еще ничего не известно. Буря может пройти мимо и не задеть нас!

Уже стоя в дверях, Кэтлин обернулась:

– Мама, ну как так можно! Ты беспокоишься из-за того, что я не позавтракала, и не понимаешь, что произойдет, если хлынет ливень. Ведь розы еще не распустились. Нам надо успеть собрать их до дождя.

Кэтлин только начала успокаиваться, понадеявшись, что

им удастся выполнить заказ фабрики и их дела наконец наладятся. Подсчитав, сколько они выручат после продажи цветов, Кэтлин решила, что им удастся продержаться еще несколько месяцев. И вот, похоже, все ее надежды рухнули.

– Извини, мама. Но я не могу задерживаться ни на секунду. Честное слово!

Сбежав с холма, Кэтлин вихрем помчалась по дороге. Поля роз простирались до самого горизонта. Восходящие лучи солнца падали на еще не раскрывшиеся бутоны, окрашивая их в глубокий темно-красный цвет. И при виде этого живого бархатистого ковра сердце Кэтлин дрогнуло.

Господи! Как же она любила Вазаро! Кэтлин только сейчас с особенной остротой осознала, сколько сил, любви и заботы отдала она этим полям, апельсиновым и оливковым рощам, виноградникам, что сбегали с холмов к дороге. Обычно, когда она шла по тропинке, до нее доносился лишь легкий аромат. Сегодня благоухание роз в знойном, прогретом воздухе, насыщенном дыханием приближающейся грозы, было особенно сильным.

Жак д'Аблер, ее главный помощник, ее правая рука, уже вывел рабочих на поля. Выстроившись вдоль грядок, они быстро продвигались вперед.

На рассвете он всматривался в горизонт с такой же тревогой, что и Кэтлин. И начал действовать, как только заметил грозные признаки надвигающейся бури. Когда запыхавшаяся Кэтлин добежала до поля, Жак, широко расставив ноги,

стоял в кузове прицепа старенького, выдавшего виды пикапа. Он передавал рабочим огромные корзины из ивовых прутьев для сбора цветов, отпуская четкие, короткие команды, словно капитан со своего мостика.

– Плохи наши дела, – спокойно проговорил он, увидев подбежавшую Кэтлин.

– Не смей так говорить! Мы успеем! Мы должны успеть! – В ее серо-зеленых глазах вспыхнул огонь решимости. – Ты уже попросил, чтобы из школы прислали детей?

– Конечно. – И Жак указал на детей, что шли рядом со своими родителями между рядами роз.

– Извини. – Кэтлин встряхнула головой. – Разумеется, ты предусмотрел и сделал все возможное.

– Я так надеялся, что сводка окажется ошибочной.

– И я тоже. – Кэтлин еще раз взглянула на темную полоску. – Как ты думаешь, сколько часов осталось в нашем распоряжении?

Жак пожал плечами:

– Тучи, похоже, надвигаются не очень быстро... Часа два, если повезет...

– Скорее, не больше часа. – Кэтлин посмотрела на работников, которые быстро двигались вдоль рядов. Опытные, ловкие руки с лихорадочной быстротой срывали бутоны, точным движением отправляя их в корзины.

И невольно она почувствовала прилив гордости за этих людей.

– При такой работе они управятся за час.

– Кому, как не им, знать, что означает для тебя потеря урожая. Это наши люди, Кэтлин.

– Да, это наши люди.

Кэтлин подхватила пустую корзину и коротко бросила через плечо Жаку:

– Когда придут рабочие с фермы, оставь двоих себе в помощь. Иначе тебе не управиться... – И, пробежав по рядам, остановилась на не занятой грядке.

Шестилетний Гастон, который стремглав несся мимо с пустой корзиной, на миг задержался рядом с ней. Его маленькое личико сияло от возбуждения.

– Кэтлин, нас забрали с уроков!

– Знаю, Гастон. Нам надо успеть собрать розы до дождя.

– Я соберу больше всех! Вот увидишь. – И он побежал дальше, к своей матери.

Склонившись над кустами, Кэтлин запретила себе то и дело поднимать голову и смотреть на темнеющий горизонт. Едва успев сорвать один бутон, она уже тянулась к другому.

Постепенно воздух стал более плотным и влажным.

Обычно сбор цветов сопровождался веселой болтовней, шутками. Сегодня даже дети работали молча и сосредоточенно.

Где же, черт побери, рабочие с фермы?

Жак шел по рядам, заменяя полные корзины пустыми.

– Кэтлин!

Кэтлин подняла голову и увидела мать, стоявшую рядом со смущенной улыбкой на губах.

– Кажется, я огорчила тебя сегодня утром. И пришла за-
гладить свою вину. От меня, конечно, не так уж много поль-
зы, но и мои руки могут пригодиться. Можно, я буду соби-
рать в твою корзину?

Впервые с того момента, как Кэтлин увидела грозовую по-
лоску на горизонте, на губах ее появилось нечто напомина-
ющее улыбку.

Катрин стояла перед ней в своих белых брючках от Диора
и в тонкой шелковой блузке. Волосы ее, как обычно, были
тщательно уложены. Ногти покрывал лак модного оттенка.
Самое правильное было бы отправить мать домой. Но у Кэт-
лин язык не повернулся отказать ей.

– В детстве я тоже собирала цветы, – добавила Катрин, и
на лице ее появилось просительное выражение.

– Ну конечно, мама. Еще одна пара рук нам не помешает.
Катрин радостно улыбнулась и принялась неожиданно
точными движениями срывать цветы и бросать их в корзину
Кэтлин.

– Как тут хорошо, правда? Я помню, как отец сажал ме-
ня к себе на плечи и нес через поля. Жаль, что тебе не до-
велось видеть своего деда. Он был такой высокий. И очень
веселый...

Порыв холодного ветра пробежал по полю. Кэтлин подня-
ла голову, уже не слыша того, о чем говорила мать.

Темные тучи стремительно надвигались, готовые разразиться дождем.

Жак остановился рядом с Кэтлин и опорожнил ее корзину.

– Моне не отпустил своих рабочих. У них расцвела лаванда. Все заняты ее сбором.

– Черт подери!

Новый сильный порыв ветра качнул головки цветов.

– У нас есть минут пятнадцать? – спросила Кэтлин, прикусив нижнюю губу.

– Десять, – коротко ответил Жак и зашагал дальше. Десять минут. А они собрали лишь четверть урожая!

Слезы подступили к глазам, но, не давая отчаянию захлестнуть себя, она как автомат шагнула к следующему кусту. Секунды летели за секундами. И падающие в корзину бутоны, как песчинки в песочных часах, отмеряли время.

Порывы влажного ветра, насыщенного густым ароматом роз, становились все свирепее. Солнце скрылось за тучами. Только странное золотистое свечение, предвещавшее бурю, застыло над полем.

Первый тяжелый раскат грома прокатился по небу.

Кэтлин продолжала идти вперед. Крупные капли ударили ее по спине. Но она все срывала и срывала бутоны, не в силах остановиться.

Редкие удары капель перешли в непрерывную дробь.

– Кэтлин! – в голосе Жака слышалось участие. – Заканчи-

вай! Давай мне свою корзину.

Кэтлин с немым протестом посмотрела на него.

Золотистая дымка над полем рассеялась. Все погрузилось во мрак. Ветер трепал тронутые проседью волосы Жака. Его рубашка липла к телу, отчетливо прорисовывая каждый мускул.

– Идем, Кэтлин. Ты же знаешь, никто не уйдет с поля, пока ты здесь.

Кэтлин оглядела сборщиков, стоявших у своих грядок. Если она останется здесь, они тоже будут работать, несмотря на дождь. А кому нужны побитые, поломанные ветром и пропитанные дождем розы? Ничего не поделаешь. Надо смириться с неизбежным. Кэтлин выпрямилась.

– Берите корзины! – скомандовала она, пытаясь перекрыть раскаты грома. – Мы сделали все, что могли. Спасибо всем!

Мужчины, женщины и дети побежали по рядам, чтобы забросить в кузов то, что успели собрать в последние минуты. А потом они бегом припустились в сторону деревни, лежавшей за холмом.

– Как хорошо мы потрудились, правда? – спросила мать, глядя на пикап.

Наивный вопрос! Катрин и понятия не имела, сколько им не удалось добрать сегодня.

– Пожалуйста, Кэтлин, прибавь шагу! Я не догадалась взять зонт. Теперь придется завтра снова ехать к парикмахе-

ру в Канны.

Кэтлин смотрела, как Жак закрепляет брезент над кузовом пикапа.

– Иди домой, мама. Я поеду с Жаком на склад.

– Ну как хочешь! – Катрин зябко передернула плечами. – Ненавижу слякоть и дождь. Если и в самом деле существует такая вещь, как второе рождение, то я хотела бы родиться персидской кошкой... Скажи, я хоть немного помогла тебе?

Кэтлин через силу улыбнулась:

– Ну конечно, мама. Ты даже не представляешь, как ты поддержала меня. Иди, переоденься побыстрее. Мне совсем не хочется, чтобы ты простудилась.

Катрин кивнула:

– Хорошо. И ты тоже не задерживайся. Я приготовлю чего-нибудь горячего. – И она заторопилась к дому, ступая по земле мягко и грациозно, как та самая персидская кошка, с которой она только что сравнила себя.

Жак, закончив натягивать брезент, спрыгнул с прицепа.

– Не так плохо, как могло быть.

Дождь бушевал уже вовсю. Кэтлин обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на свои розы. Неистовые порывы ветра с корнем выворачивали кусты, прибывая к земле хрупкие головки цветов. Как ни крепилась Кэтлин, но она не могла подавить ощущения страшной потери. Нежная и беззащитная красота гибла у нее на глазах. Красота, которая вошла в ее плоть и кровь, стала частицей ее самой.

– Едем? – спросил Жак, забираясь в кабину.

– Ты справишься и без меня. Я спрячусь под навесом.

Его взгляд задержался на высокой тонкой фигуре девушки. Мокрая от дождя рубашка и джинсы прилипли к телу. Глаза Кэтлин переполняли боль и печаль.

И Жак не стал возражать, понимая, что это бесполезно. Как бесполезны были и слова утешения.

– Если удастся выпустить в продажу твои духи, то мы сумеем покрыть потери, – участливо улыбнулся он. Полоска неровных зубов на загорелом морщинистом лице казалась особенно белой. – Ну а на следующий год мы можем получить еще больший урожай.

Но они оба знали, что большинство кустов после бури погибнет безвозвратно. Придется сажать новые. Что же касается духов, то откуда она теперь возьмет деньги, чтобы протолкнуть их на рынок? Деньги, которые они выручат после продажи, все до последнего франка уйдут на восстановление потерянного. И все же Жак не хочет сдаваться. Не станет опускать руки и она. Им уже приходилось не раз за эти годы терпеть поражение и снова подниматься на ноги. Это всего лишь очередная из проигранных ими битв. Кэтлин кивнула ему в ответ:

– Да, если мы сможем продать духи, то нам удастся заштопать прорехи... – И она отступила на обочину дороги.

Машина, фырча, начала взбираться вверх по холму к каменному складу, а Кэтлин направилась под навес, что стоял

на склоне. Она села прямо на промокшую траву и, подтянув к подбородку колени, обхватила их руками. Буря продолжала бесчинствовать, с невероятной жестокостью расшвыривая кусты, обрывая бутоны, смешивая их с грязью. И мутные потоки уносили их вниз, к дороге.

Буря свирепствовала еще с час. Но только после обеда дождь наконец прекратился. Слабое водянисто-лимонное солнце выглянуло из редяющих облаков. Кэтлин, не чувствуя ног, поднялась. Почти половина кустов на полях погибла у нее на глазах.

Но Вазаро всякий раз, несмотря на все обрушивавшиеся на него несчастья, возрождалось. Земля всякий раз набирала соки и оживала вновь и вновь.

Кэтлин наклонилась и набрала в ладонь горсть земли: еще влажной, холодной и все равно... полной жизни. И внезапно она с особенной силой ощутила покой и уверенность, что источала земля, врачая свежую рану в ее душе. Все будет хорошо. Она справится и с этой напастью. Просто надо стать такой же сильной и негнибаемой, как само Вазаро.

Пальцы ее крепко сжали пригоршню земли.

Это и есть жизнь. Ее жизнь.

– Он здесь, Алекс. – Павел распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская Брайэна Ледфорда в кабинет. – Я тебе нужен?

– Мы вполне сможем обойтись и без тебя, – небрежно бросил Ледфорд, на ходу расстегивая свое роскошное пальто с

бобровым воротником.

Павел, не обращая внимания на слова Ледфорда, обратился к другу:

– Алекс?

Тот в ответ покачал головой.

Павел помедлил немного, хмуро посмотрев на Ледфорда, потом пожал плечами и закрыл за собой дверь.

– До чего осторожен, черт! Я и представить себе не мог, что он так печется о тебе. – Ледфорд сбросил пальто на коричневое кожаное кресло и остался в дорогом сером твидовом костюме. – Мой бог! Ну и холодище. Надеюсь, ты оценил мою самоотверженность: выбраться из дома ради тебя в такую непогоду! – Он снял серые кожаные перчатки и размотал голубой кашемировый шарф.

Алекс сразу отметил, как сильно изменился Ледфорд за те пять лет, что они не виделись. И дело было не только в дорогой элегантной одежде. Короткие вьющиеся волосы покрылись проседью, фигура несколько отяжелела, но резкие черты лица оставались все теми же, и веселая усмешка по-прежнему таилась в его светло-карих глазах.

Голос Ледфорда раскатисто загудел в кабинете:

– Ах, мой мальчик! Как я рад снова видеть тебя. Признаюсь сразу: я был не прав, когда мы с тобой говорили по телефону прошлой ночью, и я совершенно напрасно начал злиться. Глупо позволять случайным размолвкам бросать тень на нашу давнюю дружбу.

Он улыбнулся и опустил в глубокое кресло, в то время как Алекс остался стоять напротив него у окна. Скрестив вытянутые ноги, Ледфорд положил к себе на колени серые перчатки.

– Иной раз я не без грусти вспоминал про те деньки в Виргинии и про наши шахматные баталии...

На мгновение Алекс почувствовал, что снова оказался под магическим обаянием Ледфорда, но ему удалось быстро взять себя в руки.

– Боюсь, что не могу сказать о себе того же. Мне ни разу не хотелось вернуть те деньки.

Ледфорд отбросил в сторону кашемировый шарф:

– Чувствую, что ты не в духе. Ну хорошо. Тогда давай сразу перейдем к делу. Что тебе известно?

– Ты один из шайки похитителей произведений искусства. Скорее всего, это хорошо организованное и щедро финансируемое предприятие. – Алекс слегка улыбнулся. – Кражи – лишь составная часть какого-то более грандиозного плана.

Ледфорд одобрительно кивнул:

– Что еще?

Алекс помедлил и, глядя на Ледфорда в упор, отчеканил:

– «Черная Медина».

Ледфорд откинул назад голову и рассмеялся:

– Bravo, Алекс! Впрочем, именно этого я и ожидал. Ты один из немногих, кто способен сопоставить разрозненные факты и заметить между ними связь. Уже после наших пер-

вых операций я предупредил своего напарника, что ты можешь быть для нас опасен. – Ледфорд покачал головой. – Он не поверил мне.

Алекс почувствовал, как в нем поднимается волна радостного возбуждения. Он попал в самое яблочко, угадав, что эта связь существует:

– Напарник? Стало быть, речь идет не о ЦРУ?

– Я ушел оттуда вскоре после того, как ты хлопнул дверью. И вот теперь занимаюсь более прибыльным делом. – Он оценивающим взглядом обвел кабинет. – Великолепное местечко, Алекс. Как всегда, превосходный вкус. Меня особенно восхитил Ван Гог в холле... Именно что-то в этом роде я и ожидал увидеть. Уединенный домик в горах. Строгость и законченность. Но в отделке и фактуре проглядывает скрытая чувственность. Ты более всего напоминаешь мне человека эпохи Возрождения. – Он пробежал взглядом по книгам на полках. – Замечательная библиотека.

– Разумеется.

Ледфорд кивнул:

– Аналитический мозг нуждается в постоянном притоке свежей информации. Хорошо помню, как ты за несколько минут проглатывал все книги, что поступали к тебе, когда мы еще вместе сотрудничали. – Он посмотрел прямо в глаза Алексу: – Мы ведь был и добрыми друзьями, не так ли, Алекс? Ты любил меня!

– Я был доверчив, поскольку находился в том возрасте,

когда хочется верить во всех и вся. – Алекс наклонил голову в знак согласия. – Да, мы были друзьями.

– Рад, что ты признал это. С тех пор как наши пути разошлись, я стал еще интереснее. То время, которое я провел в ЦРУ, послужило мне хорошей тренировкой. И теперь я в расцвете своих сил и способностей.

– Если бы дело обстояло таким образом, тебя бы не было здесь. Ты все еще предсказуем, Ледфорд.

– Только для тебя. У всех людей своя судьба. Моя судьба – ты. – Он улыбнулся. – Я могу выпить?

– Нет.

Ледфорд прищелкнул пальцами:

– Другого ответа я и не ждал. Ты тоже предсказуем. Ты не подашь вина врагу в собственном доме. Порой в тебе проскальзывает нечто средневековое.

Алекс усмехнулся:

– Сначала Возрождение, теперь Средневековье. Выбери что-нибудь одно. Будь более последовательным, Ледфорд.

– Я прав в обоих случаях. Ты столь же блестящий человек и столь же безжалостный, как все эти пресловутые Медичи. И в то же время ты следуешь своему кодексу чести... – Он покачал головой. – Это накладывает известные ограничения. А по-настоящему честолюбивому человеку трудно удерживаться в строгих рамках. До сих пор не могу понять, как тебе удалось, несмотря на то что у тебя связаны руки, так высоко забраться. – Он вскинул брови. – И к тому же ты идешь

неверным курсом.

– Может быть, ты просветишь меня насчет того, что можно считать правильным курсом?

Ледфорд издал непонятный звук – то ли засмеялся, то ли поперхнулся.

– Оставь иронию. Я все еще лелею надежду, что нам удастся сохранить дружеский тон в нашей беседе. – Он выпрямился в кресле. – Идти верным курсом – значит уметь приспособливаться. Менять окраску в зависимости от того, в какой среде ты оказался.

– Некоторые называют это лицемерием.

– Только круглые дураки. А ты не дурак, хотя и тебе случается совершать промашки.

– На что ты намекаешь?

– Взять хотя бы этот звонок Павла в Лувр. Тем самым ты сразу засветился. Сначала я пришел в ярость, а потом даже обрадовался, что ты решил взяться за это дело. Мои чувства к тебе всегда были довольно противоречивыми. – Он наклонил голову, внимательно глядя на Алекса, как бы изучая его. – Тебе известно, какой ты красивый мужчина? Одно время я просто с ума сходил по тебе. – Увидев изумление в глазах Алекса, Ледфорд усмехнулся и стукнул себя по коленке. – Это покорило тебя? Боже мой! Неужели ты не догадывался?

– Нет.

Ледфорд покачал головой:

– Там подобрали такой здоровый мужской коллектив: один неверный шаг, и меня бы с треском выперли оттуда. Приходилось приспосабливаться.

– И очень ловко.

– Но ты был истинным искушением для меня. Ты будоражил мою чувственность, а утолить жажду я не мог. Ты подавлял меня и своим интеллектом. – Улыбка сошла с лица Ледфорда. – Вот почему я начал ненавидеть тебя.

Алекс облокотился о подоконник:

– А не из-за того, что постоянно проигрывал в шахматных баталиях?

– И из-за этого тоже. Ненавижу проигрывать. Это задевает мою гордость. Мне нечего было противопоставить твоим талантам. – Ледфорд нахмурился. – Но я приспособился. И стал твоим добрым приятелем.

– Который следил за каждым моим шагом, – бесстрастно добавил Алекс.

– Кому-то все равно пришлось бы выполнять эту работу. Но все накопленные сведения так и остались неиспользованными. Они ждут своего часа. Никто лучше меня не представляет, какого масштаба талантами ты наделен, поэтому я всегда ждал, когда же ты по-настоящему развернешься, когда снимешь ногу с тормоза. И этот твой внезапный уход после афганской кампании... – Вспышка гнева промелькнула на его лице. – Когда ты хлопнул дверью, это весьма болезненно отозвалось на мне. Думаю, это Павел рассказал тебе

обо всем?

– Да.

– В свое время я возражал против того, чтобы Павла приняли в Управление.

– Без него я не согласился бы работать...

– Ах, дружба... Как это прекрасно. – Ледфорд улыбнулся. – И как долго она длится?

– Тринадцать лет. Мы познакомились в спецназе, как тебе, должно быть, известно не хуже меня. – Алекс отвернулся от окна и посмотрел на Ледфорда. – А ты так и не научился ценить достоинства настоящей дружбы?

– Нет. И пришел только для того, чтобы предупредить тебя: держись от этого дела подальше, Алекс! Ты и представить себе не можешь размаха всей операции. – Ледфорд выпрямился. – Сиди в своих горах и развлекайся решением своих головоломок. Настоящий мир принадлежит тем, кто умеет действовать.

– Это пожелание твоего «напарника»?

Взгляд Ледфорда похолодел.

– Нет. Ему хотелось, чтобы мы достигли соглашения. Он считает, что ты представляешь большую ценность как сотрудник, и не прочь заполучить тебя, – его голос стал вкрадчиво-шелковистым. – Но я не желаю этого. Тебе не удастся снова оттеснить меня во второй эшелон.

– Какая жалость, – поддразнивая Ледфорда, сказал Алекс. – Ты там казался на своем месте.

– Возможно, ты не совсем понимаешь, о чем идет речь. После того как ты ушел из Управления, все, над чем я работал пятнадцать лет, рухнуло. Мне пришлось снова идти на поклон к МакМиллану и начинать сначала. – Кровь прилила к щекам Ледфорда. – Они вышвырнули меня, поскольку я оказался недостаточно сообразительным и не понял, чем ты занимаешься. Одно время я мечтал только об одном: как бы втоптать тебя в грязь, как ты втоптал меня. – Ледфорд не сводил глаз с лица Алекса. – Ты так и не смог понять, почему меня обуревают страсть к Танцующему Ветру?

– Это уникальное произведение искусства...

– Но что более важно – символ высшей власти. В тот момент, когда я осознал этот факт, то понял – вот мой путеводный маяк. Вот кто приведет меня на ту вершину, которой я заслуживаю.

– Иллюзия славы.

– Не иллюзия. А сама суть. Ты уже получил, что хотел. Деньги, безопасность, женщин. Почему ты не хочешь остановиться на достигнутом?

– Потому что таким образом мне удастся развеять скуку, которая иной раз одолевает меня в столь уединенном месте.

Ледфорд кивнул, подхватывая на лету:

– Да, помню. Тебя всегда одолевала скука. Скука и любопытство. А ты не забыл детскую сказочку о любопытной кошке? Насколько я помню, у нее печальный конец. – Он взглянул на часы и улыбнулся. – Ну, мне пора. Рад был по-

видаться с тобой и вспомнить добрые старые времена.

Алекс холодно кивнул:

– Уходишь?

– Шофер и двое моих людей ожидают в гостиной. Мне надо попасть в аэропорт, пока погода не испортилась. – Ледфорд надел пальто. – Я знал, что моя поездка ничего не даст. Тебя невозможно переубедить. А я слишком занятой человек, чтобы зря тратить время.

– Торопишься украсть еще одну «Мону Лизу»?

– Мы оба знаем, что есть только одна «Мона Лиза». – Он натянул кожаные перчатки. – Так же, как и то, что существует только один Алекс Каразов.

Алекс иронически склонил голову:

– Я ожидал оскорблений и упреков.

– Как я уже тебе признавался, мои чувства достаточно противоречивы. И пересиливает то одно, то другое.

Ледфорд неторопливо натягивал перчатки, явно наслаждаясь прикосновениями мягкой, хорошо выделанной кожи к своим ладоням.

– Но я не хочу, чтобы наши пути пересеклись в той области, где сейчас главенствую я. Поэтому я заранее хочу отбить у тебя охоту ненароком перейти на ту сторону.

– Каким образом?

– Я предпочитаю, чтобы ты выступил против меня как враг, а не как сподвижник. О, я знаю, что в данный момент не могу ничего предпринять против тебя, даже пальцем при-

коснуться. До чего же ты умно поступил, получив прикрытие сразу от двух таких мощных организаций, как ЦРУ и КГБ. У нас пока нет желания привлекать их внимание к нашим делам. – Его улыбка стала еще лучезарнее. – Кстати, а ты знал, что эта итальяночка, с которой ты крутил, – ласточка из КГБ?

– Почему же нет? Предполагал. Но не исключал и то, что она из ЦРУ, – ответил Алекс без всякого выражения. – Ее служебные дела никак не отражались на нашей связи.

Ледфорд кивнул:

– Ты всегда был достаточно циничным, когда речь заходила о женщинах. – Он взял кашемировый шарф и стремительно шагнул к двери. – Но все же у меня была слабая надежда, что ты испытываешь к ней некоторые чувства. Почему бы тебе не позвонить ей?

– Это угроза? – Плечи Алекса сразу напряглись.

– Нет. Всего лишь совет. – Ледфорд посмотрел на Алекса. – Тебе все еще трудно понять, каким я стал сейчас. Ты воспринимаешь меня таким, каким я был пять лет назад. Так вот. Моя стажировка закончилась. Очень скоро я выйду на другой уровень. До свидания, Алекс. Был рад немного поболтать с тобой. И, надеюсь, ты все-таки не станешь вынуждать меня навещать тебя во второй раз.

Алекс почувствовал, как холодок пополз вдоль лопаток, когда закрылась дверь за Ледфордом. То, что его последняя фраза была угрозой, он нисколько не сомневался. И он

не случайно упомянул об Анжеле. Павел оказался прав. Он недооценил Ледфорда.

Боже мой! Остается только надеяться на то, что он не слишком поздно спохватился. Алекс кинулся к телефону и начал набирать номер ее квартиры в Риме.

Ответа не было.

Он прислушивался к гудкам на другом конце линии и чувствовал, как в нем нарастает паника. Ничего необычного в том, что она не подошла сразу, не было. Анжела могла еще не вернуться или развлекалась с кем-нибудь.

– Алло? – нетерпеливо спросила она наконец. Невероятное облегчение охватило его.

– Анжела. Оставайся дома. Никому не открывай дверь. Если в комнате кто-то есть, постарайся избавиться от него.

– Алекс...

– Не спорь! Делай, что я говорю. – Он помолчал. – А еще лучше позвони человеку, через которого ты связываешься с КГБ, и попроси, чтобы тебя перевели куда-нибудь подальше из Европы. Здешний климат вреден для твоего здоровья.

Секунду она молчала.

– Так ты все знаешь? Алекс, тебе лично я не хотела причинять вреда. Это просто работа. Ты мне по-настоящему нравишься.

– Да, понимаю. Это работа. – И он повесил трубку. Его первоначальное облегчение сменилось чувством вины и отворачивания к самому себе. Он просто развлекался, чтобы

разогнать скуку, и настолько увлекся этой чертовой головоломкой, что наговорил Ледфорду колкостей. Теперь игра велась всерьез. Ледфорд может убить женщину только затем, чтобы Алекс ни при каких обстоятельствах не согласился сотрудничать с его «напарником». Но с Анжелой ничего не случилось.

Алекс закрыл глаза, пытаясь соединить разрозненные кусочки.

Зачем бы Ледфорд стал попусту угрожать? Только чтобы быть уверенным, что сразу после его ухода Алекс кинется к телефону и начнет звонить в Рим.

«Я оставил шофера и двух моих людей в гостинной...»

Догадка молнией пронзила его.

Кто был тот единственный в мире человек, чья смерть заставила бы Алекса навеки проклясть организацию, к которой принадлежал Ледфорд?

– Павел! – закричал он и бросился к двери. – Павел, где ты, черт тебя дери!

И в следующее мгновение он увидел голубой кашемировый шарф, затянутый на шее Павла.

Он сидел, привязанный к креслу, с кляпом во рту, с глазами, выкатившимися из орбит. Черты лица его были искажены судорогой страдания;

Сначала его кастрировали. А потом вспороли живот до самой грудины ножом для разделки мяса. Этот нож так и остался торчать в груди Павла.

2

– Кэтлин, какой-то мужчина спрашивает тебя. – Жак встал рядом с ней, придерживая куст, пока она осторожно утрамбовывала землю возле корней. – Он ждет тебя на холме.

– Кто-то из банковских служащих? – насторожилась она.

– Не похоже. – Жак пожал плечами.

Она посмотрела через плечо на человека, что стоял на холме. Но увидела лишь темный силуэт на фоне заходящего солнца.

– Может быть, продавец удобрений? – Она вытерла пот рукавом голубой хлопчатобумажной блузки. – Ты что, не мог избавиться от него?

Жак покачал головой:

– Попытался. Но он заявил, что не уйдет, пока не поговорит с тобой. – Он усмехнулся. – Сомневаюсь, что он торгует удобрениями. Судя по тому, что он прикатил на белом «Ламборгини» последней модели...

– Черт! Значит, все-таки кто-то из банка.

– Пойди и узнай, чего он хочет. Я сам посажу остальные кусты. Тебе не мешает небольшая передышка.

– Как и тебе, – ответила Кэтлин и с трудом выпрямилась. От усталости ломило плечи и спину, и она удивилась, что не чувствовала боли до сих пор. Они вышли в поле на заре. – Я

вернусь через несколько минут.

– Все равно скоро стемнеет. Отправляйся домой. Завтра с утра приступим снова.

Кэтлин упрямо покачала головой, вытирая руки о джинсы:

– Завтра и без того будет много дел... Как его зовут? – хмуро спросила она, глядя на темный силуэт незнакомца.

– Алекс Каразов, – ответил Жак. Она нахмурилась еще сильнее:

– Что-то не припомню такого. Едва ли мы с ним встречались.

– Если бы ты хоть раз его видела, то не забыла бы.

Она поняла, что имел в виду Жак, когда подошла ближе. Алексу Каразову на вид было лет тридцать пять – мужчина в расцвете сил, со спортивной фигурой и красивым ровным загаром человека, который проводит большую часть времени либо на пляже в Антибах, либо на горнолыжном курорте в Альпах. Кэтлин сразу насторожилась, он чем-то напомнил ей отца. Правда, темные волосы Дени Ридо, каким он запомнился ей, уже тронула легкая седина, но улыбка была такой же обаятельной, а манера одеваться и держать себя отличались непринужденной элегантностью.

Правда, подойдя ближе, она отметила также и умный, цепкий взгляд пронзительных голубых глаз. Во всем облике незнакомца ощущалась сила и уверенность в себе.

Еще бы ему не быть уверенным, подумала Кэтлин, один

только его пиджак стоил столько же, сколько весь ее гардероб. Не говоря уже о роскошном спортивном автомобиле, который он припарковал неподалеку от дома. И все же было в этом человеке что-то такое, что выгодно отличало его от золотой молодежи, знакомой Кэтлин еще по годам учения в университете. За безмятежным видом и вежливой улыбкой угадывалась скрытая глубина и мощь.

– Я Кэтлин Вазаро, месье Каразов. – Она собралась было протянуть ему руку, но вовремя спохватилась: – Простите, у меня руки в земле. Насколько я поняла, вы хотите поговорить со мной?

Он ответил не сразу, внимательно рассматривая ее:

– И часто вам приходится работать в поле, как самому обычному поденщику?

– Люди в Вазаро не обычные поденщики. Все они любят свое дело. Все связаны с поместьем давними узами. И мне в самом деле нередко приходится выходить в поле имеете с ними.

– Не обижайтесь. Просто меня удивило, что хозяйка поместья сама копается в земле. Вы что-то сажали, если я не ошибаюсь?

Его французский был безукоризненным. И все же Кэтлин, угадав легкий акцент – то ли американский, то ли английский, – непроизвольно перешла на английский:

– Розы. В прошлом месяце была сильная буря. И теперь нам приходится восстанавливать то, что погибло.

– А разве можно высаживать розы в это время года?

Акцент сохранился и в английском, хотя он говорил на нем еще более бегло, чем по-французски.

– Обычно посадки производят в январе или ноябре. Но у нас довольно ровная погода и можно... – Она остановилась и, перебив себя, нетерпеливо спросила: – Мне кажется, что вас на самом деле не интересует сезон посадки. Чем могу быть полезна?

– Вы не правы. Меня живо интересует все, что имеет отношение к Вазаро. Я собираюсь вложить деньги в какое-нибудь местное предприятие. И может статься, что мы с вами окажемся полезны друг другу.

– Прошу прощения, я не совсем поняла... – растерялась Кэтлин.

– Все очень просто. У меня есть деньги, которые я хочу вложить в дело. А у вас есть проект, для реализации которого как раз требуется большая сумма.

Она подозрительно нахмурилась:

– Что вы имеете в виду?

– Вы собираетесь выпускать духи. И уже не раз обращались в самые разные банки в Каннах, чтобы они выдали вам нужную ссуду.

– И везде получила отказ...

– Потому что дело это в известном смысле рискованное.

– Вам уже приходилось этим заниматься?

– Нет. Но я потратил почти неделю и посетил большин-

ство сортировочно-упаковочных фирм в Париже. Два дня я знакомился с рекламными агентствами, которые занимались продажей духов «Наваждение». И еще неделя у меня ушла на то, чтобы побывать у ваших соседей на юге, где выращивают розы и жасмин для «Шанель номер пять». Конечно, малова-то, чтобы стать знатоком в этой области, – заметил он мимоходом. – Но я умею взвешивать все «за» и «против» и быстро разбираюсь в тонкостях того, чем начинаю заниматься.

– Вы играете на бирже?

– Приходилось. – Он приподнял брови. – Странно. Такое впечатление, что вы как будто не очень-то обрадовались моему предложению.

Она с сомнением покачала головой:

– Вы не даёте мне времени опомниться. Но что-то тут не так. Словно в сказке. Вдруг появляется некто и ни с того ни с сего предлагает деньги... Так в жизни не бывает. Судя по всему, вы беседовали с нашими банкирами, и вам должно быть известно, что Вазаро заложено.

– Да нет. Банкиры в Каннах не болтливы. Я добыл эту информацию из других источников. Оттуда же мне стало известно, что вы задерживаете выплаты по закладной. – Он усмехнулся. – Звучит как в старинной мелодраме.

– Боюсь, что не улавливаю весь юмор данной ситуации, – сухо сказала Кэтлин. – Но если продолжать в этом же духе, то себе вы, наверное, отводите роль опереточного злодея?

– Вот, значит, каким образом вы воспринимаете мое пред-

ложение. – Взгляд Алекса скользнул по Жаку, который все еще продолжал работать в поле, и снова вернулся к Кэтлин. – Я не требую, чтобы вы, закрыв глаза, немедленно соглашались сотрудничать со мной. Было бы глупо надеяться, что деловая женщина пойдет на это.

– Верно.

– Тогда давайте перейдем сразу к сути. Я намерен вложить деньги в рекламную кампанию, которую собираюсь развернуть в полную силу своих возможностей. Взамен я хочу получить двадцать пять процентов от прибыли с продажи духов в течение первых пяти лет. Согласны?

– Нет. – У нее перехватило дыхание. – Мне надо все обдумать. Я не могу решить сразу... Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Что-то тут не так.

– Но что? Я просто хочу, чтобы вы позволили моим деньгам работать на нас обоих.

– Я понятия не имею, кто вы. В то время как вы очень хорошо осведомлены о всех наших делах. Естественно, возникает сомнение, зачем вам вкладывать капитал в мой проект? А вдруг вы занимаетесь какими-то незаконными операциями и теперь решили отмыть свои деньги. Например, вы нажили деньги на продаже наркотиков...

Он расхохотался:

– Существуют более простые способы отбивать дурной запах у неправедных доходов, для этого не обязательно вкладывать их в дорогостоящее и рискованное производство ду-

ХОВ.

– Вы говорите с большим знанием дела. Чувствуется, что вы знаете толк в этом.

– Уверяю вас, мои деньги ничем не пахнут. Я пишу романы. – Он вынул визитную карточку из кармана пиджака. – Деньги на рекламу я сниму со своего счета в женевском банке. – Следом за карточкой он вынул ручку с золотым пером и быстро написал ряд цифр. – Позвоните по этому номеру и спросите месье Ганоля – вице-президента банка. Он ответит вам, правда ли, что деньги на мой счет переведены прямым издательством в Нью-Йорке.

Кэтлин взяла карточку, стараясь унять дрожь в пальцах. Может быть, этот Каразов и в самом деле просто не знает, чем ему заняться. И она совершит непростительную глупость, упустив удачу, что сама приплыла к ней в руки. Но с другой стороны, трудно понять, чего он хочет на самом деле. Вдруг это какая-то ловушка, и она поступает опрометчиво, согласившись вообще разговаривать с ним.

– Двадцать пять процентов – слишком много! – заявила она.

– Либо вы принимаете мое предложение, либо мы расходимся. Семьдесят пять процентов дохода при успешном ведении дел – это лучше, чем ничего. Если вы откажетесь, то потеряете и Вазаро, и надежду выпустить духи. – Он помолчал. – Чтобы вам проще было решиться, я согласен дать вам двести тысяч долларов займа. Этого не хватит, чтобы окон-

чательно расплатиться по закладной, но зато избавит вас от волнений и беспокойства до того момента, пока на ваш счет не начнут поступать деньги от продажи духов.

Волна восторга захлестнула Кэтлин. Она спасет Вазаро!

– Вы серьезно? – почти прошептала она. Алекс кивнул, не отрывая взгляда от ее лица:

– Позвоните в банк и проверьте. После этого мы приступим к обсуждению частных дел.

– Я так и сделаю. – От волнения ей трудно было говорить. – Не хотите ли пройти в дом, познакомиться с мамой? Официальная владелица Вазаро – именно она, и на бумагах должна стоять ее подпись.

– Я так и понял. А по сути, все решаете вы.

Кэтлин кивнула:

– Мама не любит вникать в такие вопросы. Она предпочитает, чтобы все решалось само собой. Идемте, – сказала она и почти бегом направилась к двухэтажному каменному особняку, находившемуся неподалеку.

Подходя к дому, Кэтлин обеспокоено думала о том, не слишком ли враждебно она встретила Каразова. Спасение было так близко! Она никогда не простит себе, если упустит такой счастливый случай. Но тут сомнения снова начали одолевать ее, и она резко обернулась к Каразову:

– Почему вы решили вложить деньги именно в парфюмерию? И почему именно Вазаро?

Он помедлил. Легкая тень враждебности промелькнула в

его глазах. Но почти тотчас же на губах снова заиграла улыбка.

– Сначала я и представления не имел о таком поместье. Но в тех книгах, что попались мне в руки, упоминалось Вазаро. И чем больше я узнавал про парфюмерное дело, тем больше осознавал, какие возможности таятся здесь. Если с выгодой продать духи, то доходы могут быть просто астрономические.

– Для вас успех – это главное?

Он кивнул.

– А зачем, как вы полагаете, я бы поехал сюда? Земля здесь необыкновенно плодородная. Вы находитесь на грани разорения. Не требуется особой смекалки, чтобы сделать соответствующие выводы. При желании я мог бы, пользуясь таким удобным моментом, даже прибрать к рукам вашу собственность. Но я писатель, а не фермер. – Он помолчал. – Поверьте мне, я не ищу легкой наживы. Меня интересуют только доходы от хорошо налаженного дела. Не вижу ничего странного и нелогичного в своем стремлении заработать...

Кэтлин почувствовала, что его доводы начинают действовать на нее успокаивающе. Все выглядело достаточно убедительно. Испытующе глядя на него, она спросила:

– У вас какой-то особенный акцент. Вы американец?

Алекс кивнул:

– Я американский гражданин, но родился в Румынии. Мой отец был русским, мать – румынка. Сейчас я живу в

Швейцарии.

– Вы говорили, что пишете книги? В каком жанре...

– Меня интересуют всякого рода тайны, непонятные истории. Литературный псевдоним, которым я пользуюсь, – Алекс Кэлан.

Она покачала головой:

– Простите, к сожалению, никогда не слышала этого имени.

– Жаль. Многие считают, что в своем роде я непревзойденный мастер.

– Так трудно выкроить время на чтение...

Он слегка улыбнулся:

– Слишком много сил и времени уходит на полевые работы? Понимаю. – Он шагнул следом за ней в холл и обвел восхищенным взглядом просторный, полный воздуха и света зал, отметив, насколько продуманно здесь все – от старинной люстры до небольшой овальной фрески на стене. – До чего же красиво! – Он подошел к лестнице, что вела на второй этаж, и коснулся ладонью отполированных временем дубовых перил. – Сразу чувствуется глубокая старина во всем. Начало шестнадцатого столетия?

– Да. Вазаро выстроили в 1509 году; – улыбка озарила лицо Кэтлин. – Конечно, кое-какие пристройки делались, но все не позднее 1815 года. Большая часть мебели трехсотлетней давности. – Она повысила голос и позвала: – Мама!

– Я здесь, Кэтлин! – звонкий голос Катрин донесся из ком-

наты, что находилась с правой стороны от холла. – Как хорошо, что ты решила пораньше закончить работу! И в чем только у тебя душа держится? – Она появилась на пороге, и тут ее взгляд упал на Алекса. Лицо Катрин тотчас оживилось: – У нас гость?

Кэтлин с облегчением вздохнула, поскольку могла передать Алекса на ее попечение и тем временем позвонить в банк. Никто не мог устоять против обаяния Катрин, исполняющей роль хозяйки поместья.

– Это месье Каразов, мама. Моя мать – Катрин Вазаро. Месье Каразов – романист и собирается вложить свой капитал в наше имение.

– В самом деле? – лучезарно улыбнулась Катрин, принимая услышанное как нечто само собой разумеющееся. – Как это замечательно, месье Каразов! Уверена, что Кэтлин в восторге. Она так беспокоилась из-за денег все последние дни. Я ей говорила, что все...

– Надеюсь, ты угостишь месье Каразова нашим вином, пока я буду звонить? – нетерпеливо прервала ее Кэтлин. – Я вернусь через несколько минут.

– Не спешите. – Алекс вернул Катрин столь же неотразимую улыбку: – Счастлив знакомству с вами, мадам Вазаро.

Катрин буквально на глазах начала расцветать – так подействовали на нее непринужденные манеры гостя, его взгляд и обаятельная улыбка. Разница в возрасте ничуть не смущала ее.

Взяв под руку владелицу имения, Каразов бросил через плечо Кэтлин:

– Спрашивайте обо всем, что сочтете нужным. Я предупредил месье Ганоля, чтобы он был предельно откровенен с вами.

– Да, да! Я иду, – кивнула Кэтлин. Теперь она не сомневалась, что доходы Алекса вполне законны. – Не подумайте, что я не доверяю вам, но....

– Не надо верить мне на слово. – Его глаза блеснули в полумраке зала, когда их взгляды встретились. Фраза прозвучала довольно резко. В ней не чувствовалось той обходительности и того желания понравиться, какое он демонстрировал в разговоре с Катрин. – Глупо доверяться человеку, который вдруг предлагает вам решить все ваши проблемы. Собственная выгода – вот что правит миром. Только когда вы убедитесь, что я на самом деле заинтересован в процветании Вазаро, только после этого вы можете доверять мне. Если нет, пошлите меня ко всем чертям.

– Я уверена, что месье Каразову можно доверять, – заметила Катрин, пытаясь сгладить неловкость.

Но Кэтлин поняла, что Алекс говорит совершенно серьезно. Невольная дрожь прошла по телу, когда их глаза встретились. Она почувствовала, каков он – истинный Алекс Каразов. Не тот лощеный тип со светской улыбкой и вкрадчивыми манерами, чем-то напоминавший ей отца. А дерзкий, с холодным умом, безжалостный и... честный. Последнее

несколько успокаивало ее. В конце концов, если он честен, то какое ей дело до всего остального? Ведь речь шла о спасении Вазаро.

– Я наведу нужные справки, и, если что-то покажется мне неубедительным, вам и в самом деле придется идти своей дорогой. – Она холодно улыбнулась. – Но все же я думаю, мы в любом случае можем угостить вас бокалом вина.

Не обратив внимания на промелькнувшую в его глазах искорку интереса, Кэтлин, обойдя мать, устремилась в комнату, где стоял телефон.

Закрыв за собой дверь, она вынуждена была на миг приклониться спиной к отполированным временем деревянным панелям. «Боже мой!» – со страхом подумала она. Ее испугал не Алекс Каразов. А то, что надежда, которую он вселил в ее душу, развеется как дым, не успев окрепнуть.

Когда Кэтлин минут через двадцать спустилась в холл, лицо ее сияло. Алекса поразила та перемена, что произошла с девушкой. Но еще более неожиданным был его собственный, внезапно вспыхнувший интерес. Он забыл о том, что ехал сюда всего лишь с деловым предложением. Он снова ощутил себя мужчиной. Подобная реакция удивила его самого. Когда он впервые увидел Кэтлин, стоящую на коленях в потрепанных джинсах, мокрой от пота блузке, то испытал лишь скуку. На его вкус она была слишком простовата. Чуть позже, заговорив с ней, он переменял свое мнение и оценил ее скромную, неяркую красоту: тонкие черты лица, чистую

кожу, красивый светло-каштановый оттенок волос. Теперь, глядя в ее блестящие серо-зеленые глаза, он решил, что она – настоящая красавица. Отставив в сторону бокал, Алекс поднялся ей навстречу:

– Вижу, вы удовлетворены тем, что я не торговец наркотиками.

Кэтлин энергично кивнула:

– Месье Ганоль даже читал ваши книги.

– Разумеется. У него хороший вкус. Почему, как выдумаете, я доверяю ему вести свои дела?

– Он сказал, что вы написали две совершенно необыкновенные, удивительные книги.

– Сюжеты я умею закручивать, но вот характеры мне удаются хуже. Это мое слабое место.

Она засмеялась:

– Перед этим вы так расхваливали свои книги... Можно было подумать, что в них нет никакого изъяна.

– Ну а поскольку вы услышали отзыв со стороны, теперь мне не мешает проявить и толику скромности. И чтобы еще лучше зарекомендовать себя, предлагаю вам вернуться к нашей прерванной беседе.

Кэтлин нетерпеливо кивнула головой:

– Мы собирались обсудить вопрос о моих духах. Он вопросительно приподнял брови:

– И вы согласны принять мое предложение?

– Разумеется. Я ведь не сумасшедшая, чтобы отказывать-

ся от столь выгодной сделки.

– Нет, – он в задумчивости не отрывал от нее глаз. – Но мне кажется, что вы представляете собой чрезвычайно редкое создание – женщину, которая не способна прибегать ни к каким хитростям или уловкам...

– Это плохо?

– Не сказал бы. Но человеку с такими качествами придется нелегко в этой жизни.

Катрин подняла свой бокал с вином:

– Моя дочь ужасно прямолинейна. Вам надо это знать, поскольку вы теперь будете иметь с ней дело.

– Когда вы дадите нам деньги для погашения ссуды? – напрямую спросила Кэтлин.

«Господи! Да эта женщина открыта и уязвима, как дитя!» Алекс почувствовал необъяснимое раздражение, осознав, как легко можно обмануть Кэтлин.

– Завтра же мы можем встретиться в Каннах и перевести деньги на ваш счет. А сейчас предлагаю подписать контракт. – И он достал из внутреннего кармана нужные бумаги. – Я подготовил документ с теми пунктами, о которых уже говорил вам. Буду признателен, если вы поставите свою подпись, мадам Вазаро. Первый экземпляр останется у меня, а копии принадлежат вам. – Он положил бумаги па стол и жестом указал Кэтлин на кресло, которое еще оставалось свободным. – Вы, конечно, захотите ознакомиться с контрактом, прежде чем ваша мать поставит подпись.

Кэтлин не спеша присела, взяла в руки документ и принялась внимательно читать пункт за пунктом.

«Слава богу, – подумал Алекс, – она не настолько простодушна, чтобы предлагать матери бумаги на подпись, даже не заглянув в них».

– Кажется, все в порядке, – Кэтлин последний раз пробежала лист глазами, – все изложено предельно ясно и четко. Подпиши их, мама.

Алекс открыл колпачок ручки и протянул ее Катрин:

– С левой стороны каждой страницы.

Катрин кивнула и старательно расписалась на каждом листе.

– Теперь вы, – Алекс передвинул бумаги Кэтлин. – Ниже подписи вашей матери.

– Ну вот и все. – Кэтлин со вздохом облегчения отодвинула бумаги. – Теперь мы с вами партнеры.

– Да. Теперь мы партнеры. – Он взял контракт и принялся раскладывать листы. Часть себе и вторую половину – Кэтлин. – Теперь позвольте мне сказать, чего не должен делать мой партнер. Мой партнер не должен позволять никому давить на него, когда ему предстоит принять решение. Мой партнер не должен подписывать ни одной, даже самой ничтожной бумажки, не пригласив опытного юриста. Мой партнер в особенности не должен принимать всерьез сведения, полученные по телефону от неизвестной личности. Быть может, даже подставного лица.

Улыбка сошла с лица Кэтлин.

– Так вы все это подстроили?

– Нет, конечно. Но это так легко было сделать. Почему, черт возьми, вы столь неосмотрительны!

– Мне было страшно: а вдруг вы передумаете, – наивно заметила она.

Ее ответ только усилил его раздражение.

– Вам надо быть осторожнее.

– Зачем? Контракт подписан. Я решила довериться вам. – Она прямо посмотрела ему в глаза. – И потом, вы же сказали, что вы не мошенник.

– И вы поверили мне?

– Поверила. Я привыкла доверять своим ощущениям. За те четыре года, что мне пришлось управлять Вазаро, чего я только не навидалась, с кем только мне не приходилось иметь дело. Так что опыт общения у меня большой. – Она какое-то мгновение изучающе смотрела на него. – Мне показалось, что человек вы непростой. Но одно несомненно – не обманщик.

– Разумеется, он не обманщик, Кэтлин, – вмешалась ее мать. – Ты меня удивляешь. Месье Каразов – настоящий джентльмен.

Алекс шутливо поклонился им обеим:

– Благодарю за оказанное мне доверие.

– Но я не сказала, что доверяю вам, – сдержанно возразила Кэтлин. – Я страшно растеряна, взволнована и по-прежнему

не могу понять, чего вы на самом деле добиваетесь.

– То, чего я хочу, изложено в контракте. Яснее ясного.

Она слегка поморщилась:

– Может быть, я и в самом деле не очень хорошо разбираюсь в деловых вопросах, но я не так уж глупа и не сомневаюсь, что за вашим интересом к Вазаро кроется что-то еще, что, предлагая мне сотрудничество, вы преследуете какие-то свои цели.

– Тогда тем более удивительно, что, несмотря на все это, вы мне поверили.

– Я сказала только, что не считаю вас мошенником. А что касается ваших истинных мотивов, то все равно вы не позволите никому докопаться до истины. Понимаю и то, что, подписав контракт, выказала себя не с лучшей стороны. – Она пожала плечами. – Что делать? Я умею выращивать цветы, мне нравится разрабатывать и находить новые сочетания запахов. Но бумаги, счета, юридические документы – все это сводит меня с ума.

– И вы с готовностью бросились в капкан...

На ее щеках вспыхнул румянец. Она расправила плечи.

– Хотите знать правду? Очень хорошо! Тогда я скажу вам все, что думала и думаю о нашем деле. Быть может, я не очень деловой человек. Но и не так наивна, как могло показаться. Мне известно, что контракт, если он окажется невыгодным для нас, можно оспорить в суде. – Теперь голос ее звучал решительно и холодно. – Вам должно быть известно,

что французские законы всегда стоят на страже интересов незащищенных женщин, особенно в тех случаях, когда заключаются сделки с иностранными кредиторами. Завтра утром я отправлю контракт моему адвокату и бухгалтеру. Если появятся какие-то неясности, мы внесем поправки. Если вы будете не согласны, мы обратимся в суд.

Выражение лица Алекса снова изменилось.

– Зачем же вы тогда подписали бумаги, если считаете, что здесь что-то может быть не так?

– Большая часть людей предпочитает избегать тяжб. Моя подпись ставит в трудное положение нас обоих. Но прежде чем согласиться, я все же сделала еще один звонок. Помимо месье Ганоля, я переговорила с Генри ля Фабром, представителем моего банка в Каннах, и попросила его подтвердить правильность телефонного номера, а также действительно ли месье Ганоль служит там. – Она открыто встретила его взгляд и горячо добавила: – И мне наплевать, какие цели вы преследуете на самом деле, раз вы даете деньги на то, чтобы я могла сегодня спасти Вазаро. Мне удавалось не раз отводить от него беду. Смогу защитить его и от вас, если возникнет такая надобность. И, кстати, теперь у вас такие же обязательства перед Вазаро, как и у меня перед вами.

Голос Кэтлин звучал резко, взволнованно. Куда только делась ее растерянность! Несколько минут назад такая наивная и неуверенная, сейчас перед Алексом стояла страстная женщина, готовая дать отпор.

Он еще некоторое время изумленно смотрел на нее, затем откинул голову и расхохотался:

– Бог мой! А я-то считал, что вы простодушны, как ягненок! Оказывается, вы просто-напросто заманивали меня в ловушку!

– Нет. Я лишь позволила вам заманить себя. Вы правильно заметили, что я терпеть не могу всевозможных ухищрений. Но я готова сделать все, что в моих силах, для спасения Вазаро. – Она обернулась к матери, которая растерянно слушала их разговор. – Полагаю, что месье Каразов останется у нас поужинать. Как ты думаешь, может, попросить Софи что-нибудь приготовить на вечер?

Катрин отрицательно покачала головой:

– Ни за что. Я сама позабочусь об ужине. Ведь у нас сегодня особенный день.

– Моя мама прекрасно готовит. Ее фирменные блюда выше всяческих похвал. Надеюсь, вы будете вознаграждены, если согласитесь немного подождать... Вы остановились в Каннах?

Он кивнул.

– Мы можем предложить вам комнату здесь, раз уж вы остановили свой выбор на Вазаро и взяли над ним опеку.

– С удовольствием принимаю приглашение. Тем более что нам необходимо обсудить план рекламной кампании. Кстати, вы уже придумали название для ваших духов?

– «Вазаро».

– Как и поместье... Мне почему-то казалось, что вы выберете что-нибудь более экзотическое.

– Вы не догадываетесь, почему? Когда-то Вазаро уже поставляло свои духи, правда, с другими названиями. Я работала четыре года над новым сочетанием. – Она вдруг с подозрением посмотрела на него. – Надеюсь, вы не потребуете от меня изменить название?

– Название меня совершенно не волнует. Если духи «Эгоист» вошли в моду, я не вижу, почему не могут пользоваться успехом духи под названием «Вазаро».

– Какой все-таки вы странный человек, – задумчиво проговорила Кэтлин. – Вы добились от нас всего, чего хотели, без особых для себя усилий, а потом вдруг рассердились на меня из-за этого...

– Я не рассердился.

Он не мог сказать прямо, что его вывело из себя. Но с самой первой минуты знакомства ее простота и искренность вызывали у него странное, незнакомое до сих пор желание защищать ее. «Первобытное желание», – цинично отметил он про себя. Но прежде по отношению к женщинам он не испытывал ничего, кроме обычного влечения.

– Я и сам не вполне понимаю, что со мной происходит, – откровенно признался он. – Но я рад, что вы доказали мне, что в состоянии постоять за себя.

– Должна предупредить вас, что не очень верю в удачу. – Кэтлин посмотрела ему прямо в глаза. – Духи могут и не пой-

ти. Гарантировать успех я вам не могу. Он зависит от многих обстоятельств... – Она сжала в руках бумаги, которые он отдал ей. – Извините, но мне нужно принять душ и переодеться к ужину. Надеюсь, бокал вина скрасит вам недолгое одиночество. Это вино с наших собственных виноградников. Оно вам понравится.

Она вышла, а Алекс медленно опустился в кресло. Казалось, в комнате сразу стало прохладнее. От этой женщины исходила неумемная, бьющая через край энергия, может быть, из-за того, что она все время старалась сдерживать свои чувства, не давая им вырваться наружу. Алекс попробовал отвлечься и потянулся к бокалу с вином. Не стоит принимать слишком близко к сердцу ни Кэтлин, ни того, что связано с Вазаро. Нельзя забывать, это всего лишь один из фрагментов головоломки, которую ему необходимо решить как можно быстрее. Если он и испытывал к ней что-то, то, конечно же, не более чем обычное физическое влечение. Алекс вспомнил, какое острое желание вспыхнуло в нем, когда он увидел появившуюся в холле сияющую Кэтлин. Странно, девушка совсем не в его вкусе. Правда, грудь у нее восхитительная, как у Юноны. Но сама она – слишком высокая, худощавая, подтянутая. Ничего чувственного в ней не было. Скорее всего дело в том, что он слишком долго обходился без женщин. Так почему бы не дать себе поблажку?

Он задумчиво поднес бокал к губам, пытаясь представить, какова она будет в постели.

Кэтлин приняла душ и, переодевшись, спустилась вниз. Она сразу почувствовала, что отношение к ней Каразова изменилось.

Беседа за столом шла по-светски мило и непринужденно. Алекс отпуская комплименты в адрес Катрин, не забывая оказывать знаки внимания и дочери. Разговор шел о каких-то пустяках. И вдруг в какой-то момент он задержал на ней свой тяжелый взгляд. В ту же секунду она ощутила всю остроту и силу его влечения. Это настолько поразило Кэтлин, что она даже не успела сделать вид, что ничего не заметила. Щеки ее вспыхнули, и она запнулась на полуслове. Алекс улыбнулся и, обратившись к Катрин, отметил, с каким вкусом и изяществом она украсила стол цветами.

После ужина он сразу засобиравшись в Канны и, прощаясь, попросил Кэтлин проводить его к дороге.

Белая спортивная машина светилась в лунном свете надменно, вызывая... и оставляла впечатление чего-то совершенно неуместного.

– Почему вы купили себе именно «Ламборгини»? – спускаясь по каменным ступенькам, спросила Кэтлин. – Мне кажется, эта марка не подходит вам. Слишком уж вызывающая.

– Возможно, это отвечает одной из сторон моего причудливого характера.

– В самом деле? – задумчиво спросила она – Но вообще-то вы не производите впечатление человека, который нуждается в побрякушках, чтобы произвести впечатление.

– Вы правы. – Он открыл дверцу машины. – Я купил ее, потому что был зол.

Она заинтересованно посмотрела на него.

– Я неожиданно оказался при больших деньгах и нарочно начал тратить их.

– Понимаю.

Он мрачно улыбнулся:

– Нет, не понимаете. И даже не догадываетесь, о чем я говорю. Вам, наверное, трудно представить, почему вдруг хочется расшвыривать презренный металл только затем, чтобы отомстить.

– Вы правы, это мне и в самом деле трудно понять. Мечь всегда казалась мне пустым делом, не стоящим внимания.

Он покачал головой:

– Напрасно. Нельзя, чтобы негодяй оставался безнаказанным. Это развяжет ему руки и толкнет на новое преступление.

– Вы верите в отмщение?

– Все верят.

– Я – нет. Думаю, надо стараться забыть прошлые обиды.

– Замечательно, – усмехнулся он. – И совершенно... нереально. Значит, вам еще не вонзали нож так глубоко, чтобы захотелось вырвать его и поразить врага в самое сердце.

– А с вами это было?

Он помолчал.

– Да.

Кэтлин не могла найти слов, чтобы продолжить разговор. Наступила пауза. И вдруг она физически ощутила его присутствие. Жар его тела, напряженность взгляда. Невольно отступив на шаг, Кэтлин сказала:

– Я должна попроситься с вами. Мне надо переодеться и еще немного поработать.

Он изумленно взглянул на нее.

– Вы собираетесь идти работать? Но ведь уже почти десять часов!

– Мне все равно надо закончить сажать розы.

– Нельзя же столько работать! Особенно теперь, когда мы заключили контракт и я согласился оплатить...

– Завтра нам пора начинать сбор лаванды. Значит, на розы не останется времени. Лучше, если я высажу их сегодня... – Кэтлин видела, что он все еще никак не может взять в толк, о чем идет речь. – Я еще не получила обещанных денег. Это пока мираж. И даже когда я получу их, но не означает, что я могу сидеть сложа руки. Сумма, которую вы выделите, никак не отразится на нашей нынешней работе. Мы должны сделать все, чтобы подстраховаться на будущее. Неизвестно, каким окажется следующий год.

– Господи! – пробормотал он. – Вы просто одержимая.

– Не ожидала, что вы так скоро поймете это.

– Я догадался только потому, – усмехнулся он, – что одно время сам был таким же одержимым. – Он сел за руль автомобиля. – Я буду в вашем банке завтра в полдень. Надеюсь,

вам удастся закончить к этому времени все свои дела, чтобы приехать за деньгами?

Она задумалась.

– Меня больше устроило бы два часа. Я не смогу раньше уйти с поля.

– Тогда в два... – Он повернул ключ зажигания. – Не думал, что мне придется подлаживаться к вашему расписанию, – сказал он, усмехнувшись.

Машина тронулась и стремительно покатила вниз, набирая скорость.

Кэтлин растерянно смотрела ей вслед.

– Все в порядке, дорогая? – Дверь распахнулась, и на пороге появилась Катрин. Ее вечернее платье бирюзового цвета переливалось в свете, льющемся из холла. Она тоже смотрела вслед удаляющимся огням гоночного автомобиля, пока они не скрылись за поворотом. – До чего же красивая машина, – мечтательно заметила Катрин. – Как ты думаешь, он позволит мне время от времени ездить на ней в Канны?

– Спроси его об этом сама, – Кэтлин поднялась по ступенькам. – Он, кажется, в восторге от тебя.

– И я от него тоже. Не часто встретишь таких привлекательных и обходительных мужчин. Он чем-то напомнил мне того австралийского актера с синими глазами... Ну, ты понимаешь, о ком я, – она прищелкнула пальцами.

– Может быть, Мел Гибсон?

Катрин просияла:

– Вот-вот. Он неотразим. И я почему-то уверена, что все теперь пойдет замечательно.

Кэтлин рассеянно коснулась губами щеки матери, проходя мимо нее в холл.

– Мне тоже так кажется. Спокойной ночи, мама. – Она подошла к лестнице. – Мне завтра понадобится машина, чтобы съездить в Канны.

Катрин нахмурилась:

– Я должна была поехать на завтрак к Миньон Салано в Ниццу... Но я вполне могу отменить свой визит.

– Не беспокойся, я обойдусь пикапом.

– Только не вздумай парковаться у банка, – поморщилась Катрин. – Эта старая посуда выглядит так ужасно.

– А мне она нравится. У нее свой характер, и она подходит мне. Мы с ней одинаково просты и лишены элегантности.

– Ты совсем не простушка. Только ты не прилагаешь никаких усилий, чтобы получше выглядеть, дорогая. Посмотри на свои платья. Все они уже давно вышли из моды, – сердито заметила Катрин. – Женщина обязана следить за собой и всегда выглядеть привлекательной.

Кэтлин покачала головой и мягко перебила мать:

– Боюсь, мы живем в разных мирах, мама.

– Иди лучше спать, Кэтлин, – вздохнула Катрин. Кэтлин не стала говорить ей, что идет наверх только для того, чтобы переодеться в рабочую одежду. Она хорошо усвоила, что, чем меньше мать знает о том, что происходит на самом деле,

тем меньше у нее поводов для волнения.

– Как ты полагаешь, после того, как месье Каразов ссудит нам деньги, я смогу купить себе новые платья?

– Посмотрим, сколько останется, когда мы заплатим по счетам.

– Ты счастлива, Кэтлин? Сначала мне показалось, что нет, а потом вдруг ты...

– Я очень довольна, мама, – быстро заверила ее дочь. Выражение облегчения сменило тревожную настороженность во взгляде Катрин.

– Мне так хочется, чтобы ты была счастлива, Кэтлин.

Катрин всегда хотелось, чтобы все были счастливы, с грустью подумала Кэтлин. И при этом ее мать никогда не понимала, что за счастье надо расплачиваться тяжким трудом, жертвуя чем-то. Они и в самом деле живут в разных мирах. Наверное, Катрин было бы намного приятнее, если бы ее дочь более походила на нее: если бы она проводила большую часть времени, листая журналы мод, бывая вместе с ней на светских завтраках и обедах, где обсуждали, как живет та или иная знаменитость. Но, по сути, мать была очень одинокой.

– Думаю, мы все-таки в состоянии позволить тебе купить хотя бы одно платье. Почему бы тебе не присмотреть завтра что-нибудь в Ницце?

Лицо Катрин просияло.

– Я не буду покупать ничего сверхмодного. Там есть пре-

лестный магазинчик. – Она заторопилась в свою комнату. – Что-нибудь с заниженной талией, я думаю. Помнится, что-то мне такое попадалось в прошлом номере «Вог». – В голосе ее, который доносился из комнаты, слышалась озабоченность. Видимо, она искала журнал.

Улыбка сошла с лица Кэтлин, когда она начала подниматься по лестнице. Они не могли позволить себе новое платье, но, вполне возможно, к тому моменту, когда надо будет погашать ссуду, их финансовое положение несколько поправится. Деньги Каразова уйдут на выплаты по закладной. И все равно остается еще множество дыр, которые надо залачивать.

Каразов... При воспоминании о том, как они стояли возле машины, ее охватило беспокойство. Она не могла не признать себе, что как мужчина он сумел вызвать у нее желание. Но то, что это влечение возникло, еще не означает, что ему следует потакать. Она не столь уж невинна в вопросах такого рода. И успела уже вкусить силу физического влечения. Но после того как она оставила университет ради Вазаро, она не могла себе позволить терять время на мужчину. И сейчас она испытывала не более чем влечение. Главное – удержаться от соблазна и не выходить за рамки обычной дружбы;

«Это самообман», – подумала она с внезапным раздражением. У нее не хватит ни опыта, ни умения противиться такому человеку, как Алекс. Поэтому самое верное – это по-

стараться избегать его, поскольку их близость может повредить делу. А этого никак нельзя допустить.

3

Во мраке зашторенной комнаты изумрудные глаза крылатого коня излучали какую-то божественную мудрость.

Кэтлин долго смотрела на него, затем, отодвинув кресло, подошла к столу и открыла блокнот.

– Танцующий Ветер! Не может быть! – услышала она голос, раздавшийся в дверях ее лаборатории.

Кэтлин замерла на миг, вцепившись в блокнот. Черт побери! До чего же она не любила, когда кто-нибудь посторонний заходил к ней сюда, в ее святая святых.

– Месье Каразов? – Она встала и подошла к выключателю. – Я не ждала вас.

– Как эта статуэтка оказалась здесь?! И что вы делаете с...

Он замолчал, потому что Кэтлин включила свет и нажала кнопку на пульте дистанционного управления, который держала в руке. Фигурка на черном мраморном пьедестале растаяла в воздухе.

Увидев выражение его лица, Кэтлин не смогла сдержать улыбки:

– Не ожидали?

Его взгляд быстро пробежал по трем проекторам, стоявшим на отдельной подставке.

– Голографическая проекция?

Она кивнула:

– Получается полное ощущение объема.

– М-да. Немудрено пойматься!

Кэтлин отметила, что он сменил темно-синий деловой костюм, который был на нем днем, во время их визита в банк, на потертые джинсы и свободную белую рубашку.

– Ваша мама сказала, где вы. Но я и представить не мог, что могло помешать вам присоединиться к нам за ужином. – Он улыбнулся. – Не очень учтиво. Значит ли это, что вы принимаете мои деньги, но отнюдь не мое общество?

– Мне надо было немного поработать. Я надеялась, что Катрин сумеет развлечь вас.

Его взгляд скользнул в сторону, где еще совсем недавно находилась статуэтка.

– Вы так серьезно занимаетесь Танцующим Ветром?

– А вы знаете о нем?

– Кто же не знает об этом восьмом чуде света? Незадолго до приезда сюда мне попала на глаза иллюстрация из альбома «Сокровища мирового искусства»...

– Ну конечно. Вы правы. Только у меня к нему особое отношение. Когда я занималась в Сорбонне, то писала курсовую работу о Танцующем Ветре.

– Вы специализировались по античности?

– Моя основная специальность – сельское хозяйство. Но я параллельно закончила курс по античности.

– Любопытное сочетание.

– Неизбежное. Вазаро – моя кровь и плоть. Моя жизнь.

– А при чем здесь Танцующий Ветер?

– Считайте, что это моя страсть.

Он прищурился:

– Почему?

– Это не так просто объяснить. История семейства Вазаро связана с Танцующим Ветром вот уже почти четыре столетия. Понятно, что я в какой-то степени зачарована... – Кэтлин встряхнула головой. – Но вам этого не понять.

– И все же...

– Я купила копию этого голографического фильма в нью-йоркском Метрополитен-музее, когда готовила доклад по своей курсовой работе. Фильм выпустила семья Андреас, которая располагает подлинником Танцующего Ветра. Эта покупка стоила мне целого состояния. Голографические фильмы еще на стадии экспериментов, и я до сих пор вздрагиваю, вспоминая, сколько я потратила на это оборудование.

– И все же вы не покупились.

– На что только не толкает страсть! – вздохнула она. – К тому же это случилось до того, как я по-настоящему разобралась в наших делах и поняла, в каком бедственном положении мы находимся. Время от времени, выкроив свободный часок, я пробираюсь сюда и отвожу душу.

– Значит, вы не только трудитесь, как рабыня, на плантациях... Кажется, судя по всему, мне следует попросить у вас прощения за нечаянное вторжение.

Она улыбнулась:

– Кажется, да. Надеюсь, теперь я смогла полностью удовлетворить ваше любопытство?

– Раз уж я ворвался сюда и нарушил ваше уединение, – шутливо, но настойчиво заговорил Алекс, – позвольте мне задержаться еще хоть ненадолго. Я чертовски устал.

Кэтлин почти физически ощущала те волны беспокойства и напряжения, что исходили от него. Она вернулась к своему столу и склонилась над блокнотом:

– Боюсь, здесь мало что может заинтересовать вас.

Он огляделся. Помещение трудно было назвать уютным.

– Что это? Похоже на самолетный ангар...

– Моя лаборатория – моя мастерская. Здесь я разрабатываю свои духи.

– Когда не сидите во мраке перед статуэткой. – Он оглядел круглый стол, за которым она работала. – Интересно.

Множество полок с сотнями поблескивающих колб и пробирок поднимались вверх над ее головой. Прямо перед ней стояли маленькие аптечные весы и лежал блокнот.

– Такое впечатление, будто вы собираетесь играть на органе.

– Тепло! Почти горячо! – улыбнулась она. – Сравнение хоть и неожиданное, но верное. В этих колбах содержатся вытяжки – масла различных цветов и растений. Я постоянно взвешиваю и делаю отметки, пока не добьюсь правильного соотношения. – Она указала на блокнот: – Приходится всякий раз четко фиксировать каждую стадию, чтобы знать, как

получилось то или иное сочетание. Занятие весьма тонкое. Ничтожное отклонение в количестве – и характер, и качество духов меняются до неузнаваемости.

– А я был уверен, что вы уже закончили работу над «Вазаро».

– С ними – да. Но магия ароматов завораживает. Вы всегда можете создать что-то новое, совершенно непохожее на то, что было до сих пор. Всегда есть надежда, что... О... извините! Я опять слишком увлеклась. Вряд ли вам интересны эти подробности.

– Напротив! Но отчего лаборатория располагается в пристройке, а не в особняке?

Она показала на широкие, похожие на амбарные двери с каждой стороны.

– Потому что я всегда могу распахнуть окна и двери и впустить свежий воздух в это дурманящее царство запахов. Очень трудно постоянно сохранять способность тонко различать все оттенки. Обоняние притупляется довольно быстро. Чтобы оживить его, необходимо хорошо проветрить помещение.

Он перевел взгляд на другую стену, где стояли полки, плотно уставленные рядами книг.

– Ваша мама сказала, что вы любите уединяться здесь.

– Да... – просто ответила Кэтлин.

– Больше, чем выращивать цветы?

– Это только часть целого.

– А целое – это Вазаро? Она кивнула:

– Мишель говорил, что это как замкнутый круг...

– Мишель?

– Мишель Андреас. Он жил здесь во времена Французской революции. Это был муж старшей дочери Катрин Вазаро и Франсуа Эчеле.

Он приподнял брови:

– Ее родители не были женаты?

– Вас удивляет, что у них разные фамилии? Дело в том, что в соответствии с законом о наследовании, который существовал в семье Вазаро, имение переходило всегда к старшей дочери, но только в том случае, если она после замужества сохраняла прежнюю фамилию.

– В восемнадцатом столетии такое право наследования – по женской линии – должно было быть чем-то из ряда вон выходящим, – заметил Алекс.

Кэтлин улыбнулась и кивнула.

– Именно Мишель создал впервые духи на основе роз, что выращивались в Вазаро. И эти духи стали пользоваться большим успехом. Говорят, все дамы при дворе Наполеона не расставались с флакончиком «La Dame». – Лицо ее снова оживилось. – Если бы вы читали дневник Катрин Вазаро... Это словно путешествие во времени. Она полюбила Мишеля как собственного сына... – Заметив снисходительную улыбку на лице Алекса, Кэтлин запнулась. – Ну вот, стоит мне заговорить на эту тему, я забываю обо всем на свете. А для

человека постороннего в этом нет ничего интересного.

– Отчего же! Напротив. И я поймал себя на мысли о том, какое, наверное, чувство уверенности порождает у человека знание того, сколько предков стоит за твоей спиной.

– Не думайте, что это так просто. Ведь узы, связывающие родителей и детей, – это не только любовь, но еще и взаимные обязательства. Мы в ответе перед своими предками и должны думать о том, что оставим в наследство потомкам.

– Мне понятно, что вы имеете в виду. – Он серьезно посмотрел на нее. – Тем более вы должны понимать, что есть люди, для которых намного легче жить, забыв о своих корнях. – Алекс поставил один флакон и достал с полки другой, поднимая его к свету. – А это что?

– Сирень.

– Вы ее используете в своих духах? Она отрицательно покачала головой:

– Для верхней ноты я использую жасмин. А средняя нота...

– Ноты? Мы опять вернулись к органу.

Она засмеялась:

– Наверное, процесс создания духов и в самом деле в чем-то сродни написанию симфонии. Верхняя нота – это та, которую улавливают в самом начале. Затем начинается ощущаться средняя и наконец главная, – которая является основой духов. Но в действительности между собой соревнуется множество созвучий ароматов, которые покоряют вас и очаро-

вывают... Настоящие духи раскрываются перед вами постепенно...

– Подобно строю симфонии.

– Да, но они не исчезают с последним аккордом. Кроме того, существует еще множество других требований, которые надо учитывать. Например, такое понятие, как резкость или нежность, которые создают образ духов.

– И ваши духи соответствуют всем требованиям?

– Судите сами. Вот мои «Вазаро». – Она взяла небольшую пробирку с ближайшей полки, капнула из нее на специальный материал, лежавший в коробке, и протянула белый пористый кусочек Алексу. – Мне хотелось добиться такого же особенного, неповторимого сочетания, какой отличает «Опиум», но только с другими нотами: опьяняющей свежестью полей после дождя, тонкостью благоухания лимонных деревьев и... – Она беспомощно развела руками. – Я хотела, чтобы это было – Вазаро.

Он провел на некотором расстоянии от лица надушенным кусочком и вдохнул в себя воздух:

– Никогда не встречал подобного аромата ни у одной женщины.

Кэтлин вдруг увидела перед собой живую картину: Алекса, зарывшегося лицом в волосы какой-то женщины. Она немедленно отогнала от себя это видение.

– На то и новые духи, чтобы отличаться от тех, что существовали прежде. Ну и как они вам?

Он положил белый кусочек на стол.

– Не могу ответить так сразу. Аромат духов очень сильно меняется в зависимости от кожи женщины. Можно?

Не дожидаясь ответа, Алекс взял капельку духов и провел по ее коже с внутренней стороны левого запястья, нежно потер и только после этого вдохнул с видом знатока:

– Хорошо.

Тон казался бесстрастно-вежливым, но прикосновение было слишком интимным.

– Еще один тест – самый важный! – Следующий мазок он сделал по ложбинке у горла, почти у самого выреза блузки. – Биение вашего сердца здесь слышнее всего, и аромат духов разносится его волнами...

Руки, касавшиеся ее шеи, казались тяжелыми, а шея неожиданно хрупкой. Подушечки его больших пальцев чуть сильнее погладили кожу, и ее сердце ответило на легкое движение учащенными ударами.

Наконец он убрал руки с шеи, и сердце Кэтлин будто ухнуло вниз. Она стояла и словно замороженная смотрела в его глаза, не в силах оторваться от ледяного сияния. Ей казалось, что даже в другом конце лаборатории слышно, как гулко бьется ее сердце.

– В самом деле, прекрасно! – пробормотал он, довольный произведенным эффектом и давая одновременно ответ на ее вопрос о впечатлении, которое производят духи. – Я бы даже сказал – великолепно!

Он уже не касался ее, но Кэтлин чувствовала, что и Алекс тоже разгорячился, хотя внешне оставался совершенно невозмутимым.

Но Кэтлин видела, как пульсирует жилка на виске, как вздрагивает тень от темных загнутых ресниц, скрывавших голубизну его глаз. Она уловила волну его собственного запаха – холодноватый оттенок лайма на более глубоком мускусном фоне. Было нечто первобытное в том, как они стояли друг против друга, принюхиваясь к запахам.

Ее грудь вздымалась, и Кэтлин изо всех сил старалась заставить себя дышать ровнее, лихорадочно придумывая, что бы такое сказать, дабы прервать затянувшееся томительное молчание.

Алекс тоже дышал глубоко, и она чувствовала мягкое тепло его дыхания на своей шее.

Боже мой! Он почти и не коснулся ее, а она уже трепетала, как в лихорадке!

– Исключительно! – Он отступил на шаг. Опущенные ресницы все еще скрывали выражение глаз. – Думаю, мы можем рассчитывать на успех.

Тут колени ее подломились, и Кэтлин села в кресло, понимая, насколько явно смятение отразилось на ее лице. Только абсолютное спокойствие Алекса помогло ей удерживать себя в руках. Кэтлин не без яда заметила:

– Хороший бизнесмен обязан был выяснить это еще до подписания контракта.

– Это ничего не изменило бы. Я все равно не представляю, какие качества в духах больше всего ценят женщины. – Веселые искорки промелькнули в его глазах. – Но зато я хорошо знаю, что больше всего нравится мне.

И Кэтлин поняла. Ему понравилась она сама. Ее запах и то, как она откликнулась на его прикосновение, на его зов. Зов пола – ясный и простой. Она быстро перевела взгляд на пробирку с духами:

– И что вы собираетесь делать?

Он не ответил. Она снова заметила этот странный неуловимый блеск в его глазах.

– Вы говорили, что необходимо обсудить план рекламной кампании, – настойчиво продолжала она.

– Не сейчас. У меня есть несколько идей. Но прежде чем я буду готов изложить все в целом, мне надо дождаться кое-каких дополнительных сведений. Думаю, в течение ближайших дней мы получим то, что мне нужно. Предупредите вашу маму, что на почту будут ежедневно приходить бандероли. Я дал задание различным агентствам собрать нужные сведения. – Он окинул взглядом ряды стоявших на полках книг. – Это все специальная литература по парфюмерии?

И как это ему только удавалось?! Она знала, насколько он был возбужден несколько минут назад, но вот так быстро сумел овладеть собой. Впрочем, даже если это всего лишь умелое притворство, Кэтлин была благодарна ему за то, что он дал ей возможность прийти в себя.

– Основная библиотека в доме. За исключением дневника Катрин, здесь – только специальная литература.

– Вы позволите мне взять отсюда в дом несколько справочников по парфюмерному делу? Думаю, что знания, которые я почерпну, пойдут только на пользу нашему общему предприятию.

– Разумеется.

Он принялся перебирать книги, вынимая одну за другой, пока не набрал несколько – штук.

– Вообще-то вы в любое время можете приходить сюда и брать все, что вам покажется нужным и интересным. Я новее не собираюсь запираť от вас лабораторию на замок, – сухо проговорила она.

– Спасибо. – Он двинулся к выходу. – Меня мучает бессонница, и я быстро прочту их еще и благодаря тому, что давно освоил скорочтение. – Он ловко ускользнул от ее пытливого взгляда. – Как вы понимаете, эти профессиональные навыки вряд ли требуются торговцу наркотиками, каковым вы меня сочли. – Алекс переложил стопку книг в одну руку, чтобы второй открыть дверь. – А знаете, я обманул вас.

Она с удивлением взглянула на него.

– Ложбинка на шее женщины – не лучшее место для проверки духов.

– Почему?

Он покачал головой:

– Потому что есть другое, где запах чувствуется намного

ярче и отчетливее. Мы как-нибудь попробуем его. – И он закрыл за собой дверь, не дав ей ответить.

Кэтлин некоторое время, ошеломленная и растерянная, смотрела на дверь, а потом вдруг засмеялась.

Поднявшись наверх, в свою комнату, Каразов сразу же начал набирать номер Саймона Гольдбаума в Нью-Йорке.

Тот отозвался не сразу и был не очень доволен ответной реакцией Алекса.

– Господи, Алекс, на что ты рассчитывал? Джонатан Андреас очень скрытный человек и оберегает свою личную жизнь. Требуется время, чтобы выудить хоть что-то....

– Для начала сойдет любая зацепка. – Алекс присел на кровать и открыл блокнот. – Ну, что там у тебя набралось?

– Ему сорок два года. Это промышленник, занявшийся морской перевозкой грузов и развлекательными круизами. Активно занимается политикой. Республиканец. Его поместье находится на севере от Чарльстона в Южной Каролине. Являет собой нечто вроде патриарха клана.

– Женат?

– Нет. Были кое-какие увлечения, но весьма сдержанные. Вообще ключевые слова, связанные с ним: умеренность, сдержанность, осмотрительность.

– Это все?

– Нет. – Гольдбаум помедлил. – В среде республиканцев его ценят. За ум, за дипломатичность. За то, что при необходимости умеет идти до конца.

– На что ты намекаешь?

Какое-то время на другом конце линии царило молчание.

– Я хочу сказать, что у него есть все шансы стать следующим президентом Соединенных Штатов.

– Что еще?

– Черт тебя побери, Алекс! Ты не найдешь никакой зацепки. Человек, у которого есть шанс стать президентом, будет очень тщательно следить за собой, чтобы не сделать ни единого неверного шага.

– Покопайся в его прошлом.

– Мне кажется, что он в самом деле хороший человек.

– Это не означает, что он не совершил ни единой ошибки в своей жизни. Святых на свете не бывает.

Алекс положил трубку. Он ожидал от Гольдбаума большего. Бывший репортер... Если уж он ничего не смог раскопать на Андреаса, то, возможно, ничего и не было.

Алекс встал, подошел к окну и, не отдавая себе отчета, стиснул в руках шелковую занавеску. Невидящими глазами смотрел он на залитые лунным светом бесконечные поля Вазаро. Он рассчитывал, что все будет проще, если он, оставаясь в тени, бесстрастно и холодно будет руководить событиями из Вазаро. Но боже, как это трудно – постоянно сдерживать себя, свое нетерпение. Вот уже два дня, как он здесь. И что же? В результате его терзают еще большее чувство вины и угрызения совести. Но в чем ему упрекать себя?

Конечно, он не был с ней совершенно откровенен. Но Кэт-

лин сама заявила, что ее не интересуют его истинные мотивы. Главное – это денежное вложение, которое поможет спасти Вазаро. Ему незачем корить себя.

Он еще сильнее сжал в руках шелковистую ткань, и ему тут же припомнилась шелковистость ее кожи и серо-зеленые глаза, которые смотрели на него с настороженным удивлением. Почему он остановился? Она была готова. Он ясно ощутил дрожь, пробежавшую по ее телу после того, как он прикоснулся к ней. Почему он отступил?

Алекс отвернулся от окна. Надо лечь в постель и забыть о Кэтлин и ее Вазаро. Надо сосредоточиться только на Ледфорде и на том, что он с ним сделает, когда поймает этого сукина сына.

– Мартиника! – упрасивал его Павел. – Чутьочку солнца – вот и все, что я прошу. Немного солнца, немного любви и хорошей еды...

– Когда ты в последний раз взвешивался?

Павел, привязанный к креслу, шевельнул мертвыми губами:

– Мартиника! Немного солнца...

– Павел!

Алекс резко сел на постели. Сердце отчаянно стучало, тело покрылось холодным потом.

Опять все тот же кошмар! Он преследовал его и во сне, и наяву, стоило хоть на мгновение забыться. И снова то же чувство гнева и горя обожгло его, как и в тот самый момент,

когда он увидел Павла привязанным к креслу.

Алекс закрыл глаза, пытаясь унять дрожь в теле, так изнурившую его все эти дни. Кошмар не оставит его до тех пор, пока он не доберется до Ледфорда и не отомстит ему за бессмысленное убийство друга. Он не мог вспоминать о Павле, не думая о Ледфорде. А о Ледфорде, не вспоминая о Павле. И мысль о Павле была слишком мучительной...

Наконец дрожь отпустила его, и он смог откинуться на подушки. Сквозь сомкнутые ресницы просочились горячие, как раскаленное олово, слезы.

Нельзя постоянно копить в сердце эту ярость и боль. Надо попробовать отвлечься.

Кэтлин Вазаро!

Пока он стоял с ней рядом – мысли о Павле на миг отступили куда-то в тень. Ей удалось заинтересовать его. Он полностью погрузился в то, что происходило между ними. Наверное, будет разумно воспользоваться ее присутствием и тем чувством желанья, что она вызвала в нем, чтобы дать себе хоть небольшую передышку. Это пойдет только на пользу. Он сможет мыслить более ясно и четко. Кэтлин – вот лучшее средство отогнать боль и кошмар.

Использовать Кэтлин в своих целях? Он до печенок ненавидел тех, кто использует людей в своих целях. Его самого слишком часто использовали за эти годы, чтобы он мог пойти на такое.

Но сейчас ему необходим кто-то... Ему нужна женщина.

В конце концов, он может быть совершенно честен с нею. Объяснить ей свои чувства. Он видел, что сегодня сумел пробудить в ней такое же сильное желание, как его собственное. Она не откажется дать ему то, в чем он так нуждается.

Забыться хоть на некоторое время.

– Можно, я помогу?

Кэтлин подняла глаза и увидела Алекса, стоявшего рядом с ней. На нем снова были те же самые потертые джинсы, что и вчера, и простая белая майка.

– Что? – не сразу поняла она.

– Мне бы хотелось помочь вам. Если, конечно, вы не против.

Он посмотрел на работавшую рядом женщину.

– Работа не кажется очень сложной.

– Нет. Нужен лишь навык и четкий ритм. Но она довольно утомительная.

Он улыбнулся:

– Не думаю, что меня хватит удар от усталости. У себя в Швейцарии я каждый день катался на лыжах и сейчас в отличной форме.

Она видела, что он не хвастается. Открытые рукава майки обнажали мощные бицепсы. Ни на груди, ни на животе – ни жиринки. Джинсы туго облегли не менее мускулистые ноги.

– Если вы скучаете, почему бы вам не заняться своим романом?

– Муза оставила меня. Хочется заняться каким-то про-

стым делом, после которого лучше засыпаешь.

Ей показалось, что плечи его в самом деле поникли, словно он нес какой-то тяжелый груз. Грустная усталость, которую она сразу почувствовала в нем, сегодня снова ощущалась с особенной силой.

– Ступайте к пикапу и возьмите себе корзину у Жака.

– Кэтлин просила вас выдать мне корзину, д'Аблер.

– В самом деле? – спросил Жак, выгружая принесенные сборщицей цветы. – И для чего она вам?

Раздраженный его тоном, Алекс вскинул глаза и, встретил неприязненный взгляд Жака, почувствовал вдруг прилив злобной радости. Наконец-то он нашел того, на ком можно выместить гнев, обиду, недовольство собой, так мучившие его все это время.

Жак д'Аблер – достойный противник. Хотя он немолод, но мускулист и крепок, как скала. И в нем ощущалась уверенность человека, способного физически расправиться со своим противником. Алекс оценивающе оглядел его, пытаясь угадать слабое место.

– А для чего они остальным сборщикам?

– Для того, чтобы они могли заработать себе на жизнь, на кусок хлеба. – Жак спокойно выдержал его взгляд. – Но Кэтлин говорила, что у вас нет надобности добывать себе на хлеб насущный. Вы достаточно богаты. Настолько, что можете себе позволить ни с того ни с сего дать ей большие деньги.

– И вы ей не поверили?

– Поверил, что вы пообещали ей это. – Он пожал плечами. – Мы знаем, что Кэтлин не глупа. И у нас глаза не на затылке.

– Так я могу взять корзину?

Подошла еще одна сборщица, и Жак вывалил в кузов прицепа корзину, полную цветов.

– Как я уже сказал, Кэтлин не глупа. Но ей очень хочется спасти Вазаро. Вот почему она с такой легкостью доверилась вам. Именно это меня и беспокоит.

– Сочувствую.

– Да. Это так. И если вы разочаруете ее, если причините ей боль, то я... я не знаю, что с вами сделаю.

– И что же вы можете сделать? – поинтересовался Алекс, вплотную подступая к нему.

– Когда Кэтлин была еще совсем маленькой девочкой, – начал Жак, – отец подарил ей золотой кулон – Пегаса с изумрудными глазами. Все знали, как ее заворожила легенда о Танцующем Ветре. Ридо умел играть на струнах женской души. Она не снимала кулон ни днем, ни ночью души в нем не чаяла. Словно это был волшебный талисман, который приведет ее к Танцующему Ветру. – Жак д'Аблер задумчиво глядел прямо перед собой. – Однажды ночью ее отец ушел из Вазаро. И Пегас исчез вместе с ним. – Он едко улыбнулся. – К этому времени в поместье не осталось уже ничего более ценного, что он мог бы унести с собой.

– Уверяю вас, я не ворую драгоценности. И это все, что

вы хотели мне рассказать?

– Нет, не все, – улыбка Жака стала еще шире, обнажая чистый белый ряд зубов на бронзовом лице. – Я отправился к этому сукину сыну в Канны, где он остановился в отеле, и попробовал отобрать украшение. К сожалению, я переусердствовал и сломал ему нос и три ребра.

– Как интересно. И он вернул кулон?

– Нет. Он успел перепродать его одной из своих богатых подружек, которая, как выяснилось, в этот день уехала. Тогда я вернулся в отель и сломал Ридо обе руки. Он был последним человеком, который сумел огорчить Кэтлин.

Алекс попытался воскресить прежнее враждебное чувство к этому человеку... и не смог. Что-то в нем – искреннем, простом и свирепом – напомнило ему Павла в те дни, когда они только познакомились в спецназе.

– Что ж, это могло отбить охоту у любого. И теперь, когда мы так хорошо поняли друг друга, я могу взять корзину?

– Боюсь, что вы не все поняли.

– К сожалению, слишком хорошо, – глядя в глаза Жаку, ответил Алекс. – У меня нет охоты драться с вами. И мы хотим одного и того же.

Жак какое-то мгновение стоял, изучая его, затем нагнувшись, вытащил корзину из стопки и кинул ее Алексу.

– Третий ряд. Я там буду через минуту и покажу, как надо собирать.

Кэтлин думала, что, получив корзину и выслушав настав-

ления Жака, Алекс встанет рядом с нею. Но вместо этого он выбрал место рядом с Пьером Ледо и шел вдоль грядки до полудня, пока Жак не крикнул, чтобы сборщики несли свои корзины к пикапу. Алекс закинул свою, наполненную до краев, и, не говоря ни слова, направился к дому.

На следующее утро Алекс снова был в поле и опять пошел не рядом с нею, а выбрал место в другом конце. Во время короткого перерыва в десять утра, когда они пили кофе с рогаликами, Кэтлин увидела, что он устроился на дне прицепа и о чем-то беседует с Жаком.

На третий день Жак, проходя мимо по полю, остановился рядом с Кэтлин и ворчливо проговорил:

– Сначала он мне не показался, но... Думаю, ему можно доверять.

Кэтлин с удивлением подняла на него глаза.

Жак никогда не торопился с выводами. И ей казалось, что такого загадочного человека, как Алекс, Жак примет далеко не сразу.

– Его не так просто понять, – пробормотала Кэтлин. – Ты что-нибудь узнал о нем?

– Он недавно пережил тяжелую утрату...

– Как ты угадал? Жак пожал плечами:

– Знаю. Слишком неистово работает... Обычно таким образом хотят отвлечься.

Кэтлин невольно посмотрела в ту сторону, где работал Алекс. На этот раз он выбрал место рядом с Рене Буассен.

– Он довольно быстро освоился.

– Сильный парень, – с оттенком уважения сказал Жак. В этом не было никаких сомнений. Эти два дня Алекс работал с таким азартом, что его неумная энергия заражала всех вокруг.

Жак развернулся и пошел между грядок к прицепу.

А Кэтлин вновь украдкой бросила взгляд на Алекса. Он смеялся, перебрасываясь шутками с Рене. Его лицо оживилось. Отчужденная холодность, которая, как маска, сковывала его черты, смягчилась. Сейчас нельзя было поверить, что его терзает какая-то душевная боль. Он выглядел очень земным и основательным. Между тем лощеным красавцем, что появился в Вазаро несколько дней назад, и сегодняшним Алексом пролегла пропасть. Волосы его взмокли и прилипли ко лбу. Потемнела от пота и голубая рубашка с закатанными рукавами. Он стоял, слегка расставив ноги в своих потертых, слишком облегающих джинсах. У Кэтлин перехватило дыхание, в ушах зазвенело – она вдруг невольно представила его раздетым, стоящим в такой же позе. Она быстро отвела взгляд. То, что произошло между ними в лаборатории, – всего лишь случайность. Им лучше обоим забыть о ней. Алекс Каразов явно преследовал какую-то свою цель так же, как и она свою.

– Давайте прогуляемся после обеда...

Кэтлин передала Жаку полную корзину.

– Но у меня нет на это времени. – Снова Алекс застал ее

врасплох, когда она не ждала этого. Сначала Кэтлин почувствовала, что сердце ее взметнулось куда-то вверх, а потом тяжело ухнуло вниз и снова громко и быстро застучало.

– Мы ненадолго. За эти дни я обошел Вазаро, и у меня есть несколько вопросов к вам. – Он улыбнулся. – В конце концов, будьте справедливы. Я неплохо поработал на поле.

– Вы сами напросились.

Он кивнул.

– И теперь прошу вас о маленьком одолжении – прогуляться со мной. – Он кивнул головой на юг.

Кэтлин помедлила, а затем неуверенным шагом двинулась в ту сторону, куда он показал.

Солнце светило ясным ровным светом. Ароматы земли и цветов обступили их со всех сторон. И присутствие Алекса тоже на этот раз не было тягостным. Давно она уже не гуляла ни с кем вот так, просто ради прогулки. Всегда спешила куда-то, торопилась...

– А вы не болтливы, – заметил Алекс после десятиминутного молчания.

– Так же, как и вы. – Она испытующе посмотрела на своего спутника. – Жак сказал, что вы хороший сборщик. И если вы потеряете свой капитал, он с радостью примет вас на работу.

– Буду иметь в виду. И давно он здесь – всезнающий и вездесущий Жак?

– Он родился и вырос в Вазаро. Я помню его с самого детства. Помню, как он поднимал меня и усаживал на собран-

ные цветы, когда я еще, спотыкаясь, училась ходить.

Алекс показал на белые цветы, растущие в поле справа от нее:

– Жасмин?

Кэтлин кивнула.

– На следующей неделе уже можно приступать к сбору. – Она как замороженная смотрела на поле цветущего жасмина. – Я сейчас вспоминаю о том, как мы приходили ни эти поля с Жаком в сумерки, когда я была совсем маленькой. Это было все равно что войти в какой-то сказочный мир. Золотистое сияние, казалось, повисало в воздухе.

Этот свет насыщал белый жасмин глубокими кремовыми оттенками. Небеса приобретали цвет лаванды и темно – розовых гвоздик...

– Вас приводил сюда Жак, а не отец?

Ее улыбка погасла.

– Жак вел меня сюда, когда в доме затевали очередную вечеринку. Отец не любил, когда дети путаются под ногами у взрослых. – Она смотрела вперед. Ее шаги ускорились. – В Вазаро так часто устраивались в те времена вечеринки.

Она чувствовала на своем лице взгляд Алекса, но он не стал продолжать разговор на эту тему, и некоторое время они снова шагали молча, пока не поднялись на гребень следующего холма. Их взору открылся захватывающий вид на море, небо и горы.

– Что это за город там, внизу? – Алекс показал на домики

вдоль побережья.

– Это Канны.

– А вон это что? – и он кивнул на маленький коттедж из камня с соломенной крышей, что стоял неподалеку от подножия холма. – Кто там живет?

– Никто, – улыбнулась Кэтлин.

– Он выглядит таким старинным...

Она кивнула и начала спускаться с холма.

– Филипп Андреас построил его еще до Французской революции. Он служил управляющим у Катрин Вазаро.

– Он использовал его как склад для цветов?

– Нет. Он слыл местным донжуаном и приводил сюда поселянок для любовных забав.

Она распахнула дверь и, сморщив нос от густого запаха пыли и гнилого дерева, вошла в коттедж. Паутина свисала со всех сторон. Огромная кровать перегородивала проход к окну. Покрывало из хлопка обветшало и пожелтело от времени. Кресло у камина сплошь затянула паутина, и громадная охапка спрессованной соломы с крыши свалилась через дымоход в камин.

– Какое чудесное место. Мне так давно хотелось отреставрировать коттедж. Но постоянно не хватало денег.

Алекс оглядел кирпичную кладку камина.

– Зачем хлопотать, если никто здесь не бывает? Она удивленно посмотрела на него:

– Потому что это часть истории Вазаро.

– Простите меня, – он отвесил ей шуточный поклон. – Я должен был сразу догадаться: все, что связано с Вазаро, – свято. Даже приют свободной любви, которой предавались на этой кровати.

Кэтлин внезапно ощутила какую-то неловкость от того, что они остались наедине в этой комнате. Алекс казался очень уж оживленным и заинтересованным.

– Нет. Кровати в то время здесь не было.

Он с любопытством огляделся.

– А что же было?

– Если верить дневнику Катрин, то здесь лежал огромный тюфяк, наполненный сухими травами, перемешанными с лепестками цветов. Филипп распорядился застелить его атласным покрывалом. Так что он предавался любовным утехам на ложе из цветов. – Пристальный взгляд Алекса вызывал у Кэтлин чувство неловкости. Кэтлин принудила себя улыбнуться. – Вот почему его называют «Приют цветов», – закончила она.

– Но назвать эти утехы любовью нельзя, не так ли, Кэтлин? – Его голос звучал мягко, но требовательно. – Они приходили сюда, чтобы сбросить накопившееся в них напряжение. Чтобы разрядиться. Только ради этого.

Она через силу улыбнулась.

– Думаю, что он не терял голову. Но... до чего же беден наш словарь.

– Чтобы найти слова, выражающие суть? Для этого нужно

быть всего лишь искренним с самим собой. – Алекс помолчал. – Я хочу, чтобы мы легли с вами прямо здесь и чтобы вы позволили мне обладать вами.

Ошеломленная его прямоотой, она растерянно молчала, не зная, что ответить.

– Я хочу, чтобы вы стонали, кусались, царапались, извивались подо мной от страсти. – Он посмотрел на нее. – Я вижу, что и вы хотите того же.

– О боже! – Она облизнула внезапно пересохшие губы. – Никто никогда не посмел бы говорить со мной так...

– А вот я осмеливаюсь сказать прямо, что хочу вас. Но это будет не любовь. А только секс в чистом виде, – продолжал он. – Я не хочу лгать вам. Я не верю в романтическую любовь и никогда не испытывал ничего подобного. А вы?

Она покачала головой, с изумлением глядя на него:

– И вам не хочется заманивать меня сладкими речами?

– Нет. Я предпочитаю говорить прямо и откровенно. – Он запнулся, потом неловко добавил: – Вы можете подумать, что я холодный и бессердечный человек. На самом деле это не так. Я знаю, как сделать женщине приятное. Я умею быть добрым. Согласитесь, это тоже важно.

– Наверное, – кивнула она, все еще не совсем понимая, как они могут вести разговор на эту тему.

– Думаю, что я высказался достаточно ясно.

– Вполне. – Она повернулась, чтобы уйти. – Должно быть, своеобразие этого приюта вскружило вам голову.

– Филипп и его цветочное ложе тут ни при чем. Я уже три дня неотступно думаю о том, как бы переспать с вами. Это всего лишь повод.

– Вы не затрудняли себя ухаживаниями.

– Это могло лишь насторожить вас, – откровенно признался он.

Она широко распахнула глаза, пораженная его пронизательностью.

– Я понял, что хочу вас, при первой же встрече. Но мне казалось, что это пройдет. Мне представлялось, что если как следует поработать и устать, то... – Он покачал головой. – Но это не помогло. Теперь еще хуже, чем вначале. Я собирался соблазнить вас. Но это оказалось не так просто. Вы всегда внимательно следите за собой и стараетесь не давать себе воли.

Стряхнув растерянность, Кэтлин резко спросила:

– Вы закончили?

– Почти. Я сказал главное: что хочу вас.

– И все?

– Вы нужны мне.

Он произнес эти слова с такой мукой, что ее будто током ударило. Это была правда. Почему-то он нуждался в ней. И этот призыв был таким настоящим, что ее потянуло к нему как магнитом.

Не отдавая себе отчета, она сделала шаг навстречу. Небо! Что она делает! Она не хочет этого!

– Нет!

Он глубоко вздохнул:

– Подумайте на досуге. Никаких обязательств. Только взаимное уважение и то наслаждение, которое мы можем дать друг другу.

– Не желаю даже думать об этом. – Она повернулась, чтобы уйти.

Он открыл дверь и отступил, пропуская ее.

– Я попытаюсь еще раз, Кэтлин. Я настойчив.

Она знала это. Она уже видела, с каким упорством он работал на полях эти дни.

– Я не хочу ничего менять в наших отношениях. Меня устраивает то, что есть. – Она прямо взглянула ему в глаза. – И я буду очень рада, если весь ваш пыл пойдет на дела, связанные с Вазаро.

– Наш разговор еще не окончен, – он как будто не обратил внимания на ее последние слова.

За то короткое время, что Алекс был в Вазаро, она постоянно ощущала его сокрушительное обаяние; никогда еще ни один мужчина с такой силой не притягивал ее воображения. Вот и сейчас она с трудом выдержала пристальный взгляд его синих глаз.

– Надеюсь, вы перемените свое решение.

Ничего не ответив, она зашагала вверх по крутому холму.

Он снова смотрел в ее сторону.

Кэтлин, не оборачиваясь, краем глаза видела, как Алекс

движется в соседнем ряду, обрывая цветки лаванды. Могло показаться, что он не обращает на нее никакого внимания. Но время от времени оба ловили себя на том, что смотрят друг на друга. Бросив цветок в корзину, она словно автомат потянулась за другим.

Она уже поняла, что у нее нет сил не смотреть на него. Ни какие внутренние запреты не срабатывали.

День был жаркий, и мужчины работали без рубашек. Капли пота блестели на загорелых плечах и груди Алекса. Вот Алекс остановился, откинул со лба волосы и повязал их бело-голубым платком, который ему одолжил Пьер, что сразу придало ему какой-то разбойничий вид. Кэтлин невольно залюбовалась его стройной фигурой и гладкой упругой кожей, под которой перекачивались мускулы.

– Неплохо. – Рене озорно посмотрела на Кэтлин. – Если бы не мой муж, я бы позавидовала тебе, Кэтлин.

Воздух был до предела насыщен ароматом лаванды, которую они собирали. И вдруг... Кэтлин могла бы поклясться, что уловила слабый запах лайма с мускусом.

– Нечему завидовать, – ответила она сухо.

– В самом деле? Неужели такой лакомый кусочек томится в прихожей? – Рене кинула цветок в корзину. – Как же так?

– Вот так, – отрезала Кэтлин.

– Ну и ну! У тебя что, с головой не в порядке? – иронически заметила Рене. – Почему ты отказываешь себе в такой радости? Он смотрит так, будто готов проглотить тебя.

И вполне может. Такой мужчина даже...

– Я не хочу говорить о нем...

– Собралась в монастырь, как я погляжу?

– Занимайся своим Пьером!

– Непременно. Уж я своего не упущу. – Рене обернулась. –

Он снова смотрит на тебя!

Кэтлин не поднимала головы от грядки, стараясь смотреть только под ноги... И все же против воли скосила глаза в его сторону. Алекс стоял, глядя на нее, и она забыла, что нужно отвернуться.

Слабый ветерок коснулся ее лица своим горячим дыханием, прижимая ткань блузки к телу. Она почувствовала, как напряглись соски мгновенно набухшей груди, как легкое покалывание в лоне сменилось болью.

Она услышала, как присвистнула Рене:

– Ого! Смотри не завались с ним прямо в поле. Запомни: постель будет помягче земли.

Кэтлин заставила себя отвести взгляд от Алекса и продолжить работу.

Нет, она не собирается сдавать свои позиции. Мешало только одно – она стала неважно спать и ей все время хотелось свежего воздуха.

Кэтлин бессильно опустила в кресло у окна и устремила невидящий взгляд на раскинувшиеся перед ней поля, залитые лунным светом. Она обманывала саму себя. Сон не шел потому, что этот чертов Алекс торчал у нее перед глазами.

Последние две ночи она провела, стоя у окна, и видела, как он спускался с холма и уходил в поля. Он выглядел подавленным. Походка его была усталой. Обе эти ночи он пропадавал надолго, и она тоже, не смыкая глаз, ждала его возвращения.

Вот и теперь он снова возвращался уже под утро. Ночь была такой тихой, что она слышала шорох его шагов и его дыхание. Луна стояла высоко и высвечивала его темные полосы и высокую крепкую фигуру. Остановившись на нижней ступеньке, он внезапно поднял голову и посмотрел в сторону ее окна на втором этаже. Она отпрянула, захваченная врасплох.

– Кэтлин?

Она не отвечала.

– Я знаю, что ты там. Я видел тебя.

Молчание.

Он снова заговорил, и в голосе его звучала боль:

– Не заставляй меня ждать, ты очень нужна мне.

Он уже говорил это. Она прижала к пылающим щекам холодный бледно-зеленый шелк гардин, чувствуя, как снова набухает грудь, как ткань ночной рубашки мешает глубоко вздохнуть.

«Боже!» Она начала понимать, что и он тоже нужен ей.

Алекс постоял еще немного. И каждый мускул его тела был напряжен до предела. Потом он медленно начал подниматься вверх по каменным ступенькам, пока не исчез из по-

ля зрения. У нее перехватило дыхание, когда его шаги слышались на втором этаже;

Он прошел мимо ее двери и зашагал дальше по коридору в свою комнату.

4

Было уже далеко за полночь, когда она увидела Алекса, спускавшегося вниз с холма, к полям.

Она закрыла глаза и прижалась горячей щекой к холодному оконному стеклу.

Кэтлин чувствовала, что ее неумолимо тянет выйти следом за ним. Господи! И за что ей эта мука? Отчего она не может избавиться от наваждения? Ни думать, ни работать, ни сосредоточиться на чем-то.

Кэтлин вдруг замерла, когда до нее дошла очень простая мысль. Не мужчина мешал ей! А желание, которое она испытывала к нему. И если это желание удовлетворить, то она сразу станет сама собой. Как же глупо она себя вела все это время!

Кэтлин вскочила и бросилась к двери.

Нельзя оставлять времени ни на размышления, ни на отступление. Она стремительно сбежала по ступеням вниз. Теплый ветерок принес запах лаванды. Ткань сорочки ласково прильнула к ее телу. Алекс уходил все дальше, его почти не было видно, и она бегом устремилась за ним. Должно быть, он миновал уже недавние посадки роз. Его шаг становился все шире и стремительнее.

Почему-то ей не приходило в голову, что можно окликнуть Алекса, и он остановится, подождет...

Окликать его не пришлось. Алекс почувствовал ее присутствие. Не доходя до жасминового поля, он остановился и обернулся.

Выражение его лица поразило Кэтлин.

Она почувствовала вдруг такую слабость во всем теле, что вынуждена была остановиться.

– Все хорошо, – сказал Алекс низким, грудным голосом. Его взгляд пробежал по ней – по ее растрепавшимся волосам, развевающейся ночной рубашке без рукавов, комнатным туфлям на босу ногу. Протянув ей навстречу руки, он позвал: – Иди сюда.

И она медленно пошла к нему.

Он смотрел на нее сверху вниз, и, казалось, даже скулы его заострились от напряженного ожидания.

– Да? – спросил он севшим голосом.

Она еле смогла шевельнуть пересохшими губами:

– Да.

Он схватил ее за руки и увлек за собой на жасминовое поле. Кэтлин почти не чувствовала земли под ногами, несмотря на то что подошвы туфель были совсем тонкими. Тяжелый аромат жасмина, лунное серебристое свечение на темных волосах Алекса – каждая деталь воспринималась по отдельности. Но смысл происходящего расплывался.

– У меня больше нет сил ждать, – проговорил Алекс, остановившись и глядя ей в глаза. Его руки уже расстегивали «молнию» на джинсах. – Ради бога! Сними сама сорочку!

Она в некотором смущении смотрела на него. Скулы Алекса еще больше заострились, и она внезапно почувствовала новый приступ страха, как только что на дороге, когда он обернулся к ней.

– Быстрее. – Он как бешеный срывал с себя одежду, по-прежнему не отрывая глаз от ее лица. И вот он уже стоял перед ней совершенно обнаженный. – Я больше не могу терпеть, – сказал он, рывком сдергивая с нее сорочку, которую Кэтлин так и не успела снять, и крепко прижал к себе девушку.

Ее набухшая грудь прижалась к его покрытой темными полосами груди, и Алекс ощутил ее упругость и тепло. Из его горла вырвались какие-то хриплые звуки.

Соски Кэтлин горели, как в огне. И она сама вся была как огонь. И унять этот жар можно было, только еще теснее прижавшись к нему.

Он наклонился к ее соску и приник к нему ртом так, как умирающий от жажды припадает к живительному источнику. Прикосновение его горячего влажного языка чуть не свело ее с ума.

Кэтлин задыхалась. Ее пальцы запутались у него в волосах. Ее бесконечно возбуждала сила его желания.

– Алекс, это... – Она плыла как на волнах и не могла бы сказать, что в эту минуту они делали.

Он не отпустил ее груди даже в тот момент, когда положил ее на землю. И оторвался лишь на миг, чтобы сказать:

– Это не очень удобно, но ты потерпи... – и лег на нее сверху, касаясь ее бедер своими. Его ладони гладили и сжимали ее бедра. Казалось, он трогал ее одновременно и снаружи и внутри. Кэтлин вскрикнула от того, что мускулы непроизвольно сократились. А его пальцы продолжали двигаться в ней равномерными толчками.

– Боже мой! Какая же ты тугая! – пробормотал он. Движения пальцев прекратились, и она почувствовала, как его восставшая плоть уперлась в нее. – Я хочу войти в тебя! – пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Сердце ее билось с такой неистовой силой, что было трудно дышать. Руки сомкнулись на его плечах, и она, не в силах более выносить этой муки, попросила:

– Алекс, возьми меня.

И он почти с яростью исполнил ее просьбу.

Тело Кэтлин выгнулось, огонь пробежал по телу волнами неизъяснимого блаженства.

Потом он остановился. Лицо его покраснело. Глаза затуманились выражением какого-то первобытного удовольствия.

– Боже! Как хорошо!

– Не останавливайся! – выдавила она сквозь зубы. Кэтлин, не в силах сдержаться, изгибалась под ним. Тело ее само то поднималось, то опускалось вниз.

– Я боюсь продолжать. – Его глаза закрылись. – Я никогда не испытывал ничего подобного. Мне хочется разорвать те-

бя, мне хочется...

– Мне все равно! – Кэтлин выгнулась навстречу ему. – Двигайся, черт побери!

Судорога прошла по его телу, веки Алекса медленно открылись, глаза невидяще уставились в пространство.

– Я... предупреждал тебя, – его голос походил скорее на рычание.

– Возьми меня.

Кэтлин видела, что он начинает терять контроль над собой. С каждой секундой он все больше напоминал жеребца, который покрывает кобылу. Она чувствовала, как вся напрягается и содрогается, когда Алекс входил в нее. Он подложил ладони под ее ягодицы, приподнимая их при каждом толчке, которые следовали один за другим все быстрее, становясь все более необузданными, отчего у Кэтлин помутилось в голове и перехватило дыхание.

– Кэтлин, дай же, – пробормотал он тяжело дыша. – Мне этого мало! Я хочу продолжать... – Его бедра с силой прижимались к ее бедрам. – Помоги мне...

Она не могла помочь ни ему, ни себе. Она будто со стороны слышала свои собственные короткие, почти сумасшедшие вскрики. Судорога пробежала по телу. И она не в состоянии была думать связно, воспринимая лишь обрывки идущих к ней откуда-то фраз.

Лунная ночь. Земля. Аромат жасмина и мускуса. Алекс.

– Черт! – вырвалось у него, а затем снова что-то неразбор-

чивое.

Но Кэтлин уже вздохнула с облегчением. Напряжение, охватившее ее, спало, закончившись взрывом. Теперь каждый мускул ее тела расслабился. И тотчас же, мгновением позже, она ощутила содрогания Алекса и семя, которое он изверг в нее. И даже после этого он еще долго не мог остановиться. Бедрa его продолжали двигаться, и он стискивал ее с прежней силой, не желая выпускать из рук.

«Боже мой! Что же это произошло между нами!» – изумлялась Кэтлин. Она никогда ничего подобного не испытывала. И не представляла, что такое вообще возможно.

Дыхание Алекса наконец начало выравниваться.

– Прости, – сказал он нетвердым голосом. – Я был слишком груб. Но я совсем потерял голову.

– Мы оба потеряли голову. – Она посмотрела на него. – Ты вел себя как дикарь.

– Да, должно быть, сельская обстановка располагает к этому. – Он усмехнулся. – Но вообще-то у меня большая тяга ко всему земному.

– Даже более того. Такое ощущение, что мы оказались в джунглях. И как первобытные люди...

– Но ведь это было хорошо? – Его руки продолжали поглаживать и мягко сжимать ее грудь. В его речи появился незаметный прежде славянский акцент. – У тебя чудесная грудь. Мне хотелось погладить ее с первого же момента, как я увидел тебя. А я тебе понравился?

– О да! – она нервно рассмеялась. И ощутила наконец прохладу земли под собой. Белый жасмин невозмутимо смотрел на них сверху, и лепестки его оставались незапятнанно чистыми. – Рене говорила, что кровать будет помягче, но и земля оказалась неплоха. В конце концов, это самая лучшая земля на свете.

– Ты говорила обо мне с Рене?

Кэтлин покачала головой:

– Она намекала, что я даром теряю время.

Он приподнялся и сел, помогая подняться и ей.

– Ты вела себя как садистка. Еще немного, и я бы повалил тебя на землю на глазах у твоих рабочих. Я рад, что ты наконец поняла. – Он помог ей надеть сорочку и застегнул пуговицы. – Тебе не было больно? Нет? Однако Рене права – кровать гораздо удобнее. Ладно, пойдем домой. Смоешь с себя всю эту землю и... – Он остановился, заметив ее растерянность. – Ты не хочешь? Она нервно облизнула языком губы:

– Скорее, нет.

Он напрягся:

– Не хочешь идти домой или не хочешь идти со мной в постель? Я не всегда такой дикий и необузданный, Кэтлин. Я постараюсь быть нежнее в следующий раз.

– Дело не в этом. Я только хочу, чтобы мы держались... отдельно.

– После всего, что было?

– Мне не хочется, чтобы мама о чем-то догадалась. И вообще будет лучше, если никто ничего не узнает.

– Ты все еще боишься, что я помешаю тебе управлять Вазаро? – Его взгляд изучающе скользил по ее лицу. – Я ведь уже говорил, что не хочу, чтобы наши отношения стали тебе помехой в чем-либо. Если ты собираешься держать меня в стороне от всего, я не возражаю. Отлично.

«Значит, он и в самом деле ни на что не претендует», – с облегчением подумала Кэтлин.

– Так ты не возражаешь, чтобы все шло по-прежнему?

– Я буду возражать, только если проснусь ночью, а тебя не окажется рядом. Я хочу повторять это каждую ночь.

Она ощутила дрожь в бедрах при воспоминании о сумасшествии, которому они предавались за несколько минут до того.

– Вот увидишь, я что-нибудь придумаю.

Она нахмурилась:

– Не представляю, как мы это устроим...

– Будь спокойна, я все возьму на себя.

Кэтлин мысленно представила все те трудности, которые ожидали их в будущем.

– Мы можем забыть о том, что произошло, – произнесла она трезво. – Это будет самое разумное...

– Нет! – ответил Алекс. – Я уже сказал тебе, что все улажу. Это нужно нам обоим. – Он зарылся лицом в ее волосы, и его голос звучал приглушенно: – Я сделаю так, что тебе не

придется ни о чем тревожиться. – Он помолчал. – Я не смог предохраниться. Это ничего?

Боже мой! Она совершенно забыла! Дура! Какая дура! Как она могла забыть о том, что можно забеременеть? После возвращения из университета она напрочь забыла о таких вещах, как контрацептивы.

– Кэтлин?

– Все хорошо. Не волнуйся. – Теперь придется принимать меры, чтобы все обошлось. Наивный Алекс решил, что двадцатипятилетняя женщина, выходя из дома следом за мужчиной, сообразит, что ей надо принять таблетку.

– Ты уверена?

– Да, да.

– Хорошо. – Он снова, на этот раз нежно, уложил ее на землю, поднял сорочку выше талии, и его пальцы начали поглаживать завитки волос на лоне. – Если уж ты вознамерилась забыть наши «джунгли», то должен же я еще раз удовлетворить свой примитивный инстинкт.

На следующий день Алекс не присоединился к ним, когда начались работы в поле. В восемь утра Кэтлин увидела, как его спортивная машина скользнула вниз по дороге по направлению к Каннам.

– Что это он надумал? – Рене проследила за ее взглядом. Кэтлин попробовала казаться безучастной:

– Откуда мне знать?

– Может быть, ты слишком затянула игру? – Рене попы-

талась заглянуть в лицо Кэтлин, но та быстро отвернулась. – Если мужчина не получил того, чего хотел, от одной женщины, то всегда найдутся другие, согласные принять условия его игры. Думаю, из города он вернется в хорошем настроении.

– Мне нет до этого дела... – Но Кэтлин вдруг поняла, что ее задел этот неожиданный отъезд и шуточка Рене царапнула сердце. Что ему нужно? Прошлой ночью она дала ему все, что он хотел. И даже больше того. Они не возвращались домой чуть ли не до самого утра. Теперь, удовлетворив свою чувственность, он перестал нуждаться в ее обществе и решил заняться собственными делами. Кэтлин знала, что этого и следовало ожидать. Мужчины быстро пресыщаются. Именно так закончились отношения между се отцом и матерью.

Ну что ж, она тоже взяла свое и ей не на что жаловаться. Но все же Алекс мог бы предупредить ее, что не выйдет сегодня в поле.

Алекс сменил деловой костюм на рабочий и сидел на платформе, болтая с Жаком, когда Кэтлин принесла свою последнюю корзину. Он улыбнулся ей.

– Привет!

– Привет! – Она старалась сохранить безучастный вид, опрокидывая собранные цветы.

– Идем со мной! – Алекс спрыгнул с платформы и подошел к ней с другой стороны, где их не видели.

– Мне не до того, – сдержанно ответила она, пытаясь вы-

свободить руку.

– Ты зря рассердилась, – он потянул ее за собой, слегка понизив голос, чтобы другие не услышали, о чем они говорят. – Решила, что я тут же забыл о тебе и занялся своими делами?

– Не будь смешным. У меня нет права сердиться на тебя. Мы оба знаем, что нас свело вместе.

– Нет, право у тебя есть. – Он обнял ее за плечи. – Я обещал тебе быть заботливым и не собираюсь обманывать твоих ожиданий. – Улыбнувшись, он слегка встряхнул ее. – Хватит дуться, идем, посмотришь, что я сделал.

Она ощутила знакомый запах и почувствовала, что готова идти за ним хоть на край света – то же самое, что она испытала и вчера.

– Куда?

– В «Приют цветов».

Кэтлин остановилась на пороге в полном изумлении от перемены, произошедшей в доме. Он весь сиял чистотой.

Голубые глаза Алекса светились чисто мальчишеской радостью от того, что он заставил ее удивиться. Увлеченно жестикулируя, он рассказывал:

– Я вымыл здесь все, вычистил всю дрянь, съездил в Канны и купил льняное белье. – Он кивнул в сторону накрахмаленного нового постельного белья, покрывавшего широкий матрас на полу в центре комнаты. – А здесь вино со льдом. – Он кивнул на небольшой контейнер у стены и доба-

вил, усмехнувшись: – Мне удалось вынуть гнездо, что свили птицы в дымоходе, так что теперь можно по ночам, если будет прохладно, разводить огонь в камине.

Она, не веря своим глазам, оглядывала комнату. Нигде ни пылинки. Все вымыто и вычищено.

– Да! Тебе пришлось потрудиться. Но...

– Я же тебе сказал, что беру все на себя, – ответил он. – Ты как-то обмолвилась, что сюда никто не ходит, следовательно, никто и не узнает о наших встречах. Твое Вазаро остается при тебе, а ты – при мне. – Он нежным движением отвел прядь волос с ее лица. – Теперь нам есть где уединиться. Прекрасное решение, не так ли?

«У него ушел не один час, и ему пришлось порядком потрудиться, чтобы привести домик в порядок. Вот где он провел так много времени!» – догадалась она. И все делал один, понимая, что Кэтлин не захочет афишировать их отношения. Он обещал быть заботливым, щедрым и великодушным. И он исполнил свое обещание.

– Я выбрал чистые и гладкие простыни. – Он смотрел ей прямо в глаза. – Потому что люблю простоту и ясность во всем. Я не из тех мужчин, кто усыпает любовное ложе розовыми цветами. Надеюсь, ты понимаешь меня?

На миг ее кольнуло сожаление, но она тут же поспешила отогнать его прочь. Да, он не любит красивых жестов. Но ведь и она тоже. И связывает их не романтическая любовь, а нечто совсем другое.

Она вошла в объятия Алекса так естественно, как если бы делала это уже тысячу раз. Прижавшись к его груди, она сказала:

– Мне тоже всегда казалось, что Филипп перестарался, устраивая это любовное гнездышко. Обычно женщин больше интересует, кто лежит с ними рядом, чем то, что находится под ними.

– Я выйду первой, – проговорила Кэтлин, застегивая блузку и заправляя в джинсы. – Ты выходи не раньше чем через десять-пятнадцать минут после меня.

Он открыл перед ней дверь и легко коснулся губами ее щеки.

– Но за ужином я смогу увидеть тебя?

Она покачала головой:

– Нет, я пойду в лабораторию.

– Зачем?

– Танцующий Ветер. Из-за того, что я все последние дни ходила сюда, я смогла только два раза поработать с ним.

– Как приятно, что у меня такой могущественный соперник. Но для чего ты занимаешься им? Как ты собираешься использовать свои знания?

– Тебя это не касается, – почти свирепо ответила она.

Ну вот опять. Как только он упомянул про Танцующий Ветер, она замкнулась и смотрела на него с подозрительностью жрицы, охранявшей священный огонь при храме. Алекс задумчиво следил за тем, как Кэтлин быстрым шагом

удалялась от «Приюта» вверх по склону холма. Интересно, чем объяснить ее странное увлечение Танцующим Ветром? Оно похоже на манию. Всю эту неделю они встречались в «Приюте», утоляя голод влечения. Теперь, как он ожидал, желание постепенно должно было идти на спад. Но их влекло друг к другу с той же силой, как и в первую ночь на жасминовом поле. Его желание и жажда обладать Кэтлин не только не прошли, с каждым разом он хотел ее все больше. Но это было не все – теперь ему хотелось понять ее.

Вначале он думал, что она такая, какой кажется: вполне земная, бесхитростная женщина, которая делает все для спасения своего любимого Вазаро и людей, которые с ним связаны. Потом он увидел, какая она порывистая и эмоциональная. Насколько она страстная натура, хотя умеет держать себя в руках. Частенько она проявляла чувство юмора, которое удивляло его. Для Катрин она была скорее заботливой матерью, чем дочерью. С Жаком ее связывали тесные узы, но в его отношении к ней не было ничего отцовского, покровительственного – они были на равных. Каждый день Алекс открывал еще какую-то грань ее богатой природы. И ему хотелось узнать, что же таится в самой глубине.

С каждым днем она становилась все ближе и дороже ему. И это его тревожило. Вместо того чтобы успокоиться и отвлечься от своих проблем, он, кажется, попал в свою же собственную ловушку.

Алекс вышел из коттеджа и закрыл за собой дверь. Под-

нимаясь на холм, он упорно пытался найти какой-нибудь выход.

Все дело в Вазаро!

Здесь они вместе работают на поле, сидят за одним столом за обедом и ужином. Физическая близость еще более заставляет его постоянно думать о Кэтлин. Значит, выход в том, чтобы вырваться из этого места. Когда они окажутся в другой ситуации, когда вокруг будет много людей и будет кипеть работа, он избавится от наваждения и она уже не будет значить для него так много.

Кэтлин стояла на коленях перед голографическим изображением. Он едва смог различить ее темный силуэт в потемках. Луч одного из проекторов высветил каштановый завиток, когда она обернулась на его шаги.

Алекс почувствовал неловкость, как будто и в самом деле помешал таинству. Вот это он и имел в виду, мысленно сравнивая ее со жрицей, охраняющей священный огонь.

– Зачем ты пришел сюда? – Кэтлин опустила бинокюляры. – Я же предупредила, что не хочу видеть тебя сегодня.

– Твое божество будет недовольно? – Алекс пытался за насмешкой скрыть неловкость.

– Не иронизируй, – нетерпеливо проговорила она. – Уходи или становись тут на коленях, рядом со мной, и не мешай.

Он медленно пересек лабораторию и встал на колени перед пьедесталом. – Так?

Она протянула ему бинокюляры.

– Вглядишься в основание статуэтки. Как тебе кажется, основание сделано из того же самого золота, что и сама статуэтка, или нет?

Он принялся внимательно рассматривать основание.

– Так из того же или нет?

– Если и не из того же, то из очень сходного. Ты ведь у нас эксперт по древностям, а не я.

– Я не могу ответить, – голос ее звучал подавленно. – У меня так мало сведений. Только дневник Катрин и книга Лили Андреас, написанная в двадцатые годы. В семье Андреас есть пара тетрадей, которые помогли бы мне продвинуться: большая часть сведений, приведенных там, никогда не публиковалась.

Кэтлин протянула руку к голограмме.

– Если бы у меня было хорошее оборудование! А еще лучше увидеть саму статуэтку.

Алекс улыбнулся:

– Может, я смогу помочь тебе в этом?

Кэтлин обернулась и посмотрела на него. В рассеянном свете проекторов в ее глазах отражался Танцующий Ветер. Как странно было видеть отблеск божественной мощи и красоты в глазах смертной женщины. Возможно, и она видела в глазах Алекса то же самое отражение. Словно на краткий миг величие древней загадки коснулось их обоих.

– Мне не до шуток, Алекс, – нетерпеливо отозвалась Кэтлин. – Ты не представляешь, как это важно.

– Вижу. – Алекс взял у нее из рук пульт дистанционного управления. – Но раз тебе так хочется посмотреть подлинник, значит, надо на него посмотреть.

Он выключил проектор, и Танцующий Ветер исчез из глаз Кэтлин. Алекс вскочил на ноги и весело скомандовал:

– Укладывай чемодан. Рассчитывай дней на пять. Не знаю точно, сколько все это займет, но не меньше пяти дней. А если понадобится, то мы всегда сможем купить все, что...

– Укладывать чемоданы? Зачем?!

– Мы едем в Соединенные Штаты. У тебя, паспорт в порядке?

– Думаю, да. Нужно посмотреть.

– Мы оформим все нужное в Ницце. Ты сумеешь заказать билеты по телефону? Я сейчас займусь тем, что буду звонить своим агентам. Мы начинаем подготовку к рекламной кампании твоих духов.

– Это из-за нее такой переполох? Он кивнул:

– У нас есть отличный ключик, чтобы толкнуть твои духи на рынок.

– И этот ключик находится в Штатах?

– В Южной Каролине, если точнее. – Он улыбнулся. – Танцующий Ветер.

Ее глаза широко распахнулись от удивления.

– Ты хочешь уговорить семью Андреас позволить использовать Танцующий Ветер в рекламе?

– А ты могла бы придумать более романтичный и при-

влекательный символ?

– Нет, – ответила она. – Но из этого ничего не выйдет.

– Почему? Ты состоишь в отдаленном родстве с Андреасами. Это дает повод для визита. Остальное я беру на себя.

– Чем мы можем их заинтересовать? Деньги им не нужны – это точно. – Кэтлин покусывала нижнюю губу. – Они никогда не позволят вывезти Танцующий Ветер за пределы Штатов, чтобы не повторилось то, что произошло в начале Второй мировой войны. Когда он оказался в руках нацистов. – Она посмотрела ему в глаза. – Ты считаешь, что нам необходимо ездить с ним по всему миру?

– По крайней мере по Европе. С остановкой в Париже.

Она поморщилась:

– Если ты думаешь, что Андреасы способны испытывать родственные чувства, то глубоко ошибаешься. Почему, как ты считаешь, я ни разу не обращалась к ним, хотя столько времени посвятила изучению Танцующего Ветра? Это моя бабушка уговорила отца Джонатана сдать Танцующий Ветер в Лувр. Когда шедевр пропал после прихода нацистов, Андреасы обрушились с яростными обвинениями, что во всем виноваты обитатели Вазаро.

– Это случилось пятьдесят лет тому назад.

– Ничего. У них долгая память.

– Посмотрим. – Он взял ее за руку и повел к двери. – Во всяком случае, мы должны попытаться.

– Ты в самом деле считаешь, что без Танцующего Истра

нам не обойтись?

– А ты представляешь себе, в какую сумму может вылиться рекламная кампания новых духов? Десять-пятнадцать миллионов долларов. Не меньше.

Она резко выдохнула всей грудью:

– У тебя столько денег?

– Эта сумма у меня имеется. Но если повезет и нам удастся уговорить Андреаса, мы сможем отделаться меньшим. Танцующий Ветер – это уже реклама. Нам не потребуется самим создавать вокруг духов ореол таинственности.

– Таинственности? – улыбнулась она. – Ты знаешь, как лучше всего привлечь внимание к духам.

– Вычитал в твоих книгах. – Он остановился, пропуская ее в дверь. – Но я обещаю, что буду знать в сто раз больше, когда мы доберемся до Чарльстона.

Ее улыбка погасла.

– Если реклама стоит так дорого, то сможем ли мы получить хоть какой-то доход от продажи духов?

– Сколько стоит унция твоих духов?

– Около двадцати долларов. Мы используем самые высококачественные масла и ингредиенты.

Он усмехнулся:

– Тогда прибыль будет. Мы будем продавать по две Сотни долларов за унцию.

– Это слишком много, – пораженная, ответила она. – Это больше, чем за «Опиум»...

– Но у тебя хорошие духи?

– Это «Вазаро», – просто ответила она.

Алекс усмехнулся:

– Значит, классика. А такие духи дают пятьдесят миллионов долларов в год.

– Я еще никогда не видела тебя таким, – изумленно сказала она.

– Это потому, что ты еще не видела меня в деле. Я настоящий аналитик и умею разрешать трудные задачи. Теперь мне есть чем заняться, – пробормотал он. – На этот раз надолго.

– Тебя и в самом деле все это увлекает? Кажется, ты с удовольствием занялся этим?

Он пожал плечами:

– Это помогает мне ощутить, что я жив и что кому-то нужен. – Он взял ее за локоть. – Если нет прямого самолета до Чарльстона, закажи ночной рейс на Нью-Йорк. Дай все нужные распоряжения Жаку и попрощайся с мамой.

– Об этом я и сама догадалась бы, – сухо ответила она.

– Прости. Я забыл, что это святое.

– Почему ты все время подшучиваешь надо мной и над моим отношением к Вазаро? В сущности, у нас с тобой гораздо больше общего, чем я думала.

Глядя на ее оживленное лицо, он понял, что угодил в собственные сети. Это уже не просто секс, а... Он не мог подобрать нужного слова, ощущая лишь жгучее желание прикоснуться к ее губам.

Нежность.

Он отвернулся, так и не исполнив своего желания.

– Прихвати копию своего доклада о Танцующем Ветре. Возможно, она поможет восполнить кое-какие пробелы в истории семьи Андреас. Мы должны использовать любое свое преимущество, если хотим, чтобы они позволили нам превратить Танцующий Ветер в золотой ключик к успеху.

– Что это? – Кэтлин с любопытством смотрела на ворох бумаг, лежавший на столике перед Алексом. – То, что передал тебе человек в аэропорту?

– Вырезки из американских газет за последние полгода. Мне хочется узнать, насколько подробно они писали кражах шедевров мирового искусства в Европе, если газеты подняли большой шум по этому поводу, боюсь, Андреас не рискнет доверить нам Танцующий Ветер. – Алекс принялся складывать вырезки в конверт, на ходу бегло просматривая их.

Разговор прервала стюардесса, предложившая им по чашке кофе. Алекс, поблагодарив девушку вежливой улыбкой, вновь обернулся к Кэтлин:

– Нам не везет. Самые сенсационные сообщения связаны именно с кражей шедевров.

– Что же ты хочешь? Все-таки пропала «Мона Лиза», а не что-нибудь другое. Нет никакой надежды разыскать ее после того, что произошло.

– Эти террористы из «Черной Медины» как-то задевают тебя?

– Разумеется, после этого перестаешь чувствовать себя и безопасности.

– Интересно. Ты так далека от всего в своем Вазаро, что тебе могли бы позавидовать девять десятых населения Европы. И все равно ты боишься и сердишься. А как же должны себя чувствовать люди, не имеющие ни таких прекрасных холмов, ни полей, где они могут уединиться?

– Не знаю. А почему это тебя так занимает?

– Я только...

– Любопытен... – усмехнулась она. – Напомни мне рассказать тебе сказку о кошке, которую погубило любопытство.

– Я это уже слышал однажды, – мрачно ответил он.

Ее веселое настроение вмиг улетучилось, когда она увидела выражение его лица. Чем-то она очень больно задела его. Под маской безразличия таилось страдание, и Кэтлин вдруг почувствовала острую жалость. Она смотрела, как за иллюминатором сгущаются сумерки, пытаясь придумать, как бы отвлечь его.

– Я рада, что им не пришло в голову стащить «Мальчика в поле», который находился в том же зале, что и «Мона Лиза».

– «Мальчик в поле»? Что-то не могу припомнить такой работы. Кто написал ее?

– Полотно не подписано. Но оно принадлежит кисти Жюльетты Андреас – прапрабабушки Джонатана Андреаса. Возможно, не мешало бы прибавить еще одно «пра», но и по-

стоянно в них путаюсь. – Она нахмурилась.

– Если оно не подписано, откуда тебе известно, что оно принадлежит Жюльетте Андреас?

– Из дневника Катрин. Жюльетта оставила свои работы в Вазаро, когда уехала в Штаты. Она была очень талантлива. Но в те времена существовало предубеждение против женщин-художников. И в Лувр ей бы, конечно, не удалось попасть. – Кэтлин откинулась на спинку кресла. – Тогда Катрин решила взять дело в свои руки. Большинство шедевров из Версаля были куплены Лувром к 1793 году. Но во времена террора царила такая путаница, что Катрин решила «пристроить» работы Жюльетты.

На лице Алекса промелькнула улыбка сомнения.

– Что-то не верится.

– Но это правда. Каким-то образом она и Франсуа смогли разместить полотна Жюльетты в одном из королевских покоев в Версале. А потом сделали так, чтобы на них обратили внимание национальные гвардейцы. Их перевезли в Лувр вместе с другими шедеврами. Как только безымянные полотна оказались в такой престижной компании, их тут же, как она правильно рассчитала, сочли произведением замечательного мастера.

– И теперь картины Жюльетты Андреас висят в Лувре рядом с работами гениальных художников. – Алекс глубокомысленно смотрел в свою чашку. – Семья Андреас знает о существовании этих картин?

– Наверное. Катрин упоминала, что написала об этом Жюльетте.

– Они должны с любовью вспоминать Катрин, если так оно и есть.

– Прочитай дневник.

– Придется. – Он поднял на нее глаза. – Напомни при случае эту историю, когда мы будем у Андреасов.

– Слишком много воды утекло с тех пор. Все это относится к 1797 году.

– Ты же сама сказала, что у них долгая память. – Он допил свой кофе. – Во всяком случае, мы должны попытаться сыграть на этом.

Кэтлин почувствовала, что боль отпустила Алекса. Может быть, помогла рассказанная ею история, во всяком случае, она надеялась, что это именно так.

Его пальцы сплелись с ее пальцами.

– Попытайся немного поспать. Нам предстоит четыре часа лета до Нью-Йорка и еще два – до Чарльстона. Ты будешь совершенно измотанной, когда мы доберемся до Андреасов.

– Боюсь, что мне не удастся заснуть. Я слишком взволнована. До сих пор не верится, что он согласился принять нас.

– Встреча назначена на завтра. На три часа. Я уже звонил Андреасу и связался с его личным секретарем Питером Масквелом. – Он покачал головой. – Это оказалось на удивление просто. Как только Масквел услышал твое имя, он, по-моему, чуть со стула не свалился.

– Все раскручивается так стремительно...

– И будет раскручиваться еще стремительнее, как только мы получим «добро» от Андреаса.

– Я знаю, что мы не делаем ничего дурного, но почему-то это все равно коробит меня. – Она тревожно улыбнулась. – Наверное, потому, что я мало смыслю в такого рода делах. То ли дело – цветочные грядки или моя лаборатория.

Он улыбнулся ободряюще.

– Что тебя, собственно, смущает? Не забывай, что вы с Андреасом кузены.

– Слишком много всего сразу. Танцующий Ветер, мои духи, Вазаро...

– Ну хорошо, если ты чувствуешь, что все равно не сможешь заснуть, тогда расскажи мне какую-нибудь историю из твоих семейных хроник.

Она с сомнением посмотрела на него:

– Тебе в самом деле интересно? Алекс мягко сжал ее руку.

– Конечно. Только выбери что-нибудь наиболее скандальное и примечательное из дневника Катрин.

Она откинулась в кресле:

– Катрин начала вести записи в дневнике, когда оказалась в Королевском аббатстве. На первой странице стоит дата: 2 сентября 1792 года...

5

– Я Питер Масквел. Мисс Вазаро с вами? – В голосе мужчины звучали нотки радостного мальчишеского нетерпения, которое не могло заглушить переговорное устройство.

Алекс с некоторым удивлением посмотрел на Кэтлин, сидевшую рядом с ним на пассажирском сиденье.

– Она здесь, рядом со мной.

– Сейчас я открою ворота и встречу вас у входа. Не выходите из машины, пока не подъедете к самому дому. – П слышался щелчок, и железные ворота медленно отворились.

Темно-синий автомобиль, который Алекс взял напрокат, тронулся с места.

– Он бы точно выставил меня, если бы я сказал, что ты осталась в Вазаро. Ты уверена, что никогда не встречалась с ним? В его голосе слышалась такая неподдельная радость.

– Даже не слышала о таком.

Высокие створки ворот сомкнулись, как только машина проехала мимо.

– У меня такое ощущение, будто я вторглась на территорию какой-то сверхсекретной тюрьмы, – заметила Кэтлин. – Не хватает только каких-нибудь кровожадных тварей во круг.

– Почему же не хватает. А доберманы?

– Что?

– Шесть доберманов охраняют территорию, поэтому Масквел и предупредил нас, чтобы мы не выходили из автомобиля, пока не подъедем к дому.

Дорога свернула, и перед ними предстал огромный кирпичный дом с белоснежными колоннами.

– Весьма впечатляет. Аристократы-южане любили пустить пыль в глаза.

Разворачивая машину, Алекс заметил, что широкие двойные двери распахнулись и на пороге появился стройный мужчина.

– Должно быть, это Масквел. Он может оказаться чрезвычайно полезным нам.

– Каким образом?

– Он работает у Андреаса восемнадцать лет. Тот ему полностью доверяет. – Алекс внимательно всматривался в человека, спускавшегося по ступенькам вниз. – Они оба закончили Йельский университет. Масквел из шахтерской семьи, но ему дали стипендию. Что-то было еще... а, вспомнил: у него неважно с сердцем. Он перенес три операции, одну за другой, пять лет назад.

– Он не производит впечатление больного человека.

Питер Масквел был чуть выше среднего роста и, хотя не обладал мощными бицепсами, выглядел довольно крепким. Здоровый ровный загар покрывал его лицо. На нем была легкая водолазка и слаксы. Красиво подстриженные каштановые волосы блестели на солнце. Черты его лица можно было

бы назвать скорее ничем не примечательными, если бы не широко поставленные, необыкновенно живые карие глаза, в которых светился ум.

– Он, конечно, не инвалид, просто ему надо следить за собой. – Алекс припарковал машину и выключил зажигание. Обернувшись к Кэтлин, он ободряюще улыбнулся ей. – Не нервничай. Мы получим то, за чем приехали.

– Мне с трудом удается держать себя в руках. – Она одернула юбку. – Как я выгляжу?

Алекс посмотрел на ее строгий темно-синий костюм.

– Замечательно!

Кэтлин слегка поморщилась:

– Мама вряд ли одобрила бы мой наряд. Я купила этот костюм пять лет назад.

– Едва ли Андреас станет обращать внимание на то, как ты одета. – Алекс распахнул дверцу и ступил на дорожку. – Ладно, идем покорять его сердце.

– Мистер Каразов? – Питер вежливо кивнул Алексу, открывая дверцу и помогая выйти Кэтлин. – Я Питер Масквел. – Он с настойчивым интересом рассматривал Кэтлин. – А вы, конечно, Кэтлин Вазаро. Как я давно мечтал встретиться с вами!

Кэтлин в замешательстве подняла на него глаза.

– Рада познакомиться с вами, мистер Масквел.

– Питер, – улыбнулся он. – Надеюсь, мы станем друзьями. Я читал тезисы вашего доклада, которые легли в основу

докторской диссертации Божоли. Это блестящие догадки, и все очень убедительно изложено. Надеюсь, что мне удастся воспользоваться нашим знакомством.

– Воспользоваться?

Он захлопнул дверцу:

– У вас есть дневник Катрин Вазаро. А у меня – дневники Катерины Андреас и Санчии Андреас. Я никогда не читал вашего, а вы тех, что есть у меня. Видите ли, я даже не представлял...

– Подождите. – Кэтлин подняла руки, пытаясь остановить поток слов. – Каким образом получилось, что вы оказались владельцем дневников семьи Андреас?

Он непонимающе посмотрел на нее:

– Разумеется, они принадлежат Джонатану. Но я столько работал с ними, что воспринимаю их как свои. В прошлом году я собирался позвонить вам и попросить сделать копию дневника Катрин, разумеется, за мой счет, и отправить его сюда.

– Вряд ли бы я согласилась. Содержание дневника связано с историей нашей семьи. Это очень личное.

Он прищурился:

– Именно этого я и боялся. Вот почему не отправил письма с такой просьбой. Но в тех дневниках, что хранятся в семье Андреас, тоже много интимных сведений, много семейных тайн.

– А почему вас так заинтересовал дневник Катрин Ваза-

ро?

– Ваши семьи издавна связаны родственными узами. Но, думаю, причина моего интереса связана с Танцующим Ветром. Я столько времени провел с ним, что у меня, вполне естественно, возникло желание узнать как можно больше о том, откуда и как он появился. – Доверчивая улыбка озарила его черты, и теперь уже никто не осмелился бы назвать их невыразительными. – Одно тянет за собой другое. Никого из моих родных не осталось в живых, и теперь семья Джонатана, не исключая и его предков, стала как бы моей. – Он нахмурился, размышляя вслух. – К тому же я надеюсь найти там хоть какое-то упоминание о непонятной надписи у основания статуэтки.

Кэтлин насторожилась:

– О надписи?

– Вы же знаете, что ее до сих пор так и не удалось расшифровать.

– Да, конечно, но я...

– Простите, что перебиваю вас, – вмешался Алекс. – Но мне кажется, что вы можете продолжить обсуждение и попозже. Не хотелось бы заставлять ждать мистера Андреаса.

Питер кивнул:

– Джонатан у себя в кабинете. – И, придерживая под руку Кэтлин, он начал подниматься по ступенькам. – Я начал разбирать дневники только в надежде найти там сведения о Танцующем Ветре. – Они шли через холл по начищенному

до блеска дубовому паркету. – И в прошлом году я наткнулся на упоминание о дневнике Катрин Вазаро.

Кэтлин поймала удивленный взгляд Алекса, обращенный на Питера. Она догадалась, что его воодушевление Алекс воспринял как своеобразное ребячество. И в то же время Питер производил впечатление достаточно умудренного жизнью человека. Сам по себе он вызывал у нее симпатию, но его энтузиазм начал раздражать, поскольку она невольно позавидовала ему. В его распоряжении находились два ранних дневника, не говоря уж о том, что он мог в любое время прийти и посмотреть на Танцующий Ветер, – и ему все равно было мало. Он хотел еще больше.

Питер остановился перед дверью красного дерева.

– Мы могли бы вернуться к нашему разговору попозже? – мягко спросил он. – Мне в самом деле необходимо ознакомиться с вашими записками.

– Ничего не могу обещать, но мы непременно поговорим об этом позже.

– Уже хорошо. – Он улыбнулся ей и распахнул двери. – Мистер Каразов и мисс Вазаро. – Он отступил, пропуская их в кабинет, и закрыл за ними дверь.

Джонатан Андреас поразил Кэтлин своей мощью. Выше шести футов роста, с массивными плечами и широкой грудью, которая могла принадлежать какому-нибудь молотобойцу, а не владельцу поместья. Его рот, нос, широкие скулы, казалось, были высечены из камня. Густые брови, что

нависали над глазами, были не просто темными, а скорее черными. На висках в таких же темных волосах пробивалась легкая седина, но он не выглядел старше своих сорока лет. Одет он был с той же небрежной простотой, что и Питер: в голубую хлопчатобумажную водолазку, черные слаксы и домашние туфли.

Улыбка озарила его лицо, обозначив веселые морщинки у глаз, когда он двинулся им навстречу. Кэтлин заморожено смотрела на него. Он не производил впечатление красавца. Но в нем было нечто такое...

– Мисс Вазаро. – Он взял ее руку в свою, ласково сжал, и у Кэтлин тотчас появилось ощущение, будто на все снизошло глубокое чувство покоя и уверенности. – Надеюсь, вы позволите мне называть вас Кэтлин. Не знаю, зачем вы пожаловали, но я рад, что вы решились наконец приехать к нам в гости. Всю жизнь я столько слышал о Вазаро. И вот наконец мы встретились.

Внезапно она поняла секрет его обаяния. Он излучал такую доброжелательность, которая порождала невольное чувство уверенности. Казалось, ничего плохого не может произойти, пока Джонатан рядом. Никогда еще ничье присутствие не действовало на Кэтлин так успокаивающе.

Она улыбнулась:

– Я не была уверена, что меня примут с радостью, памятуя о том, что мне доводилось слышать. Мне известно, каким образом пропал в сороковых годах Танцующий Ветер и как

гневался по этому поводу ваш отец.

– Он и по сей день сердится. – Черные глаза Джонатана сверкнули. – Вот почему я всего лишь слышал о семействе Вазаро. – Он отпустил наконец ее руку и показал на два коричневых кожаных кресла перед огромным столом розоватого цвета, выполненным из дерева какого-то тропического происхождения. – Прошу садиться. Наверное, Питер сразу налетел на вас, еще не успев толком познакомиться?

– Было дело, – признался сам Питер, устраиваясь на небольшом диване, тоже обтянутом кожей, в то время как гости расположились в креслах. – Но мистер Каразов вовремя остановил меня, не дожидаясь, когда я успею надоесть окончательно.

– Мистер Каразов, – повернулся к Алексу Андреас, – простите, что мы были несколько невежливы, начав разговор со своих семейных дел, но, согласитесь, нечасто выпадает возможность загладить трещины, что разделяли семьи более пятидесяти лет.

– Мне понятны ваши чувства, – кивнул Алекс. – И я вижу, что вы и в самом деле готовы идти навстречу и забыть старые разногласия.

В сердечности Андреаса тотчас появился еле заметный оттенок настороженности, который Кэтлин сразу же уловила.

– Вы предупредили Питера, что у вас деловой визит. – Андреас повернулся в сторону Кэтлин: – Это связано с Вазаро? Она кивнула:

– Да, мы рассчитываем на вашу помощь. – Она указала на Алекса. – Если вы не возражаете, мне бы хотелось, чтобы мой деловой партнер изложил суть дела.

– И на что же вы рассчитываете? – обратился к нему Андреас.

– Что вы одолжите нам на время Танцующий Ветер, – коротко ответил Алекс.

Кэтлин услышала, как Питер Масквел что-то пробормотал, но не могла отвести глаз от Андреаса и Алекса. Джонатан усмехнулся:

– Вы, должно быть, шутите?

– Мы хотели попросить его у вас на очень короткий срок. Не более чем на шесть месяцев. Кэтлин удалось создать неповторимые духи. Чтобы привлечь к ним внимание...

– То есть вы хотите использовать Танцующий Ветер в качестве рекламной приманки? – прервал его Андреас. – Так поступает большая часть предпринимателей. Думаете, вы первым обратились ко мне с таким предложением?

– Но это особый случай, – спокойно отозвался Алекс. – Мисс Вазаро может потерять фамильную собственность, если духи не будут пользоваться успехом. А ведь она ваша родственница.

– Весьма отдаленная.

– И все же я склонен считать, что это не имеет особого значения. Вы всегда печетесь о семейных интересах, – продолжал все с той же интонацией Алекс. – И мы не собира-

емся вечно эксплуатировать Танцующий Ветер. Небольшой тур по Европе, чуть больше – по Штатам, после чего статуетка будет возвращена вам.

– С чего вы взяли, что я соглашусь на это?

– Я уже сказал: вы стоите на страже фамильных интересов, – улыбнулся Алекс. – Кроме того, я намерен предложить вам шесть процентов прибыли из моих двадцати, пяти в течение пяти лет. А прибыль в случае успешной рекламной кампании ожидается где-то около трехсот миллионов долларов.

Андреас оперся грудью о стол:

– Даже если я и соглашусь помочь вам, вопрос о рекламной поездке с Танцующим Ветром по Европе исключается.

Алекс понимающе кивнул:

– Да, воры не дремлют. Но обещаю вам, что, если вы доверите нам свое сокровище, оно будет в целости и сохранности. Я сумею обеспечить самую лучшую охрану, какая только возможна. Более того, вся рекламная кампания могла бы проходить под вашим личным наблюдением.

Андреас засмеялся, словно не верил собственным ушам.

– Вы собираетесь отправить меня по Европе с Танцующим Ветром? Я слишком занятой человек для этого, мистер Каразов.

– Зато вы могли бы чувствовать полную уверенность в его сохранности. Это ведь в ваших интересах.

Последняя фраза прозвучала с таким страстным вооду-

шевением, что это заставило Андреаса еще более внимательно всмотреться в лицо Алекса.

– Вы хотели еще что-то сказать?

– Я уже сказал, что хотел.

– Этого недостаточного, чтобы убедить меня. – Он повернулся к Кэтлин. – Мне жаль, но риск слишком велик.

Кэтлин почувствовала, как рушатся ее надежды. Впрочем, этого следовало ожидать.

– Мне бы хотелось познакомить вас с планом нашей рекламной кампании. – Алекс щелкнул замками кейса. – Сразу после возвращения я бы нашел дизайнера, который занялся бы разработкой формы флакона и коробки. Мне кажется, что пробка должна стать миниатюрным повторением Пегаса – из матового хрусталя баккара. – Он вынул пачку листов с рисунками и фотографиями. – Второй гвоздь, на котором держится любая рекламная кампания, – это участие какой-нибудь знаменитости типа Элизабет Тейлор или Барышникова. – Он поднялся и подошел к столу Андреаса. – Вот несколько фотографий актрис, которые могли бы представлять наши духи.

Андреас помедлил, прежде чем взять у него из рук пачку бумаг. Кэтлин наблюдала за тем, как он раскладывает фотографии перед собой на столе. Было совершенно очевидно, что он уже твердо решил отказать им и медлил только из вежливости. И еще она видела, что Алекс не собирается сдаваться. На лице его появилось знакомое ей упрямое вы-

ражение.

– Нам требуется не просто красивое личико. Оно должно быть умным, глубоким, обаятельным. И в представлении публики эта кинозвезда должна быть не просто воплощением секс-символа. – Тон Алекса звучал достаточно безразлично. – Мой личный выбор пал на Челси Бенедикт. Мне всегда нравились картины, в которых она снималась. Впрочем, есть и другие кандидатуры. Например, Глен Клоус...

– Челси Бенедикт? – переспросил Андреас, не поднимая глаз от фотографий актрис.

– Я согласен, что она вызывает много споров. Но ее достоинства, несомненно, перевешивают ее недостатки.

Андреас поднял глаза, и Кэтлин поразила внезапная холодность его взгляда.

– Я вижу, вы продумали план вашей рекламной кампании самым подробнейшим образом...

– Это всего лишь примерный план. Но мне не хотелось идти к вам с пустыми руками. Много, конечно, еще не доработано, но... – Алекс улыбнулся. – Не отказывайтесь сразу. Если вам понадобятся дополнительные сведения, мы еще пробудем пару дней в отеле в Чарльстоне.

– Я подумую. Вы очень умный человек, мистер Каразов. Думаю, Кэтлин даже не догадывается, насколько вы предусмотрительный человек.

Настороженность промелькнула в выражении лица Алекса.

– Прошу прощения?

– Когда вы назначили мне встречу, я попросил Питера связаться с моим старым другом, который входит в совет по финансированию Агентства национальной безопасности, чтобы побольше разузнать о вас.

– Неужто самый обычный деловой визит требует такой подготовки?

Легкая улыбка скользнула по губам Андреаса.

– Вы говорили о моей репутации защитника семейных интересов. Так оно и есть. И мне не по душе, если вдруг моя – пусть и дальняя – родственница окажется орудием в руках какого-нибудь проходимца.

– Алекс не проходимец, – вступилась Кэтлин.

– Нет, конечно. – Джонатан выдвинул ящик стола, достал плотный пакет и вынул из него бумаги. – Это более крепкий орешек. Человек-загадка. Питер потрудился порядком, собирая на него досье. ЦРУ и Агентство национальной безопасности не слишком охотно сотрудничают при любых обстоятельствах, но, как сказал сенатор, при одном только упоминании имени мистера Каразова вообще наглухо задраили все люки. И все же нам удалось кое-что раскопать.

– Я был уверен, что вам это удастся сделать, – бесстрастно заметил Алекс.

– Вам тридцать семь. Вы родились в Румынии, но шесть лет назад получили американское гражданство. До того вы бежали из Советского Союза вместе с человеком по имени

Павел Рубански. – Джонатан помолчал. – Не без поддержки людей из ЦРУ. Само собой, вы должны были представлять для них большой интерес, чтобы они так расстарались.

– Вы хотите сказать, что он шпион? – изумилась Кэтлин.

– Не думаю, – сказал Джонатан. – ЦРУ воткнуло его сначала в команду аналитиков. Он проработал там шесть лет. Его заслуги ценили очень высоко, судя по тому, что он получал все, что хотел – вплоть до организации уик-эндов. – Джонатан отвел взгляд от Кэтлин. – С оплатой девочек по вызову. Тысяча долларов за ночь.

– Вы неплохо потрудились, – сухо заметил Алекс. – Если они так пеклись обо мне, то почему же я ушел от них?

– Что-то такое произошло, – ответил Джонатан. – Вы ушли, послав их к черту и хлопнув дверью. Они там и по сей день кипят от ярости, когда речь заходит о вас. Ходят всякого рода слухи, но ЦРУ строго засекретило все, что имеет отношение к вам.

– Уверяю вас, что я не сумасшедший ученый, который разрабатывает секретное химическое оружие.

– Я так и не думал. Научные исследования никак не вяжутся с вашим прошлым – со спецназом.

– Спецназ? – повторила Кэтлин незнакомое ей слово.

– Спецназ – русский вариант «зеленых беретов». Отборный отряд убийц, – добавил Джонатан.

– Не более отборный, чем спецслужба в Соединенных Штатах, – возразил Алекс. – Вы служили вместе с ними во

Вьетнаме, мистер Андреас.

– Да, но я не служил в КГБ, – отозвался он. – Через два года вас затребовал к себе КГБ. Для выполнения другой работы. Совершенно особого рода.

– Какого? – спросила Кэтлин. Она чувствовала себя так, словно присутствовала при странной игре в кошки-мышки, что велась между Алексом и Андреасом. Это угнетало ее и вызывало чувство досады.

– Почему бы не спросить об этом самого мистера Каразова? – Андреас откинулся в кресле, глядя прямо в лицо Алекса. – Он сам объяснит лучше. ЦРУ не любит прямо отвечать на поставленные вопросы. Но в отношении мистера Каразова их обуревают прямо-таки параноидальное нежелание говорить. Нет вопроса, они весьма ценят его способности: у него фотографическая память. В его уникальной библиотеке в Квантико имелась литература по любому вопросу – от новейшей ядерной физики до древней истории. Его ценили везде, где бы он ни оказывался – и спецназе, КГБ и ЦРУ.

– И нигде я не задерживался надолго, – вставил Алекс.

– Сейчас вы живете в Швейцарии, в великолепном тале. У вас столько денег, что ими можно топить камин. У вас счета в лучших банках Швейцарии.

– Он пишет романы, – вступилась Кэтлин. – Под псевдонимом Алекс Кэлан.

– Знаю. Более того, я прочел его книги и в восторге от них. По части сюжета его трудно превзойти. Но я сомневаюсь,

чтобы КГБ и ЦРУ носились с ним для того, чтобы обеспечить себя занимательным чтивом, – улыбнулся Джонатан. – На деньги с гонораров от книг такое шале не купишь.

– Все эти свидетельства приводятся для того, чтобы показать мисс Вазаро, насколько плохая репутация у человека, которого она выбрала в деловые партнеры. И что со мной не стоит иметь дела. Так? – без обиняков спросил Алекс.

– Скажем, небезопасно. – Джонатан обернулся к Кэтлин: – Каждый вправе принять решение, когда у него есть полная информация. А для этого ее надо получить.

– Вы имеете в виду не столько Кэтлин, сколько себя, мистер Андреас? Или вы уже приняли решение?

Кэтлин начала терять терпение: ей надоела эта перестрелка через ее голову.

– Что касается меня, то я хотела бы задать только один вопрос, который считаю важным. Что ты делал в ЦРУ, Алекс?

Он ответил не сразу. И на какой-то момент ей показалось, что он вообще не собирается отвечать. Но потом он коротко сказал:

– Решал головоломки.

– Ты шутишь.

– Нет. – Горькая улыбка появилась на его губах. – Я не шучу. Мне не было равных в искусстве разгадывать всевозможные «кроссворды».

Лицо Джонатана приняло строгое выражение.

– В разгадывании чего?

– Все очень просто. У меня особый дар. Дайте мне кусочки разрозненных сведений из одного источника, другого, третьего – и я тотчас отвечу, какая между ними существует связь. Я взвешиваю полученную информацию и даю прогноз на будущее. О том, что произойдет в ближайшие дни, месяцы, а иногда и годы.

– Это какой-то трюк? – произнесла недоуменно Кэтлин.

Алекс покачал головой:

– Нет! Скорее, гроссмейстерская игра. С той только разницей, что сам я никогда не принимаю участия в игре. Только говорю, куда и как надо передвинуть фигуры, чтобы выиграть. – Его улыбка погасла. – Они выиграли очень много партий с моей помощью. Из ста – девяносто два процента заканчивались успешно, если быть абсолютно точным.

– Разведывательные операции? – уточнил Джонатан.

– По большей части. Но иногда мне предлагали головоломки и из совершенно других областей.

– Каких же?

Алекс пожал плечами:

– Полагаю, мы уже достаточно покопались в моем ужасном прошлом. Я рассказал о том, что можно считать наиболее важным. – Он обернулся к Кэтлин. – Ну что? После всего сказанного ты, наверное, считаешь, что со мной не стоит иметь дела?

– Что? – Казалось, Кэтлин не слышала его вопроса. Что-то в его недавних словах настолько поразило ее, что она пол-

ностью ушла в свои мысли.

– Я сказал, что ты, наверное, решила...

– Ты и в самом деле умеешь разгадывать головоломки? Распутывать всевозможные загадки?

Все еще не понимая, к чему она клонит, Алекс кивнул:

– Да. В этом и заключалась моя работа. Я аналитик...

– Уникальный дар. И никто не может сравниться с тобой в этой области?

– В каком-то смысле да.

Она не обратила внимания на иронию, прозвучавшую в его голосе.

– Отлично. – И, повернувшись к Джонатану, заговорила, не скрывая охватившей ее радости: – Значит, у нас есть возможность завершить то, что еще не было сделано. Надпись на постаменте Танцующего Ветра. Еще никому не удалось расшифровать ее. И эта надпись чрезвычайно интересует мистера Масквела. Вы понимаете, к чему я.

Джонатан прервал молчание:

– Да, конечно. Эта тайна мучила наше семейство на протяжении многих веков.

– Алекс и я попробуем раскрыть ее.

– Мы? – Алекс приподнял брови.

– Конечно. – Кэтлин, нетерпеливо нахмурившись, посмотрела на него, прежде чем снова повернуться к Андреасу. – Я специалист по античности. Алекс – мастер решать головоломки. Чего же лучше?

Джонатан раздумывал некоторое время над сказанным.

– Интересное и неожиданное предложение. Следует ли мне напомнить о том, что над ее разгадкой бились много лет?

– Но Алекс обладает уникальным даром.

Алекс усмехнулся:

– Видимо, в следующий раз мне придется более тщательно выбирать выражения.

– Джонатан! Если Каразов возьмется за это дело, – впервые за все это время вступил в разговор Питер, – если мы начнем заниматься этим...

Джонатан с интересом посмотрел на Алекса:

– Вы считаете, что это возможно?

– Для начала мне надо хотя бы увидеть надпись.

– Андреасы не раз обращались к самым лучшим специалистам в этой области. И всякий раз дело заканчивалось неудачей. Наверное, требуется какой-то новый подход. Свежий взгляд на вопрос. – Он улыбнулся. – Специалист, которому окажется по зубам такой крепкий орешек.

– Я умею анализировать настоящее и давать прогноз на будущее. А вы говорите о том, что имеет отношение к далекому прошлому.

– Но это тоже своего рода загадка. Головоломка, – снова заговорила Кэтлин. – И мы сумеем решить ее.

– Весьма признателен, что ты так высоко оцениваешь мои способности, – задумчиво сказал Алекс, переводя взгляд на Джонатана. – Как бы там ни было, я, естественно, попробую

поработать над ней, если это будет означать, что и вы принимаете наше предложение.

– Мне надо подумать, – Джонатан поднялся из-за стола. – В любом случае Питер позвонит вам завтра утром. До свидания.

– Вы были так добры, что согласились принять нас, – сказала Кэтлин, вставая с кресла. – Мы бы не стали беспокоить вас, если бы это не значило так много для Вазаро. Пожалуйста, поверьте мне. Я... Мы сможем расшифровать надпись. – Выражение ее лица было чрезвычайно серьезным. – И если вы доверите нам Танцующий Ветер, обещаю, мы сумеем убедить его, мистер Андреас.

– Джонатан, – поправил он ее. Суровый взгляд Андреаса несколько смягчился. – Независимо от моего решения, я надеюсь, что мы прощаемся не навсегда. Может быть, вы захотите провести у нас несколько недель этой осенью, когда вся наша семья соберется, чтобы отметить день рождения моего отца.

– Благодарю за приглашение. Но боюсь, ваш отец не очень-то обрадуется мне. И я пока не знаю, не потребуется ли в тот момент мое присутствие в Вазаро.

Она повернулась к Питеру:

– Надеюсь, завтра мы поговорим обо всем подробнее.

– Я тоже рассчитываю на это.

Кэтлин поколебалась еще немного:

– Мне бы хотелось... Раз уж мы здесь, нельзя ли мне

взглянуть на Танцующий Ветер?

– Конечно, – Джонатан кивнул Питеру, который же направился к дверям. – Питер отведет вас к нему.

Алекс взял Кэтлин под руку, и они двинулись следом за Питером.

– Каразов, – окликнул Джонатан, когда они уже были у самой двери. – У меня еще один вопрос. Что случилось с вашим другом, Павлом Рубански?

Кэтлин почувствовала, как мгновенно напряглась рука Алекса.

– А что говорится о нем в вашем досье?

– Швейцарская полиция составила рапорт, согласно которому его смерть последовала от сердечного приступа в июне этого года, когда он находился в вашем шале.

– Тогда к чему этот вопрос?

Джонатан помолчал.

– Думаю, что мне не следовало его задавать. Это простое любопытство. – Он сложил бумаги и убрал их в стол. – Пришлите мне дополнительные сведения, которые касаются ваших планов проведения рекламной кампании.

Алекс кивнул:

– Немедленно, как только вернусь в отель.

Они прошли вслед за Питером по длинному коридору. Наконец он остановился возле одной из дверей.

– Ну вот мы и пришли. – Питер открыл дверь. – Здесь находится Танцующий Ветер. Заходите.

– А я почему-то думал, что вы прячете его в каком-нибудь сейфе, – сказал Алекс, оглядывая просторную, с высоким потолком комнату, посреди которой на постаменте стояла золотая фигурка Танцующего Ветра.

– Стали бы вы держать в сейфе члена семьи? – улыбнулся Питер. – Хотя если вдуматься, то у меня есть одна престарелая тетушка, которую я бы с удовольствием отправил туда. Не беспокойтесь. Здесь отличная охрана.

Взгляд Кэтлин не отрывался от пьедестала, который находился на самом почетном месте в центре комнаты. Дыхание у нее перехватило, и она застыла у входа.

– Боже мой! – Ей всегда казалось, что она готова к встрече с Танцующим Ветром. Но оказалось, что нет.

– Такое впечатление, что тебя ударили прямо в солнечное сплетение, правда? – грубовато спросил ее Питер. – Я знаю, каково это. И по сей день мне не так просто войти и эту комнату...

После первого ошеломляющего впечатления Кэтлин почувствовала, как в ней рождается какое-то новое ощущение. Состояние абсолютной ясности. Словно вся ее жизнь сама выстроила все так, чтобы она оказалась здесь. Медленным шагом она двинулась вперед, пока не остановилась прямо у статуэтки:

– Привет, малыш!

Она не осознавала, что произвольно заговорила вслух. Как и не осознавала того, что рука ее сама собой потянулась

вперед и с такой осторожностью коснулась точеного крыла, словно она боялась, что оно сейчас исчезнет. Золото светилось нежным светом, оставляя впечатление прохлады, чистоты и еще чего-то...

– Кэтлин! – услышала она голос Алекса.

– Да?

Как странно. На голографическом изображении изумрудные глаза смотрели с холодным отчуждением. Но сейчас в них ощущались мудрость, понимание и даже сострадание.

– Пора идти.

– Да мы же только вошли... – Она протестующе повернулась к нему и увидела, что и Алекс, и Питер смотрят не на Пегаса, а на ее лицо. Кэтлин отступила на несколько шагов и заставила себя улыбнуться Питеру: – Спасибо. Я мечтала о встрече с ним с самого детства.

– Вы можете навестить его когда захотите. – Питер все еще не сводил глаз с ее лица. – Это было... очень интересно.

Алекс, словно желая защитить, шагнул к ней, обнял за плечи и с мягкой настойчивостью увлек за собой к двери:

– Это завораживающее зрелище. Оно оставляет неизгладимое впечатление. Мы будем ждать вашего звонка, Масквел.

– Счастливого пути. – Питер вышел следом за ними и направился через холл к кабинету Джонатана.

– У меня было такое впечатление, что еще чуть-чуть, и ты схватишь его и убежишь, – проговорил Алекс. – Думаю,

Питер был готов к этому.

– Он так прекрасен, Алекс.

– А мы получили удовольствие, наблюдая за тобой. Ты замерла возле него и простояла минут пятнадцать не шевелясь.

– Пятнадцать? Да ты что? Мы там всего-то находились... – Ей казалось, что они провели в комнате несколько секунд. – В самом деле?

– В самом деле. Было ощущение, словно тебя загипнотизировали. – Алекс открыл входную дверь. – Но в целом, на мой взгляд, встреча прошла успешно. – Он усмехнулся. – Хотя ты несколько сбила с толку Андреаса тем, что не выказала ожидаемого им отвращения и презрения к моему ужасному прошлому. – Улыбка сошла с его лица, когда он посмотрел на нее. – И, надо признать, я тоже сильно удивился.

– Почему? Все, что я слышала, было очень интересно, но я и без того догадывалась, что ты занимался какими-то секретными вещами. – Она начала спускаться по каменным ступеням к ожидавшей внизу машине. – На самом деле все оказалось намного невиннее, чем я себе воображала.

– Но ты хоть осознаешь, насколько важным было твое вмешательство в ход нашей беседы? – Алекс крепко сжал ее руку. – Как это ты набралась храбрости?

– Я просто увлеклась и забыла о том, как тряслась от страха, пока мы ехали сюда. – Она серьезно посмотрела ему в глаза. – К тому же я сказала ему правду. Я сумею расшифровать надпись.

– Ты? Поправь меня, если я ошибаюсь, но я так понял, что ты отказываешься от моих услуг?

– На Джонатана произвели большое впечатление твои способности, только поэтому я и решила сослаться на них, – оправдываясь, проговорила Кэтлин. – Мне одной он бы не доверил такую работу. На самом деле расшифровкой я буду заниматься сама.

– Вот как! – лениво протянул Алекс. – А меня начинает интриговать эта загадка.

Она резко повернулась к нему:

– Это мое дело, Алекс!

Он расхохотался:

– Ого, как ты сразу выпустила коготки! Я пошутил. Мне хотелось посмотреть, что ты скажешь.

– Опять твоё чертово любопытство! – Она помолчала. – Извини. Просто никогда не думала, что мне представится такая возможность. Впрочем, ничего ещё не известно. Что, если Андреасу придется не по душе план рекламной кампании?

Алекс покачал головой:

– Мне кажется, что он выискивает подходящий предлог, чтобы дать свое согласие.

– Ты хочешь сказать, что он может передумать?

– Нет, – ответил Алекс. – Он уже передумал.

– И какое у тебя осталось впечатление, Питер? – Джонатан откинулся на спинку кресла. Его пальцы непроизвольно

поигрывали фотографией Глен Клоус, что лежала прямо перед ним на столе.

– О ком?

– О Каразове.

– Умен. Решителен. Скрытен.

– А Кэтлин?

Питер улыбнулся:

– Сначала она мне показалась мягкой кошечкой. Но с того момента, когда вдруг загорелась идеей расшифровать надпись... Первоначальное впечатление, которое она производит, обманчиво. – Улыбка исчезла с его губ. Выражение лица стало задумчивым. – И она влюблена.

– В Каразова?

– Может быть... – Питер усмехнулся. – Но еще сильнее – в Танцующий Ветер. Я не могу забыть, какими глазами она глядела на статуэтку. Никогда не видел, чтобы лицо озарилось таким внутренним светом.

– В таком случае она не меньше нас заинтересована в том, чтобы со статуэткой ничего не случилось.

– Совершенно верно. – Питер изучающе посмотрел на Джонатана. – И все же тебя мучают сомнения, можно ли доверять им Танцующий Ветер?

– Ты считаешь, что я способен на такой безумный шаг?

Питер усмехнулся:

– Надеешься, что стану отговаривать тебя? Ошибаешься. Ведь если мы дадим им возможность вывезти Танцующий

Ветер во Францию, я наконец заполучу дневник Катрин. И, кроме того, есть надежда расшифровать надпись.

– Рискуя навсегда потерять саму статуэтку.

– В том случае, если ты сам отправишься в эту поездку, можно гарантировать ее безопасность.

– Ты готов на все ради того, чтобы расшифровать надпись.

– Так мне представлялось раньше. Но после того, как я увидел сияющие глаза Кэтлин... Для меня это просто сильное увлечение. Для нее нечто совершенно иное. Это идет из глубины души.

– И все же тебе очень хотелось бы разгадать эту загадку, – задумчиво произнес Джонатан. – На протяжении сотни лет ученые ломали головы над расшифровкой надписи. Большинство из них склоняется к тому, что это мертвый язык, который исчез с лица земли еще до эпохи фараонов.

Питер отрицательно покачал головой:

– Первое упоминание о Танцующем Ветре восходит к Трое. Если бы статуэтка существовала до того времени, мы бы узнали. Это не такая вещь, которая могла пройти незамеченной. Какое-нибудь упоминание проскользнуло бы.

– Надпись, выцарапанная на стене пещеры, где жили неандертальцы?

– Мы бы наткнулись на какие-то упоминания о ней, – упрямо повторил Питер.

– Питер, ты не можешь знать... – Джонатан рассмеялся и снова покачал головой. – Ну какой же ты упрямец. Лад-

но, свяжись с Мэддоксом, постарайся вытянуть из него еще что-нибудь о Каразове. Сведения, которые он предоставил, слишком скудны. Если мы собираемся иметь дело с этим человеком, то нам надо знать всю его подноготную.

– А мы собираемся иметь с ним дело?

Взгляд Джонатана скользнул по фотографиям и рисункам, что лежали перед ним на столе. Он помолчал немного, прежде чем медленно произнести:

– Не исключено.

После ужина в отеле Алекс проводил Кэтлин до ее комнаты, открыл дверь и вручил ключ:

– Я попрошу, чтобы нам принесли завтрак сюда, к тебе. Чего бы ты хотела?

– Все равно.

Несмотря на то что Алекс заказал два номера, Кэтлин до этого момента считала, что он проведет ночь вместе с ней. Чтобы не выдать своего разочарования, она отвернулась.

– Как ты думаешь, в котором часу они позвонят?

– Когда Андреас сочтет, что уже удобно звонить. Он понимает, с каким нетерпением ты ждешь звонка, и не станет заставлять тебя томиться. – Он распахнул перед ней дверь. – Ты понравилась ему.

– И он мне. – Она повернулась к Алексу. – А тебе нет?

Алекс помедлил с ответом:

– Трудно не поддаться его обаянию. Если бы не те обстоятельства, при которых мы встретились, думаю, что мы могли

бы стать друзьями.

Она смотрела на него непонимающими глазами:

– Разве деловые отношения – не самый лучший повод познакомиться?

Алекс коснулся губами ее лба.

– Ты подружишься с ним. Вы относитесь к одному типу людей.

– К какому же?

– Открытому, дружелюбному. – Он снова улыбнулся ей. – А я уже давно утратил эти качества. Спокойной ночи.

– Боюсь, что спокойной не получится. – Она слегка нахмурилась. – Я страшно нервничаю. Ты почему-то уверен, что все обернется хорошо. Но мне не по себе.

– Я же сказал, что не стоит беспокоиться.

– Слушаюсь, – шутливо откозыряла она.

– Встань под горячий душ, а потом сразу ложись в постель – и через пять минут уже будешь видеть сны. Ты вторые сутки не спишь. Если я тебе понадоблюсь, то я внизу.

«Но не в моей постели».

– Думаю, что не понадобишься, – она с трудом выдавила из себя улыбку. – Все в порядке. Ты прав, не стоит распускаться. Спокойной ночи.

Она вошла в номер и быстро захлопнула за собой дверь. В конце концов, это даже хорошо, что он не остался у нее. Он, наверно, устал не меньше, чем она, и ему надо отдохнуть. Их связывает только секс. Другие чувства сюда не стоит припле-

тать. Вполне возможно, что теперь, когда наступило время решительных действий, он считает, что их близость может каким-то образом помешать делу, и, наверное, от этого придется вовсе отказаться.

Ну почему она такая идиотка! Еще немного – и слезы брызнут у нее из глаз, как когда-то в детстве. Взяв себя в руки, она двинулась в спальню. Сейчас она, как советовал Алекс, примет душ, ляжет в постель и заснет в ту же самую минуту.

А если это не получится, она будет лежать и вспоминать: о той волшебной минуте, когда ее глаза встретились с глазами Танцующего Ветра.

6

В дверь постучали.

Кэтлин с трудом разлепила глаза. Яркий солнечный свет заливал комнату. Позолота. Белизна. Холодное изящество. Это не Вазаро.

Стук повторился снова, и осознание действительности наконец-то вернулось к ней. Алекс!

Она села на диване, отбросив в сторону покрывало.

– Иду, иду! – Она подошла к двери и повернула ключ.

Алекс стоял перед ней свежий и отдохнувший. Его темные волосы были еще влажными после душа. Он вошел, мягко притворив за собой дверь.

– Ну как ты?

– Извини, я еще не проснулась как следует. Вот приму душ и стану такой же свеженькой, как и ты.

– Сомневаюсь. – Его взгляд пробежал по ее лицу. – Ты так и не смогла заснуть?

– Неужто я так плохо выгляжу? – Она провела ладонью по лицу. – Мне и в самом деле долго не удавалось сомкнуть глаз. Где-то под утро я решила принять снотворное.

Он заметил покрывало на диване.

– Ты спала здесь?

– Кровать оказалась каких-то необъятных размеров. Словно взлетное поле на аэродроме. – Она попыталась при-

гладить растрепавшиеся волосы. – Сейчас я умоюсь, оденусь и буду готова...

– Пстой!

Она обернулась, пытаясь понять, что означает выражение его лица.

– Я тоже неважно спал, – медленно заговорил он. – И тоже долго ворочался. Мне не хватало тебя. Иди ко мне. – Он протянул к ней руки.

Вспышка желания обожгла ее.

– Но сейчас должны принести завтрак...

– У нас еще есть время. Я не стану запираить дверь, чтобы официант мог оставить все здесь, а мы перейдем в спальню. Я понимаю, что тебе сейчас не до меня, но все же...

«Он хочет меня. Значит, все хорошо. Ничто не переменялось».

Кэтлин почувствовала, как постепенно уходит сковывающее ее напряжение.

Он обнял ее, прижав к себе, внимательно глядя ей в глаза:

– Мне не следовало оставлять тебя одну, зная, что ты все равно не уснешь.

– Ты не можешь нести ответственность за меня. Ты не... –

Она замолчала на полуслове.

Его рука легла ей на грудь. Тонкая ткань ночной рубашки не могла скрыть тепла ладони.

– Я должен был помочь тебе, – сказал он. – Чтобы ты смогла расслабиться. – Он отодвинул вырез сорочки так, чтобы

обнажилась грудь, и, встав на колени, со страстным нетерпением прильнул к соску, лаская его губами и языком.

Язык и губы излучали необыкновенное тепло, которое разносилось по всему телу. Обычно он был другим: настойчивым и страстным.

– Алекс, – ее колени ослабли и подогнулись, словно ватные. – Тебе не кажется, что нам лучше пойти в спальню?

– Еще нет, – ответил он, на миг оторвавшись от одного соска и передвигаясь к другому, в то время как руки его сжимали ее ягодицы.

– Я хочу... лечь... – попросила она.

– Еще рано, – повторил он и осторожно присел на диван, по-прежнему удерживая ее перед собой. – Ты еще не расслабилась окончательно. – И, подняв сорочку повыше, провел языком по животу, в то время как ладонь скользнула меж ног, ласково поглаживая увлажнившееся лоно. – Теперь лучше?

– Нет, Алекс. – Она слышала, каким прерывистым стало его дыхание. – Так не очень хорошо.

– Я знаю. – Он расстегнул «молнию» на брюках. – Иной раз это почти болезненное ощущение. Ладно, как-нибудь потом мы продолжим исследования в этой области. А теперь – иди ко мне. – И он посадил ее к себе на колени.

«Должно быть, страшно неудобное положение», – подумала она так, словно речь шла о ком-то другом. Ей никак не удавалось сохранить связность мыслей, потому что она по-

чувствовала, как он входит в нее снизу. Приглушенный крик удовлетворения вырвался у нее из горла, как стон.

– Теперь сдвинь ноги, – прошептал он, – и постарайся не шевелиться.

Она послушно выполнила то, что он сказал, и вцепилась ему в плечи.

– А теперь двигайся. – Алекс снова, приподнял сорочку и прильнул к ее груди.

Он медленно покачивал Кэтлин на коленях, словно хотел убаюкать, удерживая ее в кольце своих рук, лаская соски. Волна за волной накатывала и снова отпускала ее. Объятие было таким нежным и любящим, как никогда прежде.

– Алекс, – прошептала она, – у меня сейчас будет сердечный приступ.

– Еще немного, – ответил он, оставив левый сосок и опять перебравшись к правому.

И тут раздался стук в дверь.

– Это принесли завтрак, – успокоил ее Алекс, поправляя сорочку на груди.

– Скажи ему, пусть уходит.

– Нет, зачем же. Тебе непременно надо будет поесть. – Алекс смотрел на нее с самым невинным видом.

– Ты же не хочешь, чтобы он застал нас...

– Что тут такого? – усмехнулся он и набросил атласное покрывало так, чтобы оно закрывало нижнюю часть тела. – Мы смотримся вполне респектабельно. Просто ты сидишь

у меня на коленях, а я ласково обнимаю тебя. – Он очень нежно вошел в нее еще глубже.

– Алекс, это невозможно...

– Войдите!

Дверь распахнулась, и пожилой официант в белом костюме вкатил в комнату сервировочный столик.

– Доброе утро. – Он бросил на них безразличный взгляд. – Меня зовут Мак. Я обслуживаю ваш номер. Чудесный день сегодня?

– Исключительно, – согласился с ним Алекс.

– Где вам поставить столик?

– Все равно, – ответил Алекс.

Кэтлин боялась шелохнуться. На первый взгляд их поза и в самом деле могла показаться достаточно пристойной, но она-то знала... Алекс по-прежнему оставался в ней, и объятие их было самым интимным. Горячая волна снова поднялась снизу вверх.

– Вы надолго остановитесь у нас? – спросил Мак.

– Сейчас трудно сказать, – ответил Алекс, сжав под покрывалом бедро Кэтлин, отчего у нее все поплыло перед глазами.

– В нашем городе немало исторических достопримечательностей, – официант отступил и оценивающе посмотрел на стол.

Большой палец Алекса коснулся ее лона, самой чувствительной точки, и осторожно надавил на нее. Она не понима-

ла, каким чудом ей удалось сдержать стон.

– В Чарльстоне хватает старинных зданий.

Палец Алекса двинулся вперед медленно, нежно, словно предвкушая тот момент, когда снова коснется заветного места.

– Мы обязательно побываем там, – кивнул Алекс. – Вы не могли бы разлить нам кофе?

– Конечно. Это моя обязанность. – Мак поднял кофейник и наполнил две чашечки китайского фарфора, стоявшие на столе. – Что-нибудь еще?

Еще минута этой пытки, и она не выдержит.

– Нет, спасибо.

Мак опустил кофейник и подошел к дивану, протягивая счет и ручку, чтобы они расписались.

– Подпиши ты, Кэтлин, – сказал Алекс, снова медленно двигая большим пальцем вперед и назад.

Дрожащей рукой она вывела свою фамилию.

– Спасибо. Всего доброго! – Мак закрыл за собой дверь, положив счет в карман пиджака.

– Кажется, твоя щедрость произвела на Мака большое впечатление, – пробормотал Алекс, когда официант вышел, и нежно погладил завитки волос на ее лоне.

– Я готова убить тебя! – воскликнула Кэтлин.

– Ты явно не в духе, поэтому мне придется удалиться...

Кэтлин чуть не задохнулась от обиды и негодования.

– ... в твою спальню, – закончил Алекс. – Теперь самое

время воспользоваться твоей королевской кроватью.

Она не помнила, каким образом оказалась лежащей на спине в своей постели, где ей было так неудобно вчера. И как Алекс снова вошел в нее. Бедра его ходили в бешеном ритме, словно он пытался наверстать те сознательно упущенные минуты, когда он разговаривал с официантом. Воздух раскалился, как перед бурей, настолько нетерпеливы были они оба. И оргазм принес облегчение, как разразившаяся грозой, молнией и дождем гроза.

Когда все закончилось, Кэтлин осталась лежать совершенно безвольная, неспособная шевельнуть даже кончиком пальца.

Алекс смотрел на нее, приподнявшись на локте. Глаза его сияли радостью.

– Кажется, мне удалось.

– Что?

– Ты смогла расслабиться. Тебе уже ни до чего нет дела. Ни духи, ни Андреас не волнуют тебя.

Она приподняла брови:

– Ты ради этого устроил спектакль?

Его улыбка сошла с лица.

– Нет, чтобы расслабиться самому. Я принял решение держаться от тебя подальше, но у меня ничего не получилось.

– Почему ты так решил? – Она села на постели и принялась снимать влажную сорочку. – Впрочем, зачем я спраши-

ваю? Каждый имеет право делать то, что ему хочется.

– Тсс, – он прижал палец к ее губам. – Ты имеешь право рассчитывать на полную откровенность. – Его палец ласково скользнул по ее шее. – Ты... слишком нравишься мне.

Кэтлин обдало жаром.

– Поэтому ты решил держаться подальше?

Он выдержал ее взгляд.

– Наши отношения становятся слишком сложными, – ответил он. – Я не такой открытый и добрый, как ты или Андреас. Я жил очень долго для себя и ради себя.

– Ты предупреждаешь?

– Да. Ты начинаешь поглощать все мое внимание. Вот почему я решил отстраниться. Сегодня мне просто хотелось помочь тебе. – Он спустил ноги на пол. – Пойду в свой номер, приму душ и переоденусь. Через пятнадцать минут буду у тебя.

Она услышала, как за ним захлопнулась дверь. Ничего нового в словах Алекса для нее не было. Просто Кэтлин лишний раз убедилась, насколько он остерегается поддаваться своим чувствам.

Алекс сказал, что она нравится ему.

Нравится. Но это еще не значит, что он любит ее. Ничего похожего на любовь между ними не существовало. Но как друг и деловой партнер он незаменим. Нет такого правила, что любовники не могут быть хорошими друзьями.

Мысль об этом отчасти воодушевила ее. Слабая улыбка

все еще блуждала у нее на губах, когда она открыла дверь из матового стекла, ведущую в ванную комнату, и с наслаждением подставила прохладным струям свое разгоряченное тело.

Звонок Питера Масквела прозвучал в ее номере ровно в десять утра. Кэтлин слышала из спальни, как Алекс поднял трубку в гостиной.

– Джонатан дает согласие на то, чтобы вы использовали Танцующий Ветер. – Голос Питера звучал подчеркнуто деловито. – За десять процентов прибыли в первые пять лет и с согласованием каждого пункта вашего тура по Европе. Мы будем обеспечивать охрану. Джонатан или я, а может быть, и мы оба примем участие в этой поездке.

– Договорились. – Алекс проговорил это таким же сдержанным тоном, каким говорил Питер. – Он даже не возражает против поездки по Европе?

– Без особого энтузиазма, принимая это как неизбежность. Идею упаковки он одобрил. Прежде чем вы запустите ее, ему бы хотелось посмотреть на пробный образец. Как скоро вы собираетесь выпустить духи на рынок?

Алекс, прикрыв трубку рукой, повернулся к Кэтлин:

– Когда будет готова пробная партия?

– Не знаю, – она никак не могла собраться с мыслями. – У меня соглашение с фабрикой месье Сердо в Граесе. Надо позвонить ему и узнать, не сможет ли он приступить к выпуску духов прямо сейчас.

– А если он согласится, то когда приблизительно можно ждать партию?

– Через три месяца.

– Три месяца, – повторил Алекс. – Но до этого надо успеть поднять большой шум. Мы устроим первую презентацию с актрисой, которая будет участвовать в рекламной кампании, в Париже через полтора месяца. Было бы неплохо, если бы к тому времени Танцующий Ветер находился у нас в руках.

– Мне нужно свериться с расписанием Джонатана. – Питер помолчал. – Кстати, он остановил свой выбор на Челси Бенедикт.

– Я рад, что наши вкусы совпали.

– Она совсем недавно получила своего второго «Оскара». И, наверно, сейчас ее все пытаются заполучить к себе. Вы можете обещать, что добьетесь ее согласия?

– Уверяю вас, что смогу.

– В этом деле не должно быть никаких случайностей, – сказал Питер. – Мы не подпишем ни единой бумаги, пока не увидим образец флакона и контракт на участие в рекламной кампании, подписанный Челси Бенедикт.

– Резонные требования. И то и другое вы получите в следующем месяце. Надеюсь, расписание мистера Андреаса будет составлено таким образом, чтобы он мог сопровождать Танцующий Ветер в Париж.

На другом конце провода наступило молчание.

– Если все окажется так, как мы говорили, то Танцующий

Ветер прибудет в Париж третьего октября.

Кэтлин видела, что разговор стремительно шел к концу, а собеседники еще ни словом не обмолвились о расшифровке.

– Надпись! – напомнила она, поднимая вторую трубку.

– Разумеется, ваша помощь будет весьма кстати. Я сам увлекаюсь фотографией, и у меня накопилась кипа снимков – под самыми разными углами, с самых разных сторон и при разной степени освещения.

– Вы пришлете мне дневники?

– Вы читаете на итальянском?

– Нет, не читаю. Но говорю довольно сносно.

– Этого мало. Дневник Катрин датирован 1497 годом. И хотя я читаю на итальянском свободно, у меня не раз возникали сложности. Это архаичный итальянский. Многое вы просто не сможете разобрать. Будет лучше, если я вышлю перевод. Я уже здорово помучился над ее почерком.

– И когда я получу текст?

– Понятия не имею. Сразу же, как только выкрою на это время. А после того, как вы получите его, вам придется дважды в месяц писать мне отчеты о том, как продвигается работа над расшифровкой надписи.

– Вначале мы вообще можем просто топтаться на месте, – вмешался Алекс.

– И все же вам придется писать, как идут ваши дела, – голос Питера немного потеплел. – Желаю удачи. Думаю, вы справитесь.

Он положил трубку раньше, чем Алекс успел ему ответить.

– Не могу поверить! – Глаза Кэтлин сияли. – Я не представляла, что это получится.

– А я говорил, что да.

Кэтлин вскочила и бросилась ему на шею:

– Танцующий Ветер! Даже подумать страшно...

– У тебя глаза сверкают точь-в-точь как у него.

Кэтлин улыбнулась.

– Но как ты мог обещать все устроить так быстро? У нас даже нет флакона.

– Ничего. Деньги помогают ускорить решение любого, самого сложного вопроса.

– Потребуется громадная сумма.

– У меня их достаточно.

– Значит, с этим все в порядке. – Она вернулась к самому главному: – Предположим, выпуск флакона и в самом деле можно ускорить. Но вот что скажет Челси Бенедикт?

– Да, здесь могут возникнуть кое-какие трудности, – согласился Алекс. – Нам в первую очередь надо будет заручиться ее согласием.

«Он говорит так, будто Челси послушный ягненок и пойдет, куда ее позовут», – подумала Кэтлин. Но если верить всем этим слухам о нраве актрисы, то она скорее напоминает неприрученную тигрицу. Вот уже тринадцать лет Челси Бенедикт входит в число звезд мирового кино. Она получила

двух «Оскар»». Кэтлин помнила, что в свое время вокруг имени Челси была поднята какая-то большая газетная шумиха, но с чем она была связана – не знала. Наверняка Алексу это было известно во всех подробностях.

– Уверена, у тебя есть досье и на нее тоже?

– Самое главное – я знаю, где ее сейчас искать. – Алекс встал, нежно коснувшись губами ее щеки. – Сейчас Челси вместе с дочерью участвует в акции по спасению китов, организованной «Гринпис». Пойди в магазин и выбери себе какое-нибудь теплое пальто, а я закажу билеты на самолет.

– И куда мы полетим?

– В Рейкьявик.

– В Исландию?

Челси Бенедикт чертовски надеялась, что репортер успеет сделать снимок до того, как ее вывернет наизнанку.

Она глянула через плечо и увидела спину серого кита, который, как торпеда, скользнул по серо-зеленым волнам океана и исчез в глубине. Фотограф так и не успел снять ее на фоне кита. Но, в конце концов, они добились главного: киту удалось уйти, и, может быть, Мариза решит, что жизнь кита стоит того кошмара, который они пережили. Их суденышко «Спасатель» болталось между китом и китобойным судном, которое было раза в четыре больше «Спасателя», и Челси вовсе не считала подобные подвиги самым лучшим времяпрепровождением.

Челси стояла на носу корабля, вцепившись в перила, и с

вызовом глядела на капитана китобойного судна, находившегося в трехстах ярдах от них. Вернее, она надеялась, что глядит с вызовом. Она чувствовала себя настолько ужасно, что ей стоило больших трудов сохранять обычный гордый и решительный вид. Рядом с бородатым капитаном на палубе торчал какой-то злобный идиот, нацеливший на нее китобойную пушку.

– Снимайте хоть это, куда вы смотрите! – процедила она сквозь зубы, обращаясь к фотографу.

– Жду, пока он выстрелит в вас, – со злорадством улыбнулся Пол Тиндаль.

Она смерила его ядовитым взглядом. До чего же толстый, прилизанный и до отвращения добропорядочный тип!

– Вы сами вызвались плыть с нами. Теперь постарайтесь быть хоть немного полезным.

– Мы еще не подошли достаточно близко, чтобы сделать интересный снимок.

– Я договорилась с «Тайм» о статье и, если представится подходящий случай, о снимке на обложку.

– Мама, ему не обязательно снимать. – Мариза подошла ближе к Челси. – Нам удалось сделать то, что мы хотели. Кит в безопасности... А завтра подойдет катер «Гринпис».

Челси перевела взгляд на встревоженное лицо дочери, и выражение ее глаз смягчилось. Эти часы, проведенные на борту, и ей дались нелегко. Но из-за тревоги об этом проклятом ките она не обращала внимания на холод и качку.

– Все в порядке, детка, не беспокойся.

– Вы уже урвали свою долю популярности, – сказал Тиндаль. – На следующей неделе в журнале появится заметка о храброй Челси Бенедикт, такой гуманной и озабоченной судьбой несчастных китов, и о ее столкновении с исландскими китобоями. Что вам еще требуется?

Челси пришла в такую ярость, что на мгновение даже перестала ощущать приступы тошноты, вызванные качкой.

Господи! Почему из всех репортеров в мире ей досталась эта напыщенная задница, ненавидящая кинозвезд?

– Речь шла именно о снимках, и я должна получить фотографию на обложку.

– Ну так попросите меня хорошенько, – пожал плечами репортер.

– Мне плевать на то, что ты думаешь обо мне, сукин сын! – Челси произносила каждое слово тихо и отчетливо. – Но Мариза надеется, что эта реклама удержит китобоев от дальнейшей охоты на китов. И я сделаю все, чтобы снимки получились такими, какие ей требуются! – И, повернувшись к капитану, она крикнула: – Правьте ближе к китобоям!

– Мама, не надо! – Мариза схватила ее за руку. – Не стоит дразнить их.

Капитан Деквар кивнул в знак согласия.

– Вы же видели, какой у них капитан. Он и без того разозлился как черт, когда мы помешали им загарпунить кита.

– Мы отправились сюда не для того, чтобы радовать их. –

Повернувшись к Тиндалю, Челси процедила сквозь зубы: – И так, вы считаете, что расстояние между нами слишком велико, чтобы получился хороший снимок? Посмотрим, что вы скажете, когда мы подойдем вплотную.

Мариза отойди к правому борту.

– Я не хочу, чтобы ты стояла здесь.

Мариза помедлила, но со вздохом подчинилась.

– А вы, Тиндаль, стойте там, где стоите, и держите камеру наготове.

Тиндаль выпрямился.

– Вы не отдаете себе отчета в том, что собираетесь делать...

– Если ты и на этот раз упустишь момент, я зашвырну твою камеру в море.

О борт «Спасателя», который начал вырубивать к китобойному судну, ударила волна. Челси увидела ошеломленное выражение на лице бородатого капитана. Он что-то крикнул ей и потряс кулаком.

– Быстро! Подскажите мне несколько исландских ругательств, – бросила Челси через плечо Деквару. – Что-нибудь позабористее, чтобы он совсем потерял голову.

Деквар пробормотал что-то по-исландски.

– Медленнее. Я не успела ухватить. – Она не отрывала глаз от шкипера китобойного судна, который говорил что-то матросу, стоявшему у китобойной пушки. – Короче и крепче! В двух словах.

Капитан повторил более отчетливо.

– Поняла! – У Челси всегда был великолепный слух на реплики в диалогах. Но она никогда не думала, что придется воспользоваться своим даром в таких обстоятельствах.

– Осторожнее! – вырвалось вдруг у Тиндаля.

– Он не так глуп, чтоб выстрелить в меня на самом деле, – ответила Челси, не глядя на репортера.

Она очень надеялась на это. Набрав побольше воздуха, Челси громким голосом выкрикнула только что выученные ругательства.

И в следующую секунду началось светопреставление.

Шкипер побагровел и что-то заорал.

Раздался негромкий выстрел китобойной пушки, и гарпун, со свистом рассекая воздух, вылетел в сторону Челси.

Мариза, вскрикнув, бросилась к матери.

Раздался глухой удар гарпуна о древко мачты в двух футах над головой Челси.

Все это произошло почти одновременно.

Каждый мускул на теле Челси вибрировал от страха и гнева. Она обернулась к Тиндалю:

– Ну что, сукин ты сын? Успел снять?

Тиндаль стоял белый как мел. Руки, державшие камеру, дрожали.

– Успел.

– Так подавайте же назад, подальше от этого дьявола!

Деквар подчинился, с невероятной скоростью выкручивая

руль на девяносто градусов.

– Рубите линь. Иначе нам не уйти!

Кто-то из матросов подскочил к мачте и перерезал линь, прикрепленный к гарпуну, плотно засевшему в мачте.

Челси кинула последний взгляд на китобоев. Хотя капитан все еще смотрел на нее, он казался значительно спокойней. Никто не перезаряжал пушку. И спустя пару минут «Спасатель», взяв направление на юг, шел к Рейкьявику.

Челси закрыла глаза и попробовала поглубже вдохнуть воздух.

– Мариза, ты можешь пообещать мне одну вещь?

Мариза приложила мокрый носовой платок к виску матери.

– Что?

– В следующий раз ты отправишься спасать слонов. – И Челси свесилась над перилами. – Боже, ну до чего же я ненавижу морскую болезнь!

Алекс и Кэтлин въехали на такси в порт в тот самый момент, когда «Спасатель» подошел к причалу. Неподалеку от того места, где затормозил их водитель, стоял черный лимузин.

– В самый раз! – сказал Алекс. Расплатившись с водителем такси, он попросил его подождать их. – Посмотрим, с какой ноги встала наша мадам...

– Неужели она и в самом деле вышла с дочерью в море, чтобы помешать китобоям?

Алекс кивнул.

– Исландцы и японцы все еще промышляют этими редкими животными. Многие исландцы понемногу начинают понимать, что пора прекратить охоту. Но те, кто жил этим промыслом, с большим озлоблением встречают вмешательство в их дела.

– Вон она! Я узнала ее. – Кэтлин выскочила из машины и побежала к причалу.

Челси нельзя было не заметить. Пышная волнистая масса волос медово-красноватого оттенка, падавшая на ее плечи, сияла на солнце, словно факел. В первый момент, глядя на нее, еще можно было заметить, что она маленького роста. Но уже в следующую секунду ее подвижность, грациозность и жизненная энергия подавляли собеседника. На ней был белый рыбацкий свитер, куртка из мягкой кожи и зеленые слаксы, заправленные в бежевые ботинки.

Алекс и Кэтлин, поджидая ее, остановились у сходней. И как только она сошла на берег, Алекс выступил вперед.

– Миссис Бенедикт? Я Алекс Каразов, а это – Кэтлин Вазаро. Вы не могли бы переговорить с нами?

Челси подняла голову, и Кэтлин вздохнула от изумления. Она не ожидала, что актриса настолько хороша собой. Чистая, чуть смуглая кожа не нуждалась ни в какой косметике. У нее были высокие скулы и глубоко посаженные сапфирового цвета глаза. Своеобразные черты ее лица не претендовали на классическую правильность. Она была хороша по-

своему, вызывающей неповторимой красотой.

– К чертям собачьим! – нахмурилась она. Ее голос был гортанным, почти хриплым. – Я замерзла, промокла, измотана качкой. К тому же этот ублюдок, что идет позади, получил исключительные права на материал об этой поездке.

Только сейчас Кэтлин обратила внимание на страдальческие морщинки, что залегли в уголках рта Челси. Алекс пригнул Кэтлин поближе к себе.

– Мы не газетчики, миссис Бенедикт. У нас к вам деловое предложение.

– Откуда мне знать, кто вы? Говорите с моим менеджером. – Челси обернулась. – Мариза, идем скорей.

Молодая девушка, на голову выше Челси, одетая в желтую ветровку и джинсы, быстро спускалась по мостику:

– Извини, мама. Мистер Тиндаль попросил меня ответить на несколько вопросов.

Челси встрепелась и насторожилась:

– Иди в лимузин. – Челси сквозь зубы пробормотала какое-то ругательство. – Я сама разберусь с ним.

– Да все нормально, мама. Я не против того, чтобы поговорить с ним.

– Зато я против. – Челси в упор смотрела на человека, спускавшегося следом за Маризой. – Мистер Тиндаль! Вам заказали материал об акции «Гринпис», а не о моей дочери, так ведь? – неестественно спокойным для нее голосом спросила она.

Тиндаль хитровато улыбнулся:

– Вы же хотите забойный материал. И если я выужу нечто...

– ... то тебя самого потом будут выуживать со дна Атлантики! – закончила Челси уже другим тоном.

– Не надо, мама, – вмешалась Мариза. – Меня совершенно не волнует, что он там понапишет. Главное, чтобы после этого материала заговорили о китах.

– Ваша дочь понимает лучше вас, что цель стоит того, чтобы не бояться слегка испачкаться... – Он шутовски поклонился Челси. – Уверяю вас, я раскопаю кое-что достойное внимания. – И он прошел мимо них.

Челси, глядя ему в спину, высказала все, что думает о нем, в таких выражениях, которым позавидовал бы любой моряк.

– Мама, не расстраивайся, – снова вмешалась Мариза, обняв мать за плечи. – Сейчас примешь горячую ванну, поспишь, и твое раздражение пройдет.

Челси ласково дотронулась до ее щеки.

– Ладно, ничего не поделаешь. Одним скандалом больше, одним меньше – какая разница.

Тут Алекс снова выступил вперед:

– Сейчас вам не до того, чтобы обсуждать дела, но, может быть, вы сможете принять нас в отеле вечером? Мы отнимем у вас не больше десяти минут.

– Вряд ли у меня найдется...

– Пожалуйста, не торопитесь отказываться. Наш партнер

Джонатан Андреас будет крайне раздосадован тем, что вы даже не пожелали выслушать интересный план, связанный с Танцующим Ветром.

Челси стремительно обернулась:

– Вот как? Какого же дьявола вы раньше молчали? Приходите в мой номер на чай к четырем часам. – Она села в машину, шофер захлопнул дверцу и сел за руль.

Алекс и Кэтлин остались стоять, глядя на быстро удаляющийся лимузин.

– Она не стесняется в выражениях. – Кэтлин сунула руки в карманы своего теплого шерстяного пальто. – И как это только тебе удастся убеждать таких своенравных людей?

– Это не так уж трудно. – Алекс взял ее под руку и повел к ожидавшему их такси. – Дай им то, что они хотят, и взамен получишь то, что нужно тебе. Вот и весь мой секрет.

Челси внимательно выслушала план рекламной кампании, сохраняя безучастное выражение лица. Когда Алекс закончил, она какое-то время сидела молча, опустив длинные ресницы и глядя в чашку с янтарным чаем.

– Мне никогда еще не приходилось заниматься такого рода делами. Я актриса, а не зазывала.

– Уверяю вас, что все будет организовано с большим вкусом, без пошлости. Вам не придется стыдиться своей работы. – Алекс даже подался вперед в своем кресле.

Челси оторвала взгляд от чашки с чаем.

– Хорошо, я подумаю. – Внезапно она перевела взгляд на

Кэтлин, сидевшую в другом кресле, неподалеку от Алекса. – А почему, черт возьми, вы словно в рот воды набрали? Ведь духи создали вы?

Кэтлин почувствовала, что мгновенно покраснела от неожиданного выпада.

– Да, я.

– Тогда почему же вы не пытаетесь убедить меня?

– Н-н-н-не... знаю... – Она запнулась. А потом сказала то, что было на самом деле: – Потому что вы... я побаиваюсь вас.

– И поэтому поручили все переговоры своему партнеру? – Чувствовалось, что Челси с лету понимала, с кем она имеет дело, и видела людей насквозь. – У вас есть с собой пробный образец духов?

– Разумеется, есть. – Кэтлин вынула из сумочки маленький флакон. – Я назвала их «Вазаро».

Челси открыла флакон и провела им на некотором расстоянии перед собой, затем капнула на запястье, растерла и снова вдохнула воздух, на этот раз глубже.

– Да они просто волшебные!

– Вам нравятся? – Кэтлин нетерпеливо смотрела на Челси.

– Лучше и быть не может. – Проведя еще раз возле лица,

Челси спросила: – А почему «Вазаро»?

– Вазаро – это мой дом. Там мы выращиваем цветы для наших духов.

– Гм... – Челси вернула флакон Кэтлин. – И где это?

– Южная Франция, окрестности Грасса.

– Мы хотим снять в Вазаро телевизионный рекламный ролик, – добавил Алекс. – Невероятно привлекательный уголок.

– Масса туристов?

– Напротив. Прекрасное уединенное местечко, где можно любоваться красотами природы, наслаждаясь полным покоем.

Челси еще раз с удовольствием вдохнула аромат духов.

– Вы сказали, что мне надо будет приехать в Париж через месяц?

Кэтлин почувствовала облегчение. Если бы Челси не заинтересовалась, то не стала бы спрашивать о сроках. Алекс кивнул.

– Вы будете представлять Танцующий Ветер, который под шумные звуки фанфар вернется на родную землю, и объявите день поступления в продажу духов.

– И на всех углах будут расклеены плакаты, изображающие меня в обнимку с Танцующим Ветром. – Челси усмехнулась. – Мне еще ни разу не доводилось выступать перед публикой... со статуей!

– Зато какая статуя! – вкрадчиво сказал Алекс. – И какая женщина! Вместе вы повергнете мир к вашим ногам.

Челси откинула голову и засмеялась:

– Ну и хитрец же вы!

– Итак, вы согласны?

Длинные ресницы Челси опустились, скрывая сапфировое сияние ее глаз.

– Если мне подойдут условия договора.

Пальцы Кэтлин судорожно сжали флакончик с духами.

– Мы с вами еще не обсудили одну важную сторону. Сколько за это заплатят. Я не люблю жадничать, но...

– Два миллиона долларов, – ответил Алекс.

У Кэтлин перехватило дыхание. Ей и не снилось, что придется столько выложить за одну презентацию.

– Этого недостаточно, – ответила Челси.

– Но это больше, чем вы обычно получали за съемки в фильме.

– За следующий фильм я запрошу три...

– Но речь идет всего лишь о том, чтобы несколько раз появиться перед публикой. Это гораздо легче, чем ваша обычная работа.

– Да. Но тут я буду представлять товар. Это большая ответственность.

Алекс помедлил, раздумывая.

– Три миллиона...

– Я согласилась бы и на миллион семьсот. Вы слишком уступчивы.

Он улыбнулся:

– Нет, я не уступчив. Но при меньшем гонораре вы бы начали выдвигать свои условия. А я не хочу этого.

– И все же у меня есть одно условие. – Челси кивнула на

флакон в руках Кэтлин: – Я хочу, чтобы духи носили мое имя. «Челси».

– Нет! – вырвалось у Кэтлин.

Челси упрямо вздернула подбородок:

– А я настаиваю. Для меня это – практически вечная реклама. Хорошие духи держатся в моде долго. Возьмите, к примеру, «Шанель».

Алекс молчал.

– Скажи же! Скажи, что это невозможно! – Кэтлин повернулась к Алексу. – Я ни за что не стану менять название.

– Я сбавлю цену до двух миллионов семисот, – сказано Челси. – При условии, что духи будут называться моим именем. В противном случае сделка не состоится.

– Алекс! – Кэтлин стиснула ему руку. – Скажи!

– Нам нужна Челси.

– Но не настолько же?

– Ты даже не представляешь, насколько, – возразил Алекс.

Слезы отчаяния душили Кэтлин.

– Ты ведь мне сам сказал, что я могу оставить такое название, какое хочу. Ты... – Она почувствовала, как напряглись его мускулы под твидовым пиджаком.

– Неужели ты не понимаешь, насколько все связано одно с другим. Если одно звено выпадает, то и другое... Нет! Ни за что! – яростно проговорила Кэтлин, оборачиваясь к Челси. – Вашего имени не будет на этих духах. Они принадлежат Вазаро. Это душа Вазаро!

Челси улыбнулась и выжидающе посмотрела на Алекса. Алекс в свою очередь смотрел на побледневшее лицо Кэтлин.

– Хорошо. – Он повернулся к Челси. – Ваше имя не будет стоять на флаконе.

Кэтлин облегченно вздохнула.

Брови Челси удивленно взметнулись вверх.

– А вы не так тверды, как мне показалось, мистер Каразов. Я была почти уверена, что вы плюнете на ее протесты.

Алекс встал.

– Очень жаль, что мы отняли у вас столько времени. Идем, Кэтлин.

Челси грациозно спрыгнула с дивана.

– Не так уж и много. Мне было очень интересно. – Она повернулась к Кэтлин. – Ваше Вазаро и в самом деле так много значит для вас?

Кэтлин кивнула, вставая.

– На всей земле нет второго такого уголка.

Челси засмеялась:

– Нет другого такого места, как родной дом. – Она тряхнула головой. – А вот я не знаю этого чувства. Никогда в жизни у меня не было своего дома. – Улыбка ее как-то нечаянно погасла. – И у Маризы тоже. – Она снова обернулась к Алексу. – Три миллиона, и вы оставляете ваше название.

– Договорились, – сказал Алекс.

Измученная Кэтлин посмотрела на Челси.

– Хотя все же об одном я хочу попросить вас. Думаю, что вы не сочтете просьбу невыполнимой. Мне хочется, чтобы моя дочь Мариза пожила у вас в Вазаро в качестве гостыи все то время, что осталось до презентации. – Она улыбнулась. – Ей всего шестнадцать, но она никому не причинит хлопот. У нее удивительно ровный характер – со всеми умеет подружиться, не то что я.

– С удовольствием, – задумчиво проговорила Кэтлин, вспоминая девушку, которую она видела на пирсе и которая с виду показалась ей намного взрослее. – Я почти все время занята в поле, но моя мама позаботится о ней.

– Она не нуждается ни в какой опеке. По крайней мере она постоянно твердит мне об этом. – Челси подошла к двери. – И единственное, что мне хочется, – это избавить ее от назойливого внимания репортеров на месяц или около того. После статьи Тиндаля снова начнут расползаться слухи, и мне не хочется, чтобы они коснулись ее.

– Слухи? – удивилась Кэтлин.

– Спросите у него! – Челси кивнула на Алекса. – Держу пари, что он знает всю подноготную.

– Да, вы правы. И раз уж вы завели об этом речь, – очень серьезно ответил Алекс, – то признаюсь, что преклоняюсь перед вашей выдержкой и решительностью.

– А мне ничего другого не остается. – Челси повернулась к Кэтлин. – Вы сильная женщина, и вы не жадная. Мне это понравилось...

– Сила есть и у вас, – ответила Кэтлин, тоже глядя прямо на Челси. Эта женщина была наделена таким мощным обаянием, что трудно было не поддаться и не ответить с такой же искренностью. – Но что касается жадности...

Челси расхохоталась:

– Когда сам своими силами выбираешься из трущоб, сколько бы потом ни было денег, все кажется мало.

Алекс сунул руку в карман:

– Я приготовил контракт. Мы внесем все необходимые изменения, чтобы вы могли подписать и...

– Отошлите его моему менеджеру.

– Учись, как надо вести себя в подобных случаях, – улыбувшись, сказал Алекс, когда они покинули номер Челси.

– Но у меня нет менеджера, – возразила Кэтлин. – Я не могу полагаться ни на кого, кроме себя самой. И еще на тебя... А что имела в виду Челси, когда заговорила о каких-то слухах и намекнула, что тебе все известно?

– Мне известно только то, что известно всем и о чем трубили одно время газеты. Речь идет о том, что Челси Бенедикт была приговорена к тюремному заключению и четырнадцать месяцев находилась в тюрьме.

– В тюрьме? – невольно охнула Кэтлин.

– Челси выросла в трущобах Нью-Йорка. Ее мать была проституткой, а отец... – Он пожал плечами. – Вряд ли кто со всей определенностью может сказать, кто он. Челси поступила в Высшую артистическую школу. Ее ждала блестя-

щая карьера, когда она встретила Гарри Пернелла. Этот бизнесмен с Уолл-стрит был намного старше ее. Она забеременела от него, когда ей было шестнадцать. Пернелл женился на ней. Спустя шесть месяцев родилась Мариза. – Он нажал кнопку лифта. – А через четыре года она подала на развод с просьбой предоставить ей права на воспитание ребенка. Но суд отказал.

– Обычно ребенка оставляют с матерью, – сказала Кэтлин. – Почему же Челси не позволили?

– У этого сукина сына, Гарри Пернелла, хватило денег на то, чтобы подкупить свидетелей и сострять какую-то грязь против нее. После развода он получил все права на ребенка. Но Челси не собиралась успокаиваться на этом и наняла адвокатов. Мариза воспитывалась в частной школе на Манхэттене, и Челси подкупала администрацию и службу, чтобы ей разрешали видеться с девочкой.

Двери лифта открылись. Они вошли в кабину, и Алекс нажал нижнюю кнопку.

– Когда Маризе исполнилось шесть лет, Челси узнала, что Пернелл растлил ее.

– Свою собственную дочь? – Кэтлин стало нехорошо. Алекс кивнул:

– Да. И все равно Челси понимала, что ничего не сможет сделать против него. Полиция была у него в руках. И ее бы не стали слушать.

– О боже! – прошептала Кэтлин.

– И тогда Челси просто выкрала Маризу и спрятала у своих друзей за границей. – Алекс усмехнулся. – Пернелл потребовал, чтобы ее арестовали и посадили за похищение ребенка. Челси заявила, что она лучше сгниет в тюрьме, чем отдаст дочь этому подонку.

– Каким же мужеством надо обладать!

Алекс кивнул.

– Да, это удивительная женщина. Дело кончилось тем, что ее адвокаты нашли улики против Пернелла, связанные с растлением еще одного ребенка, бывшего на его попечении. Эти улики были столь очевидны, что Челси выпустили, признав ее невиновной.

– А Пернелл?

– Его посадили за решетку. Через семь месяцев с ним произошёл «несчастный случай». Заключение не жалуют растлителей малолетних.

Какое-то мрачное удовлетворение ощутила Кэтлин при этих последних словах. Сначала она даже не поверила себе. Ей всегда казалось, что месть – что-то пустое и недостойное, но мысль о ребенке, который стал жертвой родного отца, вызвала в ее душе целую бурю. Но если это так потрясло ее, то что же должна была чувствовать Челси? И Кэтлин прониклась острым чувством близости к этой женщине.

– Она чем-то напоминает Вазаро. Пережила крушение и сумела начать все заново. Я рада, что ты остановил свой выбор на ней. – Она на секунду задумалась. – Хотя ты и не по-

советовался со мной, когда принимал решение.

– Но реклама – это моя обязанность, – напомнил ей Алекс.

– Знаю. – Она улыбнулась ему радостной улыбкой. – И ты с таким упорством отстаивал мое название...

– Не смотри на меня так восторженно, – грубовато заметил Алекс. – Я не согласился только потому, что знал: она тут же пойдет на попятную.

– Но ты же не мог быть абсолютно уверенным в этом. – Она взяла его за руку. – Челси права. Ты совсем не такой железобетонный, каким хочешь казаться.

Алекс покачал головой, возразив:

– Не строй себе иллюзий на мой счет...

– Конечно, понять, каков ты на самом деле, – очень трудно. Но, кажется, понемногу что-то проглядывает.

Он посмотрел на нее со смешанным чувством боли, раздражения, раскаяния и нежности и с трудом удержал наворачившиеся было на глаза слезы.

– Хорошо. А сейчас мы с тобой должны лететь прямо в Париж. На завтра у нас назначена встреча. Пьер Дешарм ждет нас.

Кэтлин смешалась. Пьер Дешарм числился в десятке лучших дизайнеров в парфюмерной промышленности, но она была не в восторге от него.

– Я бы хотела, чтобы мы обратились к Генри Ле Клерку.

– Ну что ты. Он сейчас нарасхват. Вряд ли нам удастся убедить его отложить на время заказы Диора и Коти, чтобы

заняться нами. К тому же, я слышал, он весьма капризный человек.

– Но давай хотя бы попробуем. – Она помедлила. – Помнится, я кое-что читала о нем в одном из журналов пару лет назад. Думаю, эти сведения можно взять на вооружение.

– Как хочешь. Я позвоню в его офис из аэропорта и договорюсь о встрече. – Алекс открыл перед ней стеклянные двери, и она улыбнулась, когда холодный ветер пахнул им в лицо. – Только надо угадать, чем мы можем заинтересовать его.

– Дай ему то, что он хочет, и взамен получишь то, что нужно тебе, – повторила Кэтлин однажды сказанную Алексом фразу, чувствуя, как в ней растет возбуждение.

– Ты права. – Странное выражение промелькнуло на лице Алекса, когда он смотрел на сияющее лицо Кэтлин. Он остановился посреди тротуара, заботливо поднял воротник ее пальто, плотнее закрывая шею, чтобы уберечь от порывов резкого холодного ветра.

Челси, постучав, открыла дверь в комнату Маризы.

– Привет! Они уже ушли.

Мариза смотрела на нее, спокойно улыбаясь.

– Замечательно. Тогда позвони, чтобы у тебя убрали со стола, а пока полежи рядом со мной.

Мариза свернулась на постели с учебником по алгебре, делая пометки в школьной тетради. На ней была старая выцветшая голубая пижама, из которой она уже давно вырос-

ла. И от этого стройная фигурка казалась еще выше и более мальчишеской, чем она была на самом деле. Челси легла рядом, успокоено вздохнув и прикрыв глаза.

– Господи, как хорошо! Я и не представляла, что так устала за сегодня.

Это было так чудесно: просто лежать, не изображать из себя сильную, смелую, умную и обворожительную женщину. Челси знала, что уже в следующий момент она снова станет сама собой, но сейчас она наслаждалась тем, что могла вот так бездумно лежать рядом с дочерью. Она слышала ее тихое дыхание, до нее доносилось едва уловимое благоухание ирисов и белой сирени, стоявших в вазе. Букет прислала администрация отеля. И Челси вспоминала, как нежно улыбнулась Мариза, увидев его, и как она осторожно прикоснулась к бархатным фиолетовым лепесткам ириса.

Как всегда, стоило ей оказаться рядом с Маризой, Челси мгновенно начинала успокаиваться. Мускулы расслабились, и блаженное тепло растеклось по телу. Словно девушка наделена каким-то чудесным даром. Откуда он? Может быть, боль, пережитая в детстве, научила ее состраданию? Может быть, отсюда и ее любовь ко всем слабым и обиженным и постоянная готовность их защищать?

– Знаешь, я иной раз начинаю верить в переселение душ.

– Почему?

– Наверное, в этом нет ничего странного и люди уже рождаются, имея какое-то предназначение свыше. – Челси от-

крыла глаза, глядя на картину, на которой была нарисована аллегорическая сцена: бушующие ветры гнали путника по дороге. – И что бы ни происходило, что бы ни случилось в жизни, – все это не может ему помешать исполнить то, ради чего он призван в этот мир. – Она не сомневалась, что Мариза, поглощавшая такое количество книг в день, не могла не понять, о чем она говорит. – Может быть, в тебе живет чья-то древняя душа, а, детка?

Мариза усмехнулась:

– Нет! Ты определенно переутомилась. Тебя еще никогда не тянуло философствовать.

– Меня? Философствовать? Ты права! – Она села на постели. – Ну вот. Кажется, я стряхнула с себя все, что накопилось за день. Теперь можно и перекусить. Я закажу салат и суп. Две порции. Идет?

– Идет. – Мариза откинулась на спинку кровати, пока Челси передавала по телефону заказ.

– Все в порядке. А теперь я уйду, а ты можешь спокойно заниматься, пока не принесут еду.

– Тебе совсем не обязательно уходить.

– Ну да! – усмехнулась Челси. – Как будто я не догадываюсь, что мешаю тебе. Просто ты слишком деликатна, чтобы признаться в этом.

Челси помедлила у двери, глядя на дочь. Выражение лица Маризы было обеспокоено-печальным, и Челси захлестнула волна нежности и любви к дочери. Господи! Если бы

она могла исправить ту ошибку, которая заставила Маризу страдать. Как сделать ее жизнь более счастливой?

– Ты знаешь, я согласилась рекламировать духи.

Мариза подняла на нее глаза.

– Зачем?

Челси пожала плечами:

– Это довольно выгодное предложение. – Она помолчала. – Женщина, которая придумала их, выращивает еще и цветы в одном симпатичном местечке на юге Франции. Мне хочется, чтобы ты немного пожила там до презентации.

Мариза внимательно посмотрела на мать.

– Это из-за того репортера?

– Так будет лучше, детка.

– Мне незачем прятаться и скрываться. – В голосе Маризы послышалось недовольство.

– Я и не говорю, чтобы ты скрывалась. Просто проведешь какое-то время в очень милом и уютном месте.

– Что одно и то же. Ты постоянно стараешься обложить меня подушками, боясь, как бы я не ушиблась.

– Просто ты еще не знаешь, что такое эти акулы пера! Саблезубые тигры по сравнению с ними – ручные кошечки. Не заставляй меня спорить еще и с тобой, детка. Я сегодня столько сил приложила, чтобы спасти твоего кита!

– Но это же совсем другое дело!

– Конечно. Ты, к счастью, вешишь не восемь тонн, как он.

Мариза улыбнулась.

– Итак, ты едешь в Вазаро?

На какой-то момент Челси показалось, что дочь начнет упорно отстаивать свою независимость, но та, смотрев в лицо матери, только кивнула:

– Хорошо. Если тебе будет так спокойнее, я поеду в Вазаро.

– Мне казалось, этот таможенный досмотр никогда не кончится. – Кэтлин забралась в такси и со вздохом облегчения откинулась на сиденье. – Все служащие были такие взвинченные. Ты обратил внимание на то, что в конце зала стояли солдаты с автоматами?

Алекс кивнул:

– У них есть все основания для беспокойства. Террористы из «Черной Медины» убили вчера в Вене двух человек на музыкальном фестивале, посвященном Баху.

Кэтлин нервно повела плечами:

– Как это ужасно. Что им дают эти бессмысленные убийства? Чего они добиваются? – Кэтлин смотрела в окно невидящим взглядом. – Они выдвинули какие-то требования?

– Нет. Но я уверен, у них есть определенная цель.

Через сорок минут они остановились на площади Вогез перед двухэтажным домом, что выходил в сквер. Все в облике этого дома – начиная от кирпичной кладки и кончая черепичной крышей – дышало стариной.

– Мы будем жить в нем? – Кэтлин стиснула руку Алекса. – Но это же городской дом семьи Андреас! Я приходила сюда взглянуть на него, когда училась в университете. Его занимала какая-то семья, и я, конечно, не могла зайти внутрь. Он уже давным-давно не принадлежит Андреасам.

Алекс расплатился с водителем такси.

– Я знаю. Его конфисковал Конвент после того, как Жан Марк и Жюльетта уехали из Франции. – Он подхватил чемоданы и поднялся по каменным ступенькам. – С тех пор Андреасы ни разу не переступали порога этого дома, – Он вынул ключи и открыл дверь. – Так же, как и члены семьи Вазаро. Он принадлежит одному банкиру, который вот уже почти два года живет в Кении.

– И ты все устроил ради меня? Тебе пришлось столько хлопотать, чтобы доставить мне удовольствие?

– У меня были свои причины. Сколько раз я твердил тебе, что миром правит корысть. – В голосе Алекса звучала горькая насмешка.

– Алекс! Ну почему ты не хочешь сознаться? – Кэтлин гневно посмотрела на него. – Черт возьми! Скажи хоть один раз, что ты сделал это ради меня!

Он улыбнулся:

– Ну хорошо. Я сделал это только ради твоего удовольствия. – И, шагнув в холл, добавил: – Отчасти...

Кэтлин рассмеялась и поспешила следом за ним.

– Ну до чего же ты упрям! – Перепрыгивая через две ступеньки, она обогнала его и побежала по второму этажу, поочередно открывая двери и заглядывая в каждую комнату. – Я хочу отыскать комнату Катрин. Как жаль, что я не слишком внимательно читала описание дома в ее дневнике.

– В самом деле? Невероятно. А я-то считал, что ты знаешь

наизусть каждую страничку.

– А без того, чтобы не поддеть меня, ты не можешь обойтись? Есть ли у тебя хоть капля уважения к прошлому, к предкам, к нашим корням? Посмотри, какая чудесная комната! – Кэтлин на мгновение замерла в дверном проеме, чтобы тут же поспешить к окну. – Здесь вполне могла быть ее комната. Окна как раз выходят в сад. – Створки окна бесшумно распахнулись. – Мы можем занять эту комнату, Алекс? Отсюда открывается чудесный вид на черепичные крыши – типичная картина для Парижа.

– Понятия не имею, что можно назвать типичной картиной. – Алекс поставил чемоданы и, подойдя к ней, встал рядом у окна. – Я ни разу до этого не бывал в Париже.

– Ты... никогда... не был... в Париже? – с расстановкой произнесла она, не в силах поверить в услышанное. – Ты жил в Европе и не удосужился побывать здесь?

– Признаю, что это непростительный грех, – ответил Алекс торжественным тоном. – Мне, конечно же, следовало исколесить его вдоль и поперек.

– Никаких колес! Тебе следовало обойти его пешком, как это делали пилигримы. – Кэтлин улыбнулась. – Но, с другой стороны, я страшно рада, что могу показать его тебе. Посмотришь на то маленькое кафе, в которое я забежала после занятий. Затем мы пройдемся вдоль моста Сюлли. – Ее глаза вспыхнули воодушевлением. – А к моему любимому собору Сен-Антуан...

– Как ты считаешь, мы сумеем выкроить часок на то чтобы встретиться с месье Ле Клерком?

Кэтлин виновато посмотрела на него.

– Я так обрадовалась, что забыла обо всем на свете. Вряд ли у нас будет возможность гулять. А жаль! – Она вздохнула. – Мне так хотелось, чтобы ты полюбил мой Париж.

– Я полюблю твой Париж, – перебил ее Алекс. – Как только мы договоримся с Ле Клерком, все остальное время только и будем делать, что гулять.

Лицо Кэтлин прояснилось.

– Но мы ведь можем выйти прямо сейчас? А вещи разберем потом. Я хочу только показать тебе вид с моста Сюлли на закате солнца. Ты лучше будешь понимать меня, когда сам увидишь все, что мне так нравилось.

– Никаких сомнений в этом у меня нет. – Он улыбнулся и, наклонившись, поцеловал ее в кончик носа. – Только я все-таки сначала свяжусь с Ле Клерком и получу у него подтверждение, что наша договоренность о встрече с ним завтра остается в силе.

Кэтлин кивнула:

– А я пока пойду переобуюсь. Он обернулся через плечо:

– Угадай, куда бы мне хотелось пойти прежде всего? Кэтлин вопросительно приподняла брови.

– В Лувр. Посмотреть картину Жюльетты «Мальчик в поле».

Кэтлин радостно кивнула в знак согласия.

– Сначала пойдем в музей, а потом постоим на мосту, посмотрим на закат. Это чудесно!

– Уверен!

Кэтлин снова отвернулась к окну, когда Алекс вышел из комнаты позвонить Ле Клерку. Прошло совсем немного времени после полудня. Светило яркое солнце. Воздух был живителен и чист. И Кэтлин внезапно вновь почувствовала себя так, как чувствовала себя девочкой, когда бежала через поля жасмина. Мир снова казался окутанным золотистой дымкой, сквозь которую просвечивали, поддразнивая ее, новые возможности и новые желания.

– Мне кажется, что тот мужчина уже давно идет за нами, – шепнула Кэтлин, когда они проходили мимо стеклянной пирамиды во дворе Лувра. – Ручаюсь, я видела его в сквере, когда мы выходили из дома.

– Какой мужчина?

– Вон тот, в темных очках и красной рубашке.

Алекс как бы случайно оглянулся через плечо.

– Этот толстячок с путеводителем в руках?

– Ну да.

– Гмм... Думаешь, он собирается украсть тебя и продать как белую рабыню?

– Алекс, я серьезно.

– Я тоже, так как знаю, что на Ближнем Востоке высокие блондинки пользуются бешеным успехом. А твоя замечательная грудь перевешивает все остальные достоинства...

Кэтлин засмеялась:

– Перестань дразнить меня. Надо же что-то предпринять?

– Перекрасим волосы или позовем полицию? Неужели тебя ни разу не пытались украсть?

– Может быть, это просто карманник.

– Какая жалость. Идея белой рабыни пришла мне больше по вкусу. Она навевает всякие приятные картинки: драгоценные браслеты, обнаженные гурии, покачивающиеся бедра – все это действует на меня так возбуждающе.

– Тебе незачем подстегивать свое воображение, – ответила так же шутливо Кэтлин. – Ты и без того возбуждаешься в одну секунду. Просто я действительно видела его в сквере.

– Площадь Вогез – одна из достопримечательностей Парижа. Она указана во всех путеводителях. И потом, неужели ты считаешь, что карманник станет надевать красную рубашку и черные очки?

– Пожалуй, что и в самом деле нет.

– Если мы встретим его после того, как уйдем из музея, то немедленно кликнем жандармов, идет?

Она кивнула.

– Ну вот, а теперь веди меня прямо к картине Жюльетты. Надо же чем-то охладить мое разыгравшееся воображение. Никак не могу отогнать страшное видение: тебя в объятиях какого-нибудь богатого шейха...

Алекс слышал, как зашумела вода в ванной. Он снял трубку и резкими рывками набрал номер телефона в штаб-квартиру.

тире Квантико.

Через несколько секунд МакМиллан взял трубку.

– Да?

– Послушай, убери «хвост» или найми кого поспособнее.

– Алекс? – Голос МакМиллана был шелковисто-мягким. –

Ты же знаешь, не так часто найдешь аса для такой рутинной работы, как слежка. К тому же тебя занесло в такую даль, что нам пришлось брать человека со стороны.

– Избавь меня от этого дурака, или ему не поздоровится.

– Я не успел предупредить тебя, – голос МакМиллана сохранял все те же любезные нотки. – Но тебе самому следовало бы извещать нас о своих кульбитах. Учитывая, каких усилий нам стоило замять эту историю с Рубански и швейцарской полицией. – Он помолчал. – Ты же знаешь, что он заботится о твоей безопасности.

– Если он завтра опять попадется мне на глаза, я его сброшу в Сену. – Опуская трубку, Алекс крепко сжал губы.

Кэтлин не заметила цэрэушника, который тащился за ними, после того как они вышли из Лувра. Но Алексу хотелось убедиться, что она ничего не заподозрила. Чем меньше она будет знать о его прошлой жизни, тем лучше будет для них обоих.

Кэтлин приподняла лицо навстречу мягким, ласкающим струям и удовлетворенно вздохнула, чувствуя, как расслабляюще действует их тепло.

– Привет! – Алекс, на секунду отдернув занавес, про-

скользнул в душное влажное тепло и встал рядом с нею, сильный, обнаженный... – Тебя и не разглядишь в этом пару. – Он заглянул ей прямо в глаза.

Его загорелое лицо покрылось капельками влаги, а светло-голубые глаза были полны настойчивого желания. Она никак не могла понять, почему раньше они казались ей холодными и даже ледяными.

Он придвинулся к ней вплотную и обхватил ладонями ее бедра.

– Развернись и облокотись о край ванны.

– Может быть, лучше пойдем в кровать?

– Какое скудное воображение! – пробормотал Алекс, беря в руки кусок душистого мягкого мыла. – Теперь не смотри на меня и делай то, что я скажу.

Кэтлин повернулась к нему спиной, как он сказал, и уперлась ладонями в фаянсовые плитки.

Медленными круговыми движениями Алекс стал водить мылом по ее телу. По груди, потом по животу.

– Раздвинь ноги, Кэтлин.

Таким же медленным плавным движением он стал водить душистым мылом меж ее ног. Мускулы живота сжались, когда его руки прикоснулись к самой интимной части тела. Она услышала, как мыло скользнуло в воду.

– Ты уронил... – У нее перехватило дыхание, когда его пальцы вошли в нее. Грудь судорожно вздымалась и опускалась, ей стало трудно дышать.

Коснувшись губами мочки ее уха, он начал гладить и сжимать ее ягодицы.

– Сегодня мы с тобой заговорили о гаремах и белых рабынях. И мне захотелось иметь собственный...

– Гарем?..

– Я не жадный. Мне хватит и одной наложницы. – Его теплый влажный язык коснулся ее левого уха. – Тебе нравится такая игра в гарем?

– Пожалуй, я... уже наигралась.

– Нет, ты еще не успела даже войти во вкус... Тебе будет так хорошо, как никогда, – сказал он и вдруг одним резким движением вошел в нее.

Кэтлин издала низкий сладострастный вопль.

– Не мешай мне. Почувствуй себя рабыней, а меня – шейхом, который только что купил тебя. Дай мне поиграть с тобой... – Его губы ласкали ее ухо. – Мы в сердце Сахары. Ты хотела убежать от меня, но я тебя поймал. Никто не услышит и не поможет тебе.

– Какой дикарь!

– Большинство мужчин не прочь побыть некоторое время дикарями.

Он снова резко вошел в нее и замер, тесно прижимая к себе, стиснув бедра:

– Теперь ты моя. Ты предназначена одному мне. Чувствуешь?

Кэтлин прикусила зубами нижнюю губу, чтобы не закри-

чать.

– Да.

– Будешь сопротивляться?

– Нет.

– Хочешь, чтобы тебе на помощь прискакал спаситель на белом коне?

– Нет.

– Хорошо. На твоё несчастье, по Сахаре трудно передвигаться на коне. – Его руки обхватили её спереди, и пальцы скользнули по волнистым завиткам. – А так тебе нравится?

Глаза закрывались сами собой от чувства острого удовольствия, охватившего её. Руки от слабости соскальзывали с фаянсовых плит. Едва шевеля губами, она прошептала:

– Да.

– Замри! Не шевелись! Если двинешь хотя бы пальцем, я перестану двигаться.

Он медленно вышел из неё, и Кэтлин ощутила болезненную пустоту внутри. Ей так хотелось, чтобы он вернулся, что мышцы заболели от напряжения.

– Алекс, ради бога! – жалобно простонала она.

– Ты хочешь?

– Да.

И, сжав зубы, она полностью подчинилась даже не ему, а своему собственному подсознательному желанию. Она и не подозревала, что в ней может проснуться такое. Сладостно-болезненная пытка продолжалась. Минуты текли как ча-

сы. Она слышала тяжелое дыхание Алекса. Чувствовала его горячие руки, сжимавшие ее талию, потом плечи, потом снова талию. Еще немного, и она больше не выдержит этой сладостной муки.

– Хорошо? – спросил Алекс на ухо.

Кэтлин проглотила комок, застрявший в горле.

– Что-то невозможное.

– Скажи мне, что ты чувствуешь?

– Я вся как в огне.

– Тебе станет лучше, если я разрешу тебе двигаться?

– Да.

– Тогда начинай! – И он слегка шлепнул ее по ягодицам.

Кэтлин подалась назад, прижимаясь к нему как можно сильнее и принимая его в глубь себя так, как ей хотелось.

Алекс держал ее за бедра. Теперь он сам замер в полной неподвижности, давая ей сбросить накопившееся напряжение, когда она стояла, не смея шевельнуться.

Слезы текли у Кэтлин по щекам, когда она наконец в изнеможении уперлась в стенку из плиток.

– Ш-ш-ш! – усмехнулся Алекс, не выпуская ее из рук. Его щека прижималась к ее щеке, он лежал грудью на ее спине. – Тебе ведь понравилось?

Она поняла: ей бы понравилось все, что бы он ни вытворял с ней.

– Понравилось... словно я оседлала ураган.

Алекс усмехнулся:

– Меня еще ни разу не сравнивали с могущественными силами природы. – Он выключил душ, отдернул занавеску, взял полотенце, закутал ее и помог выйти из ванной. Растирая ее насухо, он заметил: – Кажется, мне и в самом деле удалась сцена из гаремной жизни!

– Но роль рабыни в обыденной жизни – не по мне.

– Какая жалость! А я уж было размечтался. Даже собирался нанять этого типа в красной рубашке, чтобы он и в самом деле похитил тебя и отвез ко мне в шатер. И тогда...

– Красной рубашке? – рассеянно переспросила она, смутно припоминая толстяка-туриста, который дал случайный повод для этой необузданной эротической игры. – Думаю, бедняга был бы просто потрясен, если бы знал, какие последствия имел его поход в Лувр. Но если ты начнешь обвинять, что это из-за меня...

– Неужели я стану обвинять тебя в чем бы то ни было после того, как ты позволила мне поиграть с тобой, подобно шейху со своей наложницей. – Он закутал ее в полотенце и повел к двери. – А теперь скорей в постель, пока ты не простудилась.

Генри Ле Клерк смотрел на них с откровенно скучающим выражением на лице. Кэтлин видела, как его длинные тонкие пальцы рассеянно поигрывают ножом для разрезания бумаги из слоновой кости. С момента их встречи его лицо последовательно меняло выражение – от обычной вежливости к легкому нетерпению и наконец к откровенному желанию по-

скорее распрощаться с ними.

Алекс замолчал, закончив свою тираду, в которой коротко и ясно изложил программу.

– Ваше предложение чрезвычайно заманчиво, месье Каразов. Только поэтому я и выслушал его до конца, несмотря на занятость. – Ле Клерк пожал плечами. – К сожалению, я всего лишь бедный художник, который должен думать о хлебе насущном.

«Бедный художник» носил часы марки «Ролекс», а на его столе красовалось пресс-папье с огромным рубином в виде голубя, заметила про себя Кэтлин. Она успела за время разговора оглядеть его кабинет. Ковер винного цвета и бежевые занавески создавали идеальный фон для простой сосновой мебели. На той стене, что находилась напротив Кэтлин, все пространство от пола до потолка занимали полки с коллекцией старинных, редкой красоты флаконов, выстроившихся рядами.

Войдя в кабинет, Кэтлин хотела сразу подойти к этим полкам, но Ле Клерк предложил им сесть.

Алекс улыбнулся и слегка подался вперед:

– Мы здесь как раз для того, чтобы убедить вас в том, насколько выгодно наше предложение. Думаю, что сумма привлечет вас, заставит отложить некоторые из заказов и взяться за наш. Если же деньги не самое для вас главное...

– Деньги решают все, – ответил Ле Клерк. – Но у меня, к сожалению, нет времени и возможности взяться за работу

над новым проектом. Я постоянно занимаюсь разработкой упаковок для фирмы «Коти» и уже пообещал рассмотреть предложение Герлена.

Алекс сделал вид, что не замечает вежливого отказа. И все равно Кэтлин видела, что разговор вот-вот закончится, и не в их пользу. Она принялась разглядывать стоящие на полках флаконы.

– Я не предлагаю вам бросить «Коти», а только...

– Месье Ле Клерк, – прервала Алекса Кэтлин и, указывая на флаконы, спросила: – Вы позволите мне взглянуть на них поближе?

Мужчины одновременно обернулись в ее сторону.

– Простите. – Она стремительно подошла к полке и застыла, рассматривая один из старинных флаконов.

Алекс развел руками.

– Страсть к древностям способна пересилить деловой интерес, – попытался извиниться он перед Ле Клерком.

У Кэтлин не было возможности объяснить Алексу, что они неправильно повели разговор. Она поняла, в чем их ошибка: Ле Клерка не соблазнишь большими деньгами, потому что он не делец, а настоящий художник. И она придумала, как сыграть на этой струнке.

– Наоборот, мне очень приятно, что мадемуазель заинтересовалась моей коллекцией. Это моя гордость. – Ле Клерк поднялся, тоже прошел к полкам и встал рядом с Кэтлин. – Я начал собирать ее чуть ли не с самого детства. Мало кто мо-

жет понять и представить, сколь искусным должен быть мастер, который придумывает вместилище для ароматических веществ. – Он показал на небольшую глиняную вазу. – Вот это, например, сосуд для хранения ароматических масел, который нашли в гробнице жены фараона.

– Вы не могли бы сказать, откуда вот этот? – Кэтлин указала на флакон из серебра, у которого пробкой служил грушевидной формы сапфир.

Ле Клерк улыбнулся:

– У вас хороший вкус. Я приобрел эту вещицу пару лет назад на одном из аукционов. – Он покачал головой. – Вот когда мне оченьгодились бы ваши деньги. На него ушел весь мой годовой заработок. Он принадлежал...

– Марии-Антуанетте, – закончила за него Кэтлин, разглядывая флакон. – Был еще один, точно такой же, но с пробкой из рубина.

– Он исчез, скорее всего был украден, когда солдаты национальной гвардии ворвались в Версаль. Но откуда вам известно о втором флаконе? Вы коллекционер?

Кэтлин покачала головой:

– К этому флакону у меня особый интерес.

Алекс догадался, куда направляет разговор Кэтлин, и подхватил:

– Жан Марк Андреас? Я угадал?

Кэтлин в который раз подивилась, с какой фотографической точностью отпечатываются в его памяти сведения, о ко-

торых он читает. Он сразу вспомнил страницу из дневника Катрин, где упоминалось об этом флаконе.

– Считается, – с интересом глядя на Кэтлин, сказал Ле Клерк, – что эти духи подарил Марии-Антуанетте ее брат Жозеф.

Кэтлин отрицательно покачала головой:

– Имена двух королевских особ, причастных к истории этого флакона, несомненно, увеличивают его ценность. Но его появление связано совсем с другим человеком.

– Вы так уверенно говорите. Значит, вам известна эта тайна, – проговорил еще более заинтригованный Ле Клерк. – Надеюсь, вы понимаете мои чувства коллекционера. Мне очень хочется знать, каково происхождение этого флакона.

– Конечно, я не смею утверждать со всей определенностью, но все же описание именно такого флакона приводится в дневнике, который хранится в архиве нашей семьи, – спокойно сказала Кэтлин.

– И вы говорите, что их было два? – Ле Клерк казался чрезвычайно заинтересованным. – И вы знаете доподлинную историю?

– Конечно. Ведь эти флаконы были наполнены духами, созданными в нашем Вазаро. – Она улыбнулась. – Вы увидите, что истинные события намного интереснее и ярче тех, что были выдуманы потом.

– Аукционер уверял, что это были любимые духи королевы. Духи из розовых лепестков.

– Хотя прежде она предпочитала духи из фиалок.

Ле Клерк улыбнулся:

– Кажется, нам есть о чем поговорить. Не согласитесь ли вы и месье Каразов пообедать вместе со мной?

Глядя на его оживленное лицо и сияющие глаза, Кэтлин воспряла духом. Счастливый случай, подаренный судьбой, вывел их из тупика.

«Дай им то, что они хотят, и взамен получишь то, что нужно тебе».

Кэтлин посмотрела на Алекса, который не сводил с нее задумчивого взгляда, и обернулась к Ле Клерку:

– Думаю, наша беседа за столом будет более непринужденной, если мы сначала закончим обсуждение того вопроса, с которым мы к вам пришли.

И когда они через три часа выходили из кабинета, то у них не оставалось сомнений в том, что Ле Клерк сделает все мыслимое и неммыслимое, чтобы через месяц образец флакона и коробки появился у них на столе.

Кэтлин снова не было рядом с ним в постели.

Алекс знал, где она.

Укоризненно покачав головой, он посмотрел на пустую подушку, откинул покрывало и, сидя на постели, потянулся, расправляя плечи.

Вскоре он не спеша спускался по ступенькам в холл. Было уже около четырех часов утра. Мало того, что Кэтлин до изнеможения работала с рассвета до заката, продумывая до по-

следней мелочи план презентации в Версале, которая должна была состояться уже на следующей недели, – среди ночи она еще ухитрилась тихонько пробираться в кабинет, чтобы любоваться на эти дурацкие снимки. Он распахнул дверь кабинета.

Кэтлин, склонившаяся над столом в своей длинной ночной рубашке, подняла на него глаза с виноватым видом напавшего ребенка.

– Немедленно в постель! – приказал он непререкаемым тоном. – Сию минуту! – Подойдя к столу, он отобрал у нее увеличительное стекло. – Ты же сама говорила, что на десять утра у тебя назначена встреча с представителем фирмы, который будет обслуживать презентацию.

– Я не могла уснуть. Должно быть, сказывается то, что я перестала работать физически. – Нервное напряжение и в самом деле словно наэлектризовывало ее. – После долгих лет работы на полях у меня набралось столько сил, что я, наверное, могла бы, взявшись за дело, вычистить весь Париж.

– Именно поэтому ты тайком прокрадываешься в кабинет и тарачишься на эти снимки? В третий раз за эту неделю!

– Не думала, что ты заметил.

– Я замечаю все. – Он посмотрел на дюжину снимков, разбросанных по столу, и на блокнот с пометками, написанными быстрым почерком Кэтлин. – Ты ведь жаловалась, что снимки оказались плохого качества.

– Но лучше, чем ничего. И, кажется, они помогают про-

яснить одну вещь...

– ... что ты измотана до предела, – закончил он вместо нее.

– Повторяю тебе, что я не устала.

– Ты просто не чувствуешь, потому что у тебя нервы натянуты как струны.

– Может быть. – Она потеряла глаза тыльной стороной ладоней. – Скорее всего я устала от ожидания. Мне так, нужны дневники. Мне необходимы, как воздух, дополнительные материалы. Я задыхаюсь без них.

Алекс думал, что она, как случалось прежде, попытается перевести разговор с Танцующего Ветра на что-нибудь другое, но после короткой паузы Кэтлин продолжила:

– Семье Андреас всегда удавалось сохранить в секрете то, что им было известно о Танцующем Ветре. Образцом их скрытности может служить книга Лили Андреас. Она ухитрилась рассказать обо всем и ни о чем.

– Ну а как насчет твоей курсовой работы «Танцующий Ветер в истории»?

– Это все описание слухов, легенд, но у меня нет никаких сведений об истории его происхождения. Первое упоминание о Танцующем Ветре восходит к Трое, когда Андрос бежал из гибнущего города со статуэткой и с женщиной, имя которой переводится как «прекрасная».

– Андрос?

– Да, первый из рода Андреасов. Принято считать, что он

был морским разбойником и его захватили в плен троянцы. Когда разразилась война, он находился у них в плену.

– Он был греком?

– Не знаю. Его должны были приговорить к смерти во время осады. Но брат царя – Парадигн – вручил Андросу статуэтку и показал подземный ход, по которому тот выбрался за пределы города.

– Почему он отпустил его?

– Тоже не знаю. – В голосе ее прозвучала досада. – Здесь столько вопросов, на которые нет ответов!

– Возможно, нет ответа и в дневниках, которые ты так ждешь, Кэтлин. Почему ты так стремишься разгадать эту тайну, словно речь идет о жизни и смерти? И еще говоришь, что я страдаю от чрезмерного любопытства.

Она, не принимая шутливого тона, серьезно посмотрела ему в глаза:

– Это не любопытство, это... – Она замолчала и потупила глаза. – Он пытается мне что-то сказать.

– Не понял?

– Ну вот, ты смотришь на меня так, словно боишься, не повредила ли я в уме.

– Но вообще-то это и в самом деле пахнет...

– Вот поэтому я и не хотела тебе ничего рассказывать. – Теперь она снова смотрела на фотографии. – Впервые мне на глаза попался снимок Танцующего Ветра, когда мне было восемь лет. Я наткнулась на него в книге Лили Андреас.

И с тех пор я не расставалась с ней ни на минуту. Повсюду носила ее с собой... Мне не хочется лишаться того, что так много значит в моей жизни.

– Пегас – сказочной красоты статуэтка. Она вполне могла заморозить любого впечатлительного ребенка. Крылатый конь, который может унести тебя к звездам.

– Не совсем так. В нем была... Кажется, что ему известна некая тайна... – Кэтлин беспомощно пожала плечами и подняла на него глаза. – И он ждет, когда я разгадаю ее.

– И?

– Ты не понимаешь? Большинство самых влиятельных людей, которых знает история, стремились завладеть им, потому что считали, что он является не просто символом власти, но помогает добиться и удержать ее в руках. Очевидно, у них были какие-то основания так считать.

– Чем больше слухов и легенд, тем сильнее распалялось воображение каждого следующего правителя. И, заполучив статуэтку, он тем самым как бы подтверждал и свое могущество, и право на власть.

– Нет. Это слишком простое объяснение. Я не хочу сказать, что его занесли пришельцы из космоса или что он появился как чудесное знамение. Но он существует. Кто-то создал его. И должна быть причина, почему он оказывает такое сильное воздействие. Ответ скрывается в надписи.

– Да. Рецепт, как достичь величия... – Алекс оборвал себя на полуслове, заметив, как изменилось выражение ее ли-

ца. После стольких месяцев упорного молчания, нежелания заговаривать с ним на тему, которая так много значила для нее, она наконец доверилась ему, а он...

– Пора спать, – он привлек ее к себе. – У тебя еще много времени впереди. Танцующий Ветер странствует по свету уже тысячи лет. Будем надеяться, что до завтра он никуда не денется.

Она вздохнула:

– Ты не веришь, что такое возможно? Но тогда почему Александр Македонский с маниакальным упорством стремился завладеть Танцующим Ветром?

– Видишь ли, я рос в иных условиях, чем ты. Я не засыпал среди цветущих роз, убаюканный сказками о крылатом коне, способном творить чудеса. Вот почему все мои суждения всегда основываются только на строгих логических умозаключениях, а не на чувствах, не на ощущениях. – Он остановился у поворота лестницы и нежно провел по ее шее пальцем. – Но мне очень бы хотелось поверить в то, во что веришь ты. Докажи мне это, Кэтлин.

Она напряженно смотрела на него, пытаясь понять, говорит ли он всерьез или опять смеется над ней, и вдруг ее лицо озарилось сияющей улыбкой.

– Хорошо. Вот увидишь, что я права. – Она стала подниматься по ступенькам. Потом остановилась и посмотрела на него: – А ты почему не идешь спать?

– Сейчас. Только сложу фотографии и выключу свет. –

Он усмехнулся. – Многолетняя привычка держать фрагменты мозаики так, чтобы они случайно не перемешались.

– Я больше не стану заниматься снимками, пока Питер не пришлет дневники. – Улыбка пробежала по ее губам. – И почему, сколько я ни звоню, мне отвечает автоответчик?

– И он ни разу не перезвонил тебе?

– Нет. Только высылает кипы фотографий – одну пачку за другой.

– Может быть, он просто вежливо водит тебя за нос?

– Есть немного, – улыбнулась она. – И это очень нехорошо с его стороны. – Она дошла до верхней площадки и снова обернулась, чувствуя, что он продолжает смотреть на нее. – Алекс, я боюсь...

Он нахмурился:

– Это уже становится смешным...

– Я не о Танцующем Ветре. Сегодня днем ты должен получить от Ле Клерка образцы флакона и коробки. Что, если они окажутся недостаточно хороши?

– А что, если Танцующий Ветер родился от удара молнии? – улыбнулся Алекс. – Та же вероятность. Ле Клерк – блестящий мастер. Забудь о своих страхах и ложись спать.

Она робко улыбнулась и скрылась за дверью спальни. Он все еще стоял у лестницы, глядя ей вслед. При той сдержанности и замкнутости, которые отличали Кэтлин в том, что касалось Танцующего Ветра, ее нынешнее признание равносильно бесценному подарку.

Он повернулся и вошел в кабинет. Сложив фотографии аккуратной стопкой, он убрал их в средний ящик стола, потом вернулся к двери и выключил свет.

И в этот самый момент зазвонил телефон. Алекс стоял, глядя на аппарат и раздумывая, что это может значить. Только Гольдбаум и мать Кэтлин знали этот номер. И ни один из них не стал бы звонить среди ночи, если только не произошло что-то чрезвычайное.

Он поднял трубку.

– Алекс, мой мальчик! Слышал, что ты интересовался мной особой.

Он замер, словно в него ударила молния.

– Ледфорд?

– А кто же еще?

Алекс так сжал трубку, что костяшки пальцев побелели:

– Подонок! Не советую тебе попадаться мне в руки.

Ледфорд хохотнул:

– Чувствую, что тебе пришло не по душе моя небольшая импровизация с Павлом. Я пошел на это только ради твоей собственной пользы. Ты не пожелал принимать меня всерьез, и я показал, с кем ты имеешь дело. Тебе пришлось рыскать по всему миру, чтобы найти хоть кончик моего хвоста. Я мог бы водить тебя за нос еще долго, но вот не смог удержаться от искушения. А все дурацкое нетерпение.

– Как ты узнал, где я?

– У меня есть свои источники, как и у тебя. Так что пре-

дупреждаю заранее, у тебя руки короткие, чтобы дотянуться до меня.

– Что ж, тогда подскази, где тебя искать.

– О нет! Это все испортит. Я еще готовлюсь к поединку.

– Это не поединок.

– Нет, именно поединок. Как те шахматные баталии, что мы вели в Квантико. Только ставки иные. – Он помолчал. – Мне бы хотелось, чтобы ты знал: те времена, когда мы работали с тобой вместе, были самыми счастливыми для меня.

«Спокойно, – сказал себе Алекс, – этот ублюдок нарочно дразнит тебя. Впрочем, пусть говорит как можно больше: какая-нибудь мелочь выдаст его».

– И в какую же игру мы играем теперь?

– В прятки. Или в кошки-мышки. Назови как хочешь. Я мечтаю только о том, как бы отыграться. – Он помолчал. – Ты еще увидишь, какой милый подарок я приготовил для тебя сегодня... Ты спрашиваешь, откуда я звоню? Так вот – я говорю с тобой из Афин. Но к тому времени, как ты здесь окажешься, меня уже не будет в городе. Кстати, я приготовил маленький сюрприз. Обожаю делать подарки. Надеюсь, он тебе придется по душе. Он лежит под дверью.

– Подожди, скажи мне...

– Пока! – И Ледфорд положил трубку.

Алекс отшвырнул телефон и бросился к входной двери.

На ступеньках лежал изящный сверток, перевязанный красной атласной лентой: голубой кашемировый шарф –

точно такой, что был затянут на шею Павла.

8

– Ты уже видел его? – нетерпеливо спросила Кэтлин, встречая Алекса у входной двери. Ее взгляд не отрывался от небольшого пакета в его руках. – На что он похож?

– Видел, видел, – ответил Алекс, закрывая за собой дверь. – И если ты перестанешь пытаться меня на пороге, а пройдешь в гостиную, то сможешь и сама взглянуть на него своими собственными глазами.

– Я просто вне себя от нетерпения! – Кэтлин быстро прошла следом за ним в холл. – Прошел уже месяц, а он не соизволил прислать нам даже чернового наброска. Мы не видели ни одного эскиза.

– Но я не в обиде на него. – Алекс поставил сверток на стол и начал осторожно разворачивать его. – Мне нравится видеть тебя такой возбужденной.

Кэтлин бросила в его сторону быстрый взгляд. Но по выражению его лица поняла, что в словах Алекса не было подтекста, ему в самом деле доставляло удовольствие ее чисто детское нетерпение при виде долгожданного свертка. И все-таки Кэтлин показалось, что он чем-то озабочен.

– Что-то не так? Тебе не понравилась сама коробочка или флакон?

– Напротив. Ты будешь в восторге. – Он поднял крышку и вынул прокладки из полистирола. – Смотри!

Ле Клерк выполнил хрустальный флакон в форме пирамиды. Прозрачная поверхность была обработана столь непостижимым образом, что Кэтлин показалось, будто она смотрит в чистейшую озерную глубину. Она прикоснулась к поверхности флакона пальцем:

– Как чудесно! А почему пирамида?

– Ле Клерк решил, что это сразу вызывает воспоминание о египетских пирамидах, а значит, о вечной загадке, о бесконечности времени, о тайнах, которые скрывает прошлое. Поэтому и золотая надпись – название – стилизована под иероглифы. – Он вытащил небольшую точеной формы коробочку. – А это футляр. Что ты скажешь о нем?

– Изу-ми-тельно!

Картон был обработан таким образом, что создавал полную иллюзию фактуры испещренного временем серовато-серебристого камня. Тончайшее напыление создавало непередаваемую игру света и теней. Послеполуденный луч солнца, скользнувший по поверхности, словно бы заставил заговорить молчавший в течение веков камень. Алекс улыбнулся:

– А теперь – самое главное. – Он осторожно развернул самый последний и самый маленький пакетик. – Это Пегас. Ле Клерк решил, что не стоит подражать оригиналу. Лучше создать свой собственный образ. Он, конечно, повторяет позу Танцующего Ветра и сразу вызывает воспоминание о нем, но одновременно и сам по себе – произведение искусства, а не дешевая копия оригинала.

– Ле Клерк – гений, – прошептала Кэтлин, разглядывая фигурку крылатого коня. – Какие легкие линии, какое изящество. И самое главное – ему удалось добиться удивительного эффекта: будто конь высматривает кого-то. Будто ждет встречи с кем-то. Просто волшебство!

– Когда речь заходит о Танцующем Ветре, ты сразу впадаешь в экстаз!

– А как же иначе! – улыбнулась Кэтлин. – Танцующий Ветер и Вазаро – это почти одно и то же. Что ты так смотришь на меня?

– Просто ты мне очень нравишься такой... Я отправил Андреасу по экспресс-почте второй экземпляр флакона и упаковки с просьбой выслать контракт. Думаю, у него не возникнет никаких возражений против работы Ле Клерка.

– И я тоже так думаю. – Кэтлин взяла в руки коробку и погладила пальцем ее поверхность. – И как только ему удалось создать такую фактуру? Нам удивительно повезло, что он согласился с нами работать.

– При чем здесь везение? – Алекс осторожно вложил флакон в футляр. – Он настоящий художник. Его вдохновили твои духи, история, связанная с ними, которая протянула ниточку от Марии-Антуанетты к нашему времени. Ему захотелось создать нечто достойное того, что уже было. Как бы вступить в соревнование со старыми мастерами. Ты удивительно точно нашла ту струну, которая сразу отозвалась в его душе. Все понимают, что он хороший мастер. Но еще не все

осознают, какой он тонкий художник. Наши духи заставят обратить на него внимание. Его работы еще больше поднимутся в цене.

– Мы нашли то, что ему нужно?

Алекс кивнул:

– Если бы не ты, он бы указал нам на дверь. Заговорив о духах Марии-Антуанетты, ты дала ему понять, что и твои «Вазаро» могут прославить его имя и принести ему шумный успех.

– Я начинаю верить, что твоя формула работает безотказно.

– Да, она работает. – Алекс отвернулся от нее, закрывая сверток. – Иногда...

Кэтлин уловила что-то недоговоренное в его фразе.

– Что-то не так?

Он отвел от нее взгляд.

– Я попросил Андреаса выслать подписанный контракт тебе в Вазаро и уже забронировал на завтра один билет до Ниццы. Будет неплохо, если ты позвонишь Жаку, чтобы он встретил тебя в аэропорту.

Кэтлин растерянно смотрела на него:

– Я не совсем поняла...

– Тебе надо уехать из Парижа. – Алекс все еще не мог заставить себя посмотреть ей в глаза. – А я закончу здесь дела по выпуску флакона и сосредоточу все силы на организации серии материалов в газетах и журналах. Со всем этим я

справлюсь один. Тебе не обязательно сидеть здесь.

Кэтлин подумала, что все то время, пока Ле Клерк занимался их заказом, в ее присутствии не было необходимости. Просто Алексу хотелось, чтобы она была рядом. А теперь это желание у него исчезло. Она уже не нужна ему.

Кэтлин тоже отвела глаза в сторону:

– Очень хорошо. Я так соскучилась по Вазаро. И когда мне надо будет вернуться сюда?

– Через две недели. К третьему октября. Когда закончатся все приготовления к презентации и пресс-конференции.

Слова Алекса прозвучали настолько неожиданно, что вышибли ее из седла, она совсем забыла про Версаль и презентацию. А ведь она вложила в подготовку столько труда. Гнев и негодование вспыхнули в ее груди. Какого черта она должна подчиняться ему? Кто он такой?

– Нет! – гордо выпрямилась Кэтлин. – Я не собираюсь ехать в Вазаро только потому, что тебя больше не устраивают наши отношения. – Она повернулась и взглянула ему прямо в лицо. – Это мои духи. Я остаюсь в Париже.

И я имею право поступать так, как мне хочется, несмотря на то что надоела тебе. – Она с вызовом смотрела на него.

– С чего ты взяла, что ты мне надоела? Откуда вдруг эти фантазии? – Голос Алекса звучал несколько грубовато. – Просто будет лучше, если мы какое-то время проживем отдельно.

– Ты будешь занят. И я буду занята. – Кэтлин заставила

себя улыбнуться. – Мы даже можем не видеться все это время в Париже. – Она повернулась и направилась к двери. – Я поеду в Вазаро, но только на один день, чтобы дать маме подписать контракт. А потом я привезу его сюда и перееду в «Континенталь», где ты уже забронировал номера для Челси и Джонатана.

– Я хочу, чтобы ты уехала из Парижа и оставалась в Вазаро до самой презентации в Версале.

– Мало ли чего ты хочешь! Не все же твои желания должны исполняться!

– Кэтлин! Я не могу тебе объяснить, но есть причины, по которым тебе не стоит оставаться здесь. – Грустные нотки прозвучали в его голосе. – Причины и в самом деле очень серьезные.

– Тогда тем более мне имеет смысл остаться в Париже. – Она выскочила из комнаты и стремительно взлетела вверх по лестнице. Через мгновение хлопнула дверь ее комнаты.

Кэтлин, бросившись к шкафу, где стоял ее чемодан, начала скидывать в него в полном беспорядке свои вещи. Чем быстрее двигаться, тем скорее уйдет боль в груди. Да и какое право она имела обижаться? Алекс с самого начала предупредил, чтобы она не строила себе иллюзий на его счет. Единственное, что связывало их, – это секс.

И все же бывали дни, когда ей начинало казаться, что их отношения – это нечто большее, чем просто взаимное влечение. Когда они гуляли по набережным, закусывая в малень-

ких открытых кафе, и пытались представить, как будет выглядеть жизнь в Европе после исчезновения всех барьеров между странами, когда они, смеясь, спорили об искусстве, политике, религии и культуре, их дружба становилась все крепче...

Вот именно. Она нашла то самое заветное слово. Дружба. Кэтлин несколько раз повторила это слово. И как горько осознавать, что ты наскучил своему другу. Вот отчего эта невыносимая боль в груди.

Кэтлин швырнула чемодан на кровать и принялась укладывать свои вещи. Все, что надо, уже сделано. Может быть, и впрямь самое лучшее для нее – пожить оставшееся время у себя?

Алекс прав. Им необходимо на время расстаться.

В комнату постучали. Алекс вошел со строго сжатыми губами и закрыл за собой дверь:

– Мне надо кое-что сказать тебе, Кэтлин!

– Так, значит, ты решил использовать меня? – прошептала

Кэтлин, выслушав историю Алекса.

Он вздрогнул.

– Да. И не собираюсь отрицать своей вины. Я сознательно выбрал тебя, задумав план этой операции.

– Но почему?

– Я же тебе рассказал, как был убит мой друг Павел. Это произошло потому, что я нашупал ниточку, связывающую... Одним словом, это произошло по моей вине. Пытаясь ре-

шить головоломку, я слишком увлекся теорией, меня обрадовало, что я угадал, какие связи существуют между террористами из «Черной Медины» и похитителями произведений искусства. По почерку и по некоторым приметам я угадал человека, который был причастен ко всему этому и с которым я работал в ЦРУ. Его зовут Брайэн Ледфорд. Он убил Павла мне в назидание, чтобы заставить прекратить дальнейшие поиски в этом направлении.

– А Танцующий Ветер?

– Ледфорд давно бредил им. Я знал, что только таким образом смогу выманить его из подполья. Появится Танцующий Ветер – вынырнет и Ледфорд.

– И ты решил использовать меня и Джонатана, чтобы заполучить Ледфорда?

– Да.

– Боже! – она закрыла глаза. – Значит, все это время я была просто марионеткой!

– Я не собирался причинять тебе боль, Кэтлин, – сказал он хриплым голосом.

– И тем не менее причинил. – В глазах ее сверкнули слезы. – Кто дал тебе право вертеть нами всеми по своему хотению?

– Но я не только брал, – заметил он. – Позволь напомнить, что я честно выполнил все свои обещания.

Она горько рассмеялась:

– О да! Вполне в твоём духе: ты – мне, я – тебе. – Голос

ее оборвался на последнем слове. Она хотела добавить что-то еще, но сдержалась. – А теперь хватит. Закончим на этом.

– Но в наших отношениях я не лгал тебе, Кэтлин.

– Я не верю тебе. Боже, как все запуталось! И что же теперь делать?

– Ты должна уехать. Тебе небезопасно оставаться здесь.

– Почему? Ледфорд твой враг, а не мой.

– Он... извращенец. Он убил Павла только потому, что тот был моим другом. Потому что я был привязан к нему и дорожил этой дружбой. Ледфорд не мог простить, что я предпочел ему Павла.

– Тогда скажи ему, что я ничего не значу для тебя. Скажи, что ты лишь использовал меня. Это ему понравится, не так ли?

– Кэтлин... – Он замолчал, беспомощно пожав плечами. – Зачем, как ты думаешь, я рассказал тебе всю правду? Я ведь мог промолчать. Помнишь шарф, что положили на ступеньки у двери? Теперь я не могу ручаться за твою жизнь. В Вазаро ты будешь в безопасности.

– А если я не уеду?

– Реклама Танцующего Ветра появится в завтрашних газетах. И с этой минуты твоя жизнь будет находиться под угрозой. Даже если я постоянно буду рядом, это не может гарантировать тебе полной безопасности.

– Я и не прошу никаких гарантий. – Она присела на край кровати, сжимая пальцами виски. – Мне надо понять, как

будет лучше.

– Лучше всего, если ты вернешься в Вазаро.

– Нет, это не выход.

– Но почему? Надеюсь, ты не собираешься звонить Джонатану и сообщать о Ледфорде?

– Нет. Сейчас уже поздно что-либо менять. Танцующий Ветер нужен мне для того, чтобы спасти Вазаро. Думаю, ты догадывался о том, что я не стану ни о чем говорить Джонатану?

– Да.

– Ты знал, на какие кнопки нажимать. – Вымученная улыбка появилась на ее губах. – Видишь, я стала твоей сообщницей.

– Я попытаюсь загладить свою вину.

– Ты? Ну нет! – Сжав кулаки, она шагнула к нему. – Раз уж Танцующий Ветер окажется здесь из-за меня, то я сама возьмусь охранять его. И я не позволю тебе обманывать Джонатана!

– Я и не собирался!

– Откуда я знаю, что у тебя на уме! – Она впиалась в него взглядом. – Нельзя, чтобы статуэтку украли! Ты можешь охотиться за своим маньяком, но это не должно касаться никого, кроме вас двоих. Ты понял меня?

– Без сомнения.

– Хорошо. – Она отвернулась, давая понять, что разговор окончен. – Будь добр, выйди отсюда, пока я не упакую вещи.

У меня нет желания тебя видеть. А потом отвезешь меня в аэропорт.

Он очень больно ранил ее.

Алекс, положив руки на руль, смотрел, как Кэтлин поднялась по ступенькам и вошла в здание аэропорта. Не оглянувшись, не помахала рукой на прощание. На лице ее застыла маска холодной отчужденности.

Единственное, что ему хотелось сейчас, – это чтобы Кэтлин оставалась в Вазаро до начала презентации. Возможно, Ледфорд решит, что Кэтлин значит для него так же мало, как и Анжела.

Возможно. Слишком неопределенно. А он должен сделать все, чтобы уберечь Кэтлин.

Он не позволит Ледфорду использовать Кэтлин в качестве еще одного назидания.

– Мариза такая милая. Очень спокойная и нетребовательная. – Мать прошла следом за Кэтлин в ее комнату, чтобы помочь распаковать вещи. – Совершенно не похожа на дочь кинозвезды. Я предлагала ей несколько раз проехаться в Канны или Ниццу, но за эти две недели она выбралась только в Океанографический музей Жака Кусто и Монте-Карло. Все остальное время работала на поле с Жаком или бродила по окрестностям.

– Я рада, что девочка не причинила тебе лишних хлопот. Не думала, что она окажется таким покладистым ребенком.

– Ребенком? – Катрин вскинула брови. – Меньше всего

это слово подходит для Маризы.

Кэтлин пожала плечами:

– Но ведь ей только шестнадцать лет.

– И все же мне показалось, что она... – Мать запнулась и, как бы между прочим, спросила: – Алекс не приехал с тобой?

– У него дела в Париже, и он знает, что я задержусь здесь всего лишь на день. – Кэтлин старалась не встречаться с матерью взглядом. – Все идет хорошо, мама.

– Я скучаю по нему, – улыбнулась Катрин. – Но зато он оставил в мое распоряжение свою машину. И мне доставляет такое удовольствие проезжать в ней по Ницце.

Кэтлин растерянно повернулась к ней:

– Алекс разрешил тебе водить ее?

– Разумеется. Он оставил мне ключи перед отъездом в Штаты. – Катрин нахмурилась. – Неужели ты считаешь, что я могла бы сесть за руль без его разрешения?

– Что ты, конечно, нет... – Кэтлин склонилась над чемоданом. – Но просто он даже словом не обмолвился об этом.

– Он был слишком занят своими мыслями.

– Да. – Кэтлин припомнила вдруг все случаи, когда он так же неназойливо проявлял к ней внимание, его самый главный подарок – дом на площади Вогез, – и внезапно ощутила саднящее чувство потери. Руки ее сами собой стиснули юбку от темно-синего костюма. Нет! Надо скорей идти в поле. Работа поможет забыться. – Мама, ты не можешь попросить Софи разобрать мои вещи? Я хочу переодеться и поработать

в поле с Жаком.

Катрин кивнула:

– Я сама разберу все. Мне все равно сейчас нечего делать. – Она с легким недоумением посмотрела на лежавший сверху слишком хорошо знакомый ей темно-синий костюм Кэтлин. – Ты что? Так и ходила в нем не снимая? И никаких новых вещей? Что же ты делала в Париже, если даже не пробежалась по магазинам?

Кэтлин улыбнулась:

– Тебе даже трудно представить, сколько дел я успела проверить! Это была деловая, а не увеселительная поездка. Завтра мне надо вернуться, чтобы закончить все остальные приготовления. – Кэтлин расстегнула шелковую блузку и принялась стягивать ее с себя, направляясь к полке, где лежала ее рабочая одежда. – Но Париж все так же прекрасен, и я смогла выкроить время, чтобы пробежаться по музеям.

И невольно в ее памяти всплыли самые яркие картины из ее парижской жизни.

Его негромкий смех, когда он говорил о белой рабыне и шейхе...

Его пронзительно-синие глаза, в которых светилось желание, когда он отодвинул занавеску в ванной...

– Не понимаю, как сейчас можно ходить по музеям, – с сомнением заметила Катрин. – По телевидению показывали, что в Лувре удвоили охрану. Неужели тебе интересно ходить в том месте, где повсюду торчат вооруженные солдаты?

– Я их даже не заметила, – рассеянно ответила Кэтлин, думая совсем о другом.

– Как бы там ни было, я рада, что ты снова дома. Так мне спокойнее за тебя. – Катрин смотрела, как дочь вытаскивала старенькие джинсы и принялась натягивать их на себя. – Вчера террористы из «Черной Медины» еще раз напали на кого-то в Афинах. Ларс Краков объявил, что он уже сформировал отряд по захвату террористов.

– Прекрасно. Но пока еще никому не удавалось остановить их, – ответила Кэтлин, думая, что, может быть, весь этот кошмар с Ледфордом закончится раньше, чем она думает.

Катрин улыбнулась:

– О Ларсе Кракове рассказывали легенды, когда я еще была маленькой. Герой моего детства. Каждый мальчишка держал в своем доме его портрет, как и портрет де Голля. Краков, еще будучи юношей, сражался с нацистами. Уж он-то найдет способ, как поймать этих мерзавцев. – Она вздрогнула. – Слава богу, в Каннах и Ницце не происходит ничего подобного. Чем больше город, тем опаснее в нем жить.

– А в Париже все казалось таким мирным и спокойным. – Кэтлин застегнула джинсы и села на постель, чтобы надеть ботинки. – Только в аэропорту я увидела много солдат с автоматами.

Кэтлин подумала, что ей уже больше не о чем говорить с матерью, и ощутила привычную неловкость, которая возникала, когда исчерпывался разговор на общие темы.

Катрин не замечала этого. Недовольно наморщив брови, она вертела в руках синий костюм:

– Послушай, позволь мне выбросить его. Он просто ужасен.

Мариза Бенедикт подняла голову от грядки с туберозами и улыбнулась Кэтлин.

– Вы Кэтлин Вазаро. Я узнала вас. Мы встречались на причале в Рейкьявике. – Ее глаза блеснули. – А еще благодаря снимкам в альбоме, который показывала ваша мама.

– Моя мама показывала фотографии?

– О да! Она очень гордится вами. – Мариза вытерла лоб рукавом рубашки. – Впрочем, вы, наверно, и сами это чувствуете.

– Нет. – Кэтлин задумчиво посмотрела в сторону дома и вспомнила минутную неловкость, возникшую между ней и матерью. Иной раз ей и невдомек было, почему мать поступала вдруг тем или иным образом. Наверное, оттого, что Кэтлин уже давно создала в своем представлении ее образ, который, в отличие от реального образа, не менялся. – Нет, я не замечала этого. – Она снова повернулась к Маризе. – В поле работать нелегко. И раз уж ты приехала погостить, может быть, не стоит так сильно усердствовать?

– Мне это доставляет удовольствие. – Мариза сорвала очередную цветок и кинула его в корзину. – Кроме того, я всегда работала во время каникул. Последние два лета я занималась дельфинами в Морском институте Сан-Диего. Я собираюсь

стать морским биологом.

– Вот оно что, – кивнула Кэтлин, склоняясь над грядкой. – Поэтому ты и организовала эту акцию по спасению китов?

– Кому-то надо было начать. Известность мамы поможет привлечь внимание широкой публики, и не исключено, что охоту на китов все-таки запретят. – Она на секунду остановилась, с восхищением оглядываясь вокруг. – Здесь так красиво. Я очень благодарна, что вы пригласили меня погостить в Вазаро.

– Моя мама рада тебе. Она говорит, что ты не причиняешь ей никаких хлопот. А Жак очень доволен твоей работой в поле.

– В этом есть что-то успокаивающее, – мягко отозвалась Мариза. – У меня возникает такое же чувство, как и в тот момент, когда ныряешь с маской под воду. Ты сразу оказываешься в каком-то другом мире, где отступают все боли и печали.

Кэтлин не поднимала глаз от своей грядки. На какое-то время она забыла, что Мариза еще в детстве узнала, что такое боль и несправедливость, что такое бессмысленная жестокость и грязь. Сердце ее дрогнуло от сочувствия.

– Да, это помогает.

Нежная улыбка промелькнула на лице девушки.

– Моя мама сказала перед отъездом, что вы мне понравитесь. Надеюсь, мы станем друзьями.

Кэтлин улыбнулась в ответ.

– Уверена.

ТУРЦИЯ

Внимание Брайэна Ледфорда сразу привлекли фотографии в воскресном приложении к лондонскому «Тайме». Он замер и присвистнул:

– Великолепно! Он неповторим!

– Кто? – сидящий напротив него за столом Ганс Брюкер вскинул свою золотистую голову с внушающей опасение грацией молодого льва, принохивающегося к следам чужака на территории, которая принадлежала ему.

– Для тебя это не представляет никакого интереса. – Ледфорд не отрывал глаз от газеты. – Ешь себе спокойно.

– Если бы мне не было интересно, я бы не стал у тебя спрашивать, – язвительно ответил Ганс. – И вообще я уже наелся.

– Вчера во время ночного купания я обратил внимание, что ты слегка похудел. Это меня беспокоит, – заметил Ледфорд.

– Что хочу, то и делаю, – проворчал Ганс, но уже через несколько секунд принялся доедать свои тосты.

Ледфорд с сожалением отметил, что мальчишка с каждым днем становится все более послушным и ручным. Всякий раз, когда Ледфорду удавалось без труда настоять на своем, в глубине души он испытывал разочарование. Он нанял Ганса в числе первых, около года назад, когда приступил к формированию «Черной Медины». Его внимание привлекли эти повадки молодого льва в сочетании с редкостным умением

обращаться со взрывчаткой. С виду – безмятежный ангел с золотистыми волосами, а в душе – холодный, беспощадный насильник. Эта двойственность вызывала в Ледфорде возбуждение, которого он давно не испытывал.

Ганс вырос на улицах Мюнхена и вошел в террористическую группу «Сыновья правосудия», когда ему исполнилось двенадцать лет. Через год он в первый раз убил человека. Ко времени встречи с Ледфордом на его счету было уже девять жертв. И он значительно усовершенствовал свое мастерство по изготовлению пластиковых бомб и вообще самого разного рода взрывных устройств. Юноше исполнилось восемнадцать. В нем еще не затвердели те чисто мужские качества, которые были так ненавистны Ледфорду.

Но, как ни странно, ему не удалось пробудить в Гансе сексуальный интерес к себе. Зато подчинить парня на духовном и физическом уровнях оказалось делом несложным. И Ледфорд вскоре научился управлять им с максимальной для себя выгодой. Сиротское прошлое давало себя знать, когда Ледфорд начинал проявлять отеческую заботу, опекал и наставлял его на «путь истинный». Через полгода он уже полностью подчинил Ганса своей воле. Только иной раз дух протеста давал себя знать.

– Так кто это «он»?

Ледфорд понял, что парень ревнует его, и подумал о том, как бы удивился и разочаровался Ганс, если бы догадался, что «отеческая» любовь Брайэна к нему основана в первую

очередь на сексуальном влечении. Жаль, что Ганс оказался совершенно глух к тем намекам, которые время от времени в определенных порциях выдавал Ледфорд, пытаясь проверить, не треснул ли лед. Действовать приходилось осторожно: было бы глупо ломать парня – он идеально отвечал тем задачам, которые на него возлагались.

– Речь идет о статуэтке, Ганс. – Он протянул ему газету. – Танцующий Ветер! Смотрится в самом деле великолепно.

– А... – Ганс, не глядя на газету, мгновенно расслабился и улыбнулся. – Будем ее брать?

– Хорошо бы.

– Он сказал, что с кражами пока надо завязать.

– Придется заставить его изменить принятое решение, не так ли? – Брайэн снова принялся внимательно рассматривать снимок. – Статуэтка мне нужна. На самом деле. Позвони в газету, узнай, кто занимается рекламными публикациями в связи с прибытием Танцующего Ветра в Париж.

– Звони сам. Что я тебе – прислужник, что ли!

– Тебе ведь нравится помогать мне. – Голос Ледфорда принял бархатистую окраску, хотя он по-прежнему не отрывал глаз от снимка в газете.

Брайэну и не требовалось смотреть на юношу. Он и без того знал, что с ним сейчас происходит. Парень вспыхнул от удовольствия и, проворчав что-то невнятное, скорее для вида, чем на самом деле, шагнул к телефонному столику.

Откинувшись в кресле, Брайэн продолжал рассматривать

Танцующий Ветер. Ему предстояло найти подходящие слова и выражения, чтобы убедить своего напарника в том, что еще одна кража не помешает осуществлению их главного замысла. Надо поярче расписать ценность предмета, тогда он станет более сговорчивым. Хотя нет. Этого мало. Наверняка начнет снова требовать от группы Брайэна выполнения той операции, от которой Брайэну пока удавалось отвертеться. К сожалению, его партнер начисто лишен эстетического чувства, со вздохом признался себе Ледфорд. Он способен воспринять прекрасное не больше, чем Аттила – предводитель гуннов.

Ганс, заканчивая телефонный разговор, повторил:

– Да, спасибо! Алекс Каразов. Я понял.

Ледфорд откинул голову и зашелся от смеха:

– Нет, это прекрасно! Это поистине великолепно. – Он ударил себя ладонью по коленке. – Я не сомневался, что ему удастся потянуть за нужную ниточку, но разрази меня гром, если я могу понять, как ему это удалось сделать!

– Ты знаешь, кто такой Каразов?

– Не дуйся. Ты ведь помнишь моего старого товарища – Алекса Каразова. Не так давно я преподавал ему дружеский урок.

Ганс нахмурился:

– Теперь я вспомнил, о ком идет речь! Июнь. Ты не захотел взять меня с собой.

И в самом деле, подумал про себя Ледфорд. Почему-то

ему не хотелось брать с собой Ганса. Парнишка доставил бы себе удовольствие, потрудившись над Павлом. Дело в том, что по непонятной причине ему не хотелось, чтобы Ганс увидел Алекса.

И еще Ледфорду не хотелось, чтобы во время беседы с Алексом его отвлекало что-то постороннее, тем более присутствие Ганса, всегда возбуждавшее его. Он признавался самому себе, что его чувства к Алексу во многих отношениях остались двойственными. Сохранилось ли это и по сей день?

Да. Как ни странно, но где-то в глубине души он еще продолжал испытывать к Алексу прежнюю любовь. Он ненавидел Каразова, восхищался им и... желал его. Временами он даже испытывал потребность подыграть Алексу. И в такие минуты ему до тошноты противно становилось все его окружение и те дела, которыми он вынужден был заниматься. Но могла ли сравниться его любовь с глубиной ненависти к Каразову?

– Ты собираешься убить его?

– Может быть.

– Позволь мне это сделать. – В интонациях Ганса прорывались свирепые нотки. Голубые глаза сверкнули холодным блеском. – Ты же знаешь, как мне нравится работать на тебя.

– Да. Потому что мы с тобой помогаем друг другу. Как отец и сын, – он с покровительственной нежностью провел рукой по золотистым волосам парня. Прежде Ганс корот-

ко стриг волосы, считая, что это более соответствует идеалу мужской красоты. То, что он наконец решился отпустить волосы, – заслуга Брайэна. Прикосновение к золотистым кудрям юноши всегда доставляло ему чувственное удовольствие. А вот Алекс никогда не стал бы действовать по его указке, со смесью горечи и раздражения подумал Ледфорд. – Нет, если потребуется, я сам это сделаю.

Ярость сверкнула в глазах парня.

– Он тебе нравится?

– Чем он мне может нравиться? Не говори глупостей.

Брайэн улыбнулся, глядя на фотографию. Он почти с нежностью думал об Алексе и о Танцующем Ветре. – Кому бы поручить это маленькое дельце? – Он задумался на секунду, затем щелкнул пальцами. – Феррацо. Позвони Феррацо в Париж, скажи ему, что с этого дня он должен не сводить глаз с Алекса и держать его под неусыпным контролем.

– Можно, я займусь им?

Брайэн усмехнулся:

– Через несколько дней мы расколем этого Каразова, как переспелый орешек. Звони Феррацо.

– Не хочу.

– Ты можешь не хотеть, но должен делать, что я тебя прошу. А теперь помолчи, пока я буду обсуждать это дело с нашим очаровательным другом из Брюсселя. – Он поднял трубку и через минуту уже излагал суть дела.

– Этого ни в коем случае нельзя делать, – услышал он в

ответ.

– Я был более внимателен, когда вы обращались ко мне с просьбой. Мне нужна эта статуэтка.

На другом конце воцарилось молчание. Потом тихий голос спросил:

– Что вы готовы предложить взамен?

– Ладно, это против моих принципов, но я, пожалуй, возьмусь за то дело, о котором вы просили.

– Одна древность за другую. Согласен. Не могу понять вашего пристрастия к этой архаике. Мы столько усилий потратили на то, чтобы выстроить мир из чистых прямых линий.

– Я сказал, что выполню вашу просьбу.

– Мне нужны четыре.

Ледфорд задумался.

– Нет, четыре – это слишком. Я устрою три.

Его собеседник опять помолчал.

– Хорошо. Тогда вам придется выполнить еще одну работу. Смит внушает мне опасения. Нужна ваша помощь.

Ледфорд устремил взгляд на веранду, где сидел Ганс, удобно развалившись в одном из кресел. Улыбка змейкой скользнула по его губам.

– Каким образом?

– Без признаков насилия. Меня вполне устроит сердечный приступ.

– Ганс будет разочарован. У него нервы разыгрались, и ему нужна разрядка. Когда?

– Приезжайте завтра в Ливерпуль. У меня назначена встреча со Смитом в отеле «Хилтон». Он заказал номер на ночь и не вернется в Лондон до следующего дня. За завтраком у нас состоится решающий разговор, последний.

– Последний – ключевое слово.

– Если я на прощание пожму ему руку – заказ отменяется. В противном случае действуйте, как договорились. Вы все поняли?

– До точки. – Голос Ледфорда сохранил мягкие интонации. – Вы по-прежнему недооцениваете меня. Хотел бы я посмотреть, как бы вы справились с той частью операции, которую я взвалил на свои плечи. Не так просто похитить «Мону Лизу»...

– Для этого нужно всего лишь полтора миллиона долларов на взятку.

– Это с вашей стороны... А для меня – это месяцы, которые ушли на то, чтобы убедить человека, никогда не бравшего взятки, принять эти деньги. Я бы сказал, что моя психологическая проницательность равна вашей. А вы как считаете?

Снова последовало молчание. Ледфорд буквально ощущал, с какой натугой вертятся шестеренки в голове собеседника, пытавшегося решить, что будет лучше: польстить ему или резко поставить на место, раз и навсегда указав, кто из них главный.

– Я никогда не сомневался в вашей проницательности, Ледфорд. Зачем бы иначе я предлагал вам присоединиться?

«Потому что надеялся держать меня под контролем, сукин сын, – подумал Ледфорд, почти не испытывая ни злобы, ни раздражения к собеседнику. – И я на время смирился с этим, чтобы потуже затянуть узел на твоей шее, когда ты будешь чувствовать себя в полной безопасности»!.

– Завтра мы прибудем в Ливерпуль.

– Не забудьте, если я пожму Смиту руку – все отменяется. Он самый несговорчивый, но, если удастся перетянуть его на свою сторону, с его помощью мы доберемся и до Картрайт.

– Обойдемся и без него. – И Ледфорд положил трубку, довольный своей решительной репликой, равно как тем, что последнее слово осталось за ним. – Тебе предстоит увлекательнейшая прогулка, мой мальчик, – обратился он к Гансу. – Надо кое-кем заняться. Но на этот раз без шума. Ты ведь рвался поработать на меня. Ганс нахмурился:

– Чего он хочет?

– Сердечный приступ.

– И с кем он должен приключиться?

– Многоуважаемый Джон Смит – помощник Аманды Картрайт, наделенный особыми полномочиями от Европейского экономического сообщества. Обычно он, помимо всего прочего, занимается организацией ее поездок. У него репутация неподкупного и очень скромного человека. Очевидно, когда его начали плотно обрабатывать, было сказано слишком много. Теперь, если он не согласится сотрудничать с нами, он становится опасным свидетелем.

– Никогда еще не приходилось убивать англичан.

– Значит, у тебя появится новый навык.

– Почему сердечный приступ? Я не люблю инъекций. Есть другие способы.

– Не сомневаюсь, что другие тебе нравятся больше. – Ледфорд провел по красиво очерченным губам Ганса указательным пальцем. – Но смерть должна выглядеть естественной.

Ганс снова нахмурился:

– Непонятно. Раньше он, напротив, требовал, чтобы мы поднимали как можно больше шума. А теперь хочет замести следы. Почему?

– На это у него есть свои соображения.

– Почему? – Губы Ганса упрямо сжались.

Брайэн вздохнул. Как жаль, что парень иной раз становился упрямым как осел.

– Ганс, ну как тебе объяснить? Ведь ты даже не заглядываешь в газеты. А ситуация меняется... – Он остановился и затем проговорил медленно и отдельно, словно разговаривал с малым ребенком: – Двенадцать европейских стран хотят устранить все экономические преграды, установить общую валюту... Некоторые из пропагандистов этого дела даже поговаривают о создании единого правительства для стран – участниц единого европейского рынка. Можешь представить, какие пенки будет снимать тот, кто начнет контролировать Объединенную Европу?!

Ганс нетерпеливо нахмурился:

– Ну и какое отношение это имеет к нам?

– Сейчас у нас есть свои люди, которые позволяют влиять на общественное мнение: они держат под контролем двадцать пять процентов средств массовой информации и две телеграфные станции в Европе. Но потребуются годы для того, что склонить в нашу пользу ключевые фигуры в правительстве. Поэтому нужно обхитрить их. – Он улыбнулся. – Для чего создана «Черная Медина»? Ты ведь любишь смотреть ковбойские фильмы. Помнишь, как фургоны выстраивают кругом, чтобы отразить атаку индейцев?

Ганс кивнул.

– Теперь представь, что все эти страны – фургоны. Если на них нападают индейцы, они поднимают крик и требуют защиты у правительства. Когда правительство не в состоянии обеспечить им безопасность, они ищут защиты у того, кто гарантирует им порядок и спокойствие. И все наши подрывные акции и производились с таким шумом, чтобы люди начали мечтать о таком человеке, который способен покончить с терроризмом и дать им возможность снова жить в тишине и мире.

Ганс кивнул.

– Ты уже говорил мне об этом однажды. Брайэн кивнул:

– И когда они, как овечки, соберутся в кучу, мы возьмем их голыми руками, так что они ничего не успеют сообразить.

– Ага. – Ганс замолчал на некоторое время. – Но почему Смита надо убирать тихо?

Какой же мальчик тугодум! Такое впечатление, что все сказанное влетело в одно ухо, а вылетело в другое.

– Потому что надо в течение нескольких ближайших месяцев воздержаться от любого, даже мало-мальски заметного скандала, связанного с Картрайт. Иначе нам не удастся внедрить своего человека, более сговорчивого, на место Смита.

– А потом ты собираешься убрать эту старушку?

– Она не старушка, а женщина в расцвете лет. Знаешь, многим из нас уже далеко не восемнадцать.

– Я еще ни разу не кончал старушек.

– Сомневаюсь, что тебя выберут для этого дела.

– Почему?

– Потому что это тонкая работа. Она требует тщательного планирования всей операции и согласованных действий.

– Я вполне могу справиться с ней. Пожалуйста... – Ганс взял в ладони руку Ледфорда и поднес ее к губам. – Мне... очень хочется сделать это самому.

– В самом деле? Почему?

– Мне хочется, чтобы... – Он замолчал, подыскивая нужные слова. – Чтобы люди начали уважать меня. Чтобы, войдя в комнату, я чувствовал себя хозяином положения. До того, как ты превратил меня... – Он оборвал себя и почти прошептал: – Мне хочется делать серьезную работу.

Брайэн нежно усмехнулся:

– Неужто ты считаешь, что я тебя унижаю? Мне просто

хочется, чтобы ты оказывал мне необходимое уважение, как сын отцу. Мой возраст дает мне право требовать от тебя подчинения в некоторых вопросах. Может быть, лучше отпустить тебя на все четыре стороны?

– Нет! – Ганс с силой сжал руку Брайэна. – Ты же знаешь, что я имел в виду... Просто дай мне большое дело.

– Я подумаю, – улыбнулся Брайэн. – Посмотрим, что получится завтра со Смитом. – Его улыбка исчезла, и он задумался. – После того как ты закончишь это дело, я, пожалуй, перекину тебя на другую работенку.

Алекс позвонил Кэтлин в отель «Континенталь» тридцатого сентября, после обеда. Сдержанным, вежливым тоном он сообщил ей, что Челси Бенедикт прилетает в Париж на четыре дня ранее намеченного срока. Она хочет, чтобы Кэтлин встретила ее в вестибюле гостиницы, как только она приедет.

Спустившись после обеда в вестибюль, Кэтлин увидела Челси, вокруг которой стояла куча чемоданов. Вокруг нее толпились рассыльные, шофер в униформе и администратор гостиницы. От той небрежно одетой женщины, которую Кэтлин увидела в Рейкьявике, и следа не осталось. На Челси было коричневое обтягивающее платье, и на этом приглушенном фоне копна сияющих волос выделялась особенно ярко. Она выглядела элегантной и самоуверенной.

– Привет! – Челси помахала Кэтлин рукой. – Я освобожусь через минуту.

Кэтлин не успела толком поздороваться с Челси, как та

уже увлекла ее за собой к выходу, где стоял черный лимузин, припаркованный со стороны улицы Кастильон.

– Думаю, вы вряд ли слышали, но я уже попросила администратора, чтобы ваши вещи перенесли ко мне в номер. Конечно, мне следовало сначала спросить вашего разрешения, но эти чертовы люксы в дорогих отелях такие громадные. Терпеть не могу жить одна в таких отелях.

– Нет, я не слышала, – ответила ошеломленная таким натиском Кэтлин. Она наклонилась, пробираясь на заднее сиденье автомобиля. – А куда мы едем?

– За покупками. – Взгляд Челси остановился на сереньком платье Кэтлин. – Хотя Кристиан Лакруа может и не впустить вас в таком наряде через парадный вход. Ничего, мы скажем ему, что вы последние пять лет провели в Конго. Не посмеют же они указать на дверь миссионеру! – Она постояла, прежде чем забраться в лимузин. – Господи! Ну до чего я люблю этот неповторимый запах Парижа! Свежие булочки из слоеного теста... Цветы... Выхлопные газы туристских автобусов... и...

– Щелканье фотоаппаратов.

– Это звук, а не запах. Не будем валить все в одну кучу. – И Челси села в автомобиль. Жорж захлопнул дверцу. – А сейчас мы окажемся в салоне Лакруа, где всегда царит запах самых модных духов.

– А я отдаю предпочтение своему «Вазаро», – сказала Кэтлин, откинувшись на спинку бархатного сиденья. – Думаю,

вы его тоже полюбите. Когда Алекс собирается выпустить рекламный клип?

– Пока еще слишком рано, дорогая. Он пойдет вскоре после презентации. Для телевизионной рекламы Алекс нанял Поля Картленда.

В ответ на удивленный взгляд Кэтлин она пояснила:

– Поль уже два года подряд выигрывает призы за лучшую телевизионную рекламу.

Кэтлин понимающе кивнула:

– Что ж, значит, он действительно мастер своего дела.

– Отличный парень. – Когда машина заскользила по улице, Челси обернулась к Кэтлин. – Вы так понравились Мари-зе. Стоило мне позвонить ей, как она тут же начинала говорить о вас.

– Я тоже всем сердцем полюбила ее, – откликнулась Кэтлин. – Она удивительный ребенок.

Челси судорожно стиснула сумочку, лежавшую у нее на коленях:

– Она перестала быть ребенком с тех самых пор, как... – Она замолчала и закончила уже спокойным тоном: – Она так любила своего отца. И он оставил такую рану в ее душе. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да.

Челси заглянула в глаза Кэтлин:

– Я догадалась о том, что вы способны понять ее. Вот почему вы так быстро подружились. Каждая из вас... Почему

вы так смотрите на меня?

– Не могу понять, как вы так смело отпустили ее погостить к нам, в Вазаро. Вы следите за каждым ее шагом. А тут вдруг решились отправить к совершенно незнакомым людям.

– Вы правильно угадали, – Челси с некоторым смущением посмотрела на нее. – Мне пришлось навести кое-какие справки.

– Что?!

– Провести маленькое расследование. Но я приказала своему человеку быть предельно скромным, чтобы соседи не подумали чего-нибудь плохого. Все они так любят и уважают вашу семью.

Кэтлин натянуто улыбнулась:

– М-м-м-да! Кто бы мог подумать...

Челси внимательно посмотрела на нее:

– Надеюсь, я не рассердила вас?

– Нет, это даже забавно.

– Ну и прекрасно! – облегченно вздохнула Челси. – Меньше всего мне хотелось обидеть вас. Я чрезвычайно признательна вам за то, что вы так тепло приняли мою дочь. И за то, что она почувствовала себя там как дома. Ведь это не имеет никакого отношения к нашей сделке.

– Я была рада помочь, чем могла. Этому репортеру и в самом деле удалось поднять шум?

Челси покачала головой:

– Как ни странно, Тиндаль и словом не обмолвился о на-

шем прошлом. Так что все прошло достаточно спокойно. – Она нахмурилась: – А как бы вы обошлись на моем месте с таким типом?

– Мариза говорила, что он не так плох, как вы себе его рисовали.

– Лучше подготовиться к самому худшему. Так что я не жалею. Она провела незабываемые дни в Вазаро. – Лимузин остановился перед магазином, и Челси улыбнулась шоферу, который подошел, чтобы открыть дверцу. – Пойдемте, выберем рабочую одежду.

– Боюсь, что вряд ли смогу быть полезной. Мать считает, что у меня отвратительный вкус.

– Она права. Я поняла это с первого же взгляда. Вы одеваетесь точно так же, как и Мариза. Она считает, что одежда нужна лишь для того, чтобы уберечься от холода, дождя или от жары. А еще от посторонних взглядов.

– А зачем же еще?

– Это рабочий инструмент для создания нужного настроения. Одежда придает человеку уверенность в себе. – Она показала на свое коричневое платье. – Что вам первое пришло в голову, когда я появилась в этом наряде? Вспомните!

– Шикарная, смелая, привлекательная.

– Отлично. Вот теперь мы подберем и вам что-нибудь в этом роде. Классически элегантное, но не слишком вызывающее.

– Мне?! – Кэтлин растерянно посмотрела на нее. – Я ду-

мала, что мы пришли, чтобы сделать покупки для вас.

Челси покачала головой:

– У меня уже есть подходящее вечернее платье. Мы приехали сюда ради вас.

– Но этот магазин явно не для меня.

– Посмотрим. – Челси двинулась к парадному входу. – Вы собираетесь продавать духи по двести долларов за унцию. Значит, и выглядеть надо соответственно. И не принимайте это слишком всерьез. Это всего лишь рабочая одежда.

– Но я не могу позволить себе...

– Я могу! – резко оборвала ее Челси. – Вы были так внимательны к Маризе – теперь настал мой черед.

– Но мы провели с ней вместе всего лишь два дня. В основном ею занималась моя мать...

– Значит, мы купим что-нибудь подходящее и для вашей мамы.

– Но мне ничего не нужно...

– Господи! Да замолчите вы наконец или нет! Я оторвала у вас три миллиона долларов! Могу же я расщедриться на такую мелочь.

Кэтлин помедлила немного, прежде чем двинуться за ней следом. Конечно, она уже подумывала о том, что надо купить какое-нибудь платье для презентации. Но никак не представляла, что придется пойти на такие расходы.

– Только что-нибудь предельно простое. Я не считаю нужным менять свой стиль из-за какой-то презентации.

Челси не слушала ее.

– Скорее всего классические цвета, – она изучающе смотрела на Кэтлин. – Изумрудный, цвет бургундского вина и, конечно, черный. С вашими волосами вы будете выглядеть сногшибательно в черном. Драпировка в греческом стиле. Большая грудь нынче не в моде, и подобрать что-нибудь подходящее непросто. – Она сосредоточенно сдвинула брови. – Никак не могу определить, какой у вас стиль. Я – павлин, а вы... лебедь!

– Лебедь?! – засмеялась Кэтлин. – Конечно, я отнюдь не гадкий утенок, но сказать, что я лебедь, – это слишком.

– Вот увидите!

Элегантно одетая продавщица с легким высокомерием смотрела на Кэтлин, которая шла к прилавку по серебристо-серому ковру. Челси подошла к ней ближе.

– Не позволяйте ей брать верх, – прошептала Челси. – Они получают проценты за то, что ловят на крючок клиентов. Это все – часть представления. Вообще не обращайтесь на нее внимания, будто ее и не существует. А я позабочусь об остальном.

Кэтлин попыталась последовать советам своей наставницы. Оказалось – это не так-то просто сделать, когда тебя разглядывают в упор.

Челси уверенно вышла вперед, как полководец перед своим войском, призывая его в атаку. Держалась она с достоинством особы королевской крови.

– Бонжур, мадам. Это мадемуазель Кэтлин Вазаро. Вы, конечно, уже слышали о ней? – Челси с удивленным видом посмотрела на продавщицу и покачала головой. – Нет?! Странно! На прошлой неделе президент лично вручил мадемуазель орден за самоотверженную службу в Конго. – В глазах Челси промелькнуло сожаление и даже сочувствие.

Продавщица невольно повернулась к Кэтлин, и холодная презрительная маска начала медленно сползать с ее лица.

– Я понимаю, Кэтлин, тебе хотелось приобрести что-нибудь интересное и неповторимое, и, право, даже не знаю, правильно ли я поступила, приведя тебя сюда. Скажите, в вашем магазине могут предложить мадемуазель что-нибудь такое, чего не может предложить Диор?

9

– Господи! Сколько же мы всего понакупили! – Кэтлин со вздохом облегчения откинулась на спинку сиденья. За те три часа, что они провели в магазине высокой моды, она устала намного сильнее, чем после двенадцатичасовой работы на поле в Вазаро. – Хорошо, что мы купили для мамы эти чудесные платья. Она будет страшно рада. Но не знаю, зачем мы набрали столько для меня. Куда их девать?!

– Все до одного тебе пригодятся, – оборвала ее Челси, как-то само собой переходя на дружеский тон. – Три вечерних туалета. Два деловых. Один костюм и платья для коктейлей. Осталось только купить к ним обувь. – Она свела брови. – Думаю, для презентации в Версале более всего подойдет черное бархатное платье. Оно так оттеняет цвет твоей кожи!

– Да! Открывая ее больше, чем требуется, – иронически заметила Кэтлин. – Но почему ты ничего не купила для себя?

– Мне нужны два платья, которые я уже заказала: для презентации и для рекламной распродажи. – Челси, обратившись к водителю, попросила: – Жорж, притормози, пожалуйста, у дома номер четырнадцать по Сен-Жермен.

– Разве мы едем не в отель? – Кэтлин решительно покачала головой. – С меня хватит! Еще одного магазина я уже не вынесу.

– Успокойся! Это не магазин. Мы заедем ненадолго на чай

к супружеской паре. Два очень симпатичных старичка.

– С большим удовольствием я бы прилегла на кровати у себя в номере.

– Успеется! – с присущей ей резкостью заявила Челси. – Тебе совершенно необходимо познакомиться с месье Пердо и его женой. Это два самых обаятельных человека в Париже. Они тебе понравятся.

Неожиданно для самой себя Кэтлин с первой же минуты была очарована Жаном Пердо и его женой Миньон. Они занимали небольшой домик, почти такой же старый, как и дом Андреасов. И, переступив порог гостиной, Кэтлин сразу же ощутила уют викторианского стиля, подействовавший на нее самым успокаивающим образом, равно как и ромашковый чай, который мадам Миньон подала им в прозрачных чашках севрского фарфора.

Мадам Миньон – маленькая седовласая женщина в платье мягких оттенков голубого, казалась образцом утонченной нежности и изысканности. Ее муж, напротив, был высок, сухощав, с львиной гривой серебристо-белых волос и пронзительными голубыми глазами. Они обменивались остроумными репликами, не скрывая восторженной привязанности друг к другу. С Челси они держались по-дружески, а к Кэтлин выказали живой интерес.

Когда Челси поднялась и начала прощаться, Кэтлин даже почувствовала некоторое разочарование, что все так быстро кончилось.

Жан Пердо проводил их до двери и поцеловал Челси в щеку.

– Это платье просто ужасно! Ты знаешь, что оно совершенно не в твоём стиле? – нежно проворковал Пердо. – Мы и без того знаем, какая у тебя роскошная фигура. Нет необходимости подчеркивать это лишний раз.

Кэтлин чуть не споткнулась от удивления, услышав столь фамильярную фразу от человека, который всего лишь несколько секунд назад являл образец изысканной куртуазной вежливости.

– Я очень довольна, что вы заметили это, Жан, – радостно отозвалась Челси. – Для того и надела его.

Он улыбнулся, и в глазах его промелькнуло одобрение.

– Ого! Вы набираетесь мудрости не по дням, а по часам.

– Стараюсь. – Челси кивнула в сторону Кэтлин: – Лебедь? Я правильно угадала?

Жан медленно покачал головой:

– Роза. Темно-алая роза! С острыми шипами.

– С шипами? – Челси нахмурилась. – Не думаю!

– Только потому, что еще не успели заметить их, – улыбнулся он. – Может статься, она и сама их не замечает. – Он взял руку Кэтлин и поднес к губам. – Был чрезвычайно рад познакомиться с вами, дитя мое. Будем рады видеть вас в любое время.

– Благодарю за приглашение, месье Пердо.

– Ты ему понравилась, – удовлетворенно сказала Челси,

как только их лимузин рванул с места. – Лучшего приема трудно было ожидать.

– Да. Но минуту назад я чувствовала себя, как насекомое под микроскопом.

– Ты не поняла. Это был комплимент. Если бы ты не заинтересовала его, он не стал бы утруждать себя поисками сравнения. Сослался бы на то, что пока не видит твой образ.

– Образ? Он что – психолог?

– Нет. Лучший в мире модельер.

Кэтлин растерянно посмотрела на подругу.

– А почему я никогда не слышала о нем?

– Потому что он, кроме того, лучше всех в мире умеет хранить секреты. Он требует от каждой из своих клиенток, чтобы та не разглашала, кто шил ее платье.

– Но почему?

– Он принадлежит к известной семье банкиров. Никогда не испытывал нужды в деньгах. Занимаясь этим делом в течение сорока лет, он даже не подумал открыть свой Дом высокой моды. Он творит лишь из любви к искусству. Каждое его платье – неповторимое произведение, потому что учитывает индивидуальный образ заказчика. А мадам Миньон шьет.

– Невероятно.

– Мне тоже так казалось. Особенно когда я узнала, что он чаще отказывает клиентам, чем соглашается. – Челси усмехнулась. – Например, принцесса Ди находится в числе тех,

кому он отказал. Пердо сам признавался, что у него очень ограниченный круг клиентов. За десять лет появляется всего лишь несколько новых человек.

– И ты оказалась в этом избранном кругу?

– Да, мне повезло. Один из его старейших заказчиков представил меня Пердо. Жан сказал, что я заинтересовала его. Моя внешность – это своего рода вызов модельеру. Как он признался – внешний вид и внутренняя суть не отвечают друг другу. Найти гармоничное сочетание – очень непросто. Задача увлекла его.

Кэтлин поняла, что имел в виду Пердо.

– Он не принимает заказов. Шьет платье, а затем посылает кого-нибудь сообщить вам, что оказал честь, создав для вас наряд. Одно из его платьев я надевала, когда мне вручали «Оскар».

– Жаль, что я пропустила эту передачу.

– Меня поразило то, что он разглядел во мне. – Челси искоса посмотрела на Кэтлин. – Я покажу тебе это платье, когда вернемся в отель.

Кэтлин казалось, что после стольких часов, проведенных в магазине Лакруа, она уже никогда не захочет смотреть ни на один наряд, но тут в ней проснулось любопытство. Ей было интересно узнать, какой увидел Челси этот красивый и умный человек.

– А, вот и он! Молодец! Действительно толковый парень, – сказала вдруг Челси, увидев кого-то за окном лимузина.

Кэтлин не поняла, о чем идет речь.

– О ком ты?

– О человеке в темно-сером костюме.

Кэтлин продолжала недоумевающе смотреть на Челси.

– Это детектив Рено, которого нанял Алекс, чтобы охранять тебя все то время, что ты будешь заниматься перевозкой всяких этих штучек из Версаля и обратно. – Челси удивилась тому, что Кэтлин явно не догадывалась об этом. – Разве он не предупредил тебя? Мне он сказал, чтобы я не волновалась, если замечу «хвост». А он знал, что я сразу замечу. – Она слегка скривилась. – Во время съемок студия всегда нанимает детективов, чтобы застраховаться от всевозможных случайностей. Ведь тогда неустойку платят они.

Алекс не стал предупреждать Кэтлин о том, что теперь за ней повсюду будет следовать по пятам телохранитель. Приехав в Париж, Кэтлин сразу оказалась столь загружена работой, что почти забыла о Ледфорде. Теперь прежние страхи вновь проснулись в ней.

– Эй! Что с тобой? – Челси внимательно заглянула ей в глаза.

Кэтлин через силу улыбнулась:

– Видимо, просто устала. Столько новых и непривычных впечатлений...

– Я подойду к тебе попозже. – Челси поправила шифоновую оборку на своем светлом воздушном платье, на секунду задержавшись в дверях Зеркального зала Версаля и оки-

дывая взглядом его пышное великолепие. Озорно и в то же время подбадривающе подмигнула Кэтлин. – Представление начинается!

Кэтлин торопливо отступила в сторону, увидев, что на встречу улыбающейся актрисе ринулись репортеры с диктофонами, блокнотами и телевизионными камерами. Она уже выдержала несколько встреч и всякий раз ловко уходила в тень, предоставляя Челси возможность справляться с ними в одиночку. Челси ловко вертела ими как хотела, направляя внимание журналистов туда, куда требовалось и в то же время сохраняя непринужденность, придавая блеск происходящему, наполняя пространство вокруг себя жизнью, энергией и весельем. И Кэтлин в который раз порадовалась, что Алекс остановил свой выбор на ней. Челси блестяще справлялась с возложенной на нее задачей.

После того как репортеры, отщелкав положенное число кадров, оставили Челси в покое, к ней устремились, будто мухи на мед, многочисленные гости. Кэтлин по-прежнему держалась несколько в стороне. Отлаженный механизм великосветского приема работал плавно, без сбоев, и ее часть работы на сегодня была закончена.

В дальней части зала оркестр играл Вивальди, но Кэтлин улавливала лишь отдельные такты: ровный гул голосов и звон бокалов заглушал отдаленные звуки музыки. Повсюду сновали официанты в белых костюмах и с подносами в руках. Полы были устланы коврами. Светились люстры. А

над длинным столом, уставленным блюдами с белугой, икрой, омарами, возвышалась великолепная статуя Танцующего Ветра работы Ле Клерка.

Статуэтка, как и приглашенные гости, отражалась в семнадцати зеркалах, увеличивая глубину зала и создавая впечатление более многолюдного собрания, чем это было на самом деле. И Кэтлин всматривалась в этот призрачный мир зеркал, в котором, как в калейдоскопе, группки людей то сходились, то расходились в разные стороны, образуя новые узоры и сочетания цветов. И в какой-то момент у нее возникло ощущение, что это пышное сборище, в сущности, мало отличается от тех, что проходили в те времена, когда жила Катрин. Она никогда не была здесь на балу, но Жюльетта вполне могла однажды оказаться в этом самом зале и также могла смотреть на свое отражение в зеркале и на сводчатый потолок, расписанный сценами, прославляющими Короля – Солнце, как делала это сейчас Кэтлин.

– Вот вы где! А я высматриваю вас повсюду!

Кэтлин оторвала взгляд от узоров на потолке, расписанном Ле Брюном, и увидела Джонатана, показавшегося ей еще более громадным, чем в его собственном кабинете.

– Здравствуйте, Джонатан. До чего же приятно встретить в этой толчее знакомое лицо, – улыбнулась она ему. – И уже увидела за последние несколько минут трех кинозвезд, премьер-министра и одного нефтяного магната. Это начинает подавлять меня.

– Сегодня у вас нет повода испытывать иные чувства, кроме гордости и удовлетворения. Вы блестяще все организовали. Словно у вас за плечами не одна презентация, а по крайней мере десятки. – Джонатан взял ее под руку, и Кэтлин снова ощутила невероятный ток уверенности, благополучия и покоя, что исходили от него. – И кроме того, им выглядите великолепно. Как королева. Словно родились в этом дворце.

Она засмеялась, с сомнением покачав головой:

– А у меня уже несколько раз возникало ощущение: не сбежала ли я из психиатрической лечебницы? Не чудится ли все это мне? Последние дни были самыми тяжелыми. Теперь смотрю и не верю своим глазам. Неужели кто-то может чувствовать себя комфортно в этой обстановке? Столько людей, столько света, столько отражений!

– И все – дело ваших рук! – Джонатан взял бокал с шампанским с подноса проходящего официанта и протянул ей. – Выпейте и перестаньте терзать себя. Наслаждайтесь тем, что видите. – Он сделал глоток из своего бокала и посмотрел поверх голов. – Миссис Бенедикт, кажется, пользуется успехом.

– Поразительная женщина! Стоит ей заговорить с кем-нибудь, и через пять минут он готов ради нее в лепешку расширяться. Она может вертеть этими журналистами как хочет. Видели бы вы, как они вытягиваются перед ней в струнку. Ни одному генералу не удастся добиться такого от своих солдат.

– До меня доходили слухи, что она отнюдь не всегда ведет себя таким дипломатическим образом и далеко не всегда

соглашается подлаживаться к – ситуации. Должно быть, вы и ваши духи ей понравились, если она согласилась на время укротить свой норов, – задумчиво сказал Джонатан. – Она нравится вам?

Кэтлин с воодушевлением кивнула:

– Да, очень! Она такая... настоящая. Ни капли фальши. Хотите, я познакомлю вас с ней?

– Мы познакомились в прошлом году. На одном из званых обедов в Белом доме. Я знаком почти со всеми, кто приглашен сегодня сюда. Хотите, я представлю вас Миттерану или Кракову?

– И Краков тоже здесь? Я не видела его.

– Вон он стоит, возле искусственной пальмы. Кэтлин с интересом посмотрела на легендарного героя, и он не разочаровал ее. Он был высок, строен и одет с той же безликой элегантностью, что и остальные мужчины явившиеся на прием. Лишь неровный шрам, который проходил по его левой щеке, да глубоко посаженные печальные глаза заставляли взгляд задержаться на его лице. Он казался святым или... мучеником. Ее мать рассказывала, что этот шрам остался с юности, когда Кракова пытали гестаповцы, пытаясь выведать у него, где находится штаб датского Сопротивления в Копенгагене. Им не удалось выбить из него ни единого слова. И после того, как его освободили, два года ушло на лечение: настолько он был избит и покалечен. Он стал национальным героем. А после окончания Второй мировой войны вошел в число

виднейших европейских политиков.

– Я столько слышала о нем! Моя мама его боготворит. И вы с ним знакомы?

– Встречались на нескольких конференциях. Это прирожденный лидер.

Кэтлин уловила странную интонацию, прозвучавшую в его голосе.

– Но вы его не очень жалуете? Чем он вам не нравится?

– Это неординарный человек. Я знаю его слишком мало, чтобы составить свое мнение. – Он взглянул на собеседника Ларса Кракова и помрачнел. – Но зато я хорошо знаю месье Далпре. Это глава Интерпола. И он допек нас с Питером своими бюрократическими играми вокруг Танцующего Ветра. Я предупредил его о том, что у нас своя собственная охрана, но он желает знать о каждом шаге нашего маршрута.

Личность Кракова настолько завладела вниманием Кэтлин, что она почти не обратила внимания на худощавого темноволосого человека, стоявшего рядом с легендарным героем и со страстной настойчивостью пытавшегося что-то внушить ему.

– Кажется, что он хочет в чем-то убедить Кракова.

– Рауль Далпре – убежденный сторонник объединения Европы. Наверное, хочет привлечь Кракова в свой лагерь. – Джонатан пожал плечами. – Для него Краков – как нарядное перышко на шляпе. Но, кажется, Краков не разделяет его энтузиазма по поводу «великой» идеи.

– А что вы сами думаете о ней?

– Объединение стран Европы под началом одного правительства может создать сверхвласть, а в этом больше опасности, чем экономической выгоды. За этим Далпре нужен глаз да глаз.

– Но многие газетчики постоянно твердят о том, что справиться с захлестнувшим страну потоком террористических актов, что положить конец кражам из музеев можно только в том случае, если будет единый центр и единый контроль за положением дел в Европе. Сейчас почти все убеждены в том, что только бюрократические проволочки и отсутствие взаимодействия мешают успешной борьбе с террористами.

Джонатан пожал плечами:

– Возможно. – И тут же перешел на другую тему: – Вы мне так и не ответили: хотите познакомиться с Краковым?

Кэтлин снова взглянула на кумира своей матери. Как бы мама была рада послушать рассказ о том, как ее дочь встретила и разговаривала с самим Краковым! Но, похоже, он был полностью поглощен разговором с не умолкающим ни на секунду Далпре. И Кэтлин отрицательно покачала головой.

– Моя мама, конечно, не простит мне этого, но сейчас мне не хочется разговаривать ни с кем из посторонних. Лучше я буду по-прежнему держаться в стороне и следить, все ли в порядке...

– Так не пойдет! Красивая женщина имеет право оста-

ваться скромной. Но нельзя допускать, чтобы она осталась незамеченной и не оцененной по достоинству. – Джонатан снова взял ее под руку и повел сквозь толпу на другой конец зала. – Подойдите хотя бы к Питеру и поздоровайтесь с ним. Он так и не выслал вам перевод и боится, как бы вы не велели зажарить его заживо.

Кэтлин свела брови:

– Не отказала бы себе в этом удовольствии.

Губы Джонатана сложились в добродушную усмешку.

– Тогда давайте подойдем, и вы сможете спустить с бедняги шкуру. Уверен, что это доставит вам больше удовлетворения, чем общение с автоответчиком.

– Как он, Питер?

– Отлично. Увидите сами. Ему мало того, что здесь повсюду установлены скрытые камеры, что включена сигнализация, везде стоят охранники. Он сам не спускает глаз с Танцующего Ветра. – Джонатан ловко обошел человека в униформе со значком службы охраны. – Хотя на него произвело впечатление все, что сделал Каразов для обеспечения безопасной перевозки статуэтки.

– Алекс всегда все делает в совершенстве. Я рада, что вы оценили его усилия по достоинству.

– Было бы трудно не оценить того, что он сделал. Алекс сам встретил нас в аэропорту в полдень, дважды проверил наших охранников и сам сопровождал машину со статуэткой в Версаль. Его собственная группа работает вместе с наши-

ми охранниками. Недавно я видел, как он оглядывает зал, будто поле сражения. – Он нахмурился. – Боюсь, что я ошибался на его счет. Мне почему-то казалось, ему больше нравится стоять за кулисами и следить за тем, как развивается действие, оставаясь невидимым для зрителей.

– Вы делаете из него настоящего Макиавелли.

– Возможно, так оно и есть, – улыбнулся Джонатан. – Хотя Макиавелли во многом оклеветан. Он всего лишь продукт времени и обстоятельств. Так же, как и Алекс, по всей видимости.

Они подошли к небольшому квадратному подиуму, огороженному толстым бархатным шнуром. За этой «оградой» стоял Питер, одетый, как и все, в смокинг, который, впрочем, не делал его выше и значительнее, как это случилось с Джонатаном. Напротив, он показался Кэтлин бледнее и стройнее, чем при первой встрече.

Тонкие черты лица Питера озарила сияющая улыбка, когда он увидел Кэтлин.

– Привет! – Он указал на Танцующий Ветер, стоявший позади него на черном мраморном пьедестале. – Вы пришли проведать меня или моего малыша?

– Вас обоих, – улыбнулась ему в ответ Кэтлин. – Ну как вы тут, мистер Масквел? Вы выглядите немного усталым.

– Прекрасно! – Он усмехнулся. – Вернее, почти прекрасно. Без задних ног!

Джонатан нахмурился:

– Ради бога! Отправляйся отдыхать. Ты уже сделал все, что можно.

– Уйду только тогда, когда прием закончится, а Танцующий Ветер будет надежно заперт в сейфе «Континенталья».

– Вас удобно разместили? – поинтересовалась Кэтлин. – Мы с Челси устроились в одном номере на четвертом этаже.

Джонатан кивнул:

– Наши номера там же. Алекс забронировал целый этаж для удобства охраны.

– Значит, мы соседи, – Питер радостно улыбнулся Кэтлин. – А с соседей не полагается живьем сдирать кожу.

Кэтлин, грозно нахмутив брови, сурово посмотрела на него:

– А жаль! Так и чешутся руки! Где перевод, Питер?

– Вот кто настоящий рабовладелец. Джонатану далеко до вас, – вздохнул Питер. – Отец Доменик уже закончил перевод. Дело только за мной. Через неделю дневник будет перепечатан.

Кэтлин удивленно вскинула брови:

– Отец Доменик?

– А где найти специалиста – знатока архаичного итальянского языка пятнадцатого столетия? Пришлось обратиться в один из монастырей в штате Виргиния, и отец Доменик любезно согласился помочь нам.

Кэтлин вспомнила все свои весьма мало любезные послания, которые она оставляла для Питера на автоответчике, и

ей стало неловко.

– Я думала, что вы просто наняли кого-то. Почему вы ничего мне не сказали?

– Разумеется, Джонатан внес щедрый вклад в монастырскую казну. – Он посмотрел на нее ясными глазами. – Мне хотелось сделать вам сюрприз. Ну и, кроме того, мне начали доставлять огромное удовольствие ваши энергичные послания на автоответчике. Они давали мне заряд бодрости на весь день.

Кэтлин рассмеялась:

– Боже мой! Ну и коварный же вы человек! В глазах Питера мелькнули озорные искорки.

– Вы не представляете, каких трудов мне стоило удержаться от искушения и не показать ваши предложения «дать переводчику под зад» отцу Доменику. Единственное, что удерживало, – это боязнь, что он неправильно вас поймет. Как только я закончу перепечатывать его текст, перевод будет у вас. Мне осталось страниц двадцать. Ведь он отдал мне рукописный текст. А у него не самый разборчивый почерк.

– В таком случае придется мне создать вам как можно более подходящие условия для работы. Что вы скажете насчет того, чтобы отправиться на какое-то время в Вазаро? – Кэтлин улыбнулась, заметив, как просияло его лицо. – Не представляю себе более удобного и более подходящего места для чтения дневника Катрин.

– Вы серьезно?

Кэтлин кивнула:

– Должна же я как-то вознаградить вас за то терпение, с которым вы выслушивали все мои проклятия.

– Когда я могу туда поехать?

– Когда захотите.

– Завтра? – восторженно воскликнул он, но тут же спохватился: – Нет. Завтра я буду сопровождать Танцующий Ветер в Ниццу. После завтра можно?

Кэтлин засмеялась, видя, с какой ребячливой радостью он принял ее предложение.

– Я позвоню маме, предупрежу ее о вашем приезде.

– И сколько я смогу пробыть там?

– Сколько захочется. Челси и я тоже выезжаем в Ниццу снимать рекламный клип в отеле «Негреско», а затем отправимся в Вазаро отдохнуть.

– Теперь у меня сразу прибавилось сил! – Питер шагнул к ней, взял в свои ладони ее руку и нежно пожал ее. – Спасибо. Вы даже не представляете, как много это значит для меня.

– Хочу предупредить, что дневник Катрин вряд ли сможет помочь в расшифровке.

– Восстановление истории семьи важнее самой надписи. – Питер мягко улыбнулся. – Мы могли бы работать вместе, Кэтлин. Мне хочется помочь вам. Я не пытаюсь состязаться с вами. Главной скрипкой останетесь вы.

Кэтлин ощутила прилив радостной теплоты и одновременно раскаяния, что целый месяц не давала ему покоя.

– Постараюсь не забывать об этом, – мягко ответила она, и взгляд ее перешел от Питера к Танцующему Ветру. И снова Кэтлин охватило то же самое странное и непонятное чувство, что и при первой встрече. Она прошептала: – Это так много значит для меня. Я обязана разгадать надпись, Питер. Вы не представляете, насколько это важно!

– Я понимаю.

Джонатан коснулся руки Кэтлин:

– Думаю, вам следует пойти к миссис Бенедикт и сказать, что пора уже приступить к официальной части. – Понизив голос, он проговорил: – Честно говоря, мне хочется, чтобы вся эта канитель закончилась как можно скорее и Питер мог отправиться отдохнуть. Он еле стоит на ногах. Ему нельзя так переутомляться.

Кэтлин кивнула:

– Сейчас передам. – И она двинулась в ту сторону, где стояла Челси, окруженная толпой.

– Тебя не узнать! – услышала она голос Алекса. Кэтлин замерла и постаралась взять себя в руки, прежде чем повернулась к нему лицом. Он тоже казался другим: жестким, лощеным, элегантным... Как черная пантера.

– Здравствуй, Алекс.

– Какое замечательное платье! Никогда не видел тебя в черном. – Его взгляд задержался на глубоком вырезе. – Кожа кажется такой... – Он умолк и посмотрел ей прямо в лицо. – Ты довольна презентацией?

Боже мой! Сколько она внушала самой себе, что ей следует навсегда покончить с этим увлечением, забыть о том, что их с Алексом связывало что-то, кроме деловых отношений. Умом она решительно отвергала его. Но тело не желало подчиняться. Кэтлин почувствовала, как в ней вспыхнул огонь желания, и ее охватила та же самая страстная, неодолимая потребность слиться с ним в единое целое, как и в тот день, когда они впервые познали друг друга.

Она заставила себя непринужденно улыбнуться:

– Все идет прекрасно. – Она понизила голос: – А у тебя?

– Его нигде не видно.

Ее губы изогнулись в обидно-вежливой улыбке.

– Нисколько не сожалею об этом, хотя понимаю, насколько ты огорчен.

– Он еще появится.

В ее тоне прозвучали твердые нотки:

– В таком случае, сделай все, чтобы Танцующий Ветер не попал к нему в руки.

Его глаза сверкнули гневом.

– Можешь не напоминать мне об этом. Я сто раз все проверил и перепроверил. Танцующему Ветру ничто не грозит.

– Я не знаю, что... – Она закусил губу. Нет! Ей нельзя оставаться рядом с ним. Это выше ее сил. Тело приказывало делать одно, а ум – другое. Это настоящая пытка. – Мне лучше уйти...

– Прекрасная мысль!

В его голосе послышался едва уловимый славянский акцент, который чувствовался всякий раз, когда он бывал возбужден или рассержен. Кэтлин посмотрела ему в лицо, и из груди ее вырвался тяжелый вздох. Ногти впились в ладони, с такой силой она сжала кулаки, чтобы удержаться и не шагнуть к нему навстречу. До чего же ей хотелось прикоснуться к нему!

– Мне надо пробраться к Челси. Джонатан считает, что пора переходить к официальной части.

– Я тоже так думаю.

И через секунду Алекс снова растворился в толпе гостей. Джонатан вошел к себе, запер дверь и принялся на ходу развязывать галстук. Бросив его на стол, он снял смокинг и повесил его на спинку стула.

Он чувствовал себя как маленький мальчик, который с трудом удерживается от искушения заглянуть в комнату, где стоит елка, и посмотреть, какой ему приготовлен подарок. Ожидание затянулось так надолго.

Сколько времени прошло зря. А жизнь так коротка.

Он услышал звук поворачивающегося ключа в замке и нетерпеливо оглянулся.

– Боже! Он еще одет! – Челси, закрыв дверь, стремительно бросилась к нему. Прозрачные шифоновые оборки на плечах взметнулись, словно два легких крыла. – Впрочем, этого и следовало ожидать! – Она обвила руками его шею. – Почему мужчины не могут...

– Заткнись, Челси. – Джонатан прервал ее монолог долгим медленным поцелуем. Потом он поднял ее на руки и понес в спальню.

Боже! Она была невесомой, как пушинка. Всякий раз его поражала хрупкость Челси после того, как он видел, какой решительной и уверенной она появлялась перед публикой. Несгибаемый характер и нежная, слабая плоть.

– Я ждал этого дня восемь месяцев. И теперь не хочу спешить.

– Хорошо, – согласилась она, сразу становясь мягче и уступчивее. – Но раз уж ты выписал меня сюда, чтобы потрахаться...

– Заняться любовью, – поправил ее Джонатан и, уловив Челси поверх покрывала, принялся расстегивать пуговицы на рубашке. Когда они оказывались вместе, она всякий раз начинала выражаться как можно забористее, прибегая к уличному жаргону, чтобы подчеркнуть разницу в их социальном происхождении. – Ты же знаешь прекрасно, какого рода отношения нас связывают. Перестань делать вид, что мы встречаемся лишь для того, чтобы переспать друг с другом. Сознайся в этом самой себе, Челси! И произнеси это слово, не стыдись его...

– И какое же это слово? – Челси стряхнула туфли с ног и встала на колени, повернувшись к нему спиной, чтобы Джонатану удобнее было расстегивать «молнию» у нее на спине.

– Ты сама знаешь. Тебе надо только выговорить его. –

Джонатан медленно опустил замочек «молнии» до упора и, зарывшись в ее волосы на затылке, глубоко вдохнул знакомый душистый запах. – Ну говори же!

Она засмеялась и повернулась к нему лицом.

– Ну хорошо. Заниматься любовью. Неужели это звучит намного лучше?

– Да, лучше и гораздо ближе к правде.

Джонатан спустил платье с ее плеч, помогая высвободить руки. Его взору открылась высоко приподнятая, удивительной формы грудь с упругими сосками. Именно такой он и хранил Челси в памяти. Как давно они не виделись.

– Челси, любимая... – Он опустил голову и прильнул к ее соску, забыв всякие споры о словах.

– Я начинаю чувствовать благодарность к Алексу Каразову, – сказал Джонатан, отводя прядь упавших волос с лица Челси. – А это очень опасно.

– Как ему удалось разузнать про нас... Мы вели себя так осторожно.

– Кто его знает. У него свои источники информации.

– Мне от этого становится не по себе. Если узнал он, то могли разнюхать и остальные репортеры.

– Не думаю. Каразов необычный человек. Не равняй его с остальными.

– Ты считаешь, на него можно положиться? Он не проговорится?

– Думаю, можно.

– Звучит не слишком уверенно.

– Правду говоря, Челси, мне на это наплевать.

– А вот мне не наплевать.

– Знаю. Оттого-то и все эти идиотские предосторожности.

А теперь признавайся, как тебе удалось добыть ключ от моей комнаты?

– Я нашла его в своей сумочке. Ко мне в номер перед началом приема заходил Каразов.

– Кажется, он отдает долги.

– Он не похож на купидончика.

– Челси, любовь моя! У меня нет ни малейшего желания обсуждать Каразова этой ночью. – Он приподнялся на локте, внимательно глядя на нее. – Ты похудела за то время, что мы не виделись. – Он положил ладонь ей на грудь и мягко сжал ее. – Я сразу заметил это.

– Совсем ненамного! Ты напрасно беспокоишься! – Она теснее прижалась к нему и обвила ногами. – Я умею постоять за себя!

– Даже слишком! – помрачнев, заметил Джонатан. – Я видел эти снимки в «Тайм» с гарпуном, торчащим в мачте всего в нескольких дюймах у тебя над головой. Еще немного, и он мог бы попасть в тебя!

– Я сама виновата. Мне не надо было злить этого парня, – смущенно признала Челси.

Джонатан, видя, что ей неприятно вспоминать об этом, перешел на шуточный тон:

– Отныне и впредь, если у тебя появится желание получить гарпун, – предоставь это делать мне.

– Снаряжение у тебя вполне подходящее... – Она провела рукой по его животу и скользнула ниже. – Кита можно уложить.

– Комплимент вполне в твоём стиле... – Он посмотрел на гибкую фигурку, обвиняющуюся вокруг него, и ласково спросил: – Итак, ещё один гарпун?

Она рассмеялась, продолжая поглаживать его:

– До чего ты легок на подъём.

– Потому что я одержим страстью. – Он снова надолго прильнул к её губам. – Влюбленный мужчина никогда не может утолить жажды, разве ты этого не знаешь, Челси?

Она нежно отодвинула его и села на постели:

– Мне хочется пить. – Она опустила ноги на пол. – Пойду поищу минеральной. Ты хочешь чего-нибудь?

– Нет.

Он смотрел, как обнаженная Челси идет из спальни к гостиной. Ему всегда нравилось наблюдать за тем, как она двигается. Ему нравилась ее упругая походка, в которой таилось столько жизненной энергии. Ему нравилось, как она выпрямляет плечи и выставляет вперед грудь, будто идет навстречу врагу. Именно ее походка сразу свела его с ума, когда он впервые увидел Челси, идущую ему навстречу через зал Белого дома. Он даже не помнил, каким образом ему удалось оказаться рядом с ней за длинным, покрытым ска-

тертью столом. И к концу этого вечера он уже совершенно точно знал, что в его жизни появилось нечто неповторимое и прекрасное. И что эта встреча – самый ценный подарок, который могла сделать ему судьба.

– Подожди, – Джонатан поднял свою рубашку, брошенную на пол. – Здесь довольно прохладно. Не ходи раздетая. – И он бросил ей рубашку. – Накинь на плечи.

Подхватив рубашку, она просунула руки в рукава и закатала манжеты:

– Отлично! Мне остается только заявить, что забота великодушного джентльмена с Юга покорила меня. Он растрогал меня. . . . – Она повернулась и вышла из спальни, продолжая на ходу говорить: – Это заставляет мое сердечко биться сильнее. Моя головка кружится от счастья, и. . .

– Любовь моя, ты прекрасная актриса! Но роль южанки-домохозяйки явно не для тебя. – Он подошел к шкафу, вынул черный бархатный халат и, накинув его на себя, двинулся следом за Челси в гостиную.

Она, открыв дверцу бара, смотрела на батарею бутылок.

– Я рада, что ты наконец сам понял это и сказал вслух. – Она достала маленькую бутылку «Эвиан» и открыла ее. – Мое место в Голливуде и Беверли-Хиллз.

– Ты можешь быть кем угодно, если захочешь. – Джонатан, стоя посреди комнаты, смотрел, как она наполняет стакан минеральной водой. – Твои возможности безграничны, любовь моя.

Ее пальцы судорожно сжали стакан.

– Перестань звать меня так. Я вовсе не «твоя любовь».

Он стоял, молча глядя на нее.

– Повторяю еще раз: я не «твоя любовь», – решительно проговорила она, поднося стакан к губам. – Я хочу, чтобы ты перестал говорить, что любишь меня. Это всего лишь секс. Полезное для здоровья барахтанье на сеновале.

Он по-прежнему хранил молчание.

– Не понимаю, почему мужчины тают после близости. Почему становятся такими сентиментальными? Если ты переживаешь оргазм – это еще не означает любовь. Я способна пережить оргазм с кем угодно и от чего угодно. – Она щелкнула пальцами. – Вот также просто. Когда я, например, смотрю, как танцует Барышников или когда слушаю Луи Армстронга.

Джонатан усмехнулся:

– Какая ты счастливица! Только позавидовать можно.

Напряжение оставило Челси, и она, не выдержав, рассмеялась:

– Черт тебя побери!

– Извини, Челси. Мне вовсе не хотелось сбивать твой боевой настрой! – Он подошел к ней и прижал к себе. – А теперь скажи, когда собираешься выйти за меня замуж?

– Никогда. – Челси сделала еще один глоток. – Я сказала это тебе еще восемь месяцев назад. И ты согласился с моими доводами.

– Нет. Я не соглашался с твоими доводами. Просто обещал немного подождать, отложив разговор до следующего раза.

– Тогда согласись сейчас. Пока мы могли встречаться тайно и никому не было известно, что мы трахаемся... – Она остановилась, заметив его взгляд, и поправила саму себя: – Я хотела сказать, занимаемся любовью, я ничего не имела против. Но нынешняя встреча – последняя. У меня – своя жизнь, у тебя – своя, и одно с другим никак не соединяется.

– Только что мы так хорошо соединялись, – улыбнулся он.

– Послушай, что я тебе скажу. – Она резко поставила стакан. – Этот вопрос не подлежит обсуждению. Не будем возвращаться к нему.

– Все можно обсуждать и все можно пересматривать. – Джонатан заботливо застегнул пуговицы на ее рубашке. – Так будет теплее...

– Я могу сама о себе позаботиться, – она отодвинулась от него. – Я не член твоей партии и не член твоей семьи. И ты не обязан волноваться за меня.

– Разумеется, не обязан, – мягко ответил он. – Я считал, что это мое почетное право.

– О боже! – она крепко зажмурилась. – Ну что мне с тобой делать?

– Согласиться выйти за меня замуж. Будем жить вместе, заведем еще одного ребенка, такого же замечательного, как Мариза, и будем любить друг друга.

– Нет. Не могу. – Она открыла глаза, и теперь было видно, что они полны слез. – И хочу только одного: чтобы ты наконец заткнулся.

Он покачал головой:

– Нам надо наконец-то объясниться до конца. Скажи все как есть, Челси.

– Я не желаю говорить на эту тему. – Она шагнула вперед и оказалась в его объятиях. Уткнувшись лицом в его грудь, она пробормотала: – Как я истосковалась по тебе, Джонатан. Как мне хотелось увидеть тебя.

– Вот это уже хорошее начало. – Его ладонь нежно скользнула по ее волосам. – Теперь выкладывай остальное.

– Ты знаешь, какими были первые слова, которые я услышала о тебе? – Ее голос стал почти невнятным. – Я разговаривала с послем Венесуэлы, когда он кивнул на тебя и сказал: «Знаете, кто это? Его зовут Джонатан Андреас. Он собирается стать следующим президентом Соединенных Штатов».

Джонатан усмехнулся:

– Собираться – это еще не значит стать им на самом деле.

– Но ты хочешь этого, – голос ее неожиданно снова окреп. – Ты должен стремиться занять президентское кресло. И добиваться этого места. Ты будешь классным президентом.

– А ты – классной первой леди. Она покачала головой:

– Я киноактриса.

– Как и Рональд Рейган.

– Это разные вещи. Кроме того, я четырнадцать месяцев провела в тюрьме. Об этом трубили все газетенки отсюда до Тимбукту.

– И ты сумела выбраться из этой грязи и стала потрясающей актрисой. И еще более потрясающей женщиной. – Он нежно поцеловал ее. – Не смей больше повторять эту глупую басню.

– Я никогда не считала, что мне следует стыдиться того, что случилось. – Ее голос дрожал. Она покачала головой. – Нет, это не так. Я стыжусь того, что не сумела сразу разобраться в этом убудке, который принес столько страданий Маризе.

– Ты сама тогда была ребенком.

– Став матерью, я не имела права ошибаться. – Она покачала головой. – Мне доводилось совершать много ошибок в своей жизни, но эту я не прощу себе никогда...

Джонатан молча гладил ее по голове, ожидая продолжения.

– И я не имею права совершать новой, зная, что это может отразиться на чьей-то жизни. Я никогда не поверю, что избиратели примут меня в качестве первой леди.

– Откуда ты знаешь? Мир меняется. И люди сейчас мыслят совсем не так, как думали когда-то.

– Попробуй докажи это нашим репортерам, – возразила она. – Эти дешевки доказали, что я изменяла мужу и была совершенно неразборчива в своих связях после развода.

– Так было?

– Нет, конечно. – Она вздрогнула. – После брака с этим сукиным сыном я года четыре не могла вынести ничьего прикосновения. Я думала, что я вообще... – Она замолчала. – Ладно, теперь это не имеет значения.

– Но не для меня. Все, что имеет к тебе отношение, – чрезвычайно важно для меня. – Он взял ее голову в ладони и слегка отодвинул от себя. – Хочешь правду? Да, президентское кресло мне по нраву. И я считал, что еще несколько месяцев, и я займу его.

Она вся сжалась, но постаралась через силу улыбнуться.

– Видишь, я правильно все говорила. И самое верное... Он не дал ей закончить фразу:

– Но я привык сам управлять своей жизнью. И смысл моей жизни все-таки не в том, чтобы достичь президентского поста. Это всего лишь работа, которая мне по нутру.

Но четыре года в Белом доме не заменят того, что мы сможем давать друг другу до самого конца жизни.

– Восемь, – поправила она его быстро. – Тебя непременно переизберут на второй срок.

– Что восемь, что четыре – это не меняет дела.

– За это время многое можно сделать. – Она повернулась и двинулась в спальню. – Ну ладно. В конце концов, если уж ты так ценишь меня, то можешь приводить меня в Белый дом, чтобы позабавиться. Я стану для тебя тем же, чем была Мэрилин Монро для Кеннеди.

– У тебя слишком сильный характер, чтобы стать содер-жанкой президента.

– Я попробую. Мне удастся добиться невозможного, если как следует поработать над собой.

– Это не конец разговора. Мы еще вернемся к нему.

– Знаю, – она потерлась о него носом. – А вот ты, к сожа-лению, совершенно не знаешь и не понимаешь, что тебе идет на пользу, а что нет.

– Отчего же? – Джонатан понимал, что сейчас не стоит пе-реубеждать ее. Лучше оказывать несильное, но постоянное давление, чтобы Челси наконец отказалась от того, что вбила себе в голову. Благодаря Каразову у них появилась возмож-ность подольше пробыть вместе. И у него теперь есть время спокойно поговорить с Челси, объяснить ей, как она ошиба-ется. – Я совершенно точно знаю что мне необходимо: мо-локо, овощи, отруби. – Он подошел к ней, обнял за талию и шагнул вместе с ней к кровати. – Еще немного физиче-ских упражнений: прогулка пешком, плавание, теннис. – Он погладил ее ягодицы сквозь ткань рубашки. – И побольше упражняться с гарпуном.

Было три часа ночи, когда Алекс, отпирая дверь на пло-щади Вогез, услышал звонок телефона.

Захлопнув за собой дверь, он поспешил в гостиную снял трубку.

– Алекс, мой мальчик, ты превзошел себя! – засмеялся Ледфорд. – Я знаю, ты бросил мне вызов. Гнев и злость за-

ставляют людей горы сворачивать. Представляю, каких трудов стоило тебе привезти сюда Танцующий Ветер, а для того, чтобы заманить меня в ловушку. Умопомрачительная операция, Алекс. Но это не твой стиль: здесь ты больше работал ногами, а не головой.

– Ну так попытайся добраться до него!

– Непременно. – Он помолчал. – Ты считал, что появлюсь вечером в Версале, не так ли? Я почти вижу, как ты медленно прохаживаешься по коврам этого великолепного зала и ждешь моего появления.

– Почему ты не пришел?

– Мой партнер решительно воспротивился тому, чтобы нарушать ход презентации. Видишь ли, ему вообще не по душе затея с кражей Танцующего Ветра. Пришлось заключить с ним сделку, которая устроит нас обоих.

– Еще одна кража?

– Нет! Это другая операция. – Его тон стал шутовским. – Которая доставит мне личное удовлетворение. Ты ведь знаешь мою любовь к древностям. Надеюсь, ты оценишь мои старания – я иду на все, чтобы доставить тебе удовольствие.

– Я хочу увидеться с тобой.

– Все в свое время. Могу ли я с тобой расстаться? – Его тон вдруг стал серьезным. – Вполне возможно, что на самом деле меня гораздо больше интересуешь ты, а не Танцующий Ветер. И вполне возможно, что все усилия, направленные на то, чтобы отомстить мне, на самом деле способствуют тому,

чтобы мы еще более сблизились. Ты не задумывался о таком повороте?

– Нет.

– Конечно, нет. Ты никогда не признаешься в этом даже самому себе. – Ледфорд на секунду замолчал. – Я всегда немного ревновал тебя к Павлу, поэтому и позволил своим ребятишкам слегка позабавиться с ним.

Алекс почувствовал, как белое пламя ненависти вспыхнуло в нем.

– Подонок!

– Какой ты злюка, а вот я всегда очень добр и внимателен к тебе. Вот, например, я объявляю тебе, что собираюсь закончить дело сегодня ночью. Не каждый человек способен и на такой широкий жест.

– Мне не нужны твои широкие жесты, – холодно ответил Алекс. – Мне нужна твоя жизнь.

– Тогда извини. – Ледфорд помолчал. – Зато ты услышишь грохот из своего дома на площади Вогез. Звук докажется и туда. Кстати, ты выбрал очень уютный домик. С трудом удерживаю себя от искушения зайти, посмотреть, как ты обставил его. У тебя такой изысканный вкус.

– Дверь всегда открыта.

Ледфорд усмехнулся:

– Приму к сведению. – Он помолчал. – А ты прими к сведению, что мне чрезвычайно не нравится, когда ты проводишь время с женщинами.

Алекс почувствовал, что его трясет от гнева и ярости. Стало трудно дышать.

– Я забыл тебя предупредить насчет той дамочки, когда мы говорили в прошлый раз. – Голос Ледфорда стал шелковистым. – Приходится делать выговор сейчас, Я хочу, чтобы все твое внимание было сосредоточено исключительно на мне и на нашем увлекательнейшем состязании. Мне казалось, что тебе хватит урока с Анжелой.

– Анжела?

– Ты не знал? Конечно, ребята не могли так быстро справиться с заданием. Но я обещал тебе, что рано или; поздно это произойдет.

– О господи!

– Вообще-то я решил забыть о ней. В конце концов, у меня не было особых причин нехорошо обходиться с ней. Но когда я подумал о том, что вы снова можете оказаться вместе, я решил сделать себе маленький подарок. Мне приятнее сознавать, что ее уже нет на белом свете. – Ледфорд заговорил чуть более взволнованно и беспокоино: – Ну вот и все. Мне пора. Разговоры с тобой очень взбадривают меня. Но дело превыше всего. И оно должно быть закончено нынешней ночью. Не сомневайся, я буду точен.

В трубке раздались гудки.

Алекс невидящими глазами смотрел в зеркало, висевшее на стене гостиной. Ледфорд – настоящий маньяк. Нет Если бы он просто страдал манией! Это хладнокровный жестокий

убийца, лишенный понятия совести. В груди у Алекса все сжалось от страха, когда он вспомнил своей надежде на то, что Ледфорд зачислит Кэтлин в одну с Анжелой категорию.

Кэтлин!

Он схватился за телефон и принялся судорожно набирать ее номер в отеле. Раздалось пять долгих гудков, прежде чем она подняла трубку.

– Алло! – Голос ее был сонным. Чувство облегчения охватило его.

– Кэтлин, у тебя все в порядке?

– До тех пор, пока ты не разбудил меня. Что случилось...

– Никуда не выходи. Проверь, заперта ли дверь. Я позволю Джонатану, чтобы он пришел к тебе и побыл в номере до моего прихода. Я буду через несколько минут. Не открывай дверь никому, кроме него.

– Алекс! Что... – Она замолчала. – Ледфорд?

– Он не назвал тебя по имени. Возможно, он даже не знает, кто ты. Но я не могу доверять его словам...

– Боже! – прошептала она. – Танцующий Ветер.

– Меня не волнует эта проклятая статуэтка. Проверь запор. – Он отсоединился и набрал номер Джонатана. Когда тот ответил, Алекс проговорил скороговоркой: – Идите к Кэтлин. Побудьте с ней до моего приезда.

После этого позвонил Питеру и попросил проверить, все ли в порядке с охраной у сейфа с Танцующим Ветром.

– Какого черта? Что случилось, Каразов?

– Просто проверьте.

Он снова отсоединился и стал звонить оператору, чтобы его связали с полицией. Когда на другом конце провода подняли трубку, он быстро проговорил:

– «Черная Медина» сегодня готовит какую-то операцию. Видимо, это будет взрыв какого-то памятника. – И тут же отключился.

Конечно, звонок в полицию был совершенно бессмысленным жестом. Париж – большой город. В нем много памятников. И взрыв мог произойти у любого из них.

Он вскочил и бросился к двери.

Эхо взрыва прокатилось по пустым комнатам.

Собор Сен-Антуан находился всего в двух кварталах от «Континенталья», и Алекс вынужден был оставить такси, потому что эпицентр взрыва находился как раз на его пути. Пробираясь в толпе, запрудившей улицу, Алекс был поражен трагической картиной, развернувшейся перед его глазами. Знаменитая башня обрушилась, фасад обвалился. Осколки витражей, выполненных лучшими мастерами Возрождения, разнесенные взрывной волной, усеяли всю улицу. Он вспомнил восхищенное лицо Кэтлин, которая всего несколько недель назад смотрела на игру света в этих стеклах.

– Назад! – Молодой полицейский с бледным лицом и странно блестящими глазами теснил толпу, напиравшую на канаты, которыми оцепили место происшествия, подальше от горящего здания. – Вы ничем не можете помочь. Дайте

дорогу пожарным.

Три пожарные машины уже прибыли к месту взрыва. Алекс слышал вой четвертой, которая ехала через мост к собору.

Большинство собравшихся у места взрыва подавленно молчали, напряженно глядя со слезами на глазах на пожар, что пожирал стены собора. Если Ледфорд хотел потрясти мир и вызвать у людей гнев, то он добился своего. Алекс не был французом, но и он очень остро ощутил чувство потери и боль при виде этих обломков бывшего величия.

– Выродки! – пробормотала старушка, вытирая глаза. – Безбожники! Мерзавцы!

Алекс молча продирался сквозь безмолвную толпу, которая как загипнотизированная смотрела на пылающие стены собора.

Зловещие отблески пожара освещали ночное небо.

Кэтлин застыла у окна гостиной, глядя на страшную иллюминацию и слушая вой сирен пожарных машин, спешивших к месту трагедии.

– На этот раз они все же сделали это!

Кэтлин отвернулась от окна. В дверях, ведущих в гостиную, стояла Челси все в том же светлом шифоновом платье, в котором она была в Версале. Волосы ее растрепались. Она была не подкрашена.

– После взрыва я пыталась дозвониться до администратора гостиницы. Но мне не удалось пробиться к нему. Что произошло? – обратилась к ней Кэтлин.

– Не знаю. Джонатан звонит кому-то в посольство, чтобы выяснить, что случилось. Он отправил меня сюда предупредить тебя, что скоро придет. – Челси нахмурилась. – Что с тобой? Ты не заболела?

– Нет.

– Тогда какого дьявола Алекс...

– Думаю, лучше дождаться Джонатана и поговорить обо всем. – Кэтлин больше не могла лгать им, но только бог знает, насколько трудно ей было бы сейчас исповедаться.

– На тебе лица нет. Может, дела обстоят не так уж плохо. – Челси прошла через холл и стала у окна позади Кэтлин.

Какое-то время она хранила молчание. Черты ее лица освещало рыжее зарево пожарища. – Ты даже не спрашиваешь, почему я оказалась в номере Джонатана?

– Это не мое дело. Я зашла к тебе в спальню после того, как позвонил Алекс, и увидела, что постель так и осталась неразобранной. – Кэтлин не смотрела на нее. – Ты не обязана мне ничего рассказывать.

– Но теперь уже немного поздно пытаться скрыть правду. Поскольку нам все равно придется жить вместе одной большой счастливой семьей до конца рекламной кампании, ничего утаить не удастся. Мы с Джонатаном стали любовниками еще в прошлом году, но... – она помолчала, – мне не хотелось бы, чтобы об этом узнал кто-нибудь еще. Джонатан – политик, и его связь со мной может плохо отразиться на его карьере.

– Я уже сказала: это не мое дело.

– Спасибо! – Челси снова помолчала. – Знаешь, он такой замечательный человек!

– Мне он очень нравится.

– Как и всем другим. Он умеет по-настоящему заботиться об окружающих, а люди всегда это чувствуют. Как только я оказываюсь рядом с ним, меня сразу охватывает чувство... – Она запнулась и закончила с несвойственной ей нежностью: – Он как добрый сказочный великан, который может защитить от всех бед и напастей.

– Именно поэтому ты согласилась участвовать в реклам-

ной кампании?

Челси медленно кивнула.

– Как только Алекс произнес имя Джонатана, вопрос был для меня решен. Это означало, что мы можем видеться, не вызывая ничьих подозрений. Очень умный ход с его стороны.

– Он знал о ваших отношениях?

– Должно быть, если нажал именно на эту кнопку.

Да, он ловко манипулировал ими всеми.

– Откуда он узнал?

Челси усмехнулась:

– Понятия не имею. Джонатан говорит, что у Алекса есть свои источники информации.

До чего же глубоко копали эти агентства, услугами которых он пользовался, подумала Кэтлин.

– Он узнал то, что вам нужно, и дал вам это.

– Иначе дело бы не сдвинулось с места.

– Алекс не умеет делать дела по-другому, – с горечью проговорила Кэтлин.

– Алекс привык... – Челси вдруг щелкнула пальцами. – О, совсем забыла! Так спешила, что у меня все вылетело из головы. – Она схватила коробку, что стояла на столике у двери, и подала ее Кэтлин. – Это стояло перед дверью нашего номера. На карточке – твое имя.

Коробка была открыта, и карточку вложили под красный бант, завязанный поверх голубого кашемирового шарфа.

Кэтлин, глядя на шарф, впервые с того момента, как позвонил Алекс, в самом деле почувствовала, что ее охватывает ужас. Она слышала об этих «памятных подарках» Ледфорда, но новый шарф отличался от прежних своим изяществом.

Перед ней лежал женский шарф.

– Это собор Сен-Антуан, – сказал Джонатан, входя в их номер несколькими минутами позже.

Кэтлин с ужасом смотрела на него.

– Нет! – прошептала она.

– Да, – мрачно кивнул Джонатан, закрывая за собой дверь. – Под него подложили столько взрывчатки, что он разрушен до основания. Камня на камне не осталось, как они и задумали. Это «Черная Медина». В полицию поступил анонимный звонок буквально за несколько минут до взрыва.

Кэтлин не заметила, как ее пальцы судорожно сжали бархатную занавеску окна.

– Надеюсь, они кастрируют этого сукина сына, когда схватят его.

– Никогда не видела тебя в таком гневе! – Челси удивленно смотрела на нее.

– Это ведь Сен-Антуан! – Кэтлин снова обернулась к окну, к багровому зареву. – Это так же страшно, как если бы они взорвали Нотр-Дам. Вам, американцам, это не понять. Для Европы ее история и ее культура – это все. Она всегда с нами. Она – стержень нашей жизни. Что бы вы сказали, если

бы кто-то взорвал мемориал Линкольна? Челси осторожно положила руку на плечо Кэтлин:

– Возможно, посол ошибся?

– Я заходила в собор всего несколько недель назад. Мне хотелось показать Алексу... – Она замолчала и уставилась на лежащий перед ней шарф. Этот кошмар – дело рук Ледфорда. – Бред!..

В каком же страшном мире они живут! Зачем кому-то надо взрывать собор? Почему какой-то мужчина хочет убить женщину, которую он и в глаза не видел?

– Алекс так беспокоился о вас, когда звонил мне, – Джонатан говорил ровным и спокойным тоном, но лицо его было суровым. – Может быть, вы что-нибудь нам объясните?

Через пятнадцать минут в дверь номера постучал Алекс. Кэтлин открыла ему дверь.

– Я рассказала все, Алекс!

Алекс расправил плечи и вошел в гостиную:

– Хорошо! Значит, мне не придется делать это самому.

Он закрыл дверь, запер ее и повернулся ко всем лицом.

– Танцующий Ветер на месте? Вы проверили его, Андреас?

– Да. Питер только что позвонил мне. Он сам ходил проверить, все ли в порядке. Ему доложили, что сигнализация сработала, когда взрывная волна дошла до отеля. Но когда они заглянули в сейф, Танцующий Ветер был на месте.

На лице Алекса отразилось беспокойство.

– Позвоните ему еще раз. Сигнализация не могла сработать в ответ на взрывную волну. Я сам проверял ее, когда узнал, что вы собираетесь спрятать статуэтку в сейф, и знаю, как она действует.

– Питер сказал, что видел Танцующий Ветер своими глазами.

– Перезвоните. Пусть проверит еще раз, – сказал Алекс. Джонатан пристально посмотрел на него, потом молча подошел к телефону и набрал номер.

– Питер? Будь так добр, проверь, пожалуйста, еще раз, на месте ли Танцующий Ветер. Да, я знаю, что ты уже был там. Сходи еще раз и убедись, все ли в порядке. – Он положил трубку и повернулся лицом к Алексу. – Это бесполезная трата времени. Все говорит за то, что в этот раз они охотились не за статуэткой. Во всяком случае, сегодняшней ночью. – Он снова выдержал паузу. – До завтрашнего утра им уже не представится удобный случай. А завтра я отправлю Питера вместе с Танцующим Ветром обратно домой.

– Я так и думал.

– И позвоню в полицию, чтобы уведомить их о вашем друге Ледфорде.

– Нет!

– Он убийца! – сказал Джонатан. – Вы не имеете права скрывать от полиции его приметы.

– Думаете, стоит им только узнать, как его зовут, как он тут же окажется у них в руках?! Четыре месяца я делаю все,

чтобы напасть на его след, и у меня ничего не выходит.

– У них больше людей и больше возможностей, чем у вас.

– У меня есть возможности, которых у них нет, – ответил Алекс. – До тех пор, пока Ледфорд считает, что игра идет между нами двумя, у меня есть шанс схватить его.

– А у него есть шанс добраться до Кэтлин, – вмешалась Челси. – Господи! Неужели вы не видите, что она перепугана до смерти?

Алекс старательно избегал смотреть на Кэтлин с того момента, как вошел в номер.

– Звонком в полицию его не остановишь. Неужели вы не понимаете? Он был сотрудником ЦРУ. У него свои люди во всем мире. Свои источники и помощники. Полиция не сможет защитить ее.

– А вы сможете? – язвительно поинтересовалась Челси. – На всем этаже на каждом шагу стоят охранники, и тем не менее он сумел пронести сюда этот маленький подарок.

– Что?! – Взгляд Алекса остановился на коробке, стоявшей на столе. – Боже! – прошептал он.

– На этой карточке написано мое имя, – сказала Кэтлин. – Он знает, кто я.

Она испугалась, и кто бы посмел осудить ее? Ему так хотелось прикоснуться к ней, ласково успокоить ее, как прежде, но он знал, что это невозможно.

– Я не ожидал, что это произойдет, Кэтлин. Этого не должно было случиться.

– Ты просчитался! – без всякого выражения заметила она. – Какая жалость. Особенно когда все распланировано настолько...

Громкий стук в дверь не дал ей закончить фразу.

– Джонатан! Ради бога, открой скорей!..

– Это Питер! – Джонатан бросился к двери и широко распахнул ее.

Питер со всклокоченными волосами и бледным лицом ворвался в номер:

– Они украли его, Джонатан! Я мог бы поклясться... Боже мой! Как же я не сообразил! Мне надо было остаться в комнате...

– Танцующий Ветер? – Джонатан напряженно смотрел на Питера, все еще не веря своим ушам. – Они украли Танцующий Ветер?!

Питер захлопнул за собой дверь.

– Я сам заглянул в сейф. Но в сейфе нет освещения. И в полумраке... Я мог бы поклясться, что он стоит там.

– О чем ты?

– Они оставили копию. Когда сработала сигнализация, мы решили, что это действие взрывной волны. Все машины, что стояли в радиусе трех кварталов от собора, принялись сигналить. Взрывная волна ощущалась и в отеле... – Питер замолчал, судорожно хватая воздух ртом. – Один из охранников отбежал к телефону, чтобы предупредить меня. Другой оставался стоять у сейфа. Именно в этот момент они могли

украсть его и подложить дубликат.

– Каким образом, если второй охранник оставался стоять?

– Он исчез после того, как я проверил сейф и убедился, что Танцующий Ветер на месте. Ледфорд, должно быть, сумел найти к нему подход.

– О каком дубликате ты говоришь? – недоверчиво вскинулся Джонатан. – Невозможно выполнить вторую такую статую, которая могла бы ввести тебя в заблуждение.

– Но она существует.

Все повернулись к Кэтлин.

– Есть одна копия, которую почти невозможно отличить от подлинника. – Кэтлин прижала трясущиеся руки к губам, чтобы унять дрожь. – Статуэтка выполнена венецианским художником – Марио Дезедеро. Я видела ее как-то раз, когда работала над материалами о Танцующем Ветре. При неясном освещении их невозможно отличить одну от другой.

– Никогда не слышала о том, что у Танцующего Ветра есть двойник, – сказала Челси.

– Эта копия сделана по заказу Жана Марка Андреаса в восемнадцатом столетии. Сейчас она находится в частной коллекции Альфреда Коннафа, английского промышленника, который живет в Йоркшире.

– Боже мой! Я ведь знал об этом, – простонал Питер. – О ней говорилось в твоём докладе, Кэтлин. Как я мог забыть о...

– Но как она оказалась здесь? – перебила его Челси.

– Ледфорду было намного легче выкрасть копию, чем подлинник, – сказал Алекс. – Возможно, имеет смысл позвонить и справиться о здоровье мистера Альфреда Коннафа?

– Кошмар! – прошептала Челси. Джонатан в отчаянии покачал головой:

– Нет! Не могу поверить, что ее уже нет! – Его взгляд остановился на Алексе: – Послушай, ты, ублюдок, статуэтка хранилась в нашей семье с тех пор, как... – Он сделал глубокий вдох, пытаясь не терять контроля над собой. – Не могу поверить, что она пропала...

– Я верну ее, – сказал Алекс.

– Как? До сих пор тебе даже не удавалось выйти на след Ледфорда.

– Это моя вина, что он сумел украсть Танцующий Ветер. Я найду Ледфорда хоть под землей и верну статуэтку обратно.

Кэтлин подошла к Джонатану.

– Простите меня, Джонатан! – Глаза ее наполнились слезами. – Не могу передать, что я чувствую. Обещаю, что мы вернем ее вам.

– Мы? – Алекс покачал головой. – Нет, только не ты. Я не позволю тебе рисковать.

– А где мне спрятаться? – Кэтлин повернулась к нему. Глаза ее сверкали от гнева и слез. – Ты думаешь, я могу уехать домой, чтобы навести это чудовище на Вазаро? Это из-за меня Танцующий Ветер оказался здесь. Когда мне стало известно все, я должна была предупредить Джонатана. Просто под-

нять трубку и позвонить. Но я не сделала этого. – Она судорожно вздохнула. – Из-за того, что хотела добиться своего...

– Никто тебя не обвиняет, Кэтлин, – вмешалась Челси. – Мы знаем, как эти духи нужны были для спасения Вазаро...

– Значит, это моя вина... – не дала ей закончить Кэтлин. – В такой же степени, как и Алекса. И даже больше. Меня заворожила сказка, которая становилась жизнью... Танцующий Ветер... Я так люблю Вазаро, что готова была заплатить любую цену ради его спасения. Я не могла остановиться на полпути... – Голос Кэтлин сломался. Судорожно сглотнув комок, застрявший в горле, она посмотрела на Алекса. – Я сказала тебе, что не позволю, чтобы Джонатан пострадал от нашей затеи.

Каразов обернулся к Джонатану, на лице которого застыла маска скорби.

– Теперь, когда Танцующий Ветер оказался у Ледфорда, он постарается сделать все, чтобы убереечь его. Он одержим им. Роли переменялись. И я верну Танцующий Ветер. Но если вы обратитесь в полицию, та тончайшая нить, что должна привести меня к Ледфорду, оборвется.

– Вы сами мне говорили, что у вас нет никакой зацепки, – сказал Джонатан.

– У меня есть человек, который занимается прошлым Ледфорда. Мы воспользуемся его материалами.

Джонатан по-прежнему недоверчиво и испытующе смотрел на Алекса.

– Если мы не сможем найти самого Ледфорда, то, возможно, удастся выйти на его сообщника. Ледфорд упоминал о том, что его партнер возражал против похищения Танцующего Ветра. Единственное логическое объяснение – этот человек, вероятно, сам присутствовал на презентации в Версале.

– Вы хватаетесь за соломинку.

Алекс твердо посмотрел в глаза Джонатану:

– Соломинка все же лучше, чем ничего. Дайте мне двадцать четыре часа, и я вычислю партнера Ледфорда.

Джонатан помолчал, потом пожал плечами:

– Хорошо. Двадцать четыре часа. И ни минутой больше.

Алекс обернулся к Кэтлин:

– Ты занималась рассылкой приглашений. Мне нужен список гостей.

Она подошла к столу, открыла средний ящик и вытащила бумаги. Затем вернулась и вручила их Алексу:

– Тебе нужна моя помощь?

– Нет! – Он посмотрел на нее. – Но мне будет легче сосредоточиться, если я буду уверен, что ты в безопасности.

Она покачала головой:

– Я не собираюсь возвращаться в Вазаро.

– Поговорим об этом позже. Не знаю, где тебе будет сейчас безопаснее. – Он подошел к двери. – Побудьте с ней, пока я не вернусь, Джонатан. Я пришлю двух охранников – в холл и в соседний номер. – Обернувшись, он еще раз посмотрел

на Кэтлин. – Ради бога, никуда не выходи из номера!

– Не беспокойся! – ответила Кэтлин, не глядя на него. – Я еще хочу жить. И у меня нет никакого желания дать этому маньяку убить меня.

– Я не позволю ему и пальцем прикоснуться к тебе. – Алекс закрыл дверь номера и прошел через вестибюль к лифту.

Было около шести утра, и дневной свет уже пробивался в окна гостиной, когда Алекс открыл дверь своего номера, находившегося по соседству с номером Кэтлин.

Боже, как он устал.

Алекс сделал несколько резких движений, чтобы сбросить накопившееся напряжение. Дойдя до кресла, он рухнул в него. Но ему нельзя позволять себе расслабиться ни на минуту. Взяв в руки список приглашенных гостей, он стал просматривать фамилию за фамилией, отгоняя от себя дремоту.

Двадцать четыре часа.

Он пробежал глазами первый лист. Колонку имен и фамилий.

За час ему удалось подчеркнуть лишь два имени: Рауля Далпре – главы Интерпола, и Бенджамина Картера – английского миллионера и знатока древностей, любителя антиквариата. Далпре занимался непосредственно ловлей похитителей шедевров. А Картер слыл фанатиком-коллекционером, который шел на все, чтобы заполучить нужную ему вещь. Его не остановило бы даже то, что предмет украден из музея.

Он откинулся в кресле и потер глаза. Нет, эти выводы не слишком убедительны и в любом случае бездоказательны. Алекс продолжал размышлять об этих двух людях, пытаясь выстроить картину, где их линии бы пересекались. Как ему не хватало нескольких часов сна, чтобы освежить ум.

Алекс набрал номер телефона Гольдбаума в Нью-Йорке.

– Господи Иисусе! Ты хоть когда-нибудь спишь? – про-
бормотал сонный голос.

– Время не терпит. Мне срочно нужно что-то на Ледфор-
да. Любая информация.

– Вчера после обеда в офис поступила какая-то информа-
ция. Но я не успел просмотреть ее. Перезвони мне завтра в
нормальное время, я скажу, что там есть.

– Отправляйся в офис сейчас же!

– Да ты знаешь, который час?

– Отправляйся немедленно.

– Это обойдется тебе втрое дороже.

– Не в первый раз.

– Ну хорошо. – Гольдбаум вздохнул. – Только вряд ли это
будет стоить тех денег, которые ты потратишь.

– Я в Париже. Отель «Континенталь».

– Я позвоню. – И Гольдбаум повесил трубку.

Алекс откинулся в кресле. Любая, самая ничтожная ме-
лочь может сейчас помочь, думал он, пытаясь отогнать от
себя мысли о Кэтлин, о враждебном выражении, застывшем
на ее лице. Что тут особенного? За свою жизнь он привык к

враждебным и недоверчивым взглядам. Люди, казалось, чувствовали его цинизм и его собственное недоверие и платили той же монетой. Но не Кэтлин. Поначалу она встретила его в штыки, а потом...

Алекс отодвинул кресло и встал. Он не должен думать о ней сейчас – это глупо и бессмысленно. Надо сосредоточиться только на Ледфорде и этих именах. Он отправился в ванную, принял душ, заказал в номер кофе и стал заново тасовать имена, выискивая между ними невидимую связь.

«КРАКОВ ПОКЛЯЛСЯ СХВАТИТЬ ТЕРРОРИСТОВ, ВЗОРВАВШИХ СОБОР СЕН-АНТУАН».

Взгляд Алекса скользнул по заголовкам утренних газет, которые принес ему официант вместе с кофе. Это было именно то, в чем он так нуждался. Взбодриться, проскакав галопом по последним новостям, сопоставляя и переставляя полученные факты, просматривая, куда поворачиваются события.

Телефон зазвонил, когда он заканчивал третью чашку кофе.

– Вот видишь, я сдержал обещание, – сказал Ледфорд. Алекс сжал трубку:

– Где ты?

Ледфорд оставил его вопрос без ответа.

– Ты съехал из своего уютного особняка на улице Вогез? Какая жалость. Боюсь, что виной тому – дамочка.

– Держись от нее подальше, Ледфорд.

– Попробую. Этот шарфик я послал ей просто шутки ради. Но мне не нравится, что ты так хлопчешь и так беспокоишься о ее безопасности. Мне хочется проверить, правильно ли я угадал? Скажи, она...

Чтобы отвлечь его внимание, Алекс произнес имя, вертевшееся у него на языке:

– Зачем Далпре понадобилось взрывать собор?

– Далпре? – Ледфорд помолчал с минуту. – Как быстро ты связал столько разных кусочков. Твой склад ума неизменно приводит меня в восторг.

Потрясенный Алекс замер у телефона. Это невозможно, чтобы удача так быстро улыбнулась ему.

– Так зачем же?

– Мне лично не хотелось проделывать все это. Но Далпре не питает никакого уважения к памятникам прошлого, а мне необходимо было заполучить Танцующий Ветер. На том мы и сошлись.

– Если его не волнуют шедевры, зачем тогда ты столько наворовал их для него?

– Ты не понял. Он и не хотел, чтобы я крал их. Это я сумел уговорить его сделать кражу шедевров составной частью всей операции. – Ледфорд засмеялся. – Он метит в новые Наполеоны. И мне удалось убедить его, что сокровищница в виде шедевров мирового искусства – основа для поддержания его режима.

– И он прислушался к твоему совету?

– Да, хотя этот красавец, думаю, имел свои планы относительно моего драгоценного приобретения.

– Похоже, вы достойны друг друга.

– Разумеется, он достоин меня, хотя на самом деле я считаю, что я стою большего, чем Далпре. – Он помолчал. – Я знаю, что тебе не очень понравилось, что я проделал с собором?

– Не понравилось? Ты сумасшедший, Ледфорд.

– Нет, просто у нас с тобой разный склад ума. Однако сейчас мне пришлось немало потрудиться, чтобы поставить тебя в затруднительное положение. Думаю, это оттого, что мне никак не удается определить, какие чувства я к тебе испытываю. А мне не нравится, когда меня терзают сомнения. Предпочитаю ясность во всем...

– И Далпре собирается...

– У меня нет желания говорить о Далпре.

– А о чем же тебе хочется говорить?

– Ни о чем. – Он помолчал. – Сейчас мне хочется слушать, как звучит твой голос. – Голос Ледфорда понизился до шепота. – И еще я хочу, чтобы ты понял: нет на свете ничего такого, чего бы я не мог отобрать у тебя.

В трубке послышались гудки.

Алекс, подавляя свой гнев, принялся заново прокручивать в памяти их разговор, чтобы выудить из него нужную для себя информацию.

Не много. Только два факта. Первое: за ним продолжают

следить. Второе: если верить Ледфорду, в центре заговора стоит Далпре. Теоретически это вполне возможно. Но нельзя слишком уж полагаться на слова Ледфорда. То, что Далпре ратует за Объединенную Европу, – ни для кого не составляло секрета.

Через пятнадцать минут телефон снова зазвонил.

– Приятный пустячок, – сказал Гольдбаум, как только Алекс снял трубку. – Стамбул.

– Валяй дальше.

– Пятнадцать месяцев тому назад Ледфорд обратился за визой, чтобы отправиться в Турцию. Он выполнил полную туристскую программу, проплыл Дарданеллы, провел две недели в Стамбуле. – Гольдбаум помолчал. – Он купил себе там дом.

– Ты уверен?

– Да, но он сделал все, чтобы скрыть свою покупку. Мои люди потратили массу времени, чтобы прочесать конторы, занимающиеся недвижимостью. Дом оформлен на Ледфорда.

– Он все еще принадлежит ему?

– Пять дней тому назад он был там.

– Диктуй адрес.

– Улица Оружейников, номер двести четырнадцать. Теперь мне можно отправляться домой спать?

– Еще нет. Раскопай все, что можно, об английском промышленнике Бенджамине Картере. И о Рауле Далпре.

– Рауль Далпре?

– Интерпол.

Гольдбаум присвистнул:

– А вот это дело опасное. Я слышал, что он чертовски злобен и не брезгует ничем, когда желает добиться своего.

– Мне нужны конкретные сведения. И в течение двадцати четырех часов.

Гольдбаум собрался было протестовать, но Алекс не дал ему даже раскрыть рот:

– Я знаю: это обойдется недешево. Я согласен. Во сколько бы это ни обошлось!

Алекс снова посмотрел на заголовки газет:

– Следите за Ларсом Краковым. Я хочу знать обо всем, что касается его расследования дела террористов.

– Не удивлюсь, если ты потребуешь, чтобы я нашел их до того, как это удастся сделать ему. – В тоне Гольдбаума прозвучали язвительные нотки. – Я ведь, знаешь ли, не чудотворец.

– А хотелось бы. Сейчас мне как раз требуется кудесник.

На другом конце на секунду воцарилось молчание.

– Слушай, а не прилечь ли тебе хоть на минутку? Ты, наверно, уже дошел до предела, если вдруг возмечтал о волшебнике. Я добуду все, что тебе нужно.

И прежде чем Алекс успел что-либо ответить, Гольдбаум повесил трубку.

Стамбул. В этом есть рациональное зерно. Где проще все-

го спрятать шедевры мирового искусства, как не в азиатском доме, и к тому же в непосредственной близости от Европы... Ледфорд, должно быть, уже там. Мысль об этом сразу подстегнула Алекса, кровь быстрее заструилась в жилах. Он обязан достать этого подонка!

В тот самый момент, как только Гольдбаум произнес слово «Турция», что-то такое щелкнуло в памяти Алекса. Сработало какое-то реле. Но в дьявольской спешке ему не удалось вовремя зафиксировать эту вспышку. И догадка снова скользнула во мрак подсознания. Ничего! В свое время она опять всплывет на поверхность. Главное, что он знает, где искать Ледфорда!

Алекс поднял трубку и заказал билеты на Женеву, а затем позвонил в номер Джонатана.

В два часа дня Алекс был готов к отлету. Он зашел в соседний номер к Кэтлин, чтобы сообщить о своем решении.

– Я поеду с тобой, – твердо заявила она.

– Не стану спорить, – ответил Алекс. – Я прикинул все варианты и пришел к выводу, что в наибольшей безопасности ты будешь рядом со мной.

– Отлично. Тогда я иду собирать вещи. – Кэтлин повернулась и пошла в спальню. – Через двадцать минут я буду готова.

– Но не сию минуту. Дай мне два дня побыть одному в Стамбуле.

Она остановилась и повернулась к нему:

– Это еще зачем?

– Мне же нужно найти для тебя дом. – И поскольку она продолжала все так же подозрительно смотреть на него, Алекс добавил: – За мной следят, и я не знаю, как скоро мне удастся оторваться от слежки. Мне надо найти для тебя безопасное место.

– А в Париже я могу чувствовать себя в безопасности?

– Нет. Но здесь я могу окружить тебя телохранителями, и ты будешь находиться под присмотром Джонатана. Он проследит, чтобы с тобой ничего не случилось. Послезавтра он возьмет билеты для тебя и съемочной группы Челси. Вы отправитесь в Ниццу. Когда приедете в аэропорт... Гольдбаум нашел женщину, которая издали похожа па тебя. Вы встретитесь с ней в дамской комнате и обменяетесь одеждой. Она полетит вместо тебя с группой Челси в Ниццу, откуда поедет по своим делам. Джонатан проводит тебя на рейс в Стамбул, прежде чем тоже поехать в Ниццу. А я встречу тебя. Когда те, кто следит за твоими перемещениями, обнаружат, что тебя нет в Ницце, ты уже будешь в безопасном месте.

Кэтлин помолчала.

– Ты не обманываешь меня?

– Нет, с обманами покончено навсегда.

– Хорошо. Два дня я согласна подождать.

Он вздохнул с чувством облегчения:

– Я рад, что ты поддаешься разумным доводам.

– У меня до сих пор перед глазами стоит этот голубой

шарф, – ответила Кэтлин. – Я не хочу умирать... Но и не представляю, как можно бороться с ними. Это не мой мир.

– Если хочешь, я подыщу для тебя какой-нибудь другой безопасный дом.

– Нет, – покачала она головой. – Я пообещала Джонатану, что верну Танцующий Ветер. А я всегда держу свое слово.

Ничего другого он и не ожидал. У Кэтлин обостренное чувство чести – в мире, где уже давно забыли о том, что такие понятия существуют. Она была связана чувством вины и своим обещанием, как он – одержим желанием схватить Ледфорда. Господи, как все перемешалось.

– Джонатан получил сообщение об Альфреде Коннафе. Дом в Килан-Доунз сожжен дотла, а его хозяин погиб в пламени. Считается, что погибла и его коллекция. – Она вымученно улыбнулась. – Но мы-то знаем, что произошло на самом деле...

– Да, конечно.

– Челси дала согласие продолжать рекламную кампанию. Это очень великодушно с ее стороны. Мы такого не заслужили.

– Мы заплатили три миллиона долларов, чтобы обеспечить ее великодушие. – Он поднял руки, как бы прося пощады, заметив протестующий жест Кэтлин. – Сдаюсь. Это великодушно с ее стороны. Ей ни к чему все эти испытания. Поскольку Танцующего Ветра уже нет, то поездка в Ниццу отменяется. Джонатан с операторами поедет в Вазаро, чтобы

доснять рекламные клипы. Я попросил, чтобы Джонатан заранее отправил в Вазаро Питера: пусть следит за всем, что может показаться подозрительным.

– А как моя мама? – Кэтлин тревожно посмотрела на Алекса. – Ей ничего не грозит?

– Это всего лишь меры предосторожности, – он постарался успокоить ее. – Позвони ей и скажи, что ты хочешь остаться в Париже закончить свои дела, а Питер едет ознакомиться с дневником Катрин. Пока нет особых оснований для беспокойства и незачем ее тревожить.

Кэтлин удовлетворенно кивнула головой: – Я тоже так думаю. Если меня не будет в Вазаро, то нет оснований замысливать что-либо против тех, кто там находится.

– Я потерял Каразова в Женевском аэропорту, – доложил Феррацо Ледфорду, как только тот снял трубку. – Не представляю, как это ему удалось. Еще за минуту до того он был у меня перед глазами и вдруг словно растаял.

– О чем я тебя предупреждал, – язвительно заметил Ледфорд. – За ним пять лет следили и КГБ, и ЦРУ. За такое время человек может научиться отрываться от любого «хвоста». Я велел тебе не спускать с него глаз!

– Я старался... – Он не закончил фразу и перешел к другому: – Я тут же отправился в его шале в Базеле. Дом заперт. Никаких следов его присутствия. Стоит ли и дальше оставаться в Швейцарии, поджидая его, или...

Ледфорд ненадолго задумался.

– Нет. Женева – это пустой номер.

– Вернуться в Париж? Может, он захочет связаться с женщиной?

– Нет! У меня масса людей в Париже, которые могут вести наблюдение за отелем. К тому же Андреас окружен своей охраной, но мне все же удастся узнать, будут ли они поддерживать связь. Поезжай в Вазаро и жди, когда она приедет туда.

Ледфорд повесил трубку и нахмурился. Без всякого сомнения, Алекс взял билет на ложный рейс, чтобы незаметно ускользнуть на тот, что был ему нужен. Алекс редко действовал под влиянием порыва. Его отъезд из Парижа, следовательно, вызван тем, что ему стало известно что-то важное. Ледфорд снова тщательно проанализировал их последний разговор. Ничего конкретного он не сказал Алексу. Значит, он получил информацию из своих собственных источников.

Что же такого чрезвычайно важного мог узнать Алекс?

Дом на улице Оружейников.

Алекс должен был перевернуть горы бумаг и документов, чтобы выяснить, кому он принадлежит. Эта мысль могла бы вывести Ледфорда из себя, но вместо этого он почувствовал прилив почти отеческой гордости.

Гордости и удовлетворения. Наконец-то Алекс опять вспомнил, что для него самое главное в жизни. Он оставил эту женщину из Вазаро и полностью сосредоточился на по-

единке, который должен состояться между ними.

– Я же говорил тебе, что справился бы с этим делом лучше Феррацо!

Ледфорд обернулся к Гансу, чувствуя приступ внезапной ненависти. Он даже не мог бы точно сказать, с чем это связано: с самим ли Гансом, либо с тем сравнением, которое он, Ледфорд, невольно провел между ним и Алексом.

– Говорил. Но на словах каждый делает работу лучше, чем другие.

– Позволь мне отправиться за ним. Я найду его.

– Нет необходимости. Я уверен, что мой друг Алекс отправился в Стамбул. Нам просто надо позвонить кое-кому, чтобы они не спускали с него глаз. Ты мне нужен здесь.

Ганс нахмурился:

– Зачем надо торчать в Париже? Я думал, что статуэтка – это все, что тебе нужно.

– Сначала нам надо закончить работу.

– Но мы и так все довели до конца. Ты сказал, что я блестяще справился с собором.

– Лучше не придумай. Но взрыв собора – только первый шаг. – Ледфорд улыбнулся. – У этой операции есть и другая сторона.

– И я приму в ней участие?

– Конечно, друг мой. – Ледфорд ласково улыбнулся. – Без тебя тут не обойтись. – Он взял в руки телефон. – А теперь посиди и помолчи, пока я буду звонить в Стамбул.

– Хочешь послать Джипси (Джипси – цыган (англ.) следить за Каразовым?

– Да. Джипси – парень расторопный. Думаю, он сделает все как надо.

Дом на улице Оружейников оказался трехъярусным дворцом. Окна верхнего этажа закрывали филигранные ставни. Должно быть, там некогда находился гарем.

С обеих сторон фасада расходилось по крылу, которые венчали два золотых, сияющих в лучах солнца купола. В небольшом внутреннем дворике перед фасадом располагался изящный, украшенный мозаикой – белое с бирюзой – фонтан.

Алекс прибыл в Стамбул накануне ночью. Утро он потратил на то, чтобы раскопать историю дома и его обитателей. После чего занял наблюдательный пост со стороны улицы, пересекающей улицу Оружейников, и ждал, не войдет ли кто-нибудь в эти роскошные ворота.

Мертвое дело.

Никаких следов Ледфорда или кого-нибудь из окружающих его криминальных типов. Дом вообще производил впечатление необитаемого. Если бы Ледфорд использовал этот дом для хранения украденного, то он бы повсюду расставил охранников.

И все же дому, вероятно, была отведена определенная роль в планах Ледфорда: иначе зачем бы он его купил и продолжал содержать. Но Алекс не прекращал наблюдать за до-

мом, повинуюсь скорее инстинкту, чем логике. С самого начала, как только Гольдбаум упомянул о поездке Ледфорда в Турцию, Алекс почувствовал то самое тянущее, сосущее чувство, которое он испытывал всегда, когда готовые фрагменты головоломки вот-вот должны были слиться в единое целое. Не хватало только самой малости, чего-то, что заставило бы все фрагменты скользнуть на свое место.

Однако он не мог терять здесь время до бесконечности, ему надо перехватить инициативу, следовательно, нужны новые факты, новые сведения, которые помогут угадать, в каком направлении двигаться.

Алекс оставил свой наблюдательный пост и, поймав такси, вернулся в отель «Хилтон». Едва войдя в номер, он тут же принялся звонить Роду МакМиллану в Квантико.

– Я в Стамбуле. И мне нужна помощь.

– И ты, сукин сын, считаешь, что я тут же кинусь выполнять твою просьбу?

– Мне нужен кто-то из местных, кто знает тайную жизнь городского дна и всех гадюк, которые по ночам выползают из своих нор. Назови мне такого человека. Или ты считаешь, что будет лучше, если я сам займусь поисками? На другом конце провода воцарилось молчание, затем МакМиллан заявил:

– В один прекрасный день я все-таки найду способ избавиться от тебя, Каразов. И это будет не очень приятный для тебя способ.

Он слышал, как МакМиллан перекинулся несколькими фразами с кем-то, кто находился с ним в одном кабинете.

– Подожди, – бросил МакМиллан, обращаясь к Алексу, – Барни ищет то, что тебе надо.

Алекс почти явственно увидел янтарное свечение компьютера над лысой головой Барни, стучавшего по клавишам и перебиравшего свои банки данных.

Через несколько минут МакМиллан проговорил:

– Кемаль Немид. Он выполняет работу для нас, а также для твоих приятелей из КГБ.

– Как мне связаться с ним?

– Барни договорится с ним о встрече. Кемаль обычно предпочитает открытое кафе под названием «Корфез» на Босфоре.

– Когда?

– Завтра?

– Сегодня. Я уйду из номера. И буду ждать его в кафе весь день и весь вечер. – Алекс положил трубку.

Алекс неторопливо потягивал кофе. Его взгляд не переставая скользил по столикам, скрывавшимся в тени зонтиков, переходил на нескончаемый поток автомобилей на улице, всего в нескольких ярдах от кафе, и снова возвращался к столикам. Черт бы побрал этого МакМиллана. У него было в запасе шесть часов, чтобы связаться с Кемалем, но того до сих пор не видно. Это вполне в духе МакМиллана: заставить Алекса как следует потомиться в ожидании.

Какофония автомобильных сигналов взорвала тишину, и Алекс снова перевел взгляд на улицу. Парнишка лет тринадцати или четырнадцати ехал на вихляющемся голубом велосипеде по узкому проезду: за ним со скоростью черепах тащились машины.

Парень, услышав, как водители сигналият, обернулся и улыбнулся обаятельнейшей улыбкой:

– Немного терпения! Пожалуйста! Шина лопнула. Водители ответили ему хором ругательств. Улыбка сошла с лица парнишки, и он принялся накручивать педали. И чем нетерпеливее и раздраженнее становились водители, что выстроились позади велосипеда, тем торжественнее и спокойнее становилось выражение его лица.

Алекс улыбнулся, глядя на эту необычную уличную процессию. Поравнявшись с кафе, парень въехал вместе с велосипедом на тротуар, соскочил с седла и, отвесив водителям галантный поклон, показал царственным жестом, что теперь они могут ехать.

Парнишка был с характером. Разглядывая его, Алекс понял, что он старше, чем ему показалось вначале. Из-под темной плотной шапки волос смотрели настороженные глаза. На нем были выцветшие голубые джинсы – излюбленная студенческая униформа в Стамбуле. На первый взгляд подросток, но с уже хорошо развитой мускулатурой, чему, наверное, немало способствовала езда на велосипеде.

Он горестно покачал темной кудрявой головой, обраща-

ясь к Алексу:

– Кажется, обод погнулся. Я так спешил, что проехал на велосипеде по ступенькам, чтобы обогнуть Большой базар.

– Да, неважно дело.

Парень нахмурился:

– Это был очень хороший велосипед. Вам придется заплатить за него.

– Да ну? – Алекс удивленно посмотрел на парня.

– Конечно! Из сидящих здесь только вы один можете ждать меня. Мне пришлось уйти с последней лекции в университете, и я сломал свой велосипед...

– Ты Кемаль Немид?

Парень кивнул и, разогнувшись, поднялся с колен.

– Я хочу вас предупредить: МакМиллан сказал, что он не будет платить мне за работу. А я стою очень дорого. – Он усмехнулся. – Но увидите, что вы не зря потратите свои деньги. Я здесь незаменимый человек.

Алекс сдержал улыбку:

– Я ожидал, что мне пришлют кого-нибудь постарше.

– Мне скоро будет двадцать три. А молодость – это хорошая вещь. – Кемаль сверкнул черными глазами. – Молодой видит лучше, больше замечает. Вам повезло, что вы заполучили меня. – Он сел в кресло напротив Алекса и щелкнул пальцами, подзывая официанта. – А теперь, мистер Каразов, говорите, что вам нужно от меня.

– Как ты узнал меня?

– Хороший глаз, острая интуиция, точный ум. – В глазах Кемаля проскользнула насмешка. – Ну и к тому же Барни прислал мне по факсу ваше фото.

– У тебя есть факс?

– Ну да. Как и остальная новейшая техника. Я заставил МакМиллана выдать ее мне, когда он попросил меня выполнить для них одну работу.

– Факс есть, а телефона нет?

Кемаль слегка смешался:

– Я регулярно плачу на телефонную станцию за оказываемые услуги. Но у меня с ними договоренность, что факс будет действовать без телефона. Таким образом, я сам могу выбирать себе клиентов, которым мне хочется оказывать услуги. – Он посмотрел на вынырнувшего возле них официанта и приказал: – Ракию. – Затем снова повернулся к Алексу. – Вы не слишком довольны, что мне удалось обмануть МакМиллана?

– Нет, мне очень нравится, когда кому-нибудь удастся надуть его.

– Хорошо. Мне он не нравится. – Кемаль откинулся на спинку кресла. – Барни сказал мне, что вы хотите кого-то найти.

– Брайэна Ледфорда.

У Кемаля вытянулось лицо.

– Дрянь человек!

Алекс встрепенулся:

– Ты его знаешь?

– Видел несколько раз. Но сейчас его нет в Стамбуле.

– Откуда тебе это известно?

Белозубая улыбка озарила его симпатичное лицо.

– В этом и заключается моя работа: знать все обо всем. Поэтому вы и заплатите мне большие деньги. Несколько недель назад Ледфорд был здесь. Сейчас его нет.

– Как давно он поселился в Стамбуле?

Кемаль пожал плечами:

– Примерно с год назад.

– И он всякий раз останавливался в доме по улице Оружейников?

Кемаль покачал головой:

– Про этот дом мне ничего не известно. Но я слышал, что Ледфорд останавливается всегда в старом городе.

– Где?

– Не знаю.

Снова тупик. Но если Ледфорд использовал Стамбул как штаб для руководства всеми операциями, у него должна существовать здесь разветвленная сеть сообщников и помощников.

– Кто здесь его поставщик?

Кемаль довольно улыбнулся:

– Хороший вопрос. Поставщик должен знать, куда поставлять товар.

– Рад, что ты такой догадливый. А теперь скажи, кто...

– Что именно ему поставляют?

– Оружие, взрывчатку, фальшивые документы. Кто тут у вас занимается подобными делами?

– И фальшивые паспорта тоже?

Алекс кивнул.

– Все, что вы перечислили, – не представляет ничего особенного. Но фальшивые документы требуют особых навыков... – Он остановился, нахмурился и медленно проговорил: – Джипси. Только он знает, как это делается.

– Кто, черт возьми, этот Джипси?

– Вы хотите, чтобы я назвал его имя? – Кемаль покачал головой. – Не знаю. Те, кто работает с такими клиентами, как Ледфорд, не слишком широко себя рекламируют. Я слышал, что Джипси действует через подставных лиц.

– Ты можешь отыскать его?

– Попытаюсь. Но ничего не обещаю.

– Даже за те большие деньги, что ты собираешься от меня получить?

– Да, но я буду очень стараться, – плутовская улыбка мелькнула на его губах. – И уже завтра ночью смогу отвести вас к одному из его людей, если, конечно, вы хотите.

– Хочу, – ответил Алекс. – И даже предпочел бы сегодняшней ночью.

– Вы слишком торопитесь. Человек должен жить ради удовольствия.

– Ты можешь устроить мне эту встречу сегодня же?

Кемаль покачал головой:

– Невозможно. Завтра. Обещаю вам. Но сегодня нам скупать не придется. Мы найдем чем заняться.

– Мы?

Кемаль кивнул и, оглядевшись, тихо проговорил:

– Нам надо пойти в магазин, неподалеку от базара.

– Повидаться с кем-нибудь из людей Джипси?

– Нет, – улыбнулся Кемаль. – Покупать мне велосипед.

– Дневник лежит в лаборатории Кэтлин, где она творит свои духи. – Катрин не без кокетства улыбнулась Питеру. – Я отведу вас туда. Но вам совсем не обязательно читать рукопись именно там. Располагайтесь, где вам удобнее, весь дом в вашем распоряжении.

– Мне не хотелось бы лишний раз беспокоить вас, я вполне могу найти дорогу и сам. – Питер мечтал лишь об одном – как можно быстрее заполучить в свои руки этот дневник. – Вы и так были очень любезны, позволив мне без приглашения явиться в ваш дом. Мне неудобно затруднять вас больше, чем это необходимо.

Катрин помедлила.

– Что ж, если вы предпочитаете... Это второе отсюда каменное строение. Если встретите по пути Маризу, она с удовольствием покажет вам его.

– Отлично. А где ключ?

Катрин покачала головой.

– Обычно мы не запираем двери – воров здесь нет.

Питер усмехнулся.

– Сказочное место, где все всегда тихо и спокойно. А кто эта Мариза?

– Мариза Бенедикт, дочь Челси. Она гостит у нас уже несколько недель. Я думала, вы знаете.

Питер пожал плечами.

– Никто и словом не обмолвился, впрочем, это неважно. Думаю, мне не понадобится ее помощь. – Он остановился у двери. – Если студия свободна, я хочу попросить у вас разрешения работать там.

– Разумеется, – снисходительно улыбнулась Катрин, – хотя, на мой взгляд, там не так уж удобно. Надеюсь, что работа в студии не заставит вас забыть обо всем на свете, как это частенько случается с Кэтлин.

– Я непременно буду вовремя. Благодарю вас, мадам Вазаро.

– Просто Катрин. Мы здесь обходимся без церемоний.

– В таком случае спасибо. – Питер улыбнулся. – Я уверен, что мне здесь очень понравится.

Закрыв за собой дверь, он немного постоял, вдыхая воздух, напоенный ароматами цветов. Солнце ярко светило в небесной синеве, далеко впереди расстилались поля роз, радуя глаз всеми оттенками цветов – от лимонно-желтого до багряного. Прямо к дому сбегала роща апельсиновых деревьев, и лучи солнца пронизывали темную зелень и уже начинавшие наливаться соком маленькие плоды.

Питер вдруг почувствовал себя бодрым и помолодевшим, словно все его опасения и тревоги остались в прошлом. Впрочем, он тут же одернул себя. Никаких причин для счастья у него нет. Танцующий Ветер похищен, Джонатан вынужден оставаться в Париже, участвовать в бесконечных

разговорах с полицией, и во всем этом есть немалая доля и его, Питера, вины. Это ему поручили охранять Танцующий Ветер. И вот вместо наказания он вдруг очутился в этом райском уголке.

Несмотря на чувство вины и угрызания совести, ощущение покоя охватило Питера. Раз судьба распорядилась именно так, он будет наслаждаться каждым мигом своего пребывания здесь, в этом саду Эдема, где все так совершенно и гармонично, где человек в ладу с собой и окружающей природой. Внезапно дневник, в который он мечтал заглянуть уже долгие годы, потерял для него всю свою привлекательность. Неясное предчувствие счастья охватило его. Что-то ждет его здесь, в Вазаро, что-то прекрасное и неведомое.

Он обошел дом и остановился в недоумении. Перед ним возвышалось сооружение, построенное наполовину из камня, наполовину из дерева. Можно ли считать это первым «каменным строением», о котором говорила Катрин?

– Привет! Я могу помочь вам?

Питер увидел высокую стройную девушку в широкой желтой рубашке и выцветших джинсах. Порыв ветра взметнул ее длинные черные волосы, и несколько прядей упало на лицо. Неспешным жестом она отбросила их назад.

– Я Питер Масквел и ищу студию Кэтлин.

– А я Мариза Бенедикт. – У нее была ясная открытая улыбка. – Это рядом, идемте, я провожу.

У него перехватило дыхание при взгляде на нее. Только

раз в жизни он испытывал подобное чувство – двадцать лет назад, когда впервые увидел Танцующий Ветер, – изумление, восторг, благодарность судьбе. И ему вдруг показалось, что смутное предчувствие счастья не обмануло его. Вот то важное и драгоценное, что ждало его здесь.

– Его зовут Аднан Ирмак. – Кемаль открыл стальную дверь и пропустил Алекса в большой холл дома Ирмака на Босфоре. – Но я должен предупредить тебя, он не заинтересован ни в каком сотрудничестве.

– Ничего! При умелом давлении многие меняют свои намерения.

Кемаль пожал плечами, пересекая холл.

– Он немного приторговывает наркотиками, но это не главное его занятие. Основной доход ему приносит гарем.

Алекс знал такого рода заведения. Здесь за умеренную плату удовлетворялись самые тайные порочные страсти, самые извращенные вкусы. Он оглядел дорогостоящий персидский ковер на мозаичном полу, две старинные китайские вазы по бокам от входа.

– Кажется, торговля живым товаром дает неплохой доход?

– О, Аднан очень богат. Он мог бы уже позволить себе отойти от дел. Но он не хочет этого. Зачем? Он слишком жаден и к тому же обожает свой промысел.

– Да, именно такого человека и мог взять в подручные Ледфорд.

Кемаль кивнул и постучал в дверь.

– Это Кемаль, Аднан.

– Входи, Кемаль, – прозвучал низкий голос. – Ты знаешь, моя дверь всегда открыта для тебя.

Алекс вошел вслед за Кемалем.

Аднан Ирмак сидел за столом и курил кальян. Впервые со дня своего прибытия в Стамбул Алекс видел турка в национальной одежде. При небольшом росте Ирмак казался необычайно тучным, в нем должно было быть не меньше ста пятидесяти килограммов.

– Входи, входи. – Ирмак указал на два кресла перед столом. – Садитесь. Давно не виделись, а, Кемаль? Но я готов извинить тебя, раз ты привел мне клиента. – Он откровенно разглядывал Кемалья, пока щеки юноши не залились ярким румянцем. – А ты похорошел с прошлого раза, мой красавчик. – Он перевел взгляд на Алекса. – Чем могу служить? Кемаль сказал, что у вас какое-то особое дело ко мне и что вы собираетесь щедро платить.

– Мне нужно найти кое-кого.

– Нет проблем, – усмехнулся Ирмак. Он посмотрел на Кемалья. – Я исполняю любые желания, не так ли, Кемаль?

Тот кивнул.

Ирмак пососал свою трубку.

– Когда-то я поставлял товар для королевских сералей.

– Мне не нужна шляха.

– Ему нужен Джипси, – сказал Кемаль.

Ирмак нахмурился, в задумчивости потер рукой лоб и

глубоко затынулся.

– Никогда не слышал о нем.

– Надеюсь, щедлость оживит вашу память?

– Я же сказал, что не знаю такого. – Тон Ирмака звучал решительно. – Я недоволен тобой, Кемаль. Ты сказал, что приведешь покупателя.

Кемаль пожал плечами.

– Он же готов платить.

Алекс заговорил сам, не дожидаясь, когда они закончат:

– Мне не требуется, чтобы вы знакомили меня с Джипси.

Подскажите лишь, где встретиться с ним.

– Вам лучше уйти. – Ирмак указал трубкой на дверь. – Я ничего не знаю.

– Кемаль говорил мне, что знаете. Назовите вашу цену.

– И не собираюсь... – Он вдруг запнулся. По его лицу было видно, что он что-то лихорадочно подсчитывает в уме. – То, что вы ищете, найти нельзя. Но Кемаль сказал, что у вас есть деньги. – Ирмак чарующе улыбнулся. – Может быть, у нас найдется о чем поговорить? Вы ведь гость в нашем городе, и, вероятно, вам тут одиноко. – Он придвинулся ближе. – Вы еще не были в моем заведении?

– Не удостоился такой чести, – ответил Алекс с иронией.

– Оно превосходит самое пылкое воображение, точь-в-точь великий гарем древности – прекрасная обстановка, сладкие благовония, атласные подушки. – Маленькие черные глазки маслянисто поблескивали на его жирном лице. –

У меня есть особые снадобья, способные разбудить вашу чувственность.

Алекс почувствовал острый приступ отвращения. Кемаль был прав, сводник получает наслаждение от своего ремесла.

– Меня не интересуют ваши...

– Зачем сразу отказываться? У меня есть нечто совершенно особенное, – промурлыкал Аднан. – Мелис – красивая маленькая девочка с длинными золотыми волосами и кожей как бархат. Ее грудки как нераспустившиеся бутоны, а на лобке лишь первые признаки легкого пушка. – Ирмак остановился и помолчал, а потом торжествующе закончил: – Одиннадцать лет, и что самое главное – она еще девственна!

– Замолчи! – в бешенстве оборвал его Алекс. – Мне не нужны эти несчастные запуганные дети, – ты, сын шлюхи. – Он вскочил, вырвал из рук Аднана трубку и схватил шнур, идущий к рубиновому сосуду с водой. – Но я хочу знать, где найти Джипси. – Он приставил колено к низу его жирного живота и резко надавил. Ирмак скрючился от острой боли, из его горла вырвался хриплый стон, а Алекс в это время ловко обмотал шнур вокруг его шеи и туго затянул. Ирмак захрипел, его подагрические пальцы безуспешно пытались оттянуть назад удавку. – Мне надо многое от тебя узнать, – говорил Алекс свистящим шепотом, затягивая петлю еще туже. Ирмака спасал только жир на его шее, в который уже глубоко врезался шнур. Его рот открылся, а глаза выкатились из орбит. – Ну, говори же, – негромко приказал Алекс.

– Я н-не зна... – Шнур снова натянулся.

– Отлично работаешь, Каразов. – Удобно раскинувшись в кресле, положив ноги на подлокотник, Кемаль холодно наблюдал, как шнур все глубже уходит в шею Ирмака. – Но как он сможет говорить с этой удавкой?

– Он может кивать. – Алекс снисходительно улыбнулся, глядя в посиневшее лицо Ирмака. – Будешь говорить?

Ирмак поспешно дернулся.

– Скажешь, где найти Джипси?

Ирмак снова дернулся.

Кемаль с одобрением следил за действиями Алекса.

– Мне это нравится. Здорово!

Алекс ослабил петлю. Ирмак сделал глубокий вдох, сжимая толстыми руками мягкие боковые спинки кресла.

– Ты сумасшедший, – прохрипел он, – ты чуть не убил меня.

– Джипси?

– Аллах свидетель, я не знаю, где он, но есть люди, которые могут отыскать его.

– Когда?

– Скоро. Завтра. – Он потер шею и твердо повторил: – Да! Завтра.

Алекс внимательно изучал выражение его лица. Похоже, Ирмак слишком напуган, чтобы лгать. К тому же он действительно мог не знать, где скрывается Джипси. Алекс размотал шнур и убрал колено с живота Ирмака.

– Я остановился в «Хилтоне». Позвонишь мне.

Ирмак кивнул. Одной рукой он продолжал растирать шею, другой – низ живота.

– Ты изуродовал меня.

– Именно этого я и хотел, – жестко бросил Алекс. – Я наслаждался, глядя на твою потную жирную физиономию, искаженную страхом смерти. А когда что-то нравится, возникает желание это повторить. Помни об этом. – Он двинулся к двери. – Идем, Кемаль.

Кемаль медленно поднялся и последовал за ним.

– Ловко ты обошелся с этим мерзавцем, – пробормотал он. – Думаю, мне есть чему у тебя поучиться.

– Я тебе еще припомню это, Кемаль. – Ирмак злобно смотрел им вслед, не переставая массировать шею.

– Хочешь, чтобы я попросил прощения? – Оглянувшись через плечо, Кемаль усмехнулся. – Стоит ли? Какие могут быть счеты между такими хорошими друзьями, как мы, Ирмак? – Он вышел следом за Алексом и закрыл за собой дверь.

– Меня несколько удивляют ваши деловые отношения, – сказал Алекс, останавливаясь в холле. – Я, кажется, поработал на тебя?

– Я не забуду об этом, когда выставлю тебе счет. – Кемаль хладнокровно улыбнулся. – Хотя на самом деле, я думаю, ты не такой железный, каким хочешь казаться, и эта сцена далась тебе нелегко. А что касается наших связей с Аднаном, то они уходят в глубокое прошлое.

– И насколько же оно глубоко?

– Мне было всего восемь, когда Аднан взял меня в свой бордель, – лучезарно улыбнулся Кемаль. – В то время я сбежал из дома, а Аднан отлично знал цену каждому ребенку. В результате он выручил на мне неплохие деньги.

Алекс с удивлением покосился на своего спутника.

– Я стал лакомым кусочком среди его малолетних распутников. И преуспел в этом деле так же хорошо, как потом и во всем остальном. – Кемаль пожал плечами. – Однажды мне все это надоело, и я сбежал. К тому времени мне уже исполнилось четырнадцать, и я быстро сообразил, чем заняться, чтобы уберечься от типов вроде Аднана и добиться независимости. Знаешь, независимость – очень хорошая вещь и очень важная.

– Вполне согласен с тобой.

– Я рад, что ты меня понимаешь. Самую большую независимость дают деньги. – Кемаль отворил массивную стальную дверь, и они очутились на улице. – Когда-нибудь и у меня будет свой дом, огромный, как дворец. Я буду жить как калиф. Я решил стать самым независимым человеком в этом полушарии.

– А почему не во всем мире? – сухо поинтересовался Алекс.

– Я реалист, – ответил Кемаль, – и ставлю перед собой достижимые задачи.

Но Алекса интересовало уже другое:

– Ирмак и в самом деле может навести нас на след Джипси?

– Не исключено. Но ты слишком напугал его. Он совсем не храбрец. – На мгновение лицо Кемалья омрачилось. – Разве что с женщинами и детьми. Тогда он может рычать, как лев. – Юноша пожал плечами. – Если он нам не поможет, я буду искать других людей. Не беспокойся, вместе мы добьемся того, что ты хочешь.

Алекс оценивающе взглянул на него. Жесткая хватка Кемалья в сочетании с острым умом и быстрой реакцией обещали многое. И Алекс решил довериться ему:

– Завтра утром сюда прибывает мой друг. Нужен дом. Очень надежный дом. Ты сможешь мне в этом?

– Конечно, я полностью в твоём распоряжении. Какой ты предпочитаешь район?

– Это абсолютно не важно. Главное, чтобы дом был защищен и к нему нельзя было подойти незаметно.

– У меня есть несколько таких на примете.

– Я не зря надеялся на тебя.

– Что-нибудь еще?

– Так как сегодня я свободен весь вечер, не можешь ли ты показать мне в Стамбуле еще что-нибудь интересное?

– Есть клуб, где оркестр играет американский рок. Мне там очень нравится.

– Мне хотелось бы какой-нибудь экзотики.

– Но тебе понравится. Ручаюсь. – Кемаль мечтательно

прикрыл глаза, его длинные черные волосы небрежно падали на лоб. – Но мое время стоит дорого. У меня экзамены на этой неделе, а ради тебя я жертвую занятиями. Тебе придется заплатить.

Алекс не сомневался, что рано или поздно услышит эти слова. Он, очевидно, должен был стать одним из тех, кто делает Кемалья самым богатым и независимым человеком этого полушария. Он покорно вздохнул:

– Ну конечно.

Встретив Кэтлин в аэропорту, Алекс быстро усадил ее в машину и отвез на улицу Босфор.

– Этот дом принадлежит одному английскому джентльмену. Сейчас они с женой отправились в Лондон с визитом, и Кемаль договорился, что на это время дом поступает в мое распоряжение, – говорил Алекс, открывая дверь. – Как видишь, здесь есть сад, на воротах – охранная сигнализация. Две спальни, гостиная, столовая, кабинет и ванная комната. Только ванна, без душа. Не слишком роскошно, но вполне нормально.

После всех этих мечетей и минаретов с мозаиками, которых она насмотрелась по дороге из аэропорта, Кэтлин ожидала всего, что угодно, но не холодных английских комнат. Неяркое европейское убранство было привычным и успокаивающим.

– Прекрасно. Твой Кемаль неплохо постарался.

– Да, иногда ему удается невероятное. – Алекс опустил

на пол два чемодана. – Он сказал, что ему пришлось перерыть кучу газетных объявлений, чтобы выкопать этот адрес. – Алекс подошел к окну. – Отсюда чудесный вид на Босфор. – Он открыл окно, и холодный воздух ворвался в комнату.

– Ты похож на агента по недвижимости, расхваливающего свой товар. – Она пристально посмотрела на него. – Нам придется долго пробыть здесь. Как ты думаешь, нас будут преследовать?

– Не знаю, но надо все предусмотреть.

– Кто это будет? Ледфорд?

– Человек Кемалья в аэропорту следит, не появится ли он.

Пока ничего.

– А что с его напарником, о котором ты упоминал по дороге?

– Джипси? – Алекс помотал головой. – Нам удалось было войти в контакт с одним из его людей, но Кемаль говорит, что теперь этот Аднан Ирмак куда-то испарился, видно, сильно перепуганный после моего визита к нему.

– Что же мы будем делать? Может быть... – Кэтлин запнулась, так как в этот момент телефон на столе зазвонил.

Алекс поднял трубку.

– Алло! – Какое-то время он слушал. – Я понял. В одиннадцать. – Он пояснил: – Кемаль. Хочет встретиться вечером и попробовать отыскать Ирмака.

– Каким образом?

– Этот сукин сын должен был позвонить мне сегодня и сообщить о местонахождении Джипси, но не сделал этого. – Алекс усмехнулся. – Судя по всему, у него нет ни малейшего желания встречаться со мной еще раз. Кемаль говорит, что около дома Ирмака появились двое телохранителей. Боюсь, я слишком вышел из себя во время нашей с ним встречи.

Лицо Алекса на мгновение стало жестоким, в глазах появился холодный блеск. Кэтлин невольно поежилась. Она никогда еще не видела Алекса таким.

– И где ты собираешься встретиться с Кемалем?

– Мы хотим отправиться в один из клубов Ирмака и что-нибудь там разнюхать.

– Я пойду с тобой.

– Подумай как следует. Надеюсь, ты представляешь себе, что заведение Ирмака – не слишком приличное место для женщины?

– Не более неприличное, чем все остальное, что происходит со мной.

Он пожал плечами.

– Что ж, я не собираюсь отговаривать тебя. Надень что-нибудь темное, закрытое и не привлекающее внимания.

– «Кафас»? – спросила Кэтлин, прочитав название на дверях красного дерева с латунной обивкой.

– Это означает «Золотая клетка».

Алекс позвонил, и дверь открыл высокий человек с бородой, в красном халате и белом тюрбане. Кланяясь Алексу,

он указал на небольшой проход слева. Алекс взял Кэтлин за локоть и повел туда.

Воздух в том помещении, куда они вошли, был густо пропитан запахом благовоний и крепкого кофе.

Кэтлин осмотрелась. Это был скорее огромный зал, чем клетка. Низенькие столики и огромные атласные подушки были расположены на шести ярусах, идущих по кругу. Внизу, на круглой арене, музыканты в тюрбанах наигрывали что-то на экзотических инструментах. Официанты в алых халатах разносили подносы с напитками и закусками. Кэтлин сразу обратила внимание на то, что в зале были одни мужчины.

– Тебе не внушает беспокойства этот приторный аромат?

– Ты должна знать это по фильмам и книгам. У турок нет такого предубеждения против наркотиков, как в других странах.

– И все же это, наверное, противозаконно?

– Не стоит беспокоиться. У «Кафаса» есть свои покровители, и он пользуется особыми привилегиями.

– И кто же эти покровители?

– Думаю, кое-кто из высших чинов правительства. В таких делах никогда не узнаешь все до конца. – Алекс помог ей устроиться на подушках возле низенького столика, ближайшего к двери. – Во всяком случае, можешь быть спокойна, полицейский наряд сюда не заявится.

– Я здесь единственная женщина.

– Не стоит так нервничать из-за этого. Разумеется, это мужской клуб, но, случается, заходят и женщины.

– Что ты такое сказал этому человеку, впустившему нас?

– Пароль, который мне дал Кемаль. Нужно знать пароль или быть гостем какого-нибудь заведения.

– Ты был здесь когда-нибудь раньше?

– Однажды. Несколько лет назад. – Алекс сделал знак одному из официантов. – Сюда приходят мужчины с султанским комплексом. Это место – лучшее из заведений подобного рода.

Алекс, повернувшись, что-то быстро сказал по-турецки подошедшему официанту. Тот кивнул и тут же испарился.

– Я попросил его передать Кемалю, когда он придет, что мы здесь, и заказал кофе.

Она смотрела куда-то в сторону.

– Я не знала, что ты так хорошо говоришь по-турецки.

– Ты как будто снова начинаешь подозревать меня бог знает в чем. Да, я был в Стамбуле много раз, в бытность моей работы на КГБ. И мне нравится здесь. Как я уже говорил, эта страна живет по своим правилам. Четкие законы здесь не действуют. А я всегда терпеть не мог жить по чьей-то указке.

Да, это она уже знала. Алекс не любил ограничений. Однажды он и ей дал почувствовать опьянение свободой. Стараясь отогнать это воспоминание, она поспешно опустила глаза, разглядывая сосуд с горящими угольками, стоящий на столе.

– О, ты привел с собой леди. Я одобряю. Что может быть лучше сочетания полезного с приятным.

Кэтлин только сейчас заметила, что возле их столика остановился молодой человек.

– Кемаль Немид. Кэтлин Вазаро, – представил их другу другу Алекс.

Кемаль опустил на подушку рядом с Кэтлин и обратился к Алексу:

– Мне пока ничего не удалось узнать. Они никого не пускают в гарем до начала шоу. – Удобно раскинувшись на подушках, Кемаль перевел взгляд на Кэтлин. – Какая очаровательная леди у тебя. – Он галантно поднес к губам ее руку. – Для меня большая честь познакомиться с вами. Надеюсь, это не будет бестактно с моей стороны отметить, что у вас великолепная грудь?

– Спасибо, – сухо сказала Кэтлин.

– Дивные, изумительные холмы. – Он с сожалением посмотрел на глухой воротник ее черного платья. – Не стоило так закрывать их. Я вам нравлюсь? – Вопрос прозвучал бы бесцеремонно, если бы не подкупающее простодушие, с каким он был задан.

Она в замешательстве посмотрела на Алекса. Тот лишь пожал плечами, не собираясь вмешиваться в разговор.

– Простите... но я даже не знаю вас.

– Но я вам нравлюсь? – настаивал он. Кэтлин растерянно пожала плечами:

– Наверное, да.

– Тогда почему бы вам не подружиться со мной так же, как и с Алексом?

– Кемаль, – мягко сказал Алекс, которого начала забавлять эта ситуация. – Ты зря расточаешь комплименты. Леди пришла сюда вовсе не для того, о чем ты думаешь.

Тот вздохнул.

– Так она тоже охотится за Ледфордом? Она здесь не для...

Алекс кивнул.

Кемаль горестно покачал головой.

– Как печально!

– Извините, месье Немид, но...

– Кемаль. Зовите меня просто по имени, как это принято между друзьями. Я уверен, что мы с вами подружимся. Я вижу это моим вторым зрением, если вы знаете, что это такое.

– Нет, я не знаю. – Кэтлин с трудом сдержала улыбку. Парень вел себя слишком бойко и непринужденно.

– Но если вы захотите стать для меня чем-то большим, чем просто друг, я всегда к вашим услугам. – Кемаль вдруг оборвал свою болтовню и нахмурился. – Алекс должен был предупредить вас. Сейчас уже слишком поздно, чтобы уйти отсюда. После одиннадцати сюда никого не впускают и не выпускают.

– Она сама настояла на том, чтобы прийти сюда, – сказал Алекс.

Кемаль внимательно посмотрел на него.

– Я, кажется, понимаю. Ты хотел, чтобы она увидела это. Ты хотел, чтобы она побывала в гареме.

– Мы пришли, чтобы найти Ирмака. В данный момент гарем нас не интересует, – холодно ответил Алекс.

Кемаль приподнял бровь.

– Женщины так впечатлительны. Ты должен знать, как это зрелище может повлиять на нее. Это не слишком честно...

– Я не люблю, когда меня обсуждают в моем присутствии, – раздраженно заметила Кэтлин.

Туманные намеки Кемалья еще больше усилили ее нервозность.

– Простите меня, – улыбнулся ей Кемаль. – Я был груб с вами. Очень сожалею, но теперь вам придется остаться на шоу. Двери золотой клетки на замке. Это традиция.

– Традиция?

– Каждую ночь здесь повторяется вакханалия Топкапи. – Успокаивающим жестом он коснулся ее руки. – Поэтому я считаю, что Алекс должен был предупредить вас...

– Что ж, это очень любопытно, – пытаюсь скрыть охватившее ее смятение, проговорила Кэтлин. – Вы, очевидно, говорите о каком-нибудь секс-шоу?

Кемаль кивнул.

– Но это не совсем то, к чему вы привыкли у себя в Париже. В представлении участвуют не проститутки из гарема, а лишь те, кому это доставляет истинное удовольствие. Зре-

лице довольно захватывающее.

Прозвенел гонг, и огни внезапно погасли.

Сердце Кэтлин глухо забилося, кровь прилила к щекам, а глаза не отрываясь следили за происходящим на арене. Музыканты удалились, за исключением одного барабанщика, и в центр вынесли три обитые алым кушетки. Напряжение Кэтлин нарастало, нужно было взять себя в руки. Какого черта! Она давно уже не ребенок.

– Если вы намерены все время сдерживать себя, вам вообще нет смысла смотреть представление. – Кемаль поднялся. – Я, например, не останусь, у меня слишком чувствительная натура для этого. Увидимся после шоу.

– Попробую пробраться в гарем, пока все будут увлечены зрелищем. – Он заспешил вниз по ступенькам.

Раздался ритмичный стук барабана. Темноту прорезал мягкий розовый луч, и двое мужчин вышли на сцену. Оба были молоды, атлетически сложены и совершенно обнажены.

Шоу началось. На сцену выходили не только гомо —, но и гетеросексуальные пары. Все они были молоды и привлекательны, и было ясно, что это энтузиасты своего дела, занятия любовью на глазах у публики явно доставляли им наслаждение. Кэтлин не могла разобраться в своих чувствах: она испытала всю гамму оттенков от притяжения до отвращения, но самое странное заключалось в том, что она не могла оторваться от этого зрелища. Это был и секс и не секс, партнеры

работали настолько самозабвенно, что временами плотское, казалось, отступало. Возникало такое же ощущение, как от пылкого страстного танца. Это было как полет мечты, фантазии, это завораживало и опьяняло. Действо творилось в полной тишине, лишь негромкая дробь барабана подчеркивала ритмичные движения пар.

Кэтлин старалась не смотреть на Алекса, но она чувствовала на себе его взгляд и, в свою очередь, не могла удержаться, чтобы не взглянуть на него. Его внимание в этот момент было приковано к происходящему на арене, где мужчина страстно прильнул губами к золотисто-коричневым бедрам мулатки. Скулы Алекса заострились, ноздри раздувались от разгоряченного дыхания. Вдруг он взглянул на нее в упор, и в его глазах она прочитала страстное желание. Помимо своей воли она потянулась к нему, представляя себе, как его горячие ладони коснутся ее груди.

Алекс понял ее состояние.

– Ты хочешь меня? – Его голос был низким, грудным.

– Да, – Кэтлин проглотила комок в горле и отвела взгляд. Ей все равно не удалось бы обмануть его, он слишком хорошо изучил ее реакции. Все тело ее пронизывала горячая сладостная дрожь. Еще немного, и она не выдержит.

– Поскорей бы вернулся этот Кемаль, – прошептала она в смятении.

– Уже скоро, – сказал Алекс. – Представление закончится через десять минут. Эта пара – гигант и маленькая женщина

с рыжими волосами – смотрится особенно эротично, ты не находишь?

Длинноволосый гигант склонился над женщиной, стоявшей коленями на кушетке. Дробь барабана подчеркивала каждое его движение в ее маленьком изогнувшемся теле. И еще она бормотала что-то жаркое и несвязное.

Шлепки рук музыканта по натянутой коже барабана. Шлепки мускулистых бедер гиганта о мягкие розовые ягодицы.

Кэтлин почувствовала, что ей трудно дышать, сердце бешено стучало, казалось, оно вот-вот вырвется из груди. Она заставила себя отвести взгляд от пары.

– Что это за гарем, о котором говорили вы с Кемалем? Еще одна часть легенды?

Алекс кивнул.

– Золотая клетка в Топкапи находилась посреди гарема. – Алекс показал на дверь, примыкающую к сцене. – Эта дверь ведет в апартаменты, занимаемые мужчинами и женщинами гарема. Фактически это бордель. После представления туда можно войти за плату и самому заняться сексом. Те, кто пришел вдвоем, могут за деньги снять свободное помещение на время или на всю ночь.

– Невероятно.

– Наоборот, весьма к месту, – усмехнулся Алекс. – После подобного представления трудноато ждать, а, Кэтлин?

Хвала небесам, представление уже заканчивалось. Поста-

равшись придать своему лицу бесстрастное выражение, она повернулась к нему.

– Почему ты не слишком возражал, чтобы я увидела все это? Хочешь, чтобы все вернулось на круги своя?

– Да.

– И ты считал, что я тотчас же упаду в твои объятия, как только мы вернемся домой?

– Я не настолько самоуверен.

– На меня это зрелище не слишком подействовало.

– Подействовало. Я видел, как пульсировала жилка на твоём виске, видел твои судорожно стиснутые руки и особый блеск в глазах. Признайся, ты испытывала желание и теперь злишься на меня за это.

– Я не собираюсь с тобой спорить. – Она с достоинством отвернулась.

– Почему ты не хочешь вернуться к прежним отношениям? – примиряюще заговорил Алекс. – Вспомни, как все началось. Мы жили в одном доме, постоянно виделись, и секс служил для нас естественной разрядкой. К тому же это не могло повредить нашему основному делу. Теперь снова похожая ситуация.

Она старательно смотрела куда-то в сторону, пытаясь сдержать слезы, подступившие к глазам. Слишком много переживаний для одного вечера! Когда она снова взглянула на сцену, представление было наконец окончено.

– Я думаю, будет лучше... А вот и Кемаль!

Она испытала чувство облегчения, увидев юношу.

– Ты нашел Ирмака? – спросил Алекс. Кемаль помотал головой.

– Здесь его нет. Но он еще в городе. Мелис уверяет, что он был в гареме утром.

– Мелис... – Алекс нахмурился, пытаясь вспомнить знакомо прозвучавшее имя.

– Ты не помнишь. Мелис. Одиннадцать лет, с золотыми волосами. – Он показал на толпу мужчин, устремившихся в гарем. – Она сегодня хорошо зарабатывает.

– Одиннадцать? – Кэтлин стало нехорошо. – Они держат здесь детей? Не можем ли мы как-то вмешаться...

– Почему бы и нет, – сказал Кемаль. – Но не сегодня. Мы не можем привлечь внимания. Здесь все должно идти как обычно.

– Но ведь это ужасно! Они используют детей.

– Это более чем ужасно, это смертельно.

– Что?

– Проститутки регулярно проходят проверку у врача, чтобы обеспечить безопасность клиентов. – Кемаль помолчал. – Но Аднану не приходит в голову подвергнуть осмотру посетителей. В нашу эпоху СПИДа как долго, по-твоему, смогут выжить эти проститутки?

Алекс встал, сбросил с себя халат и кинул на стол деньги.

– Может быть, имеет смысл снова наведаться в дом к Ирмаку?

Кемаль покачал головой.

– Мелис сказала, что его нет там. Кроме того, неужели ты хочешь, чтобы Джипси убил Ирмака? Он и секунды не станет медлить, если заметит, что ты следишь за Ирмаком. – Кемаль увидел растерянное лицо Кэтлин и одарил ее своей лучезарной белозубой улыбкой. – Но мы совсем забыли о нашей очаровательной леди. Хватит уже говорить о делах. Идемте, я провожу вас до дома, а потом вы, надеюсь, пригласите меня в гости.

– Ты собираешься к нам?

– Мы будем пить кофе, и я расскажу тебе о самых интересных местах в нашем городе, которые ты должна будешь посмотреть. – Он щелкнул пальцами. – Нет, завтра я сам покажу их тебе.

– Я здесь не для того, чтобы любоваться достопримечательностями, Кемаль, – сказала Кэтлин.

– Но чем же ты будешь заниматься, пока я не найду Аднана? Кроме того, ты мне так понравилась, что для тебя я готов провести эту экскурсию бесплатно. – Он посмотрел на Алекса и добавил великодушно: – Можешь пойти вместе с нами, если хочешь.

Алекс сухо сказал:

– Как это мило с твоей стороны снизойти до меня.

– Конечно, – Кемаль сверкнул улыбкой. – Особенно после того, как ты так ясно намекнул, что не позволишь мне показать леди, каким замечательным любовником я могу быть.

– Я начинаю понимать твои намерения.

– О, не беспокойся, я не собираюсь водить леди по неподобающим местам, и мне не нужны твои деньги.

Алекс скривил губы.

– Спасибо за заботу, но думаю, что сумею развлечь Кэтлин и сам. – Он повернулся к Кэтлин. – Однако ты ему и в самом деле понравилась. Он ничего не делает бесплатно.

– Да, это правда. – Кемаль взял Кэтлин под руку и повел к двери. – Ну что ж, идемте к вам. Я живу рядом, на улице Мастеров Тюрбанов. Мы зайдем ко мне на минуточку, я возьму гитару, чтобы поиграть тебе.

– Я не слишком хорошо себя чувствую для вечеринки.

Кемаль понимающе кивнул.

– Ты все еще расстраиваешься из-за детей. Но ты ведь ничем не можешь помочь им, значит, не стоит и думать об этом. Наслаждайся моментом.

– Ты так спокойно об этом говоришь? Неужели тебе не жаль их?

Кемаль на секунду отбросил свой легкомысленный тон, его взгляд стал печальным.

– Прости, если я показался тебе бесчувственным. Но я много лет учился защищаться от чужой жестокости, и теперь мою крепкую шкуру не так-то легко пробить. К тому же я предпочитаю не рассуждать, а действовать. – Он улыбнулся. – Ты совсем расстроилась. Знаешь, я еще и пою. – Он встал в позу, слегка согнув колени, и изобразил несколь-

ко воображаемых аккордов на несуществующей гитаре. – Я спою «Рожденный в Америке», специально для тебя.

– И что, у тебя неплохо получается?

– О да, – вполне серьезно сказал Кемаль. – Я великолепный музыкант. Правда, в сексе я еще лучше, ведь в музыке, чтобы достичь совершенства, нужны постоянные упражнения.

Кэтлин усмехнулась.

– А секс не требует постоянных упражнений? – Эти слова вырвались у нее случайно, и она тут же пожалела об этом, а встретив насмешливую улыбку Алекса, совсем смутилась. Она поспешно перевела разговор: – Алекс говорит, что ты работаешь на ЦРУ?

– Отчасти. Вообще-то я студент университета. – Его черные глаза блеснули. – Философский факультет.

Кэтлин встряхнула головой.

– Я должна была сама догадаться.

В воздухе уже чувствовался осенний холод, когда они вышли из «Кафаса» и направились по извилистой улочке.

– Сократ тоже был очень чувственным, – заявил Кемаль. – Как и вообще все греки. Но они ставили мужскую красоту выше женской, что было не вполне справедливо. Я придерживаюсь более демократических взглядов. – Он повернулся к Алексу. – Ты пойдешь с нами завтра?

– Нет. И Кэтлин тоже не пойдет. Я говорил тебе, что это неразумно.

Кемаль внимательно посмотрел в лицо Алексу.

– Ты хочешь сказать, небезопасно. Кто конкретно ей угрожает?

– Ледфорд.

– Очень плохо. – Но затем выражение его лица прояснилось, и он слегка склонил голову перед Кэтлин. – Не беспокойтесь, прекрасная леди, я обещаю, что с этим не возникнет никаких трудностей.

Посмотрев на него, Кэтлин поняла, что он выполнит свое обещание.

Кэтлин провела беспокойную ночь и поднялась в семь утра. Первое, что она сделала, это позвонила в Вазаро.

Услышав голос Катрин, она почувствовала радостное волнение.

– Мама? Как ты?

– Все в порядке. Но послушай, Кэтлин, – в ее голосе прозвучало недовольство, – ты пригласила сюда столько людей и даже не собираешься приехать помочь. Сегодня после полудня они все съедутся, и что я буду делать? Миссис Бенедикт, и мистер Андреас, и Поль... а съемочная группа? Не могла бы ты прервать свои дела в Париже и побыть здесь, пока они не уедут?

– Ты прекрасно со всем справишься, мама, – успокаивающе сказала Кэтлин. – Ты замечательная хозяйка. К тому же, подумай, сколько всяких историй ты сможешь рассказать своим приятельницам о Челси Бенедикт. Они будут завидовать, что ты принимала у себя в Вазаро кинозвезду.

– Да, ты права, – заметно смягчаясь, согласилась Катрин. – Знаешь, Мариза собирается на время погостить в деревню к Рене и ее мужу. – Катрин вдруг заторопилась: – О, я не могу больше говорить с тобой, у меня совсем нет времени.

– Подожди, Питера нет поблизости?

– Сейчас позову. Он как раз закончил завтрак. Питер!

– Хелло, Кэтлин, – раздался голос Питера Масквела.

– Я хотела узнать, как идут дела с переводом.

– Прекрасно. Сегодня я должен закончить перепечатку.

Куда мне выслать его?

– На офис «Америкэн экспресс» в Стамбуле на имя Кемаля Немида или в отель «Хилтон» на Алекса.

– Хорошо. Что-нибудь еще?

– Какое-то время мы будем вынуждены пробыть здесь.

Не можешь ли ты выслать мне проекторы и голографический фильм, которые находятся в моей студии?

– Я пришлю все это тебе вместе с переводом.

– Благодарю.

Питер молчал, и она понимала, что он ждет, когда она наконец попрощается. Боже, как ей не хотелось обрывать эту тонкую ниточку связи с домом.

– Тебе нравится в Вазаро?

– Кому бы здесь не понравилось? Это рай земной. Я уже извел уйму фотопленки. – Он все более оживлялся. – Вечерами я работаю с переводом, а Мариза помогает мне с перепечаткой.

– Как тебе понравилась Мариза? Она какая-то особенная, непохожая на других, ты заметил?

– Да, она необыкновенная.

Положив трубку, Кэтлин судорожно вздохнула. Ей было здесь так одиноко.

– Что-нибудь не так? – Алекс стоял на пороге своей ком-

наты. Интересно, как долго он мог наблюдать за ней?

– Все хорошо. Правда, мама немного беспокоится, надо будет принять съемочную группу. Но я уверена, что у нее все получится. – Она встала, направляясь к себе. – Через несколько дней я получу посылку, из-за которой звонила туда. Невозможно жить, ничего не делая.

– Кэтлин...

Она не смотрела на него.

– Мне надо переодеться.

– Не отдаляйся от меня. Я ведь хочу помочь тебе. Она повернулась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Скажи, ты можешь помочь мне не чувствовать себя изгнанницей, лишенной родного дома и всего, что мне дорого?

Он устало покачал головой.

– Нет, этого я не могу.

– Я так и думала.

Она вошла в свою комнату и закрыла за собой дверь.

Закончив разговор, Питер заметил стоявшую рядом с ним Маризу.

– Она очень скучает по дому, – объяснил он. Мариза сочувственно кивнула.

– Я понимаю ее. У меня никогда не было своего дома, мы с мамой все время переезжали с места на место. Но даже я за то короткое время, что провела здесь, успела полюбить эти чудесные места. Мне кажется, что, уехав, я тоже буду всю жизнь тосковать по Вазаро. – Потом, уже другим тоном, до-

бавила: – Знаешь, Питер, сегодня я смогу тебе помогать всего несколько часов утром, потом мне надо паковать вещи и перебираться в деревню. – Мариза улыбнулась ему. – Нам было так хорошо здесь, в нашем уединении, вдали от надоедливых репортеров, сплетников и просто любопытных. Мы оба знаем, как дорого иногда приходится платить за известность.

Спускаясь по ступенькам, она доверчиво протянула ему руку.

– Мне так приятно бывать с тобой, Питер.

Его сердце билось неровными толчками, когда он взял ее под руку, но внешне он казался совершенно спокойным. Все это время Питер выдерживал мучительную внутреннюю борьбу. «Шестнадцать и сорок», – постоянно повторял он себе. Юная девушка, почти ребенок, и пожилой инвалид, состояние которого может ухудшиться в любую минуту. Она испытывает к нему симпатию, ей нравится бывать в его обществе. За эти дни они стали друзьями, долгие часы проводя вместе за работой. Доверие, понимание, дружба – вот на что он может рассчитывать. Все остальное – не для него.

И, глядя в безмятежные глаза девушки, он мягко сказал:

– Мне тоже было очень хорошо с тобой, Мариза.

– Я не полезу на это дерево, Поль. – Тон Челси был решительным. – Ты уже заставлял меня босиком карабкаться на утесы, бегать между рядами роз, танцевать на виноградниках. – Она сделала гримасу. – Неплохо бы тебе самому по-

пробовать все это. Ты хотя бы знаешь, как скользит земля под ногами?

– Но у тебя такие дивные пальчики, мой ангел. – Поль пустил в ход испытанное средство – лесть. – Ты же знаешь, что наш успех зависит от тебя и что мы должны сделать как можно больше снимков, прежде чем соберем вещички и отправимся в Ниццу. – Он показал на дерево в нескольких ярдах от них. – Сейчас я тебе объясню, как мне все это представляется. Ты – Нереида, сидящая на нижней ветке этого апельсинового дерева. Мы направим сюда вентилятор, сделаем маленький ветерок, и твоя воздушная юбка изящно взметнется, а на твою очаровательную головку упадут апельсиновые цветы, равно как и на Танцующий Ветер, который будет стоять здесь под деревом.

– Но дерево даже не в цвету.

– Мы прикрепим искусственные. Я купил несколько в Ницце. Кто требует, чтобы цветы были натуральными? Эти шелковые лепестки великолепны, они еще красивее настоящих.

– Но у нас нет Танцующего Ветра.

– Зато мы можем сделать специальный фотоэффект, мой ангел. Я вклею снимок Танцующего Ветра и окружу его таинственной дымкой. Это будет нечто волшебное.

Челси услышала приглушенный смешок Джонатана, но она не смотрела в его сторону. Поль слишком донимал ее в эти последние два дня, и она вовсе не была в восторге от его

идей.

– Не желаю лазить ни на какие деревья.

Поль мгновенно переменял тон:

– Ты устала, бедняжка. Я, идиот, не подумал, как тяжело тебе пришлось в эти два дня. Все, отдыхай, детка, – ласково промурлыкал он. – Пятнадцать минут перерыва, а потом мы снова приступим к работе.

– Пятнадцать минут? Я так вымотана, а ты даешь мне... – Челси остановилась, поняв, что говорит в пустоту. Поль уже шел к оператору, сидевшему на подъемнике, а вся остальная часть группы сосредоточилась возле стола с закусками, который Катрин распорядилась накрыть в апельсиновой роще.

– Нереида? – Джонатан вопросительно вскинул брови. – Я этого не вижу, у тебя другой образ, более осмысленный.

– Скажи это Полю. – Она двинулась через рощу. – Как он еще не догадался меня вообразить матерью-землей Деметрой! – Она подняла подол своего платья и показала босые ноги. – Хожу разутый целый день. Мне кажется, он просто помешался на босых ногах.

– Интересная мысль. – Джонатан усмехнулся и взял ее под руку. – Не хочешь ли что-нибудь выпить?

– Я хочу уйти подальше и закончить на сегодня со съемками. Он третирует меня, как слабоумную девчонку.

– Однако у него получилось несколько замечательных снимков. Особенно мне нравится тот, где ты склонилась над ручейком в прекрасном золотом платье. – Он ласково улыб-

нулся ей. – Ты проделала фантастическую работу. Я горжусь тобой.

Его лицо светилось такой нежностью, что вся ее усталость и раздражение вдруг улетучились.

– В самом деле? – Челси усмехнулась. – Эти последние дни прошли как во сне. Здесь, в Вазаро, я как будто попала в волшебную сказку. – Ей с трудом верилось, что всего в нескольких милях отсюда существует реальный мир с его рекламой, супермаркетами, дешевыми газетными листками, готовыми растиражировать новые подробности ее личной жизни, ее и Джонатана. – Мы потеряли сегодня целое утро, мне не удалось прийти к тебе.

– Ничего, я смог хотя бы немного позаниматься делами: позвонил в Интерпол, потом мы с Питером подписали несколько контрактов, пришедших по почте.

– Оставь на время свои дела, – нежно улыбнулась ему Челси. – Когда еще нам выдастся случай побыть вместе!

Улыбка Джонатана погасла.

– Какого черта! Мы будем вместе постоянно, когда поженемся.

– Нет. Ты же знаешь, я не могу. – Она пристально смотрела на толпу, собравшуюся вокруг стола. – Мне нравится Питер. Он действительно очень приятный человек, как ты и говорил. Он знает о нас?

– Я ничего не говорил ему, но он достаточно проницательный человек, и думаю – догадывается. Возможно, он и по-

нял, что я люблю тебя. – Он помолчал, прежде чем добавить:
– И что ты любишь меня.

– Я никогда не говорила этого, – возразила Челси, ускоряя шаг.

– Почему ты так упорно отказываешься от того, чтобы мы были вместе?

– Я не отказываюсь. Просто у меня своя жизнь и работа...

– Извини, что беспокою, Джонатан, но тебя к телефону. Будет лучше, если ты подойдешь.

Они обернулись и увидели спешащего к ним Питера. Джонатан раздраженно нахмурился.

– Неужели нельзя было сообщить мне об этом звонке позже?

– Но это Дженнингс, он звонит из Канн.

– Какого черта ему здесь надо?

– Не думаю, что он проделал эту поездку ради удовольствия. – Питер осторожно взглянул на Челси. – Он говорит, что хочет увидеться с тобой у него в отеле завтра после полудня.

Челси вздохнула. Вот то, чего она боялась. Счастье не может продолжаться слишком долго.

– Думаю, ты обязательно должен пойти.

– Но если мне не хочется? – Джонатан поджал губы. – Я вовсе не обязан бежать, едва Дженнингс щелкнет пальцами.

– Глупости, – сказала Челси. – Я знаю, кто такой Дженнингс. Это известный сенатор из Южной Каролины, который

хлопотал о твоём выдвижении. Разумеется, нужно пойти. – Она твердо встретила его взгляд. – И мы оба понимаем причину его приезда. Он пытается спасти твою политическую репутацию. Должно быть, многие видели те снимки, где мы с тобой вместе на вечере в Версале. Я зря разрешила тебе представлять меня. Я должна была предвидеть...

– Твое решение ничего бы не изменило, – сухо заметил Джонатан.

Питер в растерянности переводил глаза с одного на другого.

– Сказать ему, что я не нашел тебя?

– Нет. – Джонатан твердо встретил взгляд Челси. – Скажи, что я буду рад увидеться с ним завтра, мы приедем вместе с миссис Бенедикт.

– Нет! – Челси затрясла головой. – Избавь меня от этого.

– Почему? Разве в твоём участии в вечере было что-то неприличное, недозволенное?

– Нет! Но я считаю, что мне не следует туда идти.

– Ты пойдешь, потому что я этого хочу, – мягко, но твердо сказал Джонатан. – А если ты не собираешься этого сделать, то я буду вынужден послать уважаемого сенатора к черту.

Он в самом деле мог поступить так. Челси чувствовала его раздражение.

– Но что, если там будут репортеры?

– Челси, бога ради, ты не должна прятаться. – Он повернулся к Питеру. – Ладно, скажи Дженнингсу, что я встречаюсь

с ним, если там не будет ни одного репортера. – Он снова обернулся к Челси. – О’кей?

Питер вздохнул с облегчением.

– Хорошо, я скажу ему.

Он повернулся и быстро пошел к дому. Челси воинственно расправила плечи.

– Ладно, пожалуй, я все-таки залезу на это дерево, раз завтра мы будем заняты с самого полудня. – Она глянула на Джонатана. – Хочешь посмотреть?

– Не могу же я пропустить такое зрелище: тебя на дереве. – Улыбка скользнула по его губам. – Я непременно буду рядом.

– Твоя мать с Джонатаном собираются завтра в Канны на деловое свидание, – сказал Питер. – А съемочная группа отправится туда уже сегодня вечером. Здесь станет тихо, и Вазаро опять будет только нашим.

– Отлично, – улыбнулась Мариза. – Если не считать Катрин, Жака и рабочих.

– Ты прекрасно понимаешь, что я имел в виду.

– Да, я понимаю. Ты хочешь снова окунуться в свои дневники. – Мариза прислонилась спиной к оливковому дереву, следя глазами за оранжево-золотистыми крыльями бабочки, парящей над багряным ковром фиалок. – Почему эти рукописи столь важны для тебя, Питер? Ты говорил, что Кэтлин хочет расшифровать надпись, а что интересует тебя?

Питер захлопнул дневник в коричневом кожаном пере-

плете и посмотрел в лицо Маризе.

– Не знаю. Возможно, я испытываю какую-то странную привязанность к людям, писавшим их... нет, это не совсем так... Мне иногда кажется, что все эти события происходят со мной. Это как грезы наяву.

Мариза сорвала травинку и поднесла к губам.

– И что же это за грезы? Он ничего не ответил.

– О Танцующем Ветре?

– Не совсем.

Она встряхнула головой.

– Почему я должна вытягивать из тебя каждое слово?

«Зря я заговорил об этом», – подумал он растерянно.

Она явно почувствовала беспокойство в его голосе и теперь будет настаивать на объяснении. Он знал, что Мариза больше всего на свете ценила чистоту и ясность в отношениях между людьми, особенно бывшими с ней рядом. Она чувствовала потребность постоянно заботиться о тех, кто был ей дорог.

– Я думаю о Парадигне.

– О ком?

– Не помнишь? О Парадигне, брате царя Трои, о том, кто дал Андросу Танцующий Ветер и помог бежать из Трои накануне ее падения.

– О да. Сам он решил остаться и погибнуть от рук врагов.

Питер кивнул.

– Мне приснился сон об этом.

– Что за сон?

– Очень странный. Парадигн, сидящий в большом кресле, похожем на трон. Его голова касается резной спинки, глаза закрыты. Он ждет чего-то.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. – Питер беспомощно пожал плечами. – Я смотрел на него и вдруг почувствовал, что он – это я, потому что ощутил его боль, терпение и ожидание смерти.

– Но все это вовсе не похоже на плохой сон. Почему он беспокоит тебя?

– Потому что я знаю, он собирается открыть глаза и посмотреть на меня. Какой-то совершенно сумасшедший сон.

Мариза отодвинулась от ствола и наклонилась к нему.

– Послушай меня. Это приснилось тебе потому, что последние четыре дня ты не отрываясь сидел над дневниками. Ты грезишь легендами. И если тебе снова приснится этот глупый сон, скажи себе, что между тобой и Парадигном нет ничего похожего. Ты не стал бы сидеть и ждать, когда ворвутся греки и убьют тебя. Ты бы бежал вместе с Андросом, или нет... ты бы придумал что-то и спас Троию.

Он усмехнулся.

– Мне приятно, что ты такого высокого мнения обо мне.

– Да. И если сегодня ночью Парадигн снова придет, скажи ему, что он должен спастись.

– Непременно.

Мариза всегда руководствовалась здравым смыслом. Он

не мог объяснить ей, какие чувства вызывал в нем этот страшный сон, девушка заблуждалась, считая, что они так уж различны. Она видела в Питере то, что хотела видеть – человека, всегда готового к борьбе, не понимая, что ему это совершенно не свойственно. В подобной ситуации он бы принял скорее позицию Парадигна.

Кроме того, у них с Парадигном было еще нечто общее, о чем не догадывалась Мариза: они оба страдали тяжелым недугом. Этот старый человек просто не мог бежать или сражаться. Он был калека. «Как и я», – горько подумал Питер.

Но вслух он сказал другое:

– Ты права, я скоро подскажу ему, как надо вести себя при таких обстоятельствах. – Питер встал и подал руку Маризе. – Пойдем. Поедешь со мной в Грасс. Я уже упаковал посылку для Кэтлин и должен теперь отправить ее.

Она кивнула и зашагала рядом с ним.

– Минутку. – Он остановился и отошел от нее на несколько шагов. – Если бы ты знала, какое чудное сияние над твоей головой от этих солнечных лучей, пробивающихся сквозь ветви деревьев! – Он снял «Никон», висевший у него на шее, и навел на нее. – Фантастический эффект. Ангел, спустившийся на землю.

– Ты уже сделал кучу снимков, – запротестовала Мариза. – И я хочу быть на них такой, какая я в жизни. Я вовсе никакой не ангел.

– Я знаю.

Подобно матери, Мариза всегда обладала живым чувством реальности. Нет, не ангел. Девушка, прекрасная и желанная, лучезарная, как этот солнечный день.

Мариза и Питер остановились посреди поля герани, чтобы поболтать с Жаком.

– Ты нанял столько новых людей, – отметила Мариза. – Зачем? Герань уже почти собрана.

Жак пожал плечами.

– Анис скоро ждет ребенка, ей больше нельзя работать в поле, Пьер собирается в Лион помочь матери в магазине. Пришлось нанять позавчера пару временных рабочих. Но эти долго не задержатся, не очень-то они привыкли пачкать пальцы в земле или жарить спину на солнце.

– Почему ты не сказал мне? Я могла бы приходить сюда по утрам. – Она обернулась к Питеру, который уже прицеливался своей камерой, выбрав красивый вид. – Завтра я приду к тебе в студию не утром, а после полудня.

– Что? – проговорил он, щелкая камерой и не вслушиваясь в ее слова. – О'кей. Замечательно.

– Ты понял меня?

– Ты собираешься стать рабыней в полях Элизия, – пошутил он, беря в кадр суровое лицо Жака. – Я тоже могу присоединиться.

– Забудь об этом. У тебя есть своя работа. – Мариза смотрела на двух мужчин в самом конце ряда. Жак был прав. Эти двое не могли двигаться размеренно, в лад с другими

рабочими. Они больше зубоскалили, чем собирали. Высокий светловолосый парень походил на англичанина и, возможно, подрабатывал на каникулах. Другой был постарше, где-то чуть за тридцать, низенький, коренастый и смуглый. – Думаю, что я одна буду работать лучше, чем эти двое, Жак. Они не слишком-то вспотели.

– Я избавлюсь от них. – При взгляде в их сторону губы Жака твердо сжались. – Пусть тогда сами выбирают, когда им потеть и когда отдыхать. Эй! Кембро, ты что, в саду прохлаждаешься? Мы собираем цветы, а не нюхаем их.

Светловолосый глянул на Жака и стал двигаться несколько живее.

– Ну а ты, Феррацо! – крикнул Жак второму. – Ты хотел работы. Так делай ее.

Феррацо поднял голову на Жака и слегка улыбнулся. Он с любопытством оглядел Маризу и Питера и задумчиво опустил глаза вниз на красновато-оранжевые цветы герани.

Вечером этого дня Феррацо позвонил Ледфорду в Париж.

– Меня, кажется, сняли на пленку сегодня. Этот Масквел, который гостит у них... – выпалил Феррацо, как только Ледфорд снял трубку. – Мне это не нравится.

– Что-нибудь подозреваешь?

– Нет, он повсюду носится со своим аппаратом и щелкает все подряд.

– Значит, можно не беспокоиться, – сказал Ледфорд, медленно откидываясь в кресле. – Это все?

Феррацо продолжал воинственно:

– Нет, мне не слишком нравится потеть кверху задом на этих полях. Я здесь уже почти неделю и не вижу ничего интересного для нас.

– Потерпи еще чуть-чуть. А что делает женщина с тех пор как вернулась?

– Ее здесь нет.

Ледфорд резко выпрямился в кресле.

– Что это значит? Ты соображаешь, что говоришь? Она отбыла из отеля четыре дня назад рейсом на Ниццу.

– Но ее нет здесь. Только съемочная группа, и Масквел, и...

– Какого черта ты сразу не сказал мне, что ее нет в Вазаро?

– Я думал, ты знаешь, – защищался Феррацо. – Ты приказал мне сообщать все, что она делает, но ведь ее здесь нет!

Алекс сумел переправить ее в Стамбул, чтобы она была рядом с ним. Он перехватил инициативу, обманув двух людей Ледфорда, да и его самого. Как он, должно быть, теперь смеется над ними. Ледфорд внезапно вновь вспомнил о своем поражении в Квантико, гнев душил его.

Он был в ярости и долго не мог обрести способность соображать. Его провели. Как это удалось Алексу? Он получил преимущество в их блестящей игре. Никаких сомнений, Каразов решил спрятаться, уйти в подполье. Джипси не удалось найти его следы в Стамбуле в первые два дня. Как он, Ледфорд, мог позволить себе совершить такую оплошность?

Ведь Алекс был уже в его руках, в любой момент он мог приказать Феррацо убить его, и вот как изменилась ситуация. Ледфорд проговорил сквозь стиснутые зубы:

– Черт побери твою глупость. Я говорил тебе, что хочу знать все об этой женщине.

– Я четко выполнял все твои приказы. Не понимаю, чем ты недоволен. Надо ли мне еще оставаться здесь, в Вазаро?

– Что? – Ледфорд попытался взять себя в руки. – Откуда ты звонишь?

– Из аптеки в деревне.

– Дай мне номер и жди на месте. Я перезвоню.

Ледфорд записал номер и опустил трубку.

Кэтлин Вазаро. Ледфорд видел ее фото в газетах, поместивших репортаж о вечере в Версале. Но тогда он плохо запомнил ее. У него осталось лишь туманное впечатление о высокой женщине с тонкими чертами лица. До сих пор она была лишь пешкой в их игре, но теперь вдруг стала приобретать значение важной фигуры. Она не испугалась и не стала прятаться после его, Ледфорда, предупреждения. Напротив, агрессивно вступила в игру, сумев обмануть его. Опасно, что она оказывает огромное влияние на Алекса, раздавленного смертью Павла. Эта женщина встала между ним, Ледфордом, и Алексом. Это с ней Алекс изменил ему.

Он потянулся было за телефоном, но тут же отдернул руку. Надо отключиться от всего этого. Сначала он должен успешно выполнить это дело в Лувре. Он не может позво-

лить себе горячиться, когда у него такие ставки. Он должен строго контролировать себя, а не беситься, как мальчишка.

Ледфорд выпрямился в кресле и попытался освободиться от ненужных эмоций. Необходимо было трезво обдумать, как показать Алексу, что он ничего не выиграл своим обманом, что опасно становиться поперек дороги такому человеку, как Брайэн Ледфорд.

Алекс стоял в дверях, когда Кэтлин подошла к коттеджу.

– Ну и где тебя черт носил?

Заметив мрачное выражение его лица, Кэтлин решила не обострять обстановку. Она положила сумочку и блокнот на столик в прихожей и сняла темные очки.

– В археологическом музее. – Подойдя к холодильнику, она открыла его и достала бутылку лимонада. – Хелло, Кемаль. Ты давно пришел?

– Добрый день, Кэтлин, – улыбнулся он ей, поднимаясь с кушетки. – Приятно провела время?

– Не слишком. У меня болит голова, и я страшно устала. – Она налила лимонад в стакан и поставила бутылку назад в холодильник. – И я не желаю выносить допросов инквизиции.

– Ну и ну! – возмутился Алекс. – Ты уходишь из дома, пока я еще сплю, возвращаешься к трем часам, и я еще ничего не должен спрашивать!

– Нечто среднее между выговором школьного учителя и грозного мужа. Ни одна из этих ролей тебе не подходит.

– Он беспокоился, Кэтлин, – вступился Кемаль. – Он думал, что ты со мной, а тут вдруг я являюсь к завтраку.

– Я согласился на то, чтобы ты ходила с ним, – сказал Алекс, – но мы не договаривались, что ты будешь разгуливать одна по Стамбулу, даже не предупредив никого.

– Я же оставила записку.

– В которой сказано лишь одно: «Вернусь через пару часов».

– Я не ожидала, что это затянется так надолго. По дороге в музей я не заметила за собой никакой слезки. – Она поднесла стакан к губам и сделала глоток. – Кроме того, Кемалю было бы там скучно.

– С тобой? Никогда.

– Заткнись, Кемаль, – сказал Алекс. Кемаль кивнул.

– Вполне уместное замечание. – Он сел на стул, облокотясь о стойку бара, отделявшего комнату от кухни. – Прошу вас, продолжайте.

Кэтлин обошла бар кругом и опустилась в кресло перед кушеткой.

– Я не собираюсь выпрашивать прощения, Алекс. Ледфорду не удастся так просто захватить меня. К тому же он уверен, что я в Ницце, ему не придет в голову искать меня здесь. Мне захотелось в музей, и я пошла.

– Без всякой защиты.

– Я хожу здесь повсюду уже три дня вместе с Кемалем, и до сих пор ничего не случилось.

– Да, никто не посмеет приблизиться к тебе, пока рядом такой тигр, как я... – Кемаль перехватил взгляд Алекса и встряхнул головой. – Думаю, будет лучше, если я пойду. Я не могу не вмешиваться, к тому же не знаю, чью сторону лучше принять. А так как я всегда выигрываю в любом деле, то будет несправедливо, если я вообще приму чью-то сторону. – Он открыл дверь. – Всего хорошего. Увидимся завтра.

– Он просто невозможен, – рассмеялась Кэтлин.

– Этот мир создан для него. – Алекс попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая. – Он действительно беспокоился, Кэтлин. Я волновался, даже когда ты уходила с ним, но то, что ты позволила себе сегодня, совсем уж плохо. Ты становишься слишком самоуверенной.

– Возможно. – Она откинулась на спинку кресла. – Но я не могу все время сидеть здесь. Я должна что-то делать.

– И что же ты делала?

– Рассматривала таблички возле экспонатов в музее. Затем я пошла к директору, месье Модуху, и убедила его позволить мне пройти в запасники.

– Неудивительно, что ты устала.

– Там было несколько табличек, похожих на ту, что у Танцующего Ветра, но надписи на них ближе к греческому.

– Ты ожидала встретить там разгадку?

– Нет. – Она отпила глоток лимонада и сделала несколько круговых движений шеей, чтобы снять боль в мышцах. – В те времена, когда был создан Танцующий Ветер, существовало

столько различных языков и культур. В музее тоже есть три нерасшифрованные таблички. В свое время Розетте Стоунз не удалось разгадать эти надписи. А я даже не знаю, с чего начать.

– Ты уже начала.

– Да, но этот путь отбрасывания бесполезных вариантов меня не слишком устраивает, Я показала директору несколько снимков с надписью, и он сказал, что эти буквы ему что-то отдаленно напоминают.

– Подними голову, – вдруг решительно сказал Алекс. Он стоял рядом с ее креслом.

– Что?

Он не стал ждать, когда она подчинится ему. Его руки были уже у нее на затылке, а большими пальцами он медленно массировал ее шею.

Она напряглась. Ее мускулы словно одеревенели.

– Перестань, – резко сказал он. – Я лишь хочу помочь тебе. Закрой глаза и расслабься. – Подушечки его пальцев растирали связки на шее, и сладостная дрожь прошла по всему телу, как только напряжение оставило ее. – Но он не сказал тебе, где мог видеть их?

Она закрыла глаза, чувствуя лишь удовольствие от прикосновения его пальцев, и даже не сразу вспомнила, о чем они говорили до этого.

– Нет. Он сказал, что подумает об этом. Я обещала зайти к нему завтра.

Его пальцы надавили на мышцы ее затылка.

– Будет лучше, если в следующий раз, когда ты пойдешь в музей, ты возьмешь меня или Кемалю в качестве сопровождающих. – Его руки уже массировали мышцы возле ее ключиц, она чувствовала, как кровь быстрее побежала по жилам.

– Когда я одна, мне гораздо легче сосредоточиться.

– Но не когда ты уже мертвая.

Эти слова нарушили ее сонное забытие, но не вывели до конца из состояния приятной расслабленности. Она чувствовала тепло и покалывание в области шеи и плеч.

– Я знаю, опасность существует, но она очень невелика. На самом деле, скорее всего, мне ничего не грозит. Невозможно, чтобы человек, совсем не знавший меня, стремился к убийству... это лишено всякого смысла.

– Кэтлин, черт побери, нельзя же быть такой глупой и безрассудной. Ледфорд выбирает для нападения как раз тот момент, когда жертва начинает чувствовать себя в безопасности. Я уже сталкивался с этим прежде. – Голос Алекса был мягким, убеждающим. Она чувствовала знакомый запах лайма в его лосьоне после бритья. – Я не стану ни во что вмешиваться, лишь позволь мне быть рядом.

Ее мышцы уже отдохнули и расслабились, но она по-прежнему не двигалась. Она хотела, чтобы он продолжал касаться ее, чтобы его руки скользнули ниже, к ее груди, а губы его прижались к ее губам... Она вдруг резко отпрянула

от него и вскочила на ноги. Боже, как она все же глупа! Она посмотрела ему в лицо.

– Ну и хорош же ты, Алекс! Думаешь, я опять попадусь в твою ловушку?

– О чем ты? – Он смотрел на нее невинным взглядом. – Я хотел только помочь тебе.

– «Дай им то, что они хотят, и получишь то, что хочешь ты». Все тот же знакомый подход?

– Да. А что в этом плохого? Тебе и сейчас этого хочется, сколько бы ты ни спорила против очевидного. Моя откровенность тебя устраивает?

Кэтлин возмущенно отвернулась.

Машина плавно скользила по Королевскому мосту.

– Мне не нравится это, – говорил Ганс, не отрывая взгляда от темных вод Сены за окном. – Ты дал слишком мало людей.

– Трое – это более чем достаточно. – Ледфорд посмотрел на Ганса. – Мы хотим взорвать его, а не выкрадывать картины.

– Никогда не думал, что тебе захочется посмотреть, как взлетит на воздух весь этот хлам.

– Крылатая Богиня Победы – никакой не хлам, – сказал Ледфорд со снисходительной усмешкой. – Я должен дать тебе несколько уроков, ты абсолютный невежда.

Ганс почувствовал глубокое облегчение. В последнее время Ледфорд был таким раздражительным. Можно было подумать, что их дружба ему окончательно наскучила. Но если Брайэн еще стремился воспитывать его, значит, не все потеряно. Появлялась надежда.

– Да, я ничего не знаю об этом, но могу подучиться.

– Мы еще дадим тебе шанс, – сказал Ледфорд, – как только закончится эта работа. – Он свернул направо и остановился у набережной Тюильри. – У тебя есть нож? Охрану у ворот нужно убрать тихо.

Ганс кивнул.

– Все будет хорошо, когда ты проникнешь во внутренний

двор. Там охраны уже не будет.

– Подкуп?

Ледфорд кивнул и продолжал:

– Кордоза и Брентер встретят тебя у стеклянной пирамиды во дворе Наполеона. У них взрывчатка. Тебе дается десять минут, чтобы сделать все и вернуться обратно.

– Я знаю свою работу.

Ганс выпрыгнул из машины и весело двинулся вниз по улице к главному входу.

Охранник стоял спиной к улице, всматриваясь во внутренний двор, как будто слышал что-то. Было до смешного легко незаметно подкрасться к нему... Ганс перетащил тело охранника во двор, чтобы ничего не было заметно с улицы, и направился к стеклянной пирамиде.

Брентер и Кордоза стояли возле пирамиды и, увидев Ганса, двинулись к нему.

Хоп! Раздался неясный звук, и голова Кордозы вдруг раскололась пополам.

Брентер вскрикнул и кинулся на землю. Слишком поздно. На его груди расцветало кровавое пятно.

Боже, что происходит?

Ганс дернулся в сторону и нащупал свой нож, и в это время следующая пуля ударила в стену рядом с ним.

Он ничего не мог понять. Ведь Брайэн говорил, что все предусмотрено...

– Извини, мой мальчик.

Ганс повернулся на этот голос. Ледфорд стоял с автоматом «ингрэм-10» в руках и нежно улыбался.

– Этого не было в плане, – выговорил ошеломленный Ганс.

Ледфорд кивнул.

– Это предусматривалось. Никаких свидетелей. Один я.

– Почему?

– Часть замысла. Требовалось принести в жертву нескольких ягнят, и я почувствовал призвание выступить в роли жреца. В конце концов, ты всего лишь мой человек. – : Брайэн поднял «ингрэм», прицелился и послал очередь в тело Ганса.

Ганс вскрикнул, дернулся и упал. Он лежал неподвижно, слыша звук шагов Брайэна по булыжнику, тот бежал к воротам.

Он умирал. Брайэн убил его.

Он должен умереть, потому что так захотел Ледфорд.

И все же он был еще жив. Брайэн плохо сделал свою работу.

Существует твердое правило: надо проверить результат, обязательно убедиться, что все кончено. Брайэн нарушил это правило. Ганс справился бы лучше...

Истерический смех застревал в его горле, когда он полз к воротам. «Позволь мне сделать это, Брайэн. Я умею делать это лучше. Разрешите мне убить себя ради тебя».

Он полз очень медленно, оставляя кровавый след на бу-

лыжной мостовой. Если он выползет со двора, то сможет позвать кого-нибудь на помощь.

Он должен выжить, черт побери. Потому что он не может умереть, пока жив Брайэн Ледфорд.

Как всегда, после завтрака Алекс позвонил в отель «Хилтон», чтобы справиться о почте. Была лишь одна записка.

Алекс бросил трубку и обернулся к Кэтлин.

– Послание от Ирмака.

– Что в нем?

Он посмотрел в свой блокнот, лежащий возле телефона:

– «У меня есть кое-что для тебя. Приходи к большой мечети Селима сегодня в десять утра». У нас меньше часа.

– Я должна найти сумочку.

– Поторопись. Нам еще надо поймать такси и отыскать нужное место. В Стамбуле пятьсот мечетей.

– Никто не знает этого лучше меня, – сухо сказала Кэтлин. – Мы с Кемалем уже обошли не меньше половины. Говорят, что число «пятьсот» символизирует человека, находящегося в периоде расцвета и могущества. Возможно, нам повезет с водителем и мы сможем быстро отыскать это место.

Мечеть Селима оказалась на другом конце Стамбула, они потратили почти час, пока добрались туда. Ирмак ожидал их снаружи, карикатурно смотрясь в своем наряде на фоне толпы европейских туристов. Алекс заметил, что его толстое коричневое лицо покрывает жирный пот.

– Это для тебя, – торопливо проговорил Ирмак, – пода-

рок.

Алекс раздраженно глянул вниз на продолговатую коробку.

– Тебе не удастся подкупить меня, Ирмак.

– Это не от меня, от Ледфорда.

Алекс почувствовал знакомый озноб, как тогда, когда увидел голубой кашемировый шарф на ступеньках дома Андреасов в Париже.

– Ледфорд? Он здесь?

– Я этого не знаю, – пробормотал Ирмак. – Я ничего не знаю. Оставь меня в покое.

Он развернулся и, переваливаясь, заспешил прочь.

– Подожди, – окликнул его Алекс. – Здесь находится...

Но Ирмак уже смешался с толпой.

Кэтлин стояла как зачарованная, уставившись на коробку. Алекс знал, что она тоже вспомнила голубой шарф, но уже другой, тот, который подбросили к ее двери в отеле.

– Открой, – выговорила она хриплым голосом.

Он развязал веревку и медленно открыл коробку. Там на тисненой бумаге лежал всего лишь один цветок черного тюльпана, изящный, будто сделанный из воска. Алекс взял карточку, оставленную рядом с цветком.

– Нет, это не от Ледфорда, – сказал Алекс. – Это всего лишь обыкновенная карточка из магазина, которыми здесь сопровождаются букеты, предназначенные для туристов. – Он прочитал ей вслух: – «Распространено мнение, что тюль-

паны происходят из Голландии, но это не так. Они были выведены в Турции и впервые доставлены во Францию ко двору Людовика XIV оттоманским послом. Луковицы тюльпа...

– Нет!

Алекс перевел взгляд с карточки на её лицо. Оно было мертвенно-белым, расширенные глаза смотрели на него с ужасом.

– Ты что, не понимаешь? Черное – это цвет печали, траура. Черный цветок, принесенный во Францию.

– Мой бог, – прошептал он.

Коробка выскользнула из его рук. Черный тюльпан упал на мостовую и был раздавлен каблуком Алекса, бросившего ловить такси, чтобы вернуться назад в коттедж.

Черный цветок, принесенный во Францию.

Вазаро!

– Это могло быть лишь предупреждением, – говорил Алекс, набирая номер в Вазаро. – Все должно быть в порядке.

– Зачем ему вредить кому-то в Вазаро. – Кэтлин сидела в кресле, прямая, как натянутая струна, и не отрывала взгляда от телефона. – Это лишено всякого смысла.

– И все же я свяжусь с Джонатаном и предупрежу его...

– Извините, месье, неполадки на линии, – голос оператора был равнодушным. – Пожалуйста, перезвоните еще раз.

– Неполадки на линии, – как эхо повторил Алекс Кэтлин. Он снова быстро заговорил в трубку: – Есть еще телефон в

аптеке в деревне, я не знаю номера, попробуйте соединить с ним.

– Ничего не могу сделать, повреждение кабеля на всем участке. Прошу вас перезвонить позднее.

Паника промелькнула в глазах Алекса, когда он положил трубку.

– Телефонная связь с Вазаро прервана.

– Как? – прошептала Кэтлин. – Что случилось? – По его лицу она пыталась понять, какая новая опасность надвинулась на них.

Алекс избегал смотреть на нее, он искал свой паспорт во внутреннем кармане.

– Возможно, ничего не случилось. Но я должен лететь в Вазаро.

– Беги на улицу и лови такси. – Кэтлин схватила трубку телефона. – Я позвоню и закажу билеты для нас на первый же рейс в Ниццу.

– Не забывай, что это может быть ловушкой для тебя.

– С таким же успехом их замысел может состоять в том, чтобы вынудить тебя уехать и оставить меня здесь одну.

Алекс уже успел подумать об этой возможности. Он мог поручить Кемалю охранять ее на время своего отсутствия» но он не мог бы свободно действовать в Вазаро, постоянно тревожась о Кэтлин.

– Я еду, Алекс. – Голос Кэтлин дрожал. – Никто не сможет остановить меня. Это мое Вазаро.

Алекс кивнул, направляясь к двери. Вазаро было смыслом ее существования, и у него не было права отговаривать ее.

Боже, он чувствовал себя беспомощным. Единственная надежда у него была на Джонатана, он так решителен, надежен и может взять ситуацию в свои руки. Слава богу Джонатан все еще оставался в Вазаро.

Челси и Джонатан потратили три часа, чтобы добраться до виноградника на холме, где Дженнингс назначил им встречу в доме своего старого приятеля.

Во внешности Альберта Дженнингса было что-то похожее на старого семейного врача, его круглое мясистое лицо, уверенные, неторопливые движения вселяли спокойствие. За все время долгого пути сюда Дженнингс был неизменно приветлив с Андреасом и подчеркнуто вежлив с Челси. Казалось, это не более чем дружеская встреча земляков в чужой стране.

– Почему бы вам не присесть здесь, миссис Бенедикт, – сказал Дженнингс, показывая на огромное кресло с резным изголовьем и белыми мягкими подушками, похожее на королевский трон. Он смотрел на виноградники в лучах после-полуденного солнца, черно-синие гроздья переливались золотистым сиянием. – Пора урожая. Чудесный вид. Во время Второй мировой войны я был во Франции и, когда впервые увидел эти холмы, поклялся непременно возвратиться сюда и, выйдя в отставку, поселиться где-нибудь в этой провинции. – Он улыбнулся. – Но времена меняются, не так ли? Те-

перь я хочу быть рядом с моими внуками. Вы должны понять меня, ведь у вас есть дочь.

Челси слегка натянуто улыбнулась.

– Да, у меня есть дочь. Ее зовут Мариза.

Джонатан сидел рядом с ней, в соседнем кресле, изредка бросая на нее ободряющие взгляды.

– Очаровательная девочка, Альберт, ты был бы в восторге от нее.

Дженнингс тепло улыбнулся.

– Я уверен в этом. Разве может быть другим ребенок знаменитой Челси Бенедикт.

Она нервно стиснула руками подлокотники кресла.

– Может быть, приступим к делу? Разве главная причина этой встречи не в знаменитой Челси Бенедикт? Не стесняйтесь, Дженнингс.

Дженнингс улыбнулся и с облегчением кивнул.

– Вы правы, я действительно хотел обсудить с Джонатаном вопросы, касающиеся ваших с ним отношений.

Челси посмотрела на него с некоторым вызовом.

– Вы были очень осторожны, и это правильно. У нас с Джонатаном деловые отношения, и они ограничиваются проведением этой рекламной кампании.

– Не стоит, Альберт, – вмешался Джонатан, – наши отношения касаются только нас. Стоит ли тебе интересоваться ими?

– Нет, его это тоже касается. – Челси резко повернулась к

Джонатану. – И это понятно. Ты уже давно стал общественным достоянием.

– Черт знает кем я стал, – проворчал Джонатан.

– На самом деле я действительно предпринял эту поездку, чтобы обсудить будущее развитие... – Дженнингс прервался. – Ты был прав, миссис Бенедикт чрезвычайно скромна.

– Мы собираемся пожениться, Альберт, – сказал Джонатан.

– Нет! – Голос Челси был резким, и, поворачиваясь к Дженнингсу, она попыталась смягчить его. – Скажите же ему все! Чего вы ждете?

Искра симпатии промелькнула в лице Дженнингса, когда он взглянул в ее лицо.

– Вы должны понять, – обратился он к ней, – это всего лишь скучная обязанность, которую я на себя взял. Что же касается меня лично, то я отношусь к вам с благоговейным трепетом.

– Вот и скажите ему все, что собирались.

Дженнингс повернулся к Джонатану.

– Это невозможно, мой друг. Всем известно прошлое миссис Бенедикт: развод, тюремное заключение. Избиратели не пойдут за тобой. Мы будем вынуждены отклонить твою кандидатуру.

– И ты еще мог говорить что-то о своем благоговейном трепете, – возмущенно сказал Джонатан. – А ты знаешь, что это заточение было незаконным, что, выйдя из него, она

столько работала, что была удостоена степени бакалавра искусств Колумбийского университета? Она говорит на четырех языках, она... – Дженнингс хотел было вмешаться, но Джонатан не дал ему и рта раскрыть. – Она является опекуном дома для детей, ставших жертвами сексуальной агрессии, и в прошлом году пожертвовала в их пользу пятьсот тысяч долларов!

Челси смотрела на него в совершенном изумлении. Она не могла понять, когда он сумел так много узнать о ней. Джонатан нежно улыбнулся ей в ответ.

– Прости, что я развенчиваю твой жестокий звездный образ, который ты мне вечно пыталась навязать, но неужели и ты думала, что я не попытаюсь узнать все, что в моих силах, о женщине, которую люблю? – Его улыбка погасла, когда он обернулся к Дженнингсу. – И кроме того, всегда надо иметь под рукой боеприпасы, когда начинается перестрелка.

Дженнингс печально покачал головой.

– Каждая избирательная кампания всегда рассчитана на низший коэффициент общественного сознания. А в этой массе людей всегда существует множество предубеждений, что, несомненно, скажется на результатах. – Дженнингс прямо взглянул в глаза Джонатана. – Даже если они проглотят приключившийся с ней судебный казус, остается еще ее образ, сложившийся в глазах публики. Слишком импульсивный, вызывающий и откровенный. Никого не волнует, что при этом она может быть так же милосердна, как мать Тере-

за.

– Ты закончил? – спросил Джонатан, вскочив на ноги. – Тогда отправляйся к черту! – Он обернулся к Челси. – Пойдем, разговор окончен.

– Нет, это не так. – Челси показала на застекленные французские двери. – Пройдитесь, Дженнингс, я беру все в свои руки.

Дженнингс, помедлив, направился к выходу с веранды.

– К сожалению, политика диктует свои условия. Есть вещи, которых надо четко придерживаться.

– Я знаю это, – сказала Челси. – Все будет прекрасно. Оставьте нас одних.

Джонатан подождал, пока двери за ним закроются, и затем сказал очень твердо:

– Нет, Челси.

– Не говори мне «нет». – Челси встала и подошла к балюстраде. – Мы не должны будем видеться до тех пор, пока не выдвинут твою кандидатуру.

– Дженнингс ошибается, избиратели одобряют тебя.

– Потому что меня одобряешь ты? – Челси повернулась к нему лицом. – Если бы большинство избирателей состояло из Джонатанов Андреасов, мы бы, возможно, и имели шанс. Но это не так. Ты помнишь, что говорил Дженнингс о среднем коэффициенте?

– Выходит, у меня одного больше уважения к избирателям, чем у вас обоих, – сказал спокойно Джонатан. – Я уве-

рен, они уважают цельность и прямоту больше, чем подкрашенный, подбеленный фасад дома с прогнившими перекрытиями.

– Ты не можешь рисковать.

– Это моя карьера, Челси.

– И ты не должен разрушить ее. – Глаза Челси были широко раскрыты, голос неровен. – Итак, слушай меня. Мы постараемся держаться отдельно все оставшееся время съемок вплоть до вечера презентации, затем мы расходимся и каждый идет своей дорогой до тех пор, пока не выдвинут твою кандидатуру.

– Это невозможно!

Она проигнорировала его слова.

– Когда тебя выдвинут, мы сможем совершенно законно видеться на публике, потому что нас будет связывать общая работа, ведь ты поддерживаешь многие мои начинания. Когда ты станешь президентом, тебе уже можно будет безопасно...

– ... сделать тебя своей любовницей и протащить по черной лестнице Белого дома, – закончил Джонатан за нее. – Извини, любовь моя, но я нахожу это совершенно неприемлемым.

– Мы должны это сделать, – настойчиво повторяла она. – Я серьезно, Джонатан. Если ты не согласишься с моими требованиями, мы никогда больше не увидимся.

Джонатан внимательно посмотрел на нее.

– Ты блефуешь.

– Я не умею блефовать, Джонатан. Но у меня есть мое оружие, и я собираюсь использовать его. Если ты хочешь, чтобы мы когда-нибудь были вместе, тебе придется принять мои условия.

Вспышка гнева исказила его лицо.

– Мне совсем это не нравится, Челси.

– Тебе не нравится, что я не позволяю тебе играть роль героя? – усмехнулась Челси.

– Ты стараешься разозлить меня.

Она отвернулась.

– Возможно. Это тоже было бы решением.

– Ошибочным. Я собираюсь сказать Дженнингсу, что выхожу из игры.

– Но получится, что ты напрасно потерял столько сил и времени. Подумай, ведь у тебя уже есть своя программа. Ты смог бы реализовать ее через пять лет, даже раньше. Ты ведь хочешь этого, Джонатан. – Она посмотрела ему в глаза. – Ты знаешь, что я выполню свое обещание. Но если ты сейчас не согласишься со мной, повторяю – мы больше никогда не увидимся.

Он долго смотрел на нее.

– Боже, как ты жестока.

– Теперь ты убедился в этом? – Она повернулась от балюстрады. – Скажи Дженнингсу, что он может больше не беспокоиться на мой счет.

– Нет.

– Тогда я скажу ему сама. – Челси двинулась к стеклянным дверям. – И когда я объявлю ему об этом в своей обычной «вызывающей импульсивной» манере, то уже не соглашусь остаться даже на чай и потребую, чтобы он немедленно отвез нас в Канны. – Она открыла дверь и улыбнулась ему. – Другого выхода нет. Мы – часть истории, Джонатан. По крайней мере ты точно войдешь в нее, мой президент.

Он направился вслед за ней.

– Я не позволю тебе сделать этого, я найду способ остановить тебя.

Она предвидела такой вариант и боялась его, зная, что Джонатан упрям не хуже ее самой. Он мог стать серьезным противником. А она так надеялась, что сумеет переубедить его. Боже, неужели он вынудит ее принять крайние меры?

– Не мешай мне, – сказала она тихо. – Ради бога, не делай этого, Джонатан.

Два часа спустя Кэтлин и Алекс уже сидели в салоне авиалайнера, взявшего курс на Ниццу. Алекс просматривал предложенные стюардессой газеты, и ему в глаза бросились кричащие заголовки на первой полосе:

СРАЖЕНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ КРАКОВА С «ЧЕРНОЙ МЕДИНОЙ».

Алекс бегло прочитал заметки. Кэтлин со страхом следила за ним.

– Это произошло прошлой ночью. «Черная Медина»; ни-

когда не выступает дважды за одну неделю. Возможно, цветок был лишь предупреждением. – Алекс пытался успокоить не только ее, но и себя. Руки Кэтлин нервно сжали ручки кресла. – Надеюсь, это лишь зловещая шутка.

Ладонь Алекса мягко накрыла судорожно стиснутые пальцы Кэтлин. На мгновение ему показалось, что она отдернет руку, но она ответила на его пожатие. Впервые с тех пор, как он признался, что обманывал ее, она по собственной воле прикоснулась к нему.

Под заголовком был снимок улыбающегося Кракова среди многолюдной толпы во дворе Лувра. Многие словно одержимые стремились коснуться его, как будто он был святой. Алекс сардонически улыбнулся. Почему бы и нет? Краков выполнил свое обещание. Если и не вся «Черная Медина», то какое-то ее звено было разрушено. Возможно, как раз то, что участвовало во взрыве Сен-Антуана.

Теперь он спаситель. Он выполнил то, что от него ждали, и теперь получит от них то, что нужно ему.

Власть лежит внизу, в пыли, и нужно лишь наклониться и поднять ее.

Кто это сказал? Кажется, Наполеон во время...

– Мой бог! – Алекс вздрогнул, его пальцы смяли газету.

Кэтлин посмотрела ему в лицо.

– Что-нибудь не так?

– Ледфорд говорил, что его партнер хочет быть Наполеоном.

– Ну и что?

– Это не Далпре, а Краков хочет быть Наполеоном. Я сделал неправильное допущение, и Ледфорд охотно пустил меня по ложному следу. Согласно статье террористы убили охранника, готовя Лувру ту же участь, что и Сен-Лнтуану. Группа Кракова была начеку и патрулировала двор Лувра, чтобы предотвратить возможное покушение. Они схватили трех террористов прежде, чем те успели подложить взрывчатку. Двое были убиты на месте, третьему удалось сбежать, будучи раненным, и его надеются поймать в ближайшие несколько дней. – Алекс внимательно изучал написанное.

Кэтлин придвинулась ближе, всматриваясь в текст из-за его плеча.

– Но это бессмыслица. Краков... Невозможно! Разве не его люди убили двух террористов?

– Что сразу же ставит его выше подозрений, создает ему огромную славу и позволяет сделать следующий заранее продуманный шаг.

– Что это за шаг?

– Полагаю, стычка в Лувре будет использована как еще один аргумент в пользу идеи Объединенной Европы и сильного правительства, способного остановить терроризм и насилие. – Алекс помолчал. – Кто мог бы стать во главе такого правительства? Конечно же, наш прославленный герой.

– Но это лишь твои догадки. Ты не можешь быть уверен.

– У меня нет доказательств, но я чувствую, что все кусочки кроссворда легли на свои места. Остается лишь ждать и смотреть.

Катрин сидела за столом в кухне, ее руки сжимали чашечку со свежеприготовленным кофе. Она ожидала Питера и Маризу, обычно приходивших к ней поболтать вечерами, но их все не было...

Какое странное свечение в небе.

Катрин отставила чашечку и посмотрела в окно. Очень странный закат. Она увидела две сильные вспышки на горизонте, как будто зажглись огромные прожекторы, такие она однажды видела во время кинофестиваля в Каннах. Дени взял ее тогда с собой, и это было так весело. Все эти шикарные машины, сверкание драгоценностей и калейдоскоп знаменитых лиц. Дени был так хорош в смокинге, и: она чувствовала себя блестящей и обольстительной.

Она вдруг нахмурилась, поняв, что огни не могли быть; видны из Канн, скрытых от Вазаро холмами и утесами.

– Мадам Вазаро.

Она испуганно обернулась и увидела маленького, приземистого человека в джинсах и мятой голубой рубашке, стоявшего в дверном проеме. «Один из новых рабочих, – подумала она, – Фернео, или Феррацо, или что-то в этом роде».

– Вы напугали меня. Я не слышала вашего стука.

Он улыбнулся, и она увидела блеск металлического ствола в его руке, слегка отведенной назад. «Ракетница? Фонарь?»

– Я смотрела на это странное свечение. Вас послал ко мне...

Ей так и не удалось закончить начатой фразы.

Питер и Мариза уже достигли гребня холма на пути к Вазаро, когда Питер вдруг заметил вертолет, приземлившийся перед усадьбой. Из него один за другим стали выпрыгивать люди в черной одежде и противогазах. Это напоминало десант, высадившийся на вражеский объект.

– Что происходит? – Мариза сжала его руку. – Чего они хотят?

– Не знаю.

Ему было страшно признаться даже самому себе, но, кажется, он понял.

Потоки огня обрушились на розовые поля, и кусты гибли в их пламени.

– Огнеметы! Мой бог! Они поджигают поля.

Питер видел людей, разбежавшихся от вертолета в разных направлениях с огнеметами в руках, повсюду поднимались языки пламени.

– Мариза, ты что, не видишь?! – Рене бежала к ним по дороге от деревни.

Голос Маризы упал до шепота.

– Матерь божья, поля! Мы должны спасти поля!

– Не двигайся с места. – Питер схватил ее за руки. – Рене, скажи всем в деревне, чтобы они спрятались по домам и не выходили на улицу.

Взрыв потряс землю, и Питер инстинктивно толкнул обеих женщин на землю. Его сердце стучало резко, тяжело. «Не вздумай умирать, сукин сын, – говорил он себе. – Ты не смеешь этого, когда Мариза так нуждается в тебе». Еще один взрыв и еще. Все служебные постройки возле усадьбы взмыли в воздух обломками дерева, камня и щебенки.

– Катрин, – прошептала Мариза, – там Катрин.

– Я потом пойду... – Питер поднял голову от земли, в ужасе оглядывая дымящийся ландшафт.

Усадьба Вазаро, простоявшая на этой земле четыре столетия, взмыла к небу, охваченная потоками огня.

Мариза вскочила и побежала вниз по холму к Вазаро.

– Катрин! – кричала она.

Питер видел стремительно удаляющуюся фигурку Маризы. Ее силуэт казался таким тоненьким, похожим на куколочку, которых дети любят вырезать из бумаги. Его сердце выскакивало из груди, когда он кинулся за ней.

Она бежала навстречу гибели.

Он не слышал выстрела, но увидел красное пятно, расцветшее на ее рубашке. Она дернулась и упала.

О боже. Нет, Мариза!

Только что она, живая, стояла с ним на этой дороге.

Приземистый мускулистый мужчина, чье лицо казалось смутно знакомым, бежал навстречу Маризе, направляя на нее автомат.

– Нет!

Питеру казалось, что он движется замедленно, как бывает иногда во сне. Он не успеет опередить этого человека, Мариза умрет.

Питер подбежал и упал на ее тело. Он почувствовал боль, пронизавшую его. Один. Два. Три раза.

– Не двигайся, – прошептал он, чувствуя, как что-то теплое и соленое заполняет его рот, – пусть думает, что мы...

И замолчал, оставшись лежать неподвижно.

Больше не было выстрелов. Возможно, тот человек ушел. Возможно, Мариза спасена.

Он умирал. Смешно подумать, как тщательно он следил за собой: упражнения, отдых, размеренная работа, никаких стрессов, чтобы его сердце не сыграло с ним злой шутки.

– Питер, – прошептала Мариза, слабо шевельнувшись, – кажется, он ушел.

Она была вся в крови, но он не мог понять, насколько тяжело она ранена, так как не мог отличить ее кровь от своей. Надо было попытаться помочь ей, но его тело словно онемело, он не мог двинуться.

– Мариза, попробуй встать. В деревне люди... они помогут... Рене... беги в деревню, к Рене.

Но она лишь сильнее прижималась к нему.

– Так глупо умереть, – бормотал он.

– Мы оба будем жить. – Мариза сжала его руки, в ее глазах отражались вспышки огня. – Надо бороться.

Слишком поздно, думал он. Мариза не понимала. Насту-

пает такой момент, когда бороться бесполезно. Он не смог уберечь свою жизнь, как не смог уберечь Танцующий Ветер.

Танцующий Ветер? Почему он думал о нем?

Питер чувствовал нарастающую рвущую боль в груди.

– Мариза!

– Я здесь.

Он не хотел расставаться с Маризой. И он боялся. Боялся смерти.

Мариза попыталась сесть, цепляясь за пуговицы его рубашки.

Боль становилась невыносимой, и страх усиливался.

Он смотрел в глаза Маризы, в которых было сострадание и понимание. Прекрасные, печальные, изумрудные глаза. Опять этот Танцующий Ветер. Вдруг ему показалось, что ее глаза слились в одну мерцающую, зовущую, далекую звезду... Какой-то вихрь подхватил его и понес навстречу ей.

Царство без конца, безграничный полет, облака с золотистым сиянием.

Парадигн. Старый человек, сидящий с закрытыми глазами на троне с высокой резной спинкой.

Но вот глаза Парадигна открываются, и он смотрит на него, Питера. Это было предостережение. Почему он раньше не понял его?

Вихрь уносил его все дальше и дальше. И он уже не испытывал страха.

Вазаро пылало.

Машина резко свернула за поворот дороги, и глазам Кэтлин представилась страшная картина.

Поля, рощи, виноградники – все было объято пламенем. Огромные клубы черного дыма поднимались к небу.

– Нет! – Она даже не слышала, как этот хриплый крик вырвался из ее горла. – Нет! Этого не может быть.

Алекс увеличил скорость и рванул вниз по дороге.

– Алекс...

Они миновали еще один поворот и увидели усадьбу, пылавшую в огне. Северная сторона дома уже обрушилась до основания и лежала в гряде обломков. Жадные языки пламени лизали верхние окна готовой вот-вот обрушиться другой части здания.

– Моя мать.

– Я знаю, сейчас.

Они ехали посреди аллеи горящих лимонных деревьев.

– Мама... – Кэтлин нажала на ручку двери, как только машина остановилась. – Она в доме.

– Оставайся здесь, подальше от дыма. Я пойду за ней. Алекс выпрыгнул из машины и побежал к входной двери.

Смерть. Смерть повсюду. Вазаро умирало. И умирал дом. И смерть поджидала Алекса в доме. А она должна оставаться здесь? Нет!

Кэтлин открыла дверцу машины, запах гари и дыма наполнил ее легкие. Не обращая на него внимания, она побежала к дому. Дым разъедал ее глаза, затруднял дыхание.

– Алекс!

– Уходи отсюда, – раздался голос Алекса где-то вдали. – Я иду.

Она стояла в холле, в ужасе глядя, как языки пламени пожирают лестницу, ведущую на второй этаж.

Алекс вбежал в холл из кухни. Дым был очень густым, и Кэтлин не сразу разглядела странное выражение его лица. Потом она опустила глаза и заметила слабое тело Катрин у него в руках. Страх слегка отпустил. Мать могла потерять сознание от дыма, но было видно, что пламя не повредило ей.

– Садись в машину и поезжай в деревню, – хрипло сказал Алекс, – я положу ее пока на лужайке у дороги.

Кэтлин покачала головой и, приподнявшись на цыпочки, старалась заглянуть через его плечо в лицо матери.

– Мы посадим ее в машину и поедem к доктору. Дым... Алекс держал Катрин в руках, наполовину закрывая локтем. Кэтлин вдруг увидела то, что он пытался скрыть от нее, – крохотную аккуратную дырочку с запекшейся по краям кровью на маленьком изящном виске Катрин. Кэтлин подняла глаза на Алекса.

– Она мертва, – сказал он.

Как она могла быть мертва? Со свежей помадой на губах и маникюром цвета кофе мокко на безвольно повисшей руке. Ее голова так аккуратно причесана, все как всегда.

– Мама?

– Кэтлин, – голос Алекса был полон тревоги. – Мы должны выбраться отсюда, огонь...

Огонь. Смерть. Катрин. Вазаро.

Огонь!

Языки пламени подбирались все ближе и ближе, опаляли ее, не давая дышать.

Кэтлин дернулась и вскочила, надо было бежать, уносить Катрин, пока...

– Спокойно. – Алекс сидел возле нее на постели. Его руки крепко обхватили ее, когда она попыталась вырваться. Он весь пропах дымом, темные круги лежали у него под глазами. Она еще никогда не видела его таким измученным. – Ты в безопасности здесь, мы в доме Рене в деревне.

Она удивленно оглаживалась, вспоминая, что уже видела эту комнату. Двухспальная кровать, бледно-розовые обои, распятие на стене. Она сама преподнесла Рене это распятие – слоновая кость с золотом, подарок к свадьбе.

Память медленно возвращалась к ней. Спасена. Надолго ли? Разве в этом мире можно быть в чем-то уверенной?

– Моя мать...

– Разве ты не помнишь? Ее увезли в Грасс. Ты забыла, как мы добрались сюда?

У нее сохранилось очень смутное воспоминание о том, как они оказались в доме Рене, как кто-то осторожно умывал ее и укладывал в постель, больше ничего.

Она встрепенулась.

– Это постель Рене и Пьера. Я не должна занимать ее.

– Они в полях вместе с другими рабочими и Жаком срезают уцелевшие черенки, чтобы пересадить их.

Неужели они надеялись что-то спасти? Она вздрогнула, вспомнив черный пылающий ад, в который превратились эти поля.

– Почему это должно было произойти? Моя мама никогда никому не вредила. Вазаро...

– Не знаю, – прервал ее Алекс. – Они прилетели на вертолете. Жак говорит, что это было похоже на вражеский десант. Они точно знали, как действовать, все произошло молниеносно. Жак видел, как один из новых рабочих впрыгнул в вертолет, когда тот поднимался. Полиция считает, что это он перерезал телефонные провода, повредив связь.

– Кто это был?

– Один итальянец, Феррацо. – Алекс помолчал. – Еще он убил Питера Масквела. Мариза ранена, но думаю, что она выкарабкается.

– Боже! – Один ужас накладывался на другой. Она помолчала, пытаясь связать обрывки мыслей. – Это все из-за меня, они хотели показать мне, на что способны...

Алекс прижал ее голову к своей груди.

– Попробуй заснуть.

Она покачала головой.

– Сны...

– Я знаю.

Он понимал ее, она видела это по выражению его лица. Ему было знакомо состояние, когда, засыпая, начинаешь заново переживать весь ужас, случившийся с тобой наяву.

– Хорошо, не спи, просто отдыхай.

Он взял ее на руки и пошел с ней к креслу, баюкая в своих объятиях.

Его белая рубашка была разорвана и обожжена на плечах, и теперь она еще сильнее чувствовала запах дыма.

Он как будто почувствовал ее мысли.

– Я еще не успел сменить одежду, боялся оставить тебя. Я забыл, что это может напомнить тебе...

– Какая разница! Я не собираюсь ни забывать, ни прятаться от этого. – Напротив, запах дыма напоминал о том, что Алекс рисковал своей жизнью, помогая ей. Она прижалась щекой к его плечу. – Я слишком тяжелая, да?

Она ощущала страшную тяжесть внутри, слезы подступали к горлу, и было трудно дышать.

– Я любила ее. Я всегда любила ее.

Алекс молчал, глядя ее по голове.

– Но на самом деле я не знала ее, нет. Я всегда была слишком занята, чтобы поговорить с ней... – Руки Кэтлин нервно сжались. – Как бы я хотела теперь вернуть то время. Мне уже никогда не удастся поговорить с ней.

– Каждый из нас всегда чувствует, что задолжал своим близким, когда внезапно теряет их. Мы все совершаем ошибки. Теперь ты должна принять все как есть.

– Да. – Она еле могла говорить. – Почему они убили ее, Алекс? Я виновата в этом,?

– Нет.

В ее голосе звучали тревога и боль.

– Это же не имело никакого смысла. Такая жестокость...

– Да. – Его голос дрогнул, а руки сильнее сжали ее. – Мы поговорим об этом позже. Не думай сейчас ни о чем.

– Спасибо тебе, что ты так добр со мной.

Он судорожно и безнадежно рассмеялся.

– Я добр? Мой бог!

Она закрыла глаза.

– Да, ты добрее, чем сам себе кажешься. Доброта – это так важно. Ты сам мне сказал об этом однажды, помнишь?

– Да.

Странно, но сейчас она не чувствовала к Алексу никакой неприязни, ушли боль и обида, которые так долго мучили ее. Осталось только теплое чувство благодарности за его помощь и поддержку. И он всегда был так приветлив с Катрин! Ее горло сжала судорога. А она, Кэтлин, так часто бывала несправедлива к нему.

– Прости меня.

Он спрятал свое лицо в ее волосах.

– Не говори больше ничего. Просто отдыхай.

Она молчала, чувствуя тепло его рук и потихоньку погружаясь в приятное оцепенение.

– Алекс?

– Да?

– Ты знаешь, иногда мне кажется, что я люблю тебя.

По его участвовавшемуся дыханию она почувствовала, как он взволнован.

– Не говори этого. – Его голос звучал глухо и напряженно. – Ты будешь жалеть потом.

Но Кэтлин поняла, что она и так слишком долго закрывала глаза на очевидное, боясь сознаться в этом даже самой себе. Она теснее прижалась к Алексу, пытаясь отгородиться от жестокости этого мира, но лишь сильнее ощутила запах дыма, казалось, заполнивший все пространство вокруг нее.

Неужели Вазаро все еще горело?

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросила Челси, помогая ей подняться с колен. – Я могу чем-нибудь помочь тебе?

– Нет. – Кэтлин смотрела на гроб, опускавшийся в могилу. – Тут уже ничем не поможешь. Она ушла навеки. Все кончено.

Она смотрела на окружавшие ее знакомые лица: Жак, Пьер, Рене, много рабочих, несколько друзей Катрин из Пиццы. Джонатан Андреас не смог остаться на похороны, так как должен был сопровождать тело Питера Масквела в Западную Виргинию. Алекс присутствовал вначале, но сейчас она его не видела и вдруг резко ощутила свое одиночество.

Алекс взял на себя все хлопоты по организации похорон, отражая одновременно атаки репортеров, полиции, Интерпола и чиновников из правительства. Тогда всю первую ночь он так и провел с ней, утешая, когда она просыпалась от рыданий, и помогая снова заснуть. Теперь кошмары больше не мучили ее, боль ушла, уступив место какой-то странной отрешенности. Она двигалась и говорила точно во сне – и никто не в силах был вывести ее из этого состояния. И сейчас Кэтлин с трудом заставила себя стряхнуть оцепенение и обернулась к Челси:

– Спасибо. Ты прислала мне это платье и сумела прогнать

репортеров с их камерами с кладбища.

– Платье действительно прислала я. Но что касается репортеров, то это заслуга Алекса.

Она взяла Кэтлин под руку, стараясь поскорей увести ее от могилы. Они направились к тяжелым, украшенным литым воротам, ведущим с кладбища.

– Я собираюсь вернуться в госпиталь. С тобой все в порядке?

Кэтлин кивнула.

Они шли молча, каждая была погружена в свои мысли.

– Как только Мариза сможет покинуть госпиталь, я отправлю ее в Лос-Анджелес, – решительно сказала Челси. – У меня там хорошая охрана. Почему бы тебе не побыть с ней в госпитале до начала презентации?

Презентация. Челси рассуждала о рекламе духов так, словно ничего не случилось. Но Кэтлин знала, что это нереально, и не могла притворяться, поэтому она лишь выдавила из себя с трудом:

– Как ты добра. – На какой-то миг великодушие Челси помогло ей преодолеть апатию, но огонек оживления быстро погас. – Это все бесполезно. Мне... мне нужно вернуться назад, в Вазаро.

Челси покачала головой.

– Ради бога, ты не в себе, Кэтлин. На тебе лица нет.

– Мне надо. Ты можешь отвезти меня туда, прежде чем поедешь в госпиталь?

Челси помедлила и обреченно махнула рукой.

– Почему бы и нет? Вряд ли этот день может стать еще печальней.

Кэтлин смотрела с холма на руины усадьбы и почерневшие поля вокруг.

От оливковых и апельсиновых рощ остались лишь темные обугленные скелеты. Она уже видела все это несколько дней назад, но не могла тогда поверить своим глазам.

Она стояла теперь выпрямившись, лицом к этому черному кошмару и чувствовала острую боль и поднимавшуюся в ней холодную ярость.

– Ты не должна приходить сюда, – раздался голос Алекса совсем рядом с ней. – Неужели еще не достаточно? Ты была уже сегодня на одних похоронах.

– Мне надо смотреть на это. – Кэтлин не желала отводить глаз от черных полей. – Ты прав, это похоже на смерть... моего ребенка. Никто не имел права совершить такое.

– Должно быть, мы живем в отвратительном мире.

– Я никогда не думала так. – Кэтлин покачала головой. – Я всегда считала, что мы можем защитить наш мир от всего плохого, но, очевидно, заблуждалась.

Алекс шагнул к ней.

– Кэтлин, это еще не конец... – Он протянул руку.

– Не касайся меня.

Его рука упала.

– О'кей, я понял.

– Нет, ты не понял.

Он думал, что она будет упрекать его за жестокость, но Кэтлин не собиралась никого обвинять, кроме себя. Она просто не хотела, чтобы он снова воздвиг защитный барьер между ней и ее болью. Она не хотела расставаться с этой болью, поддерживающей ее решимость бороться до конца.

– Ты можешь понять, что я чувствую, глядя на все это? Раньше я хотела лишь вернуть Джонатану Танцующий Ветер, но теперь... Тот, кто это сделал, должен быть наказан. И я добьюсь этого.

– Ты же говорила мне однажды, что не приемлешь мести.

– Да, и ты сказал, что это потому, что никто еще не причинял мне по-настоящему зла. Скажи мне теперь, Алекс, разве всего этого мало?

– Достаточно, – сказал он. – И что дальше?

– Мы возвращаемся в Стамбул. Ты думал, я сдамся? Что еще я могу сделать? Меня всегда мучило то, что моя мать позволила отцу разорить Вазаро. – Она судорожно рассмеялась. – Теперь я сама довершила его разрушение. Надо было предупредить Джонатана. Всего один телефонный звонок – и ничего этого бы не было. Как я могла быть такой беспечной... – Ее голос сломался.

– Это не твой провал, а мой. – Глаза Алекса странно блестя на его бледном лице. – Я допустил столько ошибок. Ты не должна больше ни в чем участвовать. Я не хочу, чтобы ты подвергалась еще большей опасности.

– Стало быть, я должна оставить все как есть? Сидеть здесь и смотреть на эти поля? Моя мать мертва. Вазаро мертва, духи, в которые я вложила часть своей души, уже никогда не будут созданы...

– Смерть Катрин невозможно исправить, но остальное...

– Что? Может быть, ты думаешь, для моих духов подойдут цветы, купленные в других усадьбах? Но это будет пустая работа. Духи называются «Вазаро», и цветы для них должны быть выращены здесь, на этой земле. Посмотри на эти поля, Алекс. На них будто сбросили водородную бомбу.

– Жак говорил, что удалось срезать черенки от многих растений. Позволь мне заняться этой работой. Я обещаю, что мы...

– Нет!

Она не могла больше говорить об этом и, развернувшись, стала спускаться к дороге, где стояла машина. Смутно она понимала, что его не отпускает чувство вины и боль поражения. Но она отказывалась думать о его боли, воздвигая вокруг себя ледяную стену.

Кэтлин услышала позади себя торопливые шаги.

– Ты победила, черт побери! – Он схватил ее за руку и повернул лицом к себе. – Я хочу показать тебе кое-что. В «Никоне» Питера сохранилась пленка. Ее проявили и отпечатали снимки. – Он вытащил фотографию из внутреннего кармана. – Смотри, этот маленький приземистый человек, работающий в поле, – Антонио Феррацо. Запомни его лицо.

Он убил твою мать и Питера. Он убил бы и тебя, если бы ему представился случай.

Кэтлин всмотрелась. Человек на фотографии улыбался, а ведь он был снят всего за день до того ужаса и опустошения, которое было учинено в Вазаро под его командованием. Алекс протянул ей другой снимок.

– А это Ледфорд.

Она уставилась на снимок с загнутыми помятыми краями. Перед ней было довольно заурядное лицо, полнокровное и румяное.

– Но... они оба выглядят так обычно. – Она убрала фотографии в сумочку. – Не беспокойся, я запомню их.

– Получше запомни.

– А что с Краковым?

– Я звонил Гольдбауму и просил удвоить наблюдение за ним. – Он шел с ней рядом, лицо его приняло напряженно-сосредоточенное выражение, которое было ей так хорошо знакомо. – Сегодня же мы покинем Ниццу. Я нанял небольшой частный самолет, который приземлится в окрестностях Стамбула, вдали от официального аэродрома. Мы возьмем такси и доедем до крытого базара, где я оставлю тебя на время с Кемалем, а сам отправлюсь разведать обстановку вокруг дома. Может быть, они уже установили за ним наблюдение и нам придется поискать другое убежище.

Она одобритительно кивнула.

– А сейчас мы заедем в деревню и скажем Жаку, какие

меры безопасности следует предпринять. – Он встретился с ней взглядом, открывая дверцу машины. – Боже, что я делаю. Кэтлин, передумай, пока не поздно. Я могу отправить тебя к Андреасу, он сумеет обеспечить твою безопасность. Тебе не надо возвращаться в Стамбул.

Она ничего не ответила, сядя в машину. Выругавшись себе под нос, он захлопнул дверцу.

– Это Феррацо. Звоню из отеля «Диван» в Стамбуле.

– Меня не волнует, где ты. Где Каразов и женщина из Вазаро? – спросил Ледфорд.

– Я не нашел их. Весь день я провел в аэропорту, но их не было.

– Ты думаешь, что Каразов настолько глуп, чтобы лететь обычным рейсом? Чтобы ты мог схватить их прямо у трапа самолета?

– Но я не мог возвращаться в Вазаро. Это рискованно. Там все кишит полицейскими и Интерполом.

Брайэн вздохнул.

– Я начинаю разочаровываться в тебе, Феррацо.

– Но ведь ты сам упустил их, – защищался Феррацо. – Тебе стоило лишь приказать мне взять обоих в Версале.

– Нет! Не смей трогать Каразова. Женщина – вот твоя цель, ты, идиот. Если ты, конечно, сможешь управиться с ней.

– Я уже управился с целым Вазаро. Разве не так? – Тон Феррацо стал более уверенным. – А этих двоих надо еще

найти.

– Да, это будет нелегко. Джипси говорит, что Каразов ушел в глубокое подполье, даже ему не удалось определить его местонахождение в Стамбуле. – Он помолчал, размышляя. Как бы то ни было, но Алекс должен будет попытаться выйти на него, Ледфорда. – Каразов знает о доме на улице Оружейников.

– В таком случае надо встречать его там.

– Через три недели я приеду в Стамбул. – Голос Ледфорда был мягким, как шелк. – Женщина к этому времени должна исчезнуть. Второй твоей ошибки я не потерплю.

Не дожидаясь ответа, Ледфорд положил трубку. И так, Каразов лег на дно. Этого следовало ожидать. Он понял наконец, с каким серьезным противником имеет дело, понял, что он, Ледфорд, не прощает измены и не позволит какой-то женщине встать между ними в их поединке.

– Почему ты не хочешь убить Каразова, раз он знает о доме?

Ледфорд повернулся лицом к Кракову, сидевшему в кресле посреди комнаты.

– Он не заявит в Интерпол, не волнуйся. У меня с ним свои дела.

– Я должен быть уверен, что меня это не коснется. – Краков поднялся. – Я собираюсь дать еще одну пресс-конференцию, о дне которой объявят сегодня после полудня. Это будет последний раз, когда мы с тобой можем встретиться пе-

ред отъездом в Стамбул. Думаю, что даже телефонные звонки будут небезопасны. Когда все это закончится, я должен быть...

– ... чист, как горный воздух, – закончил за него Ледфорд, широко ухмыляясь. – Так и будет.

– Ты знаешь, что делать?

– Завтра надо подстроить телефонный звонок в полицию, содержащий угрозу.

– Операция в Стамбуле выполняется точно по нашему плану? Ты следишь за этим?

– Разумеется. Каждый выстрел прозвучит точно по твоему расписанию. – Ледфорд дружески улыбнулся ему. – Это и в самом деле замечательный план.

– Ты не раскаешься в своих действиях, когда я возьму власть, ты станешь...

– Я думаю, тебе пора уходить, – прервал его Ледфорд. Он был уже не в состоянии выносить эти самодовольные разглагольствования. – Мы не имеем права рисковать сейчас, когда так близки к успеху.

Краков кивнул.

– Я рад, что ты понял необходимость действовать крайне осторожно.

Ледфорд с усмешкой наблюдал, как Краков, по-военному расправив плечи, шагает к двери. «Бог ты мой, – думал он, – держится так, будто в него кол вогнали».

Краков помедлил у двери.

– Дай мне знать, когда окажешься в своей штаб-квартире в Стамбуле, мне нужно будет дать тебе самые последние инструкции.

– Непременно.

Улыбка не сходила с уст Ледфорда. Этот ублюдок собирается давать ему инструкции? Очевидно, восторги и поклонения, которые он принимал в последнее время, сделали его законченным идиотом. Ледфорду вдруг захотелось слегка подразнить его.

– Мне пришла в голову неплохая идея. Что, если мы убежим твою жену тоже?

Краков застыл в шоке.

– Что?

– После того как мы ликвидируем всех, кто нам мешает в Стамбуле...

– Хельгу?

Как это потрясло его! Ледфорд вынужден был опустить веки, чтобы не выдать радостного блеска в глазах.

– Почему нет? Ты мог бы играть роль безутешного вдовца, публика это очень любит.

– Я... подумаю об этом.

– Подумай при случае. Кстати, я внедрил в Лувр трех своих людей. Убрать одну женщину будет для них не слишком трудно.

– Я же сказал, что подумаю об этом, – процедил Краков сквозь стиснутые зубы. – Но не вижу в этом необходимости.

– Ты достоин большего. Стоит тебе пожелать – и ты можешь выбрать любую из белокурых длинноногих нимф твоей страны.

– Если я и сочту нужным санкционировать смерть Хельги, это произойдет не по такой смехотворной причине, – проговорил Краков с важным достоинством.

– Ну конечно.

Краков постоянно убеждал себя, что делает все это, руководствуясь патриотическим долгом, а отнюдь не для собственной выгоды. Когда долго лжешь всем вокруг, постепенно и незаметно начинаешь обманывать и самого себя. Брайэн пересек комнату и распахнул дверь перед Краковым.

– Все же подумай.

– Я дам тебе знать.

– Прекрасно.

Ледфорд закрыл за ним дверь и довольно потер руки. Он не мог затянуть удавку на шее Кракова, но почему слегка не подергать за нее. Этот упрямый тупица Краков считал его, Ледфорда, ревностным, исполнительным глупцом. Ледфорд рассмеялся. Если бы Краков знал...

Пора было приступить к следующему этапу его собственного плана. Ледфорд подошел к телефону и набрал номер пароходной компании «Белая звезда».

– Хай, бэби.

Челси стремительно вошла в больничную палату, обрушивая огромный букет роз на постель Маризы и целуя ее в

люб. Левая рука Маризы и плечо были в повязке. Вторая пуля, пройдя через тело Масквела, слегка задела одно из ребер. Девочка казалась бледной, с тревогой отметила Челси.

– Доктор сказал, что ты хорошо спала сегодня, скоро я смогу забрать тебя отсюда. – Челси опустила в кресло рядом с постелью. – Репортеры не беспокоили тебя?

Мариза покачала головой:

– Сиделки не пропускают их.

– Великолепно.

– Как Кэтлин?

– Не слишком хорошо. Двигается как автомат.

– Трудно было бы ожидать чего-либо другого. – Мариза с трудом проглотила комок в горле. – Ты была сегодня на похоронах?

– Я надеялась, что ты не вспомнишь об этом. – Челси наклонилась и взяла руку Маризы. – Я положила цветы от твоего имени.

– А Питер?

– Он будет похоронен завтра в Западной Виргинии.

Слезы набежали на глаза Маризы.

– Он спас мою жизнь, ты знаешь?

– Я знаю. Рене все видела с холма и рассказала нам.

– Он был моим другом, мама. – Две слезинки скатились по щекам Маризы. – Он был так нежен и добр и... я никогда больше не встречу никого, кто был бы мне так близок и дорог.

– Пусть он будет с тобой всегда, никогда не забывай о нем. – Челси сжала руку Маризы. – Я ему безмерно благодарна, он спас самое дорогое для меня.

– Джонатан поехал с ним? Челси кивнула.

Мариза прикусила нижнюю губу.

– Он был таким одиноким. Эта его тетушка, о которой он не мог постоянно заботиться, и больше никого в живых из всей семьи.

– Джонатан был ему хорошим другом.

– Да... – Мариза вытерла мокрые щеки углом простыни. – Ты собираешься выйти за него замуж?

Глаза Челси расширились от изумления.

– Что?

– За Джонатана. Он хороший, и ты любишь его. Вы собираетесь пожениться?

– Боже, что ты болтаешь! Разве я восемнадцатилетняя девочка, которой не терпится стать взрослой? У меня уже есть ты, и мы счастливы вдвоем.

– То время, когда мы были только вдвоем, уже закончилось, мама. Не думай обо мне. Выходи за него.

– Ты так стремишься избавиться от меня?

– Я пытаюсь развязать узел, который ты затянула на своей шее.

– Что за нелепое сравнение. – Челси недовольно поморщилась. – Я не нуждаюсь во всем этом фальшивом оперении, меня не интересуют условности. – Она избегала пристально-

го взгляда Маризы. – Ты действительно хочешь продолжать этот бессмысленный разговор?

– Да.

– Боже, как ты упряма. – В замешательстве Челси водила пальцем, вычерчивая какой-то непонятный рисунок на простыне. – Он должен стать следующим президентом Соединенных Штатов, девочка.

– Что из того?

– Ты знаешь, что я...

– Святые небеса, он сумеет защитить тебя.

– Я не желаю говорить об этом.

– О'кей. – Мариза помолчала. – Есть более важные вещи, о которых нам надо поговорить.

– О чем ты?

– Не вмешивайся в это дело. Пусть им занимаются власти.

– Разве можно полагаться на официальное правосудие в наши дни? Не думаю, что оно на что-то способно. А ведь я едва не потеряла тебя.

– Но я не умерла и верю, что все постепенно наладится.

– Феррацо не имеет права на жизнь, равно как и Ледфорд.

– Это не наша забота, мама.

– Как ты покорна. – Челси прямо встретила ее взгляд. – Послушай, если бы это я лежала в постели? Что бы ты тогда захотела сделать?

– Я бы заботилась о тебе.

Челси наклонилась и поцеловала ее.

– Взгляни правде в глаза. У тебя мои гены, девочка. Ты рождена для борьбы, ты сильная, как и я. – Она встала и взяла букет. – Его надо поставить в воду.

– Мама, не делай ничего...

– Не волнуйся. Я не воображаю себя Рэмбо. И я не вступлю в игру, пока ты не окажешься дома в Калифорнии. Так что, возможно, Алекс с Кэтлин сумеют раздавить этих ублюдков раньше, чем я доберусь до Стамбула.

Мариза покорно склонила голову.

– Дай бог, чтобы так случилось.

Время уже близилось к полуночи, когда Кемаль с Кэтлин добрались до дома на Босфоре.

Алекс стоял в кухне, наблюдая за входной дверью.

– Я приготовил кофе, желаете?

– Нет, спасибо. – Кэтлин быстро прошла через гостиную в свою комнату. – Я слишком устала. Спокойной ночи.

– Она стала совсем другой. – Кемаль беспокойно уставился на дверь, за которой скрылась Кэтлин. – Мне это не нравится.

– Полагаешь, я не вижу? – Тон Алекса был почти свирепым, когда он разливал кофе по чашечкам. – Она не говорит, не улыбается. Она вообще отсутствует. Все это началось с того дня в Вазаро.

– Шок, – сказал Кемаль. – Я видел, это иногда случалось с детьми в гареме. Они не хотели верить в то, что с ними случилось, и замыкались в себе.

– И как долго это продолжалось?

– У некоторых – годы, – сказал Кемаль. – Но с Кэтлин другая ситуация. Она стремится победить свой страх, у нее началась обратная реакция. – Он прямо посмотрел в глаза Алексу. – Когда мы с ней ждали, пока ты проверишь дом, она просила меня помочь ей пробраться в гарем, чтобы разузнать об Аднане.

– Боже...

– Я сказал ей, что это плохая идея. Аднан вообще не показывался с тех пор, как вы покинули Стамбул.

– Где он, черт возьми, может скрываться?

– Прошло всего семь дней, – напомнил Кемаль. Семь дней вины и боли. Его, Алекса, вины и боли Кэтлин. Алекс стиснул кофейную чашечку.

– Она не должна ни в чем участвовать, это слишком опасно.

– Она переполнена ненавистью к Ледфорду. Мечь помогла бы ей выйти из этого оцепенения.

– Нет. Это может окончательно разрушить ее личность. У нее другие моральные принципы, и мечь она всегда считала чем-то недостойным. Теперь она может оказаться на грани помешательства.

– Тогда что ты предлагаешь?

– Надо сделать все, чтобы заставить ее перестать думать о смерти и вспомнить о жизни.

Кемаль вопросительно поднял брови.

– Танцующий Ветер, – сказал Алекс. – Она чувствует, что все потеряно, но остается еще Танцующий Ветер.

– Я не понимаю. Он ведь тоже потерян.

– Да, он потерян. Но загадка его остается. – Алекс в два глотка допил свой кофе. – Попытаемся, черт возьми. Ничем другим я сейчас не могу ей помочь. – Он поставил чашечку на блюдце. – Масквел должен был отправить свой перевод на «Америкен экспресс» за день до гибели. Я хочу, чтобы ты забрал посылку завтра утром и принес Кэтлин.

Кемаль кивнул.

– Думаю, она оценит, что ради нее я делаюсь мальчиком на побегушках.

– Не думаю, что она вообще может воспринимать сейчас реальность, – устало заметил Алекс.

– Все меняется. Терпение, друг мой.

Алекс посмотрел на закрытую дверь комнаты Кэтлин.

– Ты предлагаешь ждать? Нет, я должен попытаться вывести ее из этого состояния как можно скорее.

– Я принес подарок. – Кемаль стоял перед закрытой дверью в комнату Кэтлин. – Выйди и улыбнись. Он должен тебе понравиться.

Впустив его, Кэтлин быстро закрыла за ним дверь.

– Что это?

Кемаль с радостным видом поставил широкую коробку на кофейный столик.

– Тебе повезло, что я сильный, как бык. Другой бы сло-

мался под такой тяжестью.

– Что это? – с внезапно вспыхнувшим любопытством спросила Кэтлин.

– Не знаю. – Кемаль достал нож и начал разрезать верхнюю упаковку. – Что-то связанное с Танцующим Ветром. Алекс сказал, что это от Масквела.

– Питер...

Она ощутила резкую боль, вспомнив свой последний разговор с ним по телефону. Как он был добр и терпелив с ней!

Глазами, полными боли, она следила за Кемалем, открывавшим коробку.

– Три проектора. – Кемаль вытащил первый, затем последовал прямоугольный сверток, который он протянул ей. – Почти такой же тяжелый, как и проектор.

– Перевод!

Как же долго ждала она его. Возбуждение вырвалось наружу, освобождая ее от скованности последних дней.

Кемаль достал из коробки следующий сверток и также протянул ей.

– Сколько тут разных сокровищ!

Она открыла пакет и заглянула внутрь, затем быстро завернула опять.

– Одни фотографии.

Кемаль протянул руку.

– Можно мне?

Кэтлин помедлила, затем протянула ему сверток. Кемаль

начал рассматривать фотографии.

– Я люблю цветы. Как прекрасно было твое Вазаро.

– Да, было.

Он поднял на нее глаза, светящиеся состраданием и симпатией.

– Ты жила этой радостью, и теперь ее больше нет у тебя.

Постарайся найти другие. Надо заставить себя посмотреть в лицо жизни.

– Я видела ее лицо.

– Оно очень изменчиво. Сейчас ты видишь все в черном цвете. Но я... Кто это? – Он с интересом уставился на одну из фотографий.

Кэтлин взглянула.

– Мариза Бенедикт.

– Молодая девушка, которую ранил этот сукин сын Феррацо? – Выражение лица Кемалья стало суровым.

– Да.

Кемаль продолжал изучать снимок.

– В ней чувствуется что-то необычное. – Он задумчиво рассматривал лицо Маризы. – Она никогда не смеется, верно?

Кэтлин недоумевающе нахмурила брови.

– Что ты имеешь в виду? Разумеется, она не ходит с вечно недовольным лицом, но... – Кэтлин остановилась, сообщив, что она и в самом деле никогда не слышала смеха Маризы.

Кемаль кивнул.

– Она улыбается, но не смеется. Это нехорошо. Кто-нибудь должен научить ее смеяться.

– Ей пришлось много пережить. Но как ты догадался?.. – В голосе Кэтлин звучало изумление.

Кемаль таинственно улыбнулся:

– Древние китайцы умели читать по выражению лица. Я занимался их наукой одно время.

– На какой-то момент я почти поверила в твое хваленое второе зрение, – вяло улыбнулась Кэтлин. – Ты неплохо усвоил эту науку.

– Да. – Он вдруг убрал снимок в карман своих джинсов. – Я подержу его у себя. О'кей?

– Если тебе так хочется.

– Мне очень хочется этого. – Он снова стал доставать проекторы из коробки. – Теперь я отнесу все это в кабинет и подготовлю для работы. Пойдем со мной, ты покажешь, где лучше установить их.

Он быстро направился к кабинету. Оживление не покидало Кэтлин. Бережно прижимая к себе сверток с переводом, она двинулась вслед за Кемалем.

– Один мы поставим на стол, а остальные два разместим по углам, что позволит...

– Напоминает стереофильмы, – пробормотал Кемаль, уставившись на голограмму Танцующего Ветра.

Шторы на окнах были задернуты, в комнате царил по-

лумрак. Кэтлин и Кемаль стояли на коленях на полу, уставившись на голограмму Танцующего Ветра. Даже при таком тусклом свете Алекс, стоящий в дверях кабинета, мог заметить оживленное, открытое выражение лица Кэтлин, и он вдруг почувствовал укол ревности. Кемалю удалось развеять ее оцепенение, ему – нет.

Алекс чувствовал себя лишним, одиноким, никому не нужным. Эти двое прекрасно ладили друг с другом. Ему пришлось потоптаться на месте, чтобы они заметили его.

– Ах, это ты, – сказал Кемаль. – Садись и любуйся на это чудо. Сплошная магия.

Алекс заметил, как напряглась Кэтлин, ее улыбка угасла, когда она взглянула на него. Вот как! Ей неприятно его присутствие!

– Ты рано ушел сегодня. Где ты пропадал?

– В музее у Модуха.

– Зачем?

– Я подумал, что у него было достаточно времени, чтобы вспомнить, где он видел похожую надпись.

– И он вспомнил?

– Да. Но прежде мне пришлось выслушать целую лекцию о том, какую работу он проделал, отбрасывая кучу ненужных вариантов. Ты можешь гордиться мной. Я допрашивал его с предельной настойчивостью.

– Я представляю себе. Когда тебе что-нибудь нужно, ты вливаешься в человека, как клещ. Ну и где же он видел то,

что нас интересует?

– На раскопках, в горах возле Тарсуса, точнее, у деревушки, называемой Тамкало. Это происходило пять лет назад. Раскопки были заброшены из-за прекратившегося финансирования, и наиболее ценные находки отправили в музей Анкары, хотя местные жители и просили оставить их для построенного ими примитивного музейчика. Им хотелось привлечь в свои горы больше туристов с побережья. – Он помолчал. – Но табличка с надписью была найдена не в результате раскопок. Обломок ее принес какой-то выходец с гор – ребенок или рабочий.

– Как Моисей, он спустился с горы, прижимая к груди драгоценные скрижали, – мечтательно произнес Кемаль.

– Еще покруче, – ответил Алекс. – Он попросил заплатить за его сокровище наличными, что и было сделано. Нашел он этот обломок в какой-то пещере.

– Значит, остальная часть таблички тоже должна быть где-то там, – сказала Кэтлин.

– Возможно.

Кемаль встал и выключил проектор.

– Следовательно, мы отправляемся в Тамкало.

– Это мы с Кэтлин отправляемся в Тамкало, – сказал Алекс. – А ты останешься здесь и будешь караулить Ирмака и Ледфорда.

– Прекрасно. Терпеть не могу карабкаться по горам. – Он усмехнулся. – Придется мне на время перебраться сюда, что-

бы следить за вашей собственностью.

– Мы оценим твою жертву.

– Да, у меня большое сердце. Когда отправляетесь?

– Завтра утром.

– Я найму джип и пригоню его к вашим дверям вместе со всем необходимым оснащением.

– Но учти, что мы обойдемся без золотых крючков на тен-те.

– Какая жалость. Я как раз знаю, где их раздобыть, и приготовился запросить за это повышенный гонорар.

– Полагаю, что твой гонорар и так уже достаточно высок.

– Мне тоже так кажется. Джип будет стоять снаружи у ворот в шесть утра. – Кемаль протянул руку. – Мне надо сделать собственный ключ от этого дома, раз я собираюсь здесь за всем присматривать.

Алекс достал из кармана и протянул ему латунный ключ, отпиравший ворота и входную дверь.

– Ты уверен, что это не будет тебе в тягость? Я бы не хотел ставить тебя в затруднительное положение.

– Положись на меня. Все будет хорошо. – Кемаль ласково улыбнулся Кэтлин. – Эта прогулка пойдет тебе на пользу. Ты прогонишь из памяти все плохое и залечишь свои раны.

Не дожидаясь ответа, он покинул кабинет. Алекс пошел проводить Кемалю до дверей.

– Я постараюсь звонить тебе каждый день, чтобы постоянно быть в курсе дела. Ты должен оставить свою лень и найти

наконец Ирмака.

– Но я и так сбился с ног. – Резковатый тон Алекса слегка удивил Кемалья, но потом он понимающе улыбнулся: – Не сердись. Я тут ни при чем. Это все статуэтка, из-за нее она так оживилась.

Алекс знал, что Кемаль прав. Но, черт побери, Кэтлин никогда раньше не смотрела на него так отчужденно и враждебно.

– Не понимаю, о чем ты. Я рад, что идея с Танцующим Ветром сработала.

– Для тебя это оказалось болезненным. Ничего, все устроится со временем.

И Кемаль закрыл за собой дверь.

– Мы что, в самом деле завтра отправляемся? – спросила Кэтлин, стоя в дверях кабинета.

– Конечно.

Он лишь мимоходом взглянул на нее, отправляясь в свою комнату.

Ревность. Боже, в нем бушевала ревность. Он ревновал к Кемалю, к проклятому переводу, к Танцующему Ветру. Никогда раньше он не испытывал ничего подобного.

Ему вдруг захотелось взять и встряхнуть ее. Если бы она хоть раз посмотрела на него так, как в те их первые дни в Париже! Рассудком он понимал, что это нереально, нужно было набраться терпения, как рекомендовал Кемаль. Но чувства не подчинялись доводам рассудка. Он так хотел помочь ей, а

она все больше уходила в себя, отгораживаясь от него. Нет, подумал он горько, не надо лгать хотя бы самому себе. Помочь ей – это не все, к чему он стремился. Он тосковал по ее телу, вспоминая, как трепетало оно в его объятиях, как мгновенно отзывалось на его ласки, он тосковал по ее дружескому участию, помощи, поддержке – по ее любви.

Кэтлин перевернула следующую страницу и положила ее рядом с собой на покрывало.

– Спи лучше, – сказал Алекс. – Завтра тебе придется карабкаться по горам.

– Мы же пойдем коротким путем. – Кэтлин все никак не могла оторваться от перевода.

– И тем не менее я бы не хотел тащить тебя на себе.

Она подняла глаза.

– Тебе не придется тащить меня, я смогу идти сама. – Она вдруг усмехнулась. – Это не мои слова. Так ответила Ясинта Андросу.

– Что?

– Когда они покидали Трою. – Она задумчиво смотрела на огонь. – Ясинта сказала, что сможет идти так же быстро, как и он. Ты знаешь, Андрос был из народа шардана, и я думаю, что и надпись могла быть на их языке. Мне почему-то кажется, что это именно Андрос сделал надпись на статуэтке после того, как покинул Трою. Может быть, он хотел, чтобы потомкам стала известна его история.

– Почему ты так думаешь?

– Ни в одной из первых легенд о надписи ничего не говорится. Дается только детальное описание статуэтки.

– Возможно, о ней просто забыли упомянуть.

– Почему же тогда традицией семьи стало вести свою историю от Андроса – об этом пишет Катерина в своем дневнике. И все же... – Кэтлин вдруг нахмурилась. – Странно...

– Что?

– Андрос был воином, а не мыслителем, не таким человеком, который стремится сохранить для потомства память о себе.

– Откуда ты знаешь, каким он был?

– Прочитай эти легенды, я думаю, ты согласишься со мной.

– Возможно, завтра я это и сделаю. Кто были эти шарданы?

– О них слишком мало известно. Они держали в тайне свои законы и обычаи и не оставили никаких документов. Древние египтяне считали их морскими разбойниками. Они устрашали противника в битвах своей силой и ловкостью, одно время они атаковали и побережье египтян, но позже многие из них стали наемниками у фараонов. Никто не знает, почему из врагов они превратились в слуг.

– Надеюсь, ты не собираешься посвятить выяснению этого вопроса сегодняшнюю ночь? – Алекс отвернулся от нее, застегивая «молнию» на своем спальном мешке. – Спи!

– Еще минуту.

– Немедленно.

В его голосе было столько свирепости, что это изумило ее. Читая историю Андроса, она забыла обо всем на свете и не чувствовала растущего напряжения Алекса. Только теперь она заметила, что он еле сдерживает себя. Не стоило доводить дело до ссоры. К тому же он прав, ей надо быть в форме завтра.

Подъем оказался гораздо более трудным, чем это представляла себе Кэтлин. Не удалось дойти до пещеры даже после полудня. Узенькая тропинка местами обрывалась и совсем пропадала, и им приходилось шагать по ямам и валунам.

Когда же наконец их взорам открылась широкая впадина из известняка, Кэтлин чувствовала себя так, будто карабкалась уже много дней, а не часов. Рюкзак оттягивал ей плечи и весил, казалось, целую тонну.

Алекс обернулся и протянул ей руку, помогая взобраться на выступ.

– Все в порядке? – Впервые за время подъема он заговорил с ней.

Она кивнула, тяжело дыша и вытирая шарфом пот со лба.

– Стой здесь. Я должен проверить, что там внутри. Он исчез в глубине пещеры.

Она постояла немного, отдышалась и двинулась за ним.

Свет проникал в пещеру со стороны входа. Свод над головой Кэтлин поднимался в высоту до тридцати футов, но не

чувствовалось ни сквозняков, ни холода. Было почти жарко внутри. Кэтлин видела очертания булыжника и валунов и мерцание фонарика Алекса, шедшего к ней.

– Ты, как всегда, не считаешь нужным подчиняться моим инструкциям.

– Как далеко в глубину уходит пещера?

– Ярдов на четыреста. Здесь так тепло потому, что в глубине есть горячий источник. – Он шутливо улыбнулся. – Но я не заметил никаких древних символов или надписей на стенах.

– Я на это и не рассчитывала. – Кэтлин стащила с плеч рюкзак и бросила его на землю. – Здесь поблизости нет никаких деревьев, мы не сможем разжечь огонь. Хорошо, что в пещере так тепло. Давай разобьем здесь лагерь. Поиски можно будет начать с рассветом.

– Я удивлен, что ты не хочешь начать их прямо сейчас. Она проигнорировала его язвительный тон.

– Если пещера действительно так мала, как ты говоришь, это будет несложной задачей. Думаю, за день мы с этим справимся. – Она встала на колени и принялась расстегивать рюкзак. – Я хочу успеть прочитать следующую легенду в дневнике, пока не наступили сумерки. – Она обернулась лицом ко входу и, избегая встречаться с ним взглядом, продолжала: – Прошлым вечером я готовила еду, теперь твоя очередь.

Прихватив перевод из рюкзака, Кэтлин двинулась к выхо-

ду из пещеры и удобно устроилась снаружи, облокотившись на известковую бугристую выпуклость стены.

Долина простиралась перед ней – мрачная, безжизненная, освещенная поздними лучами солнца.

Она слышала шаги Алекса в пещере, и ей хотелось совершенно отгородиться от него, погрузившись в чтение дневника. Но не успела она пробежать и трех страниц, как Алекс вышел к ней.

– Дай мне прочитать первую легенду.

Она подняла глаза.

– Сейчас?

– Ты же хотела, чтобы я прочитал. – Он сел с ней рядом и взял первые страницы. – А что мне еще остается теперь делать?

Алекс перелистывал отпечатанные страницы с невиданной быстротой, и Кэтлин вспомнила, как он рассказывал ей о своем методе скорочтения в ее лаборатории в Вазаро.

Она попыталась сосредоточиться на легенде, говорившей о прибытии Андроса и Ясинты в Александрию, но это ей удавалось с трудом. Слишком сильно чувствовалось присутствие Алекса, читавшего главу о последних днях Трои. Она сама уже дважды читала этот текст, и теперь содержание легенды вставало перед ней как на экране.

Андрос, Ясинта и Парадигн.

И Танцующий Ветер.

Золотая статуэтка Танцующего Ветра была восемнадцать дюймов в высоту, и каждый ее дюйм был истинным совершенством. Дивные зеленые глаза из изумрудов чистой-шей воды, изящные филигранные крылья, взметнувшиеся за его спиной, как от порыва ветра. Жемчужины поблескивали перламутром на легких облачках, по которым он бежал, а основание статуэтки украшали четыреста сорок семь бриллиантов.

– Что скажешь, Андрос? – Парадигн протирал мягким кусочком ткани изящную поверхность крыла. – Неужели такая красота должна умереть?

– Я думаю, ты сумасшедший, – резко сказал Андрос. – Царь приказал тебе бросить эту статуэтку в огонь, чтобы она превратилась в бесформенный кусок металла. Что будет, если он узнает о твоём непослушании?

– Тогда он прикажет сжечь меня вместо нее. – Парадигн продолжал любоваться Пегасом. – Налей себе кубок вина, я хочу кое-что обсудить с тобой.

– Что ж, говори. У пленника нет другого выбора, как только подчиняться победителю. Я слушаю тебя.

– Боюсь, что ты неправильно настроен по отношению ко мне.

– О да, ты – исключение. Я всегда недоумевал, почему ты

заступился, когда твой брат осудил меня на смерть.

– Я подумал, что ты можешь пригодиться мне. Ты смелый человек, и у тебя есть понятие о чести. – Парадигн закончил протирать статуэтку и отодвинулся назад, любуясь ею. – Во имя Зевса, разве это не изумительная красота?

– Ее надо убрать, – сурово сказал Андрос. – Я согласен, она слишком прекрасна, чтобы превратиться в бесформенный слиток, но ты должен хотя бы спрятать ее. Твой брат считает, что она обладает магической силой и именно эта сила заставила Траянора предать свой народ.

– Мой брат далеко не всегда оказывается прав. Еще в детстве я замечал, что мой брат действует, повинуюсь не рассудку, а страсти или алчности. – Он поморщился. – Я мог бы стать царем по праву первородства, если бы не мои изуродованные болезнью ноги... и вполне возможно, что мы не сидели бы теперь за стенами осажденного города, с минуты на минуту ожидая гибели.

Андрос в задумчивости потягивал вино из кубка. Ему хотелось, чтобы Парадигн скорей прекратил эти пространные рассуждения и прямо сказал, зачем вызвал его к себе из тюремной клетки. Уже не в первый раз брат царя посылал за ним, достаивая своей беседой и предлагая кубок вина. Но теперь, когда город с минуты на минуту ждал вторжения врага, это казалось странным.

– Рано или поздно каждому придется умирать. Но незачем дразнить смерть, разжигая гнев твоего брата.

– Однако ты не слишком боялся его, когда он допрашивал тебя с плетью в руках. – Парадигн улыбнулся. – Ты мог бы открыть ему то, что он хотел, и получить свободу.

Неожиданная вспышка веселья озарила лицо Андроса.

– Куда бы я ускакал на его коне? Я человек моря, а не суши и не похож на вас.

– Нам это хорошо известно, – сухо заметил Парадигн. – Ваши корабли плавают вдоль побережья и налагают дань на города еще со времен отца моего отца.

Андрос пожал плечами.

– Все государства не прочь повоевать и пограбить, когда чувствуют, что это им удастся. Моему народу это удавалось лучше всех остальных.

– И следствие этого – огромные сокровища, собранные на вашей земле. – Парадигм тоже налил себе кубок вина. – Понятно, почему мой брат так стремился узнать местонахождение твоей родины. Ты верно сказал, мы не прочь пограбить. Враг, осадивший сейчас наши стены, кричит о мести. Но и он хочет сокровищ и рабов. Тебе крупно не повезло, что твой корабль разбился у наших берегов.

Андрос сжал кубок.

– Мне нет дела до греков, но я не хочу покорно ждать гибели в осажденном городе. – Он улыбнулся, обнажив сверкающие зубы. – Дай мне меч и увидишь, как я сумею пробить себе дорогу к свободе.

– Я не сомневаюсь в твоей храбрости. Скажи мне, в твоей

стране тоже много таких прекрасных предметов, как в моей сокровищнице?

Андрос снисходительно улыбнулся.

– У нас такие сокровища, что тебе даже трудно представить. Они слишком драгоценны, чтобы их можно было с чем-нибудь сравнить.

– Тогда зачем же ты хотел грабить нас?

Андрос замер в молчании.

– Ты не можешь ответить на такой простой вопрос? – улыбнулся Парадигн, поднося кубок к губам. – Что за таинственный народ вы, шарданы? Появляетесь из ниоткуда, разрушаете и грабите, как обычные морские разбойники, а затем ваши корабли бесследно тают в тумане, и мы вновь должны довольствоваться только слухами и предположениями. Я начинаю сочувствовать своему брату.

– Посочувствуй лучше моим людям, которых твой брат принес в жертву Посейдону. – Андрос стиснул зубы. – Это были честные и храбрые люди.

– Но они были врагами.

– Это я был врагом, – сказал Андрос. – А они – всего лишь моими людьми. – Он осушил до дна свой кубок. – Их можно было сделать рабами, а не убивать. Боги не хотели этой жертвы. – Он повернулся к Парадигну. – Но не собираюсь враждовать с тобой, старый человек. Я наслаждался часами, которые мы проводили вдвоем. Что ты хочешь от меня? Может быть, удара кинжалом в сердце, чтобы избежать насиль-

ственной смерти от руки врага?

– Нет. – Парадигн кивнул на статуэтку. – Что ты знаешь о Танцующем Ветре?

– Ты говорил, что ваши враги дали ее в качестве подкупа Траянору, чтобы он открыл им Западные ворота. Солдаты ворвались и чуть не захватили город.

– Да, еще одна такая вылазка, и город падет. Но болезни и страх, царящие в городе, могут разрушить его еще быстрее, чем предательство. Траянор не был храбрым человеком, но ценил прекрасное и знал, что за красоту порой приходится платить жизнью. Знаешь, о какой последней милости он попросил перед смертью?

Андрос отрицательно покачал головой.

– Увидеть Танцующий Ветер. – Парадигн усмехнулся. – Неудивительно, что мой брат вообразил, будто в статуэтке заключена магическая сила. Мой брат умеет только сражаться, он не понимает величия прекрасного. – Он взглянул на Андроса. – А ты понимаешь. Я наблюдал, как ты смотрел на Танцующий Ветер. Это было восхищение, а не алчность. – Парадигн помолчал. – Я не хочу бросать статуэтку в огонь и не желаю, чтобы она снова вернулась в руки врага. Следовательно, ты должен унести ее отсюда, не дожидаясь следующей атаки.

Внешне Андрос сохранял спокойствие, но в его сердце загорелась надежда.

– Я не ослышался? Ты действительно сказал это? Ведь го-

род окружен.

– Это очень старый город. Его брали и разрушали много раз. – Парадигн, хромая, добрался до дальней стены и отогнул ковер, показывая небольшую деревянную дверь в стене. – Этот ход уведет тебя далеко от гибнущего города.

– Твой брат знает о нем?

Парадигн кивнул:

– Но он не воспользуется им. Его голова полна мыслями о славе, чести и ненависти. Он предпочтет умереть здесь, а не бежать.

– Ему видней. Но я не настолько глуп. Я с радостью возьму Танцующий Ветер и уйду отсюда. – Андрос подошел к статуэтке. – Но мы можем бежать вместе.

– Я остаюсь.

Андрос посмотрел на него в изумлении.

– Этот город – мой дом. – Парадигн скривил губы в усмешке. – Возможно, я так же глуп, как и мой брат. – Он нагнулся и взялся за железное кольцо, чтобы открыть дверь: – Но ты пойдешь не один. Твой спутник уже ждет тебя в туннеле с мечом, фонарем и запасом еды на первое время... – Он прервался, услышав лязг металла и крики во дворе. – Враг атакует стены! Поторопись. На этот раз они прорвутся. – Парадигн бережно передал ему статуэтку. – Положи ее в этот ларец и беги.

Андрос повиновался и, уже взявшись за кольцо, спросил:

– Кто ждет меня в туннеле?

– Ясинта.

Андрос застыл на мгновение и покачал головой.

– И ты тоже поддался ее чарам, старый человек?

– Тут совсем другое. – Парадигн пожал плечами. – Я спасаю ее, как спасаю Танцующий Ветер. Красота не должна погибнуть.

Андрос помедлил.

– Идем с нами, здесь тебя не ждет ничего, кроме смерти. Я смогу помочь тебе.

– Ты потащишь меня на своей спине? Нет, я предпочитаю умереть здесь, среди моих сокровищ, чем в чужой стране. Пусть боги хранят вас обоих. – Он прислушался к звону мечей и шуму голосов во дворе. – Спешу, ты должен быть подальше от стен, когда они подожгут город, иначе дым проникнет в туннель, и вы задохнетесь.

Не дожидаясь ответа, он быстро захлопнул дверь и опустил на нее ковер, оставив Андроса в темноте.

Языки пламени вздымались в ночное небо, казалось, что они уже пожирают звезды.

Андрос стоял на холме, не отрывая взгляда от этой величественной и страшной картины.

– Он был храбрым человеком, – сказала стоявшая рядом Ясинта. – Я всегда сочувствовала ему.

– Ты говоришь о Парадигне?

– О ком же еще? – Она стояла, прислонившись к серой скале, с ужасом глядя на гибнущие стены. – Никто, кроме

него, в этом несчастном городе не заботился обо мне.

– Они не любили тебя.

– Неужели ты веришь всем их сплетням и выдумкам?

– Я верю лишь в то, что могу видеть, слышать или ощущать. – Он поднял ларец с Танцующим Ветром. – Но, признаться, от тебя я ожидал другого. Ты не капризна, как другие красивые женщины, за все время, что мы шли через туннель, я не слышал от тебя ни единой жалобы. Думаю, мы и дальше можем отправиться вместе.

– И куда же мы пойдём?

– На юг, к побережью Египта. Я бы нанялся на службу к фараону, чтобы заработать денег и построить лодку для возвращения в Шардану.

Она опустила глаза.

– Ты мог бы продать несколько драгоценных камней с Танцующего Ветра.

Он покачал головой.

– Парадигн просил сохранить его сокровище, и я не могу обмануть его. – Он пристально посмотрел на нее. – Полагаю, ты должна была заранее знать мой ответ.

– Я лишь надеялась, что твой ответ будет таким. – Улыбка озарила ее прекрасное лицо, и Андрос вдруг понял, почему Парадигн так беспокоился о ней. Боги свидетели, как и большинство других мужчин, он не мог устоять перед ее женской красотой. Андрос поспешно отвернулся. – Итак, ты идешь со мной? Дорога трудна, и я буду обращаться с тобой

как с женщиной, а не как с богиней.

– Как раз этого я и хотела. – Она в последний раз взглянула на охваченный пламенем город. – Парадигм был единственным, кто понимал это.

Она подхватила фонарь и сильнее запахла в свой дорожный плащ.

– Дай мне этот узел с едой. Ты должен нести ларец.

Он помедлил, разглядывая ее стройное хрупкое тело.

– Я могу нести и то и другое, это не тяжело.

Но она подхватила узелок с едой и быстро пошла вперед по дороге.

– Хватит спорить. Дорога долгая, и я должна взять на себя часть тяжести. Я сумею не отстать от тебя, Андрос.

Андрос остановился в изумлении, потом улыбнулся. С этой женщиной не возникало никаких затруднений.

Он догнал Ясинту, и они зашагали рядом в свой далекий путь на юг.

Больше они ни разу не оглянулись на гибнущую Трою.

Алекс перевернул последнюю страницу легенды и в задумчивости посмотрел на расстилавшуюся перед ними долину.

– Ну как? – спросила Кэтлин.

– Они отправились на юг, вдоль побережья.

– Да.

– Тамкало не слишком далеко от берега. Кэтлин удивленно подняла на него глаза.

– Ты думаешь, это Андрос оставил здесь таблички по пути в Египет?

– Я не говорил этого. Но можно допустить и такую возможность. Ты рассказывала, что шарданы были очень замкнутым народом – не осталось никаких вещественных доказательств их существования. Но у нас есть надпись, которую, как ты предполагаешь, сделал Андрос. Кроме того, мы находим табличку с похожей клинописью на его возможном пути из Трои в Египет. Но все это только догадки. Может быть, тут нет никакой связи, а лишь простое совпадение.

– Действительно, зачем бы ему понадобилось отклоняться от прямого пути и залезать на гору?

– Да, мы соединили еще не все кусочки. – Он подровнял страницы и протянул их Кэтлин. – Но если эта легенда точна, то я согласен с тобой, Андрос – не тот человек, который

захотел бы оставить свою историю потомкам.

Она рассеянно укладывала страницы в сверток. Мысль, что Андрос с Ясинтой могли оказаться в этом мрачном глухом месте и даже в этой самой пещере, вызвала у нее чувство тревоги.

– Почему это так беспокоит тебя?

– Вовсе нет. – Она встала и направилась ко входу в пещеру. – Становится холодно, лучше будет укрыться внутри.

Алекс глянул в свинцово-серое небо.

– Мне не нравятся эти облака. – Он нахмурился. – Думаю, надо начать поиски сейчас и поскорей убраться отсюда. У меня нет ни малейшего желания попасть здесь в снежную бурю.

– Хорошо. – Она тоже не хотела застрять вдвоем с Алексом в этой пещере. – Бери фонарь и пошли!

Табличка оказалась позади валуна у горячего источника в дальнем конце пещеры.

Они обнаружили ее после трехчасовых поисков. Сердце Кэтлин едва не выпрыгнуло из груди, и она опустилась на колени перед своей находкой. Табличка была около девяти дюймов в ширину и двенадцати в высоту, и левый угол у нее был отломан. Кэтлин не верила такой удаче.

– Это оказалось слишком легко, – прошептала она. – Невероятно, валялась почти на виду.

– Что здесь особенного? Это же не волшебный Грааль. – Алекс опустился на колени рядом с ней. – Вероятно, кто-то

писал ее не для того, чтобы прятать.

– Но нам пришлось забраться на гору, чтобы найти ее.

– Это, конечно, препятствие, но вполне преодолимое. – Очень осторожно Алекс поднял табличку и тщательно осмотрел. – Она вросла в землю, поэтому тот человек и надломил ее, пытаясь поднять... – Он оборвал себя на полуслове, заметив выражение ее лица. – Что с тобой?

– Но... здесь есть еще... – Кэтлин нагнулась, вглядываясь в темное углубление в стене пещеры, которое было недавно закрыто стоявшей вертикально табличкой. Она пошарила в этой нише и достала табличку, потом еще одну, еще и еще. Наконец углубление опустело, а перед ними на каменистой земле лежало пять табличек. Кэтлин была потрясена. – Совершенно одинаковые письмена! – Она судорожно рассмеялась. – Боже, а я думала, что надпись па Танцующем Ветре – единственная.

– Кажется, загадочный текст стал немного длиннее. Возбуждение Кэтлин нарастало с каждой секундой.

– Посмотри, – глубоко вздохнув, прошептала она. – Он хотел облегчить нашу задачу. Здесь греческие буквы.

Он придвинулся ближе, всматриваясь.

– Ты уверена?

– Да. Одна из табличек поделена на две половины, сверху вниз. С одной стороны – эта надпись, надо думать, на языке Шардана; с другой – явно греческие буквы. Он дает нам ключ.

– Почему бы ему просто не написать все на греческом?
Кэтлин пожала плечами.

– Это было бы слишком просто. Может быть, он хотел, чтобы надпись прочитали не его современники, а далекие потомки, чтобы загадка Танцующего ветра прошла через века.

– Но как он мог предвидеть, что это вообще будет расшифровываться?

Кэтлин помолчала.

– Андрос прекрасно понимал, что, пока цел Танцующий Ветер, сохраняется и его загадка, тайна надписи на языке Шардана, даже тогда неизвестном, равно как и местонахождение этой страны. Разве не интерес к тайне, не легенда, на протяжении веков объединявшая семью, привела нас сюда? Это круг, заканчивающийся в исходной точке и...

– Я понял, что ты отлично можешь справиться и без меня, – прервал ее Алекс. – Не знаю, зачем ты позволила постороннему прикоснуться к исключительной, редкой загадке вашей семьи?

Кэтлин в замешательстве посмотрела на Алекса. В тусклом свете фонаря было видно его сосредоточенное лицо, нахмуренные брови, он старательно складывал таблички одна на другую. Теплое чувство внезапно заполнило ее. Он был похож на обиженного ребенка. Как странно, она никогда не могла вообразить его в детском возрасте. Ей казалось, что он всегда был взрослым, умным, защищенным, с чувством

юмора и повышенной сексуальностью.

Она вдруг снова ощутила притягательность его мужского обаяния. Кэтлин не отрываясь следила за точно рассчитанными движениями его рук, укладывавших таблички, видела его бедра, обтянутые джинсами, разворот плеч под черной рубашкой... Ей вдруг захотелось коснуться его...

Он закончил и сделал шаг назад.

– Я понесу таблички, а ты – фонарь. Будет очень обидно, если, оступившись, я разобью их... – Его взгляд вдруг упал на нее. – Кэтлин?

Он понял ее состояние. Она старательно смотрела в сторону, чувствуя поднимавшуюся в ней панику.

– Ты был прав. Я сама могу справиться с этим. – Быстро обойдя его, она устремилась за своим рюкзаком, валявшимся в отдалении. Он сказал что-то, но она не слушала, поставив фонарь рядом с собой и копаясь в рюкзаке. Наконец она извлекла из него голубую рубашку и кинула ее Алексу. – Заверни сюда таблички и дай мне, я уложу их в рюкзак.

Он подхватил с земли рубашку, осторожно упаковал таблички и положил их на землю у стены пещеры.

– Я же просила дать их мне.

– Иди сюда. – Опять это проклятое славянское придыхание в его голосе.

Она продолжала стоять на коленях рядом со своим рюкзаком.

– Я не хочу.

Он двумя шагами пересек разделявшее их расстояние.

– Я лучше знаю, чего ты хочешь.

Он нагнулся и погасил фонарь. Темнота. Жар. Алекс.

Ее сердце билось так сильно, что он должен был слышать его удары, она была уверена, что он слышит.

– Я просто переволновалась из-за этих табличек, – пытаюсь сдержать неровное дыхание, произнесла она.

– Мне не нужны твои оправдания.

– Включи фонарь.

– Мне нужно, чтобы ты не видела меня, а чувствовала. –

Он коснулся ее.

Это прикосновение и болью и радостью отозвалось в ее теле, и гневные слова замерли в горле. Ее соски стали твердыми и царапали одежду.

– Нет, – безнадежно прошептала она.

– Ты хочешь. – Он заставил ее встать на ноги и начал расстегивать блузку. – Признайся, что ты хочешь этого.

Она чувствовала его запах – лайм, мускус и еще что-то волнующе мужское. Он расстегнул ей лифчик и стащил его вместе с блузкой. Почему она вдруг стала такой беспомощной, послушной?

Его губы коснулись ее соска. Жар пронизал ее. Его рука скользнула к застежкам на ее джинсах, и в следующее мгновение они вместе с бикини уже лежали у ее ног.

– Перешагни через них.

Алекс опустился на колени, сжимая руками ее ягодицы и

прижимаясь лицом к упругим завиткам у нее на лобке. Его язык...

У нее перехватило дыхание. Она стояла, прижавшись голой спиной к холодной шершавой стене пещеры, и чувствовала, что силы покидают ее.

– Я не могу стоять так.

Он потянул ее вниз, на спальный мешок. Ее кожа ощутила холодноватое прикосновение искусственного шелка. Алекс резко вошел в нее.

– Алекс!

– Забудь, кто я, – пробормотал он. – Думай, что я какой-то посторонний. Бери от меня все, что тебе надо, не думай ни о чем, кроме этого.

Что он говорит? Какой посторонний мог бы ее заставить чувствовать такое?

Он слишком стремительно овладевал ею, она никак не могла подстроиться под его ритм.

– Тебе хорошо, ты чувствуешь меня? – Он снова резко вошел в нее.

– Так нет...

Он вышел из нее совсем, и теперь его рука скользнула ей между ног.

– А так нравится, черт побери? Не думай обо мне. Наслаждайся сама.

Она изогнулась, отвечая движениям его руки.

– Хорошо... – Его пальцы чуть дальше прошли в нее,

осторожно поглаживая и надавливая на чувствительные бугорки. – Продолжать?

– Да! – Это было похоже на дикарский вопль.

Его пальцы двигались медленно, ритмично, и каждое движение отзывалось в ней томительной, сладкой болью.

– Еще?

– Еще.

Ей казалось, что он дразнит ее. Но рука Алекса двигалась теперь чаще, быстрее, заставляя ее выгибаться навстречу ему, она дышала прерывисто, хрипло, и наконец с ее губ сорвался вопль наслаждения...

Тогда он глубоко вошел в нее. Теперь она отвечала ему каждым движением тела. Он ходил в ней яростно, бешено, заставляя подчиниться мощному ритму.

– Дай мне это, – хрипло бормотал Алекс. – Дай, сейчас.

Но прошло еще немало времени, прежде чем она почувствовала, как он рухнул на нее всей своей тяжестью. Его грудь продолжала содрогаться от прерывистого дыхания, эхом отдававшегося от каменных стен.

Но вот Алекс медленно поднялся и нашел фонарь, тут же передав его Кэтлин. Она недоумевала, что он собирается делать. В следующий момент он взял ее на руки и посадил на валун рядом с горячим источником.

– Посиди так минутку.

Он взял у нее из рук фонарь и поставил на камень рядом с ней.

Облачка пара поднимались вокруг него, и его темные волосы ложились мягкими влажными завитками, прозрачные капли поблескивали на смуглом лице. Две огромные тени, ее и Алекса, виднелись на стене. Они были таинственные и странные...

Алекс попробовал воду рукой, потом поднял Кэтлин и осторожно опустил в источник. Прикосновение теплой воды к телу было настолько приятным, что это вывело Кэтлин из состояния оцепенения.

В растерянности она уставилась на Алекса.

– Я был грубоват с тобой, – усмехнулся он. – Не хочу, чтобы утром ты начала упрекать меня.

Как он был самоуверен. И она еще отдавалась ему с такой страстью, как животное, в этой темноте. Кэтлин стыдилась самой себя.

– Все это ничего не значит. – Она старалась, чтобы голос ее звучал равнодушно, но в глубине души Кэтлин рассчитывала, что он будет уязвлен.

– Нет, значит, – сказал Алекс, усаживаясь на выступ скалы и наблюдая за ее плесканием в теплом источнике. – Это значит, что ты снова ожила. – Он спокойно выдержал ее взгляд. – Ты жива, хотя и умерла твоя мать, и тебе кажется, что и Вазаро тоже умерло. Ты по-прежнему можешь испытывать желания, подъем и усталость. Это значит, что жизнь идет своим чередом.

Кэтлин уставилась на него в изумлении.

– Может быть, ты снова собираешься заявить, что делал все это, чтобы помочь мне?

– Нет, черт возьми! – Он беспечно улыбнулся. – У меня не было никаких благородных побуждений. Я хочу, чтобы ты знала это.

– Я никогда и не рассчитывала на твое благородство!

– Ну конечно, ты воспринимаешь меня как опереточного злодея. Я поджег твое Вазаро своими собственными руками.

– Я никогда не упрекала тебя в этом.

– Разве? – Он устало пожал плечами. – Впрочем, я казню себя за твое Вазаро больше, чем ты можешь себе представить. Ладно, хватит, поднимайся. – Он держал наготове ее рубашку.

Она стояла в теплом бассейне, чувствуя, как постепенно уходит боль из ее усталого тела. Он поднял ее и на руках вынес оттуда, потом быстро начал растирать рубашкой. После этого он бережно перенес ее и уложил.

Сам он улегся с другой стороны пещеры.

Кэтлин лежала без сна, уставившись в темный свод над головой. Что она наделала? Нельзя было позволять, чтобы это случилось. Теперь ее защитные укрепления пали, и она больше не чувствовала себя в безопасности.

Кэтлин ощущала себя растерянной, одинокой, ранимой и... живой.

Снежные хлопья летали в воздухе, когда в полдень Алекс с Кэтлин спустились с горы. Их джип был покрыт слоем ле-

дяной пыли, а рядом с ним стоял еще один, совершенно такой же, и Кемаль сидел на бампере, помахивая ногами.

– А, прибыли наконец. – Он легко соскочил на землю. – Я уже собирался идти по вашим следам. Рад, что вы все же снизошли до меня.

– Что ты здесь делаешь, Кемаль? – спросила Кэтлин.

– Вы не звонили. – Он усмехнулся. – И я решил, что пора идти выручать вас.

– Зачем ты явился сюда? – вслед за Кэтлин спросил Алекс, стаскивая с плеч рюкзак.

– Ты недоволен мной? И это после того, как я оставил ваш удобный дом и проделал тысячи миль по этой жалкой дороге, дыша пылью и выхлопами, чтобы в конце концов попасть под этот ужасный снегопад? – Он достал газету из кармана и протянул ее Алексу. – Я решил, что ты должен познакомиться с этим. Вчера Краков сделал заявление и пригласил всех видных политиков на встречу по консолидации сил Объединенной Европы. Она состоится в некоем доме в Стамбуле. – Он улыбнулся и добавил: – Ты, наверное, догадываешься где?

– Выходит, ты прав, Алекс, – сказала Кэтлин, заглядывая через его плечо в газету. – Что здесь говорится? Написано на турецком, и все, что я могу прочитать, это лишь имя Кракова.

Кемаль покачал головой.

– Нет, это вечерняя газета, и в ней говорится, что «Черная Медина» угрожает расправиться с участниками митинга.

– Очень умно, – заметил Алекс. – Уверен, что британский лев оцетинился.

Кемаль кивнул.

– А также и главы других государств.

– Ледфорд не оставил им выбора, – сказала Кэтлин. – Они или должны будут собраться, или признать свою капитуляцию перед лицом террористов.

– Да, – задумчиво произнес Алекс, – угроза «Черной Медины» участникам конференции означает угрозу Объединенной Европе. Если у Картрайт и не было намерения присутствовать на этой встрече, то теперь ей просто придется это сделать.

– Совершенно верно, – согласился Кемаль.

– К тому же это означает, что Краков не несет никакой ответственности за то, что может произойти во время конференции.

– Ты полагаешь, «Черная Медина» решится на открытое нападение? – спросил Кемаль.

– А что полагаешь ты? – Алекс сложил газету и бросил ее на сиденье джипа. – Смерть нескольких лидеров во время встречи повергнет всю Европу в панику.

– Именно это и даст возможность Кракову подняться на вершину власти, – заметила Кэтлин.

Кемаль вздохнул:

– Для меня это означает, что пора приниматься за работу. С завтрашнего дня я сам начну наблюдать за особняком

Ледфорда. Но моя жертва должна быть вознаграждена: обещайте каждый вечер приглашать меня на ужин. Я буду докладывать обо всем, потом петь песни и...

Алекс прервал его:

– Когда откроют дом, попытайся проникнуть в него и разведать обстановку.

– И на что я должен обратить внимание?

– Живопись, статуэтки, всевозможные предметы искусства. Думаю, они должны храниться там, но нужна полная уверенность.

– Я узнаю все точно. – Тон Кемалья был очень серьезным. – Кроме того, я позвоню моим друзьям в аэропорт и попрошу быть начеку в отношении Ледфорда.

– И еще одно: с того момента, как ты начнешь наблюдать за домом, тебе не следует больше возвращаться в наш коттедж.

На лице Кемалья появилось разочарование.

– Нет?

– Почему он не должен приходить? – спросила Кэтлин.

– Я понял, – обиженно сказал Кемаль. – Он боится, что, пока кошка следит за мышьиной норой, одна из мышек будет следить за кошкой. Он не хочет, чтобы я привел их за собой. Но он не понимает, что кошка, с которой он имеет дело, скорее похожа на тигра. Я проглочу всех этих мышей в один присест.

– Это звучит чересчур кровожадно, – сухо заметил

Алекс. – От тебя требуется лишь наблюдать за домом. Мы будем встречаться каждый вечер на улице Мастеров Тюрбанов.

– Раз ты так хочешь... – Кемаль вздохнул и перевел взгляд на Кэтлин. – Что-нибудь удалось?

Кэтлин радостно улыбнулась.

– Больше, чем я ожидала.

– Это очень хорошо. – Он внимательно всмотрелся в ее лицо. – Ты кажешься более спокойной и уверенной.

Покраснев, она опустила глаза и начала стаскивать рюкзак.

– Твоя китайская наука?

– Мое второе зрение.

Он развернулся и пошел к своему джипу. Открыв дверцу, Кемаль уселся на водительское сиденье.

– Увидимся у вас в коттедже, вечером. Вы должны будете побаловать меня напоследок. Нелегкое задание наблюдать за этим дворцом. – Он включил зажигание и откинулся на сиденье. – Кстати, Алекс, ты должен рассчитаться со мной за этот взятый напрокат джип и мое несвоевременное появление здесь.

– Полагаю, мне будет предъявлен счет?

– Да, я уже подготовил его. – Он удовлетворенно улыбнулся. – Эта лошадка обошлась мне недешево.

Джип тронулся наконец с места, поднимая облака серой пыли и белого снега.

Кэтлин осторожно разместила в джипе свой рюкзак с табличками.

– Пора трогаться отсюда. Мы неплохо поработали, верно? Эти таблички помогут мне начать расшифровку надписи.

Алекс печально кивнул.

– Я так и не смог отвлечь тебя от этого.

– Что бы ни произошло и где бы я ни оказалась, я не собираюсь забывать об этом.

– Ты упряма, как бык! – закричал вдруг Алекс. Кэтлин в изумлении уставилась на него. – Цепляешься за свои фамильные истории, как будто это самое важное на свете! Тебе и без разговоров о Вазаро и об этих табличках может быть хорошо со мной. – Алекс сделал шаг вперед. – Но нет, как же? Вазаро – это часть тебя, ты не можешь жить без корней.

– Да, ты прав.

– Конечно, у меня их никогда не было. Ты – совсем другое. Тебе нужно... – Он прервал свою гневную тираду и уже спокойнее добавил: – Можешь отправляться к черту, когда мы вернемся в Стамбул.

Кэтлин уселась в машину.

Алекс обошел вокруг джипа; направляясь к водительскому месту.

– Ладно, я тоже думал об этой надписи. В Агентстве национальной безопасности есть компьютер, расшифровывающий символы в буквы. Разумеется, это секретное оборудование. Но можно попросить Джонатана, и он сможет убедить

их предоставить нам такой компьютер на некоторое время. Хотя это может занять и годы, надпись слишком сложная.

– Но я даже не знаю, как обращаться с такой редкой машиной.

– Я знаю и смогу показать тебе. – Он старался не смотреть на нее. – Не думай, что я собираюсь присвоить себе эту работу, просто слегка подскажу тебе.

– Спасибо, – сдержанно сказала она. – Это будет очень ценной поддержкой для моей работы.

– Я позвоню Джонатану, как только мы вернемся в коттедж. Ему нужно время, чтобы нажать на кое-какие рычаги. Феррацо уже видел этого человека.

Продолжая наблюдать за дворцом, он медленно отделился от кирпичной стены на другой стороне улицы Оружейников.

Курчавый юноша перекинулся какой-то шуткой с пожилым мужчиной, стоявшим на дне грузовичка, въезжавшего во двор дворца. Он казался скорее мальчиком, его походка была юношески легкой, а губы изгибались, насвистывая что-то из Брюса Спрингстина.

Двумя днями раньше он видел этого ублюдка у дверей кофейни в двух шагах от дворца, а сегодня он уже доставлял сюда мебель, изготовленную год назад по заказу Ледфорда.

Совпадение?

Феррацо не верил в совпадения.

Он снова прислонился к стене магазина, скрестив на груди руки.

Пусть он простоит так целый день, если понадобится, но он узнает, что здесь нужно этому ублюдку.

– Почему турки не носят этих фесок, которые показывают в кино? – спросила Кэтлин у Алекса, наблюдая толпу прохожих в обычной европейской одежде. – Я ожидала увидеть в Турции дервишей в лохмотьях и женщин под чадрой.

– Фески были упразднены в 1926-м, когда Турция стала ориентироваться на западный путь развития. – Голос Алекса был рассеянным, он старался различить в толпе Кемалю. – Должен тебе заметить, что турецкие женщины в городах ведут себя едва ли не более раскрепощено, чем женщины в Европе.

– Это неплохо характеризует городскую жизнь. – Она опустила глаза на богато расшитый кусок бархатной ткани, который держала в руках. – Пора бы ему уже и подойти.

– Он опаздывает всего на пятнадцать минут. – Алекс кивнул на отрез бордового бархата. – Тебе нравится?

– Да, он прекрасен.

– Позволь мне тогда подарить его тебе.

Он повернулся к бородатому продавцу за стойкой. Но Кэтлин немедленно положила материал на место.

– Нет, спасибо.

– Ради бога, это всего лишь кусок тряпки. Я хочу подарить тебе что-то.

– Зачем?

– Мне это будет приятно. Что здесь странного?

– Смотри, Кемаль, – прервала его она. – Он выглядит очень довольным собой.

– Тебя это удивляет? – Алекс сардонически улыбнулся. – Он всегда такой.

– Признайся, что в глубине души ты любишь его.

– И он это прекрасно знает. Этот бездельник воображает, что способен очаровать даже птиц на деревьях.

– Что из того?

– Ничего. Он прав, так и надо держать себя.

– Нет, ты только посмотри на него: рот до-ушей... О боже! Выражение ее лица вдруг резко переменялось. Алекс насторожился.

– Что-нибудь не так?

– За ним... – Кэтлин с трудом двигала губами. – Там, за его спиной...

Алекс резко повернулся, обводя взглядом толпу и пытаясь понять причину тревоги Кэтлин.

– Я ничего не вижу.

– Я уверена, что не ошиблась. Он был там. Тот человек, чей снимок ты показал мне. Феррацо.

В следующий момент все смешалось: звук выстрела, крики, боль, отчаяние. Как в калейдоскопе, замелькали перед глазами Кэтлин страшные сцены...

Металлический ствол винтовки, нацеленный прямо ей в голову.

– Нет! – Алекс толкнул ее на землю, опрокинув при этом

прилавок с товарами.

Звук выстрела, эхом пронесшийся по всему базару.

Крик боли Алекса, заслонившего своим телом Кэтлин.

Крики людей, разбежавшихся во все стороны.

Горячая кровь. Боже. Кровь Алекса... из маленькой дырочки в виске!

Она не видела, что стрелял именно Феррацо. Но это ничего не значило, он вполне мог затеряться среди стольких людей в толпе. Теперь его уже нигде не было видно.

Кэтлин изо всех сил старалась оттащить безвольное тело Алекса за угол палатки. Бородатый продавец, подбиравший свой товар, кричал ей что-то по-турецки.

– Заткнись! – свирепо произнесла она. – Ты что, не видишь...

Она остановилась, переводя дыхание, говорить что-то было бессмысленно, этот человек не понимал ни слова. Что он вообще мог понимать? Кэтлин старалась не обращать на него внимания, прижимая к груди голову Алекса. Жив ли он еще? Она держала его сейчас, как совсем недавно Катрин, во время кошмара в Вазаро. Катрин с пулей в виске...

– Кэтлин! – это был голос Кемалья.

– Я здесь, – откликнулась она. – Будь осторожен, Кемаль.

– Он смылся сразу же после выстрела. – Кемаль встал на колени рядом с ней, устремив взгляд на Алекса. – Умер?

– Не знаю, – прошептала она, протягивая руку за куском атласа, валявшимся на земле, и начиная бинтовать им голову

Алекса. – Как много крови...

Продавец снова начал поносить Кэтлин, когда Кемаль обернулся к нему и сказал что-то такое на турецком, отчего тот широко раскрыл глаза, замолчал и отошел прочь.

– МакМиллан... никакой полиции.

Кэтлин всматривалась в лицо Алекса. Его глаза были раскрыты, а губы пытались выговорить какие-то слова. Она склонилась над ним.

– МакМиллан. Доктор... скажи им... Феррацо. – Алекс закрыл глаза и потерял сознание.

Без сознания, но еще жив!

Отчаяние Кэтлин сменилось надеждой.

– Сейчас здесь будет полиция, – сказал Кемаль. – Надо уходить как можно быстрее.

Она не знала, что делать. Алекс сказал, никакой полиции.

– Ты сможешь нести его?

Кемаль кивнул:

– Конечно. Я очень сильный. – Но бравада слетела с него, когда он поднял Алекса на руки. – Что ж, уходим, смотри, чтобы по дороге нам не нарваться на полицию. Я покажу тебе несколько безопасных улочек. Несем его к вам в дом?

Кэтлин поднялась с колен, глядя на Кемалья, сгибавшегося под тяжестью своей ноши. – Куда же еще?

Кэтлин пришлось сделать четыре разных телефонных звонка в Квантико, прежде чем ее соединили с МакМилланом. Когда она наконец дозвонилась, то тут же приступила

к делу без лишних объяснений.

– В Алекса Каразова стреляли.

Молчание на другом конце провода.

– Он мертв?

– Нет, но нужна медицинская помощь, а он не желает вмешивать полицию.

– Он все еще в Стамбуле?

– Да. – Она кратко обрисовала ему, что случилось. – Он просил передать, это сделал Феррацо.

– Дайте мне ваш адрес и телефон. Я организую что-нибудь в течение сорока пяти минут и пришлю к вам надежного человека. – МакМиллан помолчал. – Вы Кэтлин Вазаро?

– Да.

– Убирайтесь от него ко всем чертям!

Она крепче сжала телефонную трубку: – Что?

– Сначала кошмар в Вазаро, теперь это... Мишень Ледфорда – именно вы. Я не желаю, чтобы Каразов был рядом с вами, это опасно для него, черт побери.

Кэтлин положила трубку, ничего не ответив.

– Кто-нибудь придет? – Кемаль вышел из спальни Алекса, неся таз с водой. – Он все еще без сознания.

– МакМиллан сказал, что через сорок пять минут будет доктор.

– Хорошо. Это сделал человек Ледфорда?

– Да. Его имя Феррацо. Это он убил мою мать и Питера Масквела.

– И ранил ту красивую девочку на фотографии?

Кэтлин кивнула.

– Мерзавец. – Кемаль донес тазик до кухни и начал выливать окрашенную кровью воду в раковину. – Это мой провал. Я привел его к вам.

– Он все равно нашел бы нас каким-то образом.

Кемаль покачал головой.

– Я не был достаточно осторожен и даже не заметил «хвоста» за собой. – Он поставил тазик на раковину. – Возможно, я вовсе не так хорош, как привык думать о себе. Печальное отрезвление.

– Каждый может совершить промах.

– Но не такой. – Выражение его лица было необычно серьезным и подавленным. – Ты могла умереть. Алекс чуть не умер. Я виноват, Кэтлин.

– Теперь уже ничего не поделаешь. Надо лишь впредь, постараться избегать ошибок. Это относится ко всем нам.

Он печально улыбнулся.

– Ты слишком великодушна.

Она вдруг поняла, что это неправда, она не была великодушной с Алексом. На словах она признавала себя виноватой за все случившееся в Вазаро, но в глубине души не думала так, не могла принять всю тяжесть этой вины на одну себя.

Я хочу подарить тебе что-нибудь.

Это были слова Алекса, произнесенные им до того, как

она различила в толпе лицо Феррацо. Что ж, он успел сделать это, он подарил ей жизнь, рискуя своей, и неизвестно еще, сможет ли он выжить.

– Нет. – Она тряхнула головой. – Ты ошибаешься. Я совсем не великодушна.

Отвернувшись от Кемаля, она пошла в спальню Алекса.

Алекс не приходил в сознание до четырех часов утра. Кэтлин дремала в кресле рядом с его постелью и вдруг неожиданно пробудилась.

Алекс смотрел на нее, его голубые глаза блестели в свете лампы.

– Хелло. – Она встряхнула головой, прогоняя остатки сна. – С тобой все в порядке, пуля лишь задела висок, хотя и достаточно серьезно. Доктор говорит, что это можно сравнить с сильным ударом. У тебя небольшое сотрясение, и ты должен оставаться в постели всю неделю.

– Феррацо?

– Он растворился в толпе сразу же после выстрела.

– Ты говорила с МакМилланом?

Она кивнула:

– Да. Это он прислал доктора.

Алекс кисло улыбнулся:

– Надеюсь, он сделал это достаточно быстро?

– Он сказал мне, чтобы я убиралась от тебя.

Его улыбка исчезла.

– К черту. Забудь. Я не позволю тебе сделать это. Ты бу-

десь со мной, пока все не закончится.

Она помолчала, потом спросила нерешительно:

– Как ты себя чувствуешь?

– Мне кажется, будто моя голова готова взорваться.

Она вздрогнула.

– Это чуть не произошло. Я все время думаю о маме...

– Катрин... – С минуту Алекс, прикрыв глаза, молчал, потом заговорил снова: – Я хочу, чтобы утром ты позвонила Джонатану. Не говори ему пока о том, что со мной случилось, скажи лишь, что мы можем схватить Ледфорда во время объявленной им встречи по консолидации сил Объединенной Европы. Мне может понадобится его помощь. – Алекс устало закрыл глаза. – И оставайся в коттедже до тех пор, пока не... – Он прервался.

– Пока что?

– Дай МакМиллану время заняться Феррацо.

Заняться Феррацо? Это значило дать МакМиллану время убить Феррацо. Она вздрогнула, поняв смысл этих слов.

Алекс, должно быть, почувствовал ее состояние, потому что снова открыл глаза.

– Необходимость. Он обязательно повторит свою попытку.

– Я не спорю, думаю, что без Феррацо мир станет лишь лучше.

Искра изумления пробежала в глазах Алекса, прежде чем его губы изогнулись в слабой улыбке.

– Возможно, после всего, что случилось, ты сможешь найти место для себя и в моем, реальном, а не придуманном тобой мире.

Его глаза снова закрылись, и в следующий момент он уже спал глубоким сном.

Кэтлин, откинувшись в кресле, изучала выражение его лица.

Его мир. Ее мир. Ей вдруг стало казаться, что их границы стираются, что эти миры сливаются в один. Она уже не знала точно, к какому из них принадлежит.

Было время, когда ничего, кроме Вазаро, не существовало для нее. И после пожара и смерти матери ей казалось, что жизнь кончена. Теперь это чувство сгладилось, притупилось. И за пределами Вазаро была жизнь, и ей предстояло найти свое место в ней. Она была жестока, эта жизнь. Кэтлин вспомнила базарную площадь, истекавшего кровью Алекса и безучастные лица вокруг. Никто, кроме Кемаля, не пришел ей на помощь. И все-таки, как бы то ни было, надо выстоять, надо спасти себя и Алекса.

– Ты не должен вставать с постели. – Кэтлин с неудовольствием подняла глаза на Алекса, появившегося полностью одетым на пороге своей комнаты. – Доктор сказал, что ты должен лежать целую неделю, а прошло всего четыре дня.

– Я уже достаточно хорошо себя чувствую и не желаю оставаться в этой проклятой постели ни единой минуты. – Он направился к ней в гостиную. – Что ты читаешь?

– «Ньюсуик». Здесь статья о Кракове.

– А что с дневником?

– Я перечитала его уже четыре раза, и теперь мне необходимо время, чтобы все обдумать. Кемаль притащил мне целую охапку книг и журналов. – Она тревожно наблюдала за Алексом, подхватившим комплект «Пари-матч». Лучи послеполуденного солнца проникали в комнату, искрясь в темных волосах Алекса, освещая белую повязку, закрывавшую его висок. – Тебе нельзя читать. Доктора запретили это.

– Что за ерунда, – говорил он, складывая журналы небрежной стопкой на кофейном столике. – Я же не тепличное растение. Мне нужно просмотреть их.

Грустная картина всплыла в памяти Кэтлин. Алекс, набирающий охапку книг с полок ее парфюмерной студии в Вазаро, его тяжелый взгляд, выражающий бесконечную усталость и боль, как и сейчас.

– Нет. – Она встала и забрала у него журналы. – Может быть, завтра. Утром будет доктор, и я спрошу у него, можно ли тебе читать.

Он нахмурился.

– Тогда я буду звонить Джонатану. Этот чертов компьютер должен бы уже и прибыть.

– Он уже здесь. Кемаль принес его из «Америкэн экспресс» пару дней назад. Я распорядилась поставить его в студии.

– Почему ничего не сказала мне?

– Потому что я знала, что ты захочешь включить его. Лучше сядь поудобней, а я приготовлю тебе чашку чая. – Она направилась в кухню. – А после чая – отправляйся в постель!

– Но это же пустяковая рана. В спецназе я бы провалялся с ней не больше чем полдня.

– Я всегда была о спецназе не лучшего мнения, – презрительно фыркнула Кэтлин.

Алекс продолжал стоять, разглядывая ее.

– Ты сядешь наконец? – раздраженно проговорила она. – Ты сейчас не со своими друзьями-солдатами и не обязан разыгрывать супермена. Никто не требует от тебя этого. Ты когда-нибудь можешь быть просто интеллигентным человеком, умеющим рассуждать здраво?

Искра изумления пробежала по его лицу, он усмехнулся, опускаясь в кресло, на которое ему указала Кэтлин.

– Так-то лучше. – Чайник начал посвистывать, она сняла

его с огня и приготвила заварку.

Он чуть прищурился, внимательно разглядывая ее.

– Ты стала другая, – наконец медленно произнес он. – Совершенно переменялась.

– В самом деле? – Она поставила поднос с чайными приборами на маленький столик.

Алекс рассеянно смотрел, как она разливает чай.

– Не старайся задеть меня, я все равно не обижусь.

Она осторожно взглянула на него.

– О чем ты?

– Ты все еще не можешь простить мне Вазаро. Что ж, ты имеешь на это право.

– Что это? Приступ раскаяния и самокритики?

– Да, такое со мной тоже случается.

Алекс взял свою чашку и не спеша начал потягивать чай.

– Скоро ты будешь занята настолько, что у тебя не останется времени вспоминать прошлое. – Он поставил чашку на столик и откинулся на спинку кресла. Внезапно Алекс показался ей ожившим и бодрым, от его грусти и усталости не осталось и следа, вернулась его природная, чуть ли не королевская самоуверенность. Это всегда стесняло Кэтлин.

– Если ты закончил пить свой чай, – сказала она сухо, – то можешь отправляться в постель.

– Через несколько минут.

– Скоро стемнеет. Надо зажечь свет.

Ей казалось, что сумерки делают обстановку слишком ин-

тимной. Она встала и пошла к выключателю. Теплый золотистый свет озарил комнату.

– Почему спецназ? – неожиданно спросила она.

– Снова о том же? – Он пожал плечами. – Это особые элитные войска, туда берут далеко не каждого. Для отца при его амбициях это было предметом гордости, все равно как перо на шляпе, – сын в спецназе... – Алекс остановился и взглянул на Кэтлин, внимательно слушавшую его. – Тебе это действительно интересно?

Она кивнула.

– Тогда я начну с самого начала. Моя мать умерла, когда мне было пять лет. Мы жили тогда в Бухаресте. Уже в это время я демонстрировал незаурядные интеллектуальные способности, и меня готовили к карьере государственного чиновника. Но когда мне исполнилось шестнадцать, отец вдруг вспомнил о моем существовании и выразил недовольство тем, что я воспитываюсь вдали от него. Он заявился в Бухарест и заставил меня уйти из школы. Он решил взять меня с собой в Россию.

– И как ты к этому отнесся?

– С одной стороны, мне не хотелось возражать отцу. У меня еще сохранялись юношеские иллюзии о доме и семье. И в то же время я был расстроен, потому что представлял себе будущее совершенно по-другому.

– А где ты встретил Павла?

– В спецназе. Мы вместе проходили обучение. – Он по-

молчал. – Я отвечу на все твои вопросы, но давай не будем говорить о Павле.

– Почему?

– Он был моим другом. И я не смог уберечь его. Мне тяжело говорить об этом. Прошу тебя, давай о чем-нибудь другом.

– Ты не хотел отвечать и на некоторые другие вопросы.

– Да, это так. Я вообще не склонен откровенничать, как ты успела заметить. И все же что еще ты хотела бы знать?

Она покачала головой и встала.

– Ладно, это не мое дело.

– Ты спрашивала однажды, почему я ушел из КГБ. Мне надоело, что меня используют, и я думал, что в Америке смогу жить собственной жизнью. Но увы! – Он пожал плечами. – Я лишь поменял одного хозяина на другого.

Ничего удивительного в том, что Алекс думал, будто в этом мире каждый ищет выгоду. С самого детства его использовали: родители, школа, правительство, – часто с беспощадной жестокостью. Даже она сама пыталась использовать его. Кэтлин вдруг поняла это. Она упрекала его за то, что он пытался манипулировать ею. Но разве она не стремилась использовать его интеллект и деньги ради своего Вазаро? Она поставила чашки на поднос и понесла на кухню.

– Иди в постель. Ты ничего не должен говорить мне больше.

Алекс поднялся и подхватил два журнала со столика.

– Нет, – сказала она, обернувшись. – Оставь их.

Он улыбнулся и отложил журналы.

– Кемаль собирался зайти попозже. Он может поиграть с тобой в карты.

– Почему бы тебе не поиграть со мной?

– Нет. – Опять какое-то отчуждение пролегло между ними. Кэтлин чувствовала, что он закрылся, ушел в себя, и это ее обижало. – Тебе придется подождать Кемалья.

Алекс внимательно посмотрел на нее, видно угадав ее настроение, но Кэтлин поспешно отвернулась, так что ее лицо оказалось в тени.

– Я могу подождать, – мягко сказал он, отправляясь в свою комнату.

Кемаль вытащил колоду карт и весело улыбнулся.

– Я собираюсь разбить тебя в пух и прах, а то ты что-то слишком хорошо выглядишь.

– Вряд ли я тебе это позволю. – Алекс смотрел на ловкие пальцы Кемалья, тасующие колоду. – Я звонил МакМиллану сегодня вечером, хотел убедиться, что он обезопасил Феррацо.

– И что сказал наш очаровательный МакМиллан?

– Он в замешательстве, ничего не может понять.

– Это участь всех недалёковидных людей.

– Ночью того дня, когда я был ранен, Феррацо убили в его комнате в отеле.

– Разве ты не этого хотел? Теперь Кэтлин в безопасности.

– Но люди МакМиллана не делали этого.

– Нет?

– Мне необходимо узнать, кто это сделал.

– Не все ли равно, раз его уже нет.

– Мне не нравится появление на сцене нового персонажа.

Кемаль усмехнулся и встряхнул головой.

– Это сделал я.

Алекс замер.

– Ты убил Феррацо?

Кемаль пожал плечами.

– Мне почему-то показалось, что человек МакМиллана будет действовать недостаточно быстро.

Алекс изучающе смотрел на него.

– Но мы не договаривались об этом.

– Он использовал меня, чтобы выйти на вас, – спокойно сказал Кемаль. – Я ненавижу, когда меня используют. Думаю, что и ты тоже, не так ли?

Алекс помолчал с минуту.

– Да, это так. Но ты слишком много взял на себя. МакМиллан будет недоволен. Он не любит, когда кто-то вмешивается в его игру.

– Это был особый случай, и я вовсе не собираюсь действовать в таком духе и впредь. Мне не нравится убивать. У меня очень нежная душа. – Он выкинул трех королей. – На, бей их.

Алекс посмотрел на карты в своей руке.

– Нежная, как у тигра.

– Только когда нет другого выхода. – Выражение лица Кемалья вдруг стало суровым. – У каждого из нас в душе есть что-то жестокое. Поэтому каждый день мы выбираем между любовью и ненавистью, добром и злом. Мы все каждый день совершаем свой выбор.

– И что предпочитаешь ты?

– Это зависит от обстоятельств. Иногда хочется быть хорошим, а иногда приходится идти на компромисс.

– И Феррацо – это твой компромисс?

– Нет, – жестко сказал Кемаль. – Это была необходимость. Он использовал меня и причинил вред моему другу.

Алекс сжал карты в руке.

– Твоему другу?

– Ты мой друг, – сказал Кемаль, – разве ты не знал этого?

Алекс смотрел на него, не говоря ни слова.

– Ты можешь не отвечать, – произнес Кемаль. – Я знаю, что поставил тебя в затруднительное положение.

– А что ты считаешь трудным для меня?

– Доверять кому-то настолько, чтобы назвать его другом. У меня такой же комплекс. – Кемаль хитро усмехнулся. – Но, разумеется, мне приятно, когда кто-то в этом мире очарован моими замечательными качествами и хочет иметь меня своим другом.

– Замечательными? Что-то не помню, чтобы я когда-нибудь употреблял это слово.

– Как? Разве ты не согласен, что я – очаровательный, блестящий, изобретательный?

– Это все?

– Красивый, талантливый, красноречи...

– Я больше не выдержу. Тут уже становится трудно дышать.

– К тому же не слишком самоуверенный и в меру честный. – Кемаль откинулся в своем кресле. – А ты честен со мной?

– В том, что касается оценки твоих замечательных качеств?

– Нет. – Кемаль кивнул на кучку карт на покрывале постели. – Я отбился три раза. С твоей фотографической памятью ты мог запомнить карты, вышедшие из игры, и знать теперь, какие остались. Собираешься обыграть меня?

– Нет. – Алекс внимательно просматривал карты. – Умение использовать память – это большой талант, но я решил заблокировать его.

– Почему?

– В игре должен быть элемент риска, это делает ее более интересной.

Губы Кемалья изогнулись в понимающей улыбке.

– И кроме того, – добавил Алекс, – это служит установлению взаимопонимания... – Он улыбнулся и мягко добавил: – Между друзьями.

– Проснись, Кэтлин.

Кэтлин приподнялась и села в постели, ее сердце учащенно билось. В свете лампы она разглядела силуэт Алекса в дверном проеме.

– Что случилось? Ледфорд?

– Нет, ничего страшного. Просто я не мог спать и решил, что нам необходимо поговорить.

Она посмотрела на часы, стоявшие на столике у постели.

– В половине пятого утра?

– Можешь ты одеться и пойти со мной? Кэтлин потеряла глаза.

– А подождать нельзя? Это так важно?

– Сделай это для меня.

Кэтлин помедлила с минуту и отбросила одеяло.

– Дай мне пятнадцать минут.

Алекс повернулся к двери и, выходя, напомнил:

– Не забудь надеть пальто или теплый жакет. На улице еще холодно.

– Мост Галатеи? Алекс, ты поднял меня среди ночи, чтобы посмотреть на мост Галатеи? Кемаль уже показывал мне его. Это был номер один в его списке достопримечательностей.

– Ты видела мост на заре?

– Нет, при свете дня.

– Многие туристы приходят сюда днем или вечером, но я полагаю, что они просто не знают, как все здесь выглядит на заре. – Алекс взял ее за руку и бережно повел за собой. – Когда над ним восходит солнце, это так же прекрасно, как...

Вазаро.

Она вся напряглась.

– Трудно найти что-нибудь менее похожее – Стамбул и Вазаро.

– Не надо, не злись на меня, вот увидишь – тебе понравится. – Облокотившись на чугунные перила, Алекс смотрел вниз на воды Золотого Рога. – Я хотел поговорить с тобой о Вазаро.

– Мне совсем не хочется говорить о нем.

– Я знаю, – спокойно сказал Алекс. – Но это сделать необходимо. Ты хоронишь его, но оно ведь вовсе не умерло. Я говорил с Жаком, оказывается, он собрал достаточно черенков и цветочных клубней, чтобы начать все заново.

– Вазаро уже никогда не будет прежним.

– Возможно. – Руки Алекса сжали перила моста. – Но ведь оно может возродиться снова. Меня всегда восхищала твоя привязанность к нему, ты была похожа на маленького отважного воина, сражавшегося за каждую его пядь. Это зачаровывало и удивляло меня. – Она собралась было запротестовать, но он опередил ее: – Конечно, я понимаю, ты пережила страшное потрясение, но почему бы теперь тебе не отнестись ко всему более спокойно и по-деловому, как это делает Жак. Ты должна работать и возродить твое Вазаро снова. Прощлой ночью я долго думал об этом. Тебе мешает этот твой настрой, твоя установка.

– Моя установка?

Алекс кивнул.

– Я помню, как ты говорила мне, что твоей обязанностью с детства было оберегать Вазаро, ты должна была продолжать дело предыдущих поколений. Тебе не удалось сберечь его. Но что из того? Зато теперь у тебя появилась возможность сотворить свое собственное Вазаро таким, как ты его видишь.

Кэтлин нерешительно посмотрела на него.

– Все это звучит очень заманчиво, но...

– Надежда есть, Кэтлин. Мы возродим Вазаро снова.

– Мы?

– Да, разумеется. Я хочу помочь тебе.

Кэтлин перевела взгляд на изящнейший минарет вдали.

– Возможно, ты и прав. Но я еще не успела опомниться от всего этого, и у меня нет сил взяться за дело по-новому.

– Очень хорошо. Забудем о Вазаро. Поговорим о твоих духах.

Кэтлин резко рассмеялась.

– Мой бог, это уже совсем смешно. Моих духов больше нет, они канули в темные воды вечности.

– Я не согласен с этим, не так трудно исправить положение.

– Алекс, наших запасов хватит месяцев на тринадцать, после чего мои духи должны будут исчезнуть с рынка и из памяти.

– Ерунда. Я уже все обдумал. – Алекс наморщил лоб. –

Если мы сделаем все правильно, «Вазаро» станут первыми духами в мире.

– И как же ты думаешь добиться этого?

– Сыграв на одном из самых элементарных свойств человеческой природы.

– И что же это такое?

– Желание обладать чем-то необычным и редким. Больше всего ценится то, что трудно достать – бриллианты, изумруды, золото: Почему так поднимаются в цене полотна художника после его смерти?

Кэтлин начинала понемногу понимать, что он имел в виду.

– Ты хочешь сказать, что раз мы имеем запасов всего на тринадцать месяцев...

– На десять лет, – прервал ее Алекс.

– Что?

– Мы будем продавать твои духи как воду в пустыне, как последние ее остатки на обезвоженной планете. – Алекс наклонился к ней, глаза его заблестели. – Мы распределим их между самыми шикарными магазинами мира. Они будут драться между собой за наши поставки. Мы продадим твои духи... – Он помолчал. – По тысяче долларов за унцию.

Кэтлин широко раскрыла глаза, пораженная.

– Вряд ли это получится.

– Мы можем назначить любую цену, вплоть до самой фантастической, – сказал Алекс. – Как ни горько это звучит, но

разрушение Вазаро сыграет нам на руку. Вся эта шумиха вокруг «Черной Медины» и пожара сработает посильнее любой рекламной кампании, тут уж никто не посмеет сказать, что это очередная газетная утка для выкачивания денег из простодушных обывателей. Духи действительно уникальны и невозполнимы в течение ряда лет.

– Десяти?

– Жак оценивает этот промежуток в семь лет, но я думаю, что для пущей рекламы к ним надо будет накинуть еще три. Так мы и заявим повсюду. Но полагаю, что даже раньше, чем через семь лет, каждая женщина будет уверена в том, что «Вазаро» величайшая редкость и роскошь в мире. Тут мы и выпустим нашу продукцию на широкий рынок. Кто откажет себе в радости приобрести флакончик «Вазаро»?

Только тот, у кого не будет денег. Кэтлин удивленно посмотрела на него.

– Ты уже все спланировал.

Он улыбнулся.

– Последнее время ты ничего не позволяла мне делать, я валялся в постели и обдумывал этот план. – Он в задумчивости нахмурил брови. – Надо вплотную заняться нашей рекламной кампанией с Челси, усилив акцент на особенной редкости статуэтки и духов. После коммерческой презентации надо будет заказать рекламу на телевидении, но только в самые оптимальные часы, когда все у экранов. А еще... – Алекс усмехнулся. – Думаю, неплохая идея, если глава одно-

го государства подарит флакончик твоих духов главе другого. Допустим, женская особа очень высокого ранга во Франции подарит их... ну, скажем, королеве Елизавете. Почему ты смеешься?

– Потому что я вдруг почувствовала себя виноватой перед королевой Елизаветой. – В глазах Кэтлин сверкнули озорные искры. – Что, если бедная женщина не поймет нашего стремления вовлечь ее в эту рекламную кампанию, а воспримет эти духи как обычный подарок?

Алекс усмехнулся.

– Мы найдем то, что она хочет, и дадим ей это. Взамен она сделает то, что нужно нам.

– Ты и в самом деле намерен всерьез продолжать заниматься всем этим?

– Конечно, я уже звонил в рекламное агентство и заказал себе время с десятого декабря. Разумеется, мы больше будем торговать воздухом, чем духами, но почему бы и нет?

– Не забывай еще о Ледфорде. Он может нарушить все твои грандиозные планы.

– С Ледфордом я справлюсь. Он скоро появится здесь, и тогда уже я буду диктовать ему условия игры. Все образуется, Кэтлин. Ты веришь мне?

Она начинала верить ему. Слабый огонек надежды разгорался в ее душе, но она боялась признаться в этом даже самой себе. Нового разочарования она не вынесет.

Алекс понял ее состояние.

– Не бойся верить в хорошее. Тебе необходимо Вазаро и твои духи. И то, и другое – часть тебя. Вы – единое целое. Помнишь эти строки? – И, глядя в сторону, он процитировал:

Что за дивная комета, прилетевшая из пустыни,
окутанная благоуханием мирры и ладана.

Каких только тонких ароматов нет у тебя!

Все, что может предложить лавка изворотливого
торговца, вообразить прихоть ленивца.

О, Искусительница!

Твоя любовь слаще вина моего, твои духи прекрасней
аромата пряностей на моем столе,

шафрана и корицы, пальмового масла и нарда.

Ты фонтан, заставляющий цвести и плодоносить мой сад,
родник живой воды, бегущий из Ливана, напоенный
всеми благовониями его.

Вставай, Северный ветер,

Южный ветер, проснись!

Пролетите над моим садом, развейте сладкий аромат по
всему миру.

Пусть все узнают о красоте твоей, пусть позавидуют
нашей любви...

– Гимн Соломона, – удивленно прошептала Кэтлин.

– Эти строки были подчеркнуты в Библии, которую я однажды взял с полки в твоей студии. Мне кажется, это о тебе и твоём Вазаро.

Как бы там ни было, но слова эти глубоко подействовали на нее. Теперь ей хотелось подумать над ними, так же, как и над тем значением, что вкладывал в них Алекс. Она отвернулась и засунула руки в карманы своего жакета.

– Ты знаешь, от этой ранней прогулки у меня разыгрался аппетит. Может быть, поищем поблизости какое-нибудь кафе, которое рано открывается?

– Подожди. Сейчас как раз время...

– Время для чего? Это не...

Песнь муэдзина разорвала тишину и сладкий предутренний покой, призывая верующих к молитве. Розовый свет зари окрасил верхушки минаретов подобно нежному румянцу, вспыхивающему под прозрачной вуалью одалиски.

Кэтлин слушала, завороженная. Алекс был прав. Ей казалось, будто она слышит жаворонков у себя дома, в Вазаро.

Муэдзин закончил свою песнь. Кэтлин перевела дыхание и обернулась к Алексу.

– Чудесно. Такое великолепное завершение...

Алекс покачал головой.

– Это не завершение, а начало... – Он взял ее руку и повел в другой конец моста. – Вот зачем я привел тебя сюда. Чтобы показать, что все еще только начинается.

Начало. А она думала, что все лучшее в ее жизни уже позади. Как странно, что теперь она может сама творить свое будущее и будущее Вазаро. Эта мысль казалась ей очень странной, но помимо воли радостное возбуждение все боль-

ше охватывало Кэтлин.

Некоторое время они шли молча.

– Вот твое кафе. – Он указал ей маленький магазинчик, выходящий на набережную. – Возможно, здесь не окажется ветчины и яиц или пирожков из слоеного теста...

– Не имеет значения, – прервала его Кэтлин, спускаясь по ступенькам с моста на набережную. – Надеюсь, у них есть чай или этот кофе по-турецки.

– Ты позволишь мне помочь тебе? – тихо спросил Алекс.

– С Вазаро? Не знаю, стоит ли... – Она помедлила, затем, улыбаясь, повернулась к нему. – Но в другом твоя помощь мне, конечно, понадобится.

Он вопросительно посмотрел на нее.

– Я имею в виду надпись.

– Я установлю компьютер и покажу, как им пользоваться.

– Нет, этого мало. Я хочу, чтобы ты вместе со мной работал на нем.

– Ты хочешь, чтобы мы работали параллельно над разными надписями?

– Я хочу, чтобы мы вместе нашли ответ.

Догадывался ли он, что она не могла предложить ему более щедрого подарка?

– Я... спасибо тебе. – Он взял ее за руку и быстро потянул к двери кафе. Его голос был слегка хриловатым, когда он добавил: – Позавтракаем, и брошусь как бешеный за работу.

– Я обо всем договорилась, – сказала Челси, входя в боль-

ничную палату Маризы, – собрала целый штат сиделок и докторов, которые полетят с тобой вместе в четверг. – Она присела к ней на краешек кровати. – Они доставят тебя домой и уложат в постель.

– Я не слишком хорошо себя чувствую, чтобы путешествовать.

– Какого черта ты морочишь мне голову эти последние четыре дня! – Челси сделала гримасу. – И сначала тебе удалось меня одурачить, маленький чертенок. Я уж испугалась, что начинается рецидив.

Мариза улыбнулась.

– Возможно, так и было.

Челси покачала головой.

– Ты пытаешься задержать меня.

– Ты никогда не говорила, что плюс-минус один день имеет какое-то значение.

– Да, за все эти четыре дня не случилось ничего особенного.

– Ты не изменила свое решение?

Челси ласково погладила ее руку.

– Не беспокойся об этом, Я же сказала, что не собираюсь совершать никаких глупых поступков. Я лишь покручусь на этой конференции, очарую нескольких дипломатов и задам им кое-какие вопросы.

– И получишь кучу неприятностей.

Челси рассмеялась.

– Ах ты, ехидная девчонка! Я обещаю быть очень осторожной. Увидишь, что все будет в порядке.

Челси вышла из комнаты.

Мариза тревожно посмотрела на дверь. Все это время, лежа в постели, она лишь предавалась размышлениям, теперь пора было начать действовать.

Она взяла телефон с ночной тумбочки.

– Соедините меня с Джонатаном Андреасом, Порт-Андреас, Виргиния, Соединенные Штаты.

– Алекс, обедать, – позвала Кэтлин.

– Сейчас приду, – ответил он, занятый компьютером.

– Тебе надо отдохнуть. Ты мало ел и спал в последние два дня. Давай пока я поработаю.

– Еще чуть-чуть.

Она прошла через комнату и твердо положила руку на его плечо.

– Не заставляй меня повторять одно и то же.

– Боже, ну почему ты не можешь оставить меня в покое?

Она рассмеялась.

– Не смотри так грозно, я и без того знаю, что ты страшен в гневе.

– Тебе обязательно надо мешать мне?

– Нет. – Она насмешливо глянула на него. – Посмотри, какой ты худой и бледный. Я должна подкормить тебя, пока ты не дошел до крайней степени истощения. – И уже серьезно добавила: – Отвлекись немного и поешь.

– Подожди минуту. Я чувствую, что уже у цели. – Он задал новую команду компьютеру. – Включи принтер.

Кэтлин послушно исполнила его требование.

– Он выдает какую-то ерунду.

– Проклятье. – Алекс начал пробовать другие команды, потом, взглянув на нее виновато, сказал: – О'кей, попробуй теперь ты. Я вернусь через десять минут.

Кэтлин уселась перед компьютером. Выражение ее лица стало менее уверенным, когда она увидела запутанные пересечения линий на экране.

Джонатан стоял по другую сторону барьера, глядя на Челси, проходившую таможенный контроль в аэропорту Стамбула. Он улыбался ей. Заметив его, она ощутила мгновенный прилив радости, тут же сменившийся недоумением.

– Какого черта ты делаешь здесь? – вместо приветствия спросила она Джонатана, подхватившего ее дорожную сумку.

– Ты не ожидала, что я встречу тебя? – Он указал двум носильщикам, стоявшим рядом с ним, на ее чемоданы. – Я думал, что вы с Маризой согласовали это между собой.

– Мариза... – Челси встряхнула головой. – Черт, даже лежа на больничной кровати, она умудряется руководить мной. Она что, звонила тебе?

– Два дня назад. – Джонатан взял ее за локоть и повел через холл к выходу. – Мы чудно поболтали. Еще когда я впервые увидел ее, то сразу был пленен ее мягким обаянием и

в то же время уже тогда почувствовал ее внутреннюю силу и решимость. Она же твоя дочь, Челси. – Джонатан усмехнулся. – И тоже упряма как черт. Была вежлива со мной не хуже какого-нибудь дипломата, но твердо дала понять, что я непременно должен лететь в Стамбул и приглядывать за тобой.

– Я вовсе не нуждаюсь, чтобы за мной приглядывали.

Джонатан открыл дверь такси, ожидавшего на стоянке.

– В таком случае ты присмотришь за мной. – Он расплатился с носильщиками и уселся рядом с ней. – «Хилтон», – сказал он шоферу.

– Я собираюсь остановиться в «Шератоне».

– А я выбрал «Хилтон».

– Вот поэтому я и собираюсь остановиться в «Шератоне».

Джонатан встряхнул головой.

– Я хочу, чтобы ты была со мной.

– Это невозможно. Я говорила тебе.

– Я помню все, что ты говорила мне, но обстоятельства переменились.

– Не до такой степени.

– Я не собираюсь спорить с тобой, Челси. – Он взял ее руку. – Я бы все равно приехал в Стамбул независимо от тебя. Питер был моим другом. Он не заслуживал такой участи. Ледфорда необходимо остановить.

– Ему надо отрезать голову, а тело облить бензином и бросить в огонь.

Джонатан улыбнулся: в этом вся Челси!

– Алекс и Кэтлин сейчас здесь, в Стамбуле. Мы можем остановиться у них.

– Но у меня нет их адреса. Алекс боится за безопасность Кэтлин и не хочет, чтобы каким-то образом просочилась информация об их местонахождении. Мы договорились встретиться в «Хилтоне».

Возразить больше было нечего, и, отводя глаза в сторону, Челси лишь спросила:

– Надеюсь, у нас будут разные номера?

Джонатан улыбнулся.

– Разные номера на разных этажах.

Челси с облегчением откинулась на сиденье.

– Это выручит нас на какое-то время, несколько дней мы можем позволить себе быть вместе, но не больше.

Джонатан нагнулся и поцеловал ее в щеку.

– Поговорим об этом позже.

Было три часа ночи. Кэтлин с торжествующим видом взглянула на Алекса, развалившегося в кресле посреди студии.

– Получилось! Я почти уверена в этом.

Он подскочил в кресле.

– В самом деле?

– Я слишком много раз ошибалась, чтобы быть абсолютно уверенной. Включи принтер.

Она задала команду и затаив дыхание ждала, пока ком-

пьютер передаст ее.

Алекс стоял у принтера, с нетерпением ожидая распечатки.

– Что там? Он прочитал:

– «Я, Андрос Шардана, салют вам и...» Кэтлин подскочила к принтеру.

– У нас получилось, мы добились этого.

Алекс усмехнулся и, подхватив, закружил ее по комнате.

– Да, ты права, черт побери.

Она вырвалась от него и склонилась над принтером, изучая продолжение послания.

«Я, Андрос Шардана, салют вам и благословение богов каждому, кто читает эти слова. Сидя здесь, я боялся, что варвары приведут этот мир к гибели быстрее, чем кто-то сможет прочитать мою табличку. Битва – это сильное искушение для такого воина, как я, всегда послушного ее зову и оставляющего обильную жатву на полях, но варвары любят сражаться еще сильнее, чем хранители Танцующего Ветра. Это не значит, что они сражаются лучше, они лишь больше наслаждаются кровью и убийством. Возможно, Великие Правители Шарданы излишне усердствовали, пытаюсь усмирить зов к насилию в наших душах. Я всегда думал, что мы призваны охранять их тайны, а не учиться прощать своих врагов.

Хватит, я уже достаточно сказал. Я воин, а не ученый, и писать для меня так же тяжело, как проигрывать в битве. Это сводит меня с ума. Почему варвары никогда не изобре-

тали...»

Принтер остановился.

– Ты заметила, что он говорит о хранителях Танцующего Ветра во множественном числе? Разве не ему единственному вручил Парадигн статуэтку? К тому же он еще говорит обо всем так, как если бы... – Алекс запнулся, его глаза сосредоточились на послании. – Кажется, он рассматривает весь мир, за исключением Шардана, как варварский. Как будто он не знает, что самые высокие цивилизации на земле были созданы к тому времени греками, троянцами, египтянами... – Он снова повернулся к компьютеру. – Возможно, ключ окажется в следующих табличках.

– Нет! – почти вскрикнула Кэтлин. Алекс обернулся и уставился на нее.

– На сегодня достаточно, – уже спокойнее попыталась объяснить она. – Это и так гораздо больше того, на что я рассчитывала. Мне необходимо время на обдумывание.

Он внимательно всмотрелся в ее лицо.

– Чего ты боишься?

Она сама не понимала, но что-то в словах Андроса вселило в нее тревогу.

– Продолжим завтра.

– Очень хорошо. – Он выключил компьютер. – Начнем с утра. Идем спать.

Она погасила свет и пошла вслед за Алексом из студии. Но уже в дверях она снова обернулась на принтер, объятая

страхом и любопытством. Одна мысль не давала ей покоя.

Кто были эти правители Шарданы?

Солнечные лучи лились через стекла, зажигая золотые искры в каштановых кудрях Кэтлин, сгорбившейся в большом кресле у окна.

Заглянув в дверь, Алекс увидел, что она закончила очередную страницу и отложила ее на стопку других.

Алекс улыбнулся ей.

– Не могла подождать?

– Я пыталась заснуть, но безуспешно. – Она виновато посмотрела на него. – Я не собиралась делать что-то втайне от тебя, просто мне не терпелось узнать, что же дальше. Как будто кто-то звал меня продолжить работу.

– Ну что ты, я и не думаю обижаться. – Он пересек комнату и очутился с ней рядом. – Это твой кроссворд. Ты уже нашла ключ к табличкам?

– Ко всем, кроме одной. Она кажется очень личной, и скорее всего в ней мало информации. – Кэтлин встряхнула головой. – Это невероятно, Алекс.

– Шардана?

– Да. Это культура абсолютно ни на что не похожая. Шардана находилась на одном из вулканических островов в Средиземном море. Этот остров был окружен высокими скалистыми утесами так, что со стороны он казался необитаемым. Цивилизация развивалась в совершенной изоляции. Разглашение тайн Шарданы считалось самым тяжким грехом. Ви-

новному грозило вечное изгнание, что для жителей Шарданы было равносильно смерти. Торговля почти не велась за исключением редких случаев.

– Очевидно, заниматься таким низменным делом считалось приличествующим лишь варварам, о натиске которых столько распространялся Андрос.

– И все же они кое-чем занимались, – сказала Кэтлин. – Они были целителями и верили, что достичь удовлетворения в жизни можно лишь путем поддержания здоровыми тела и духа.

– И?..

– Целая культура держалась на этой философии. Каждый мужчина и женщина Шарданы считались избранными и учились искусству врачевания, самым достойным присваивалось звание Великого Правителя. Чтобы получить этот титул, нужно было найти путь излечения какой-нибудь из существовавших болезней или предложить способ продления человеческой жизни.

– И каков был возраст этой цивилизации ко времени Андроса?

– Пятьсот лет. – Кэтлин встретила его взгляд. – И каждое поколение давало по крайней мере одного целителя с титулом Великий Правитель.

– И каждый Великий Правитель давал по крайней мере одно открытие или способ излечения болезни?

– Больше. Средний жизненный возраст в Шардане дости-

гал ста пятидесяти лет. Ко времени Андроса они уже умели излечивать порок сердца, рак, диабет, оспу, полиомиелит, проказу... – Кэтлин сделала беспомощный жест. – Названы такие болезни, о которых я даже никогда не слышала. Ты понимаешь, что это значит? Они далеко превзошли уровень современной медицины, их целители умели излечивать болезни, в наше время считающиеся смертельными.

– Ты говоришь с таким восторгом, как будто открыла их существование в реальной жизни.

– Не думаю, что это возможно. Планета стала слишком мелка для такой цивилизации. Но некоторые их знания могли сохраниться. Помнишь, что говорил Андрос о секретах Великих Правителей?

– Да.

– Шардана посылала своих воинов совершать набеги и привозить домой награбленные сокровища, чтобы упрочить престиж государства. Беспокойный характер воинов не позволял им долго наслаждаться мирной жизнью. Военачальники назывались Хранителями. И их первой обязанностью была охрана Танцующего Ветра.

– Танцующий Ветер был создан в Шардане? – удивленно воскликнул Алекс.

– Да, там была целая сокровищница, наполненная произведениями искусства мастеров Шарданы. И они поставили себе цель создать шедевр, который не смог бы затеряться в веках, стал бы символом вечности, красоты и мечты. Кроме

того, в нем было заключено некое знание...

– Но почему же он оказался у греков?

– Шардана была расположена на вулканическом острове, подверженном частым землетрясениям. Опасаясь, что при глобальной катастрофе, в результате которой остров мог уйти под воду, погибнет и Танцующий Ветер, Великие Правители приняли решение отдать его на хранение воинам, послав их в мир за пределы Шарданы. Андрос говорит, что корабль, на котором был Танцующий Ветер, оказался захваченным воинами Агамемнона, плывшего к Трое. Разумеется, все сокровища с корабля были похищены. Весть об этом скоро долетела до Шарданы, а Андрос был отправлен на поиски Танцующего Ветра. Он преследовал флотилию Агамемнона, но попал в шторм, корабль его был разбит, а сам он вместе с командой оказался захваченным троянцами. – Она взглянула на Алекса. – Остальное ты знаешь.

– Не совсем. Танцующий Ветер...

– Надпись на нем расшифровывается как «Огонь, бушующий внутри». Великие Правители заключили все знания, приобретенные ко времени Андроса, внутри Танцующего Ветра.

Алекс уставился на нее в изумлении.

– Но каким образом? Разве это возможно?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Андрос не говорит об этом. Возможно, они как-то скрыты внутри статуэтки. Их наука настолько отлича-

лась от нашей, что любое предположение, даже самое фантастическое, может оказаться правдой. Может быть, это какой-то эквивалент микрофильма. Я уверена, что секрет существует, и он спрятан надежно. Ты ведь читал, как Шардана оберегала свои тайны. – Она вдруг вздрогнула. – Боже, ведь Танцующий Ветер теперь в руках Ледфорда. Этот негодяй владеет информацией поистине бесценной. Вдруг они с Краковым захотят использовать ее для достижения своих целей, для получения сверхвласти, о которой они мечтают?

– Да, но Ледфорд не догадывается о том, какая тайна заключена в статуэтке. И, надеюсь, мы отберем у него Танцующий Ветер прежде, чем он узнает об этом.

Запись на последней табличке очень отличалась от остальных. Она была неровной, прерывистой, и фразы наносились не все сразу, а в разное время.

«Женщина, Ясинта, больна той же болезнью, что поразила жителей Трои. Какая жестокая судьба – спастись из гибнущего города, чтобы умереть здесь, на этой горе.

Мы живем в шатре, который отняли у береговых кочевников. Она слегла четыре дня назад, и думайте обо мне что хотите, но у меня не хватило духу оставить ее. Может быть, это слабость, недостойная истинного воина, и все же мне жаль ее. Хотя она и из варваров, но была мне хорошим другом во время этого долгого пути, сказать по правде, она приятна во многих отношениях. Нет ничего удивительного, что я хотел бы продолжать путешествие не один, а вместе с ней.

Думаю, что ее болезнь от плохой воды. Я мог бы вылечить ее, если бы пожелал.

О чем я думаю? Она всего лишь женщина. Я не могу нарушить мою клятву ради женщины. Раз она умирает, то пусть так и будет.

Она вся горит от лихорадки, кричит по ночам. Но почему это должно трогать меня?

Она умирает...

Я Хранитель. И не могу нарушить клятву. Разве женщина из варваров достойна того, чтобы ради нее я навеки отказался от родины?

Час назад она открыла глаза и попыталась улыбнуться мне».

Потом следовала последняя, написанная дрожащей рукой фраза:

«Если боги возьмут ее у меня, я умру...»

– Она не погибла, – мягко сказала Кэтлин. – А он так и не вернулся на свой остров. Он помог ей.

– Это уже похоже на легенду.

– Но он никому не поведал своих секретов, защищая Шардану и Танцующий Ветер от варваров.

– И вот сегодня его тайна раскрыта. То, чего он боялся, случилось. Мир полон варваров.

– Да. – Она повернулась к нему. – Но ведь, кроме варваров, есть и хранители.

– Не стоит так смотреть на меня. Я не гожусь для этой

роли.

– Нет? – Она улыбнулась ему. – Думаю, ты ошибаешься, ты гораздо больше похож на Андроса, чем тебе это кажется.

Он передернул плечами.

– Бессмыслица.

– Что же все-таки случилось с Шарданой? – задумчиво спросила Кэтлин.

– А что думаешь ты? Это ведь ты у нас специалист по древностям.

– Культура целителей... – Кэтлин нахмурилась. – Возможно... Авалон? Тот сказочный остров, куда перенесен был король Артур, получивший смертельную рану.

– А я все думаю о вулканах и землетрясениях. Есть гипотеза, согласно которой Атлантида погибла от волны сильных землетрясений, следовавших одно за другим. Если Шардана действительно ушла под воду, это объясняет, почему те, кто уцелел, перестали совершать набеги и стали наемниками в Египте. У них не осталось дома, им некуда было возвращаться. – Он пожал плечами. – Но, возможно, Шардана – совсем другое место и имеет собственную легенду, не связанную с уже известными. – Он собрал все странички в ровную стопку. – Мне нужно перечитать все это самому и убрать отсюда компьютер и принтер.

– Зачем?

– Чтобы снова включить здесь проекторы. – Он нахмурился. – Если они так ценили красоту, невозможно, чтобы про-

никнуть в тайну статуэтки удалось, лишь разрушив ее. Но драгоценные камни... секрет инкрустации. Хранилище может быть как-то связано с ними. Не знаю.

Кэтлин, измученная бессонной ночью и напряжением последних дней, еле добралась до кровати. Ей казалось, что стоит лишь закрыть глаза, и она проспит спокойно до самого утра. Но не прошло и часа, как она внезапно проснулась. В голове роились обрывки мыслей, сердце тревожно стучало.

Откинув одеяло, она выбралась из постели и через несколько мгновений уже стояла у двери в спальню Алекса.

– Алекс!

– Да?

Она нерешительно двинулась к нему.

– Я больше не хочу быть одна.

Он гостеприимным жестом откинул покрывало, приглашая ее.

– Ты никогда и не была одна.

Она скользнула в постель и легла рядом, не касаясь его.

– Нет?

– Я всегда был здесь, рядом с тобой. – Он нежно укрыл ее.

– Потому, что ты чувствовал себя виноватым?

– Нет.

– Тогда секс?

– Да, но не только. Одному богу известно, что тут.

– Мне как-то не по себе. Все вокруг так зыбко, непрочно.

Что нам теперь делать?

– Что? Разбираться с этой статуэткой, искать Ледфорда, лететь в Ниццу, внедрять на рынок твои духи, сажать цветы... быть вместе.

Она усмехнулась.

– Как я забыла, что у тебя всегда и на все готов ответ.

– Это мое хобби – отвечать на вопросы, и я умею это делать.

– Ты еще кое-что умеешь, и неплохо.

Он напрягся.

– Ты вовсе не должна платить мне, Кэтлин, за то, что находишься здесь. Мы же друзья, в конце концов.

Не любовники, друзья. Она смутно припомнила, что сама уже однажды решила так. Сколько всего случилось с тех пор.

– Мы друзья, Алекс?

– Я хочу быть тебе другом, я уважаю тебя и доверяю... – Эти слова он произносил медленно, как будто с трудом. Но Кэтлин вновь почувствовала радостное волнение, как тогда, на мосту Галатеи, когда он пытался что-то объяснить. В устах Алекса эти сдержанные слова значили больше, чем самое пылкое признание в любви. Алекс был страстной натурой, но после лет унижения и предательства доверие и дружба стали для него редким и дорогим даром. Единственный, кого он удостоил своей дружбы, был Павел, а после его смерти это место, хоть отчасти, мог бы занять Кемаль.

– Скажи, ты когда-нибудь говорил Павлу о своей симпатии к нему?

– Почему ты спрашиваешь?

– Говорил?

– Нет, – быстро ответил он, – это было и так ясно.

– Я понимаю. – Он был так осторожен, так тщательно взвешивал каждое слово, когда речь шла о чувствах. И Кэтлин вспомнила, с каким недоверием она сама когда-то смотрела на Алекса. Они начали с секса и прошли все оттенки страсти, отчаяния и враждебности и только теперь стали понемногу как-то понимать друг друга. Круг замкнулся. Предстояло новое путешествие, и ей казалось, что оно будет еще глубже, разнообразней и интересней. – Прикоснись ко мне.

Он весь натянулся.

– Я же говорил, что ты не обязана платить мне за простое дружеское участие.

– О какой плате ты говоришь? – Она скользнула в его объятия, чувствуя дрожь желания от прикосновения к его телу. – Я лишь хочу, чтобы ты продемонстрировал мне свои блестящие способности.

– Алекс, – прошептала она, уже почти засыпая.

– Да.

– Есть одна вещь... я хочу, чтобы ты знал. – Она прижалась к нему с закрытыми глазами.

Его рука гладила ее волосы.

– Что?

– Я люблю тебя.

Она почувствовала его напряжение, но он ничего не отве-

тил. Впрочем, она и не ждала ответа, просто ей было необходимо сказать ему это.

– Спокойной ночи, Алекс.

Она ощутила тепло его губ на своем виске, их необычную нежность.

– Спокойной ночи, Кэтлин.

Кемаль отбросил в сторону последний листок с напечатанным текстом.

– Это очень интересно.

– Интересно? – Кэтлин приподняла бровь. – Кемаль, это же потрясающе. Об этом заговорит весь мир.

– Нет. – В его глазах мелькали озорные искры, хотя выражение лица было очень важным. – Весь мир заговорит обо мне, а это останется просто интересным. Но я впервые вижу тебя и Алекса настолько погруженными в работу. Вы можете не выходить из своей студии целыми днями.

– Ты знаешь, – оживленно заговорила Кэтлин, – Алекс предполагает, что какой-то тайник скрывается в основании статуэтки, он говорит, что это единственная часть, открыть которую можно, не повредив фигурки Пегаса... Драгоценные камни...

– Ты сама что-нибудь понимаешь? Легенды, шедевры, мистика, лекарственные снадобья. Неужели тебе не хочется оставить время для более важных вещей?

– Например, для разгадывания тайны твоей особы?

– Не люблю быть нескромным, иначе бы согласился с то-

бой. – Он открыл дверь. – Оставляю вас наедине с вашими загадками, а я пока займусь своим основным делом – буду следить за Ледфордом и заодно придумывать, чем развлечь тебя. – Он вздохнул. – Мир содрогнется, если узнает, что я не смог тебя развеселить.

Усмехнувшись, Кэтлин поспешила обратно в студию к Алексу.

– Ирмак вернулся, – объявил Кемаль двумя днями позже, едва Алекс успел снять телефонную трубку.

– Ты уверен?

– Я видел, как он входил в «Кафас» прошлой ночью.

– Где же он все это время болтался и зачем?

– Может быть, он скрывался от тебя, ты его слишком уж прижал, но кто знает, не было ли у него и других причин, нам неизвестных.

– На что ты намекаешь?

– Я думал, что знаю все о нем, но меня удивило то, как он смертельно испугался тебя, и я решил выяснить причину этого испуга. – Он помолчал. – Наши жизни так переплелись, что я...

– Кемаль, не отвлекайся в сторону.

– Я кое-что узнал: Аднан как-то связан с Джипси.

– Что?

– Первая жена его отца была из цыганского племени, которое и теперь каждый год кочует в этих местах.

– Ты хочешь сказать, что Аднан может оказаться Джипси?

– Я не утверждаю этого. Но его отец не был официально женат на этой цыганке, следовательно, его могли называть просто Джипси. Этим можно объяснить и его исчезновение. Если бы Ледфорд узнал, что ты вышел на него, ему следовало

бояться и Ледфорда.

– Встретимся сегодня вечером в «Кафасе»?

– Извини, тебе придется заняться этим самому. Я пытался пройти в гарем прошлой ночью после шоу, но меня не впустили. Аднан дал такой приказ.

– А мне удастся проникнуть туда?

– Вполне возможно. Охранники Аднана не знают тебя. Но ты не должен там никого расспрашивать о нем. Дай мне подумать... – Помолчав какое-то время, Кемаль сказал: – Наверное, я смогу договориться с Мелис, она поможет тебе. Советую взять с собой Кэтлин.

– В любом случае она не отпустит меня одного.

– Отправляйтесь в «Кафас» вечером и оставайтесь там после шоу. Возьмите комнату на двоих, как обычные посетители. Я скажу Мелис, чтобы она зашла к вам и проводила до комнаты Аднана, когда наступит удобное время.

– А как мы выберемся оттуда, поговорив с Ирмаком?

– Тем же путем, что и входили, с видом довольных посетителей. Ты должен сделать все так, чтобы после твоего ухода Ирмак не поднял тревоги.

– Не беспокойся, это я сумею.

– Надеюсь, тебе удастся узнать от него все, что нужно. Буду поджидать вас в коттедже с приготовленным кофе. Ужасно любопытно узнать, чем закончится ваш разговор с Ирмаком.

– Хочу напомнить, я вовсе не плачу тебе за то, чтобы ты

готовил мне кофе.

– И ты говоришь это другу, который разработал для тебя такой мастерский план? Тебе остается лишь исполнить его.

– Это так мало?

– Мозги всегда ценятся дороже, чем мускулы. Но это удивительно, когда в одном человеке соединяется и то, и другое, как во мне. Как тебе известно, я самый...

– До встречи, Кемаль.

– Желаю удачи, Алекс.

Как Кемаль и предсказывал, они без особых затруднений проскользнули после шоу мимо двух переодетых евнухами охранников в гарем. Внутри их встретили прислужники в алых халатах, низко кланяясь, они выслушали их пожелания и проводили в отдельную комнату.

Алекс и Кэтлин остались в просторном помещении с зеркалами на потолке и стенах. Пушистый белый ковер покрывал пол из бирюзовой мозаики. Огромная кровать с кучей подушек была достойна калифа. Кэтлин прошлась по комнате, с любопытством оглядываясь по сторонам.

– Святые небеса, они накурили здесь ладаном. Как долго нам придется ждать?

– Пока не придет Мелис. Кемаль не сказал точно. – Алекс все еще стоял у двери. – Ты нервничаешь?

– Немного. – Она усмехнулась. – Все-таки я первый раз в гареме.

– Я тоже.

Хрустальный графин с вином поблескивал на столе розового дерева. Алекс подошел и налил рубиново-красное вино в два бокала, протянув один Кэтлин.

Она осторожно пригубила.

– Слишком приторное, как и все здесь. Эта пышность немного подавляет. Надеюсь, ты не собираешься использовать эту комнату по назначению?

– Нет.

– Тогда просто поговорим? Ирмак действительно знает что-то о Ледфорде?

– Если он и в самом деле окажется Джипси, то должен знать многое. Мы можем...

Осторожный стук в дверь прервал его слова.

– Мелис? – спросила Кэтлин, отставляя бокал с вином.

– Возможно. – Он быстро подошел к двери.

– Кто?

– Это я, Мелис.

Грациозное создание, проскользнувшее в комнату, казалось даже моложе одиннадцати. Длинные золотистые волосы спадали завитками на ее плечи, на ней было пышное викторианское белое платье, складки которого спускались к носкам черных лакированных туфельек. Пояс персикового цвета был завязан бантом. Она заметно нервничала и с трудом подбирала слова.

– Кемаль сказал, что надо действовать очень осторожно. Скоро охранники уйдут в комнату Сималя, но надо еще по-

дождать, пока они начнут.

– Начнут? – Когда до Кэтлин дошло значение этих слов, ей стало нехорошо, к горлу подкатила тошнота. Возможно, этот Сималь еще ребенок, так же, как и Мелис. Когда Кэтлин была в ее возрасте, она носилась по цветущим полям Вазаро вместе со сверстниками. – Мы должны сделать что-то, Алекс, – быстро сказала она. – Я не могу спокойно смотреть, как...

– Я знаю, – прервал он ее, – мы придумаем что-нибудь. Но сначала нужно добраться до Ирмака.

– Кемаль говорил, что ты поможешь нам, если мы поможем тебе, – прошептала Мелис, ее маленькие руки нервно теребили пояс платья. – Мне совсем не нравится здесь, я хочу сбежать отсюда.

Боль комом встала в горле Кэтлин.

– Ты непременно уйдешь из этого места, я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь.

Взгляд Мелис был недетски серьезен. Она долго смотрела на Кэтлин, потом медленно покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Ты добрая, но не можешь этого понять. – Отвернувшись, она открыла дверь. – Я пойду первой. Следуйте за мной на расстоянии четырех шагов.

Они осторожно двинулись по пустынному коридору, пока Мелис не остановилась у резной двери.

– Аднан, – тихо позвала она. – Я должна идти, меня ждет клиент. – И она быстро побежала вниз по коридору подобно

маленькому белому призраку.

– Какой мерзавец смеет использовать этого ребенка? – свирепо прошипела Кэтлин. – Я готова своими руками убить Ирмака.

– Успокойся. – На лице Алекса появилось уже знакомое ей выражение жестокости. – Всему свое время. Я обещаю тебе, что мы вытащим ее отсюда. – Он открыл дверь. – Я тоже готов убить этого жирного негодяя, но...

Он не договорил. Аднан Ирмак был уже мертв. Кэтлин застыла в шоке в нескольких шагах от человека, распростертого на поверхности массивного стола.

– Это Ирмак?

– Да. – Алекс медленно двинулся к нему. – Закрой дверь.

Кэтлин подчинилась. Лужа крови из горла Ирмака натекла на бумаги на столе.

– Это убийство?

– Трудно самому себе перерезать горло.

– Нужно уходить отсюда.

– Да. Через минуту.

Чувствуя головокружение и тошноту, она смотрела на лужи крови на полу и столе.

– Кто это сделал, Ледфорд?

– Возможно. Скорее всего он узнал, что мы слишком близко подобралась к Ирмаку, и решил заставить его замолчать. – Алекс с трудом отодвинул грузное тело Ирмака, чтобы добраться до ящика стола. – Это мог выполнить любой.

Подкупленная проститутка или посетитель. – Он задвинул ящик на место. – Если верить Кемалю, в Стамбуле его не слишком любили.

– Что ты разыскиваешь?

– Какие-нибудь документы, информацию. – Алекс поочередно просматривал ящики стола.

Кэтлин сделала шаг вперед, стараясь не смотреть на Ирмака.

– Нашел что-нибудь?

– Здесь полно фальшивых паспортов. – Алекс вытащил один. – Превосходное качество.

– Следовательно, Ирмак – это Джипси?

– Может быть, и так. – Открыв нижний ящик, Алекс вытащил две длинные бухгалтерские тетради.

– Посмотрим, что за клиентура у этого ублюдка. – Он открыл одну из тетрадей и быстро пробежал взглядом по страницам. Неожиданная улыбка появилась на его лице. – Инициалы Б. Л. Как думаешь, кто это может быть?

– Брайэн Ледфорд.

– Верно. – Он вынул из кармана носовой платок и тщательно протер все места, к которым прикасался, затем спрятал бухгалтерские книги под белый халат. – Давай убираться к черту отсюда. – Он схватил Кэтлин за руку. – Возможно, Ледфорд оставил здесь своих людей, которые могут опознать нас.

Кемаль отложил в сторону гитару и поднялся навстречу

Кэтлин и Алексу, входящим в коттедж.

– Как раз вовремя. Кофе готов. Садитесь, а я принесу чашки. Кстати, а почему ты до сих пор разгуливаешь в этом халате? – спросил он, бросив быстрый взгляд на Алекса и неодобрительно покачав головой. – Такой наряд не подходит тебе, его надо уметь носить...

– Ладно, неси кофе и оставь свою критику, – прервал его Алекс, доставая из-под своего халата длинные гроссбухи и выкладывая их на кофейный столик. Затем он снял халат и бросил его на спинку кресла. – Бухгалтерские книги Ирмака слишком объемны, чтобы прятать их под обычным костюмом.

Кемаль отправился на кухню.

– Должно быть, в них что-то стоящее, раз ты решил утащить их с собой, – говорил он из-за стойки. – Удалось выведать у Ирмака что-нибудь?

– Он мертв, – сказала Кэтлин. – Убит.

Кемаль замер.

– В самом деле? Алекс, ты? – Он появился на пороге с подносом в руках.

– Я тут ни при чем, – ответил Алекс. – Он был уже мертв, когда мы вошли.

– Очень плохо. Значит, вам не удалось расспросить его. – Он поставил поднос на кофейный столик. – И как он убит?

– Ножом. Перерезано горло.

– Печально. Должно быть, это сильно подействовало на

Кэтлин. – Кемаль нежно улыбнулся ей. – Садись. Ты выглядишь такой напуганной. – Он потянул ее в кресло и придвинул ей одну из чашек. – Выпей. Это подбодрит тебя. – Он повернулся к Алексу. – Думаешь в этой бухгалтерии откопать что-нибудь нужное?

Горячий кофе согрел Кэтлин и прогнал холодную липкую тошноту, поднимавшуюся из желудка. Ирмак был страшный человек и, несомненно, заслуживал смерти, но она не могла думать без содрогания об этих лужах крови на столе.

– Не знаю, – сказал Алекс. – Я еще не просматривал их.

Кемаль уселся по-турецки на полу у кресла Кэтлин с чашечкой кофе в руках.

– В таком случае загляни в них. Я буду нем, как мертвец. – Он осекся, заметив испуг в глазах Кэтлин. – Извини, я хотел сказать – нем, как рыба.

Алекс просматривал тетради.

– Боже, тут чуть ли не половина Африки и Европы.

– Я говорил тебе, что он богатый человек, – сказал Кемаль, поднося чашку к губам. – Адреса есть?

– Нет, только товар, цена и дата поставки.

– И что ты думаешь делать с этим?

– Пока не знаю. – Алекс скользнул пальцем к литерам Б. Л. – Но кое-что интересное может пригодиться.

– Ты не станешь возражать, если я покину тебя? – Кемаль допил кофе и, поставив чашечку на стол, поднялся. – У меня немного изменились планы.

– А именно? – рассеянно спросил Алекс, все еще занятый тетрадами.

– Я хочу воспользоваться благоприятным моментом и провернуть одно дело. Когда охранники обнаружат Ирмака, в гареме начнется переполох. Если мне удастся незаметно пробраться туда и действовать достаточно быстро... – Он двинулся к двери.

– Что ты задумал?

– Дети, – тихо произнес Кемаль. – Мелис и другие. Может быть, я смогу увести их оттуда, прежде чем кто-то опомнится.

Алекс поднялся.

– Я иду с тобой. Кемаль покачал головой.

– Вас уже видели там сегодня. Если кто-то из охранников узнает тебя, это сорвет весь мой план.

– Что ты собираешься делать с детьми?

– На день-другой они составят компанию моим тараканам, пока я не найду другого места.

– Приводи их сюда, – сказала Кэтлин. – Мы позвоним Джонатану, он сумеет помочь им.

Кемаль остановился у двери.

– Их шестеро. Они причинят много беспокойства.

– Я сказала, приводи их сюда.

– У тебя очень развит материнский инстинкт, я это понял сразу, как только увидел тебя, – торжественно объявил Кемаль.

– Лгунишка, все, что ты заметил, это моя грудь.

– Вот именно. Подсознательный инстинкт.

Он подхватил халат, который Алекс повесил на спинку кресла, и быстро облачился в него, потом, отступив на шаг, принял эффектную позу, скрестив руки на груди и слегка отставив ногу в сторону.

– Смотри, как нужно носить эту вещь. Я стою перед тобой подобно гордому шейху пустыни или великолепному калифу, который...

– Поспешите за детьми, – прервал его Алекс.

Кемаль усмехнулся и выскользнул из коттеджа в белом халате, царственно развевающимся за его спиной.

– Это был Алекс. – Джонатан положил телефонную трубку и повернулся к Челси. – Он говорит, что Кэтлин нужна твоя помощь. Кажется, прошлой ночью она приобрела шестерых детей.

– Надеюсь, не самым естественным путем? – Челси выпрямилась в кресле. – Какого черта, что случилось?

– Не спрашивай меня, Алекс не объяснил. Двое мальчиков и четыре девочки в возрасте от десяти до четырнадцати. Он сказал, что дети стали жертвами сексуальной агрессии.

– Со стороны родителей?

– Ты можешь выяснить это у Кэтлин.

– Мне придется заниматься этим делом?

– Кто же, как не ты, организатор и шеф детского дома для таких детей?

– Да, ты прав. – Усмехнувшись, она встала и поправила юбку. – Что ж, может, это к лучшему. Я уже устала сидеть здесь, ничего не делая, в ожидании конференции. Идем.

Он покачал головой.

– Ты пойдешь одна. Я должен встретиться с Алексом в посольстве, и обсудить наши дальнейшие планы.

– Какой адрес у Алекса?

– Адреса я не знаю. Он сказал, что внизу в холле уже ожидает человек, который проводит тебя. Его имя Кемаль Немид.

– Мы пришли, – сказал Кемаль, проскальзывая в открытую дверь коттеджа. – Андреас прислал эту очаровательную леди. Мне она очень понравилась.

– Челси, я думала, ты уже никогда не придешь. – Кэтлин радостно обняла ее. – Я даже не знала, что ты здесь, в Стамбуле, вместе с Джонатаном. Алекс только сегодня сказал мне.

– Если бы я знала твоего друга Кемаля, то ни за что не отважилась бы на это путешествие, – смеясь, проговорила Челси.

– Она не любит ходить пешком, – пояснил Кемаль, – но жаловалась она меньше тебя. Где дети?

– Еще спят в комнате Алекса. – Кэтлин тревожно нахмурилась. – За исключением Мелис. Она не ест и не спит с прошлой ночи. Сидит все время в саду. – Кэтлин пожала плечами. – Остальные, кажется, вполне довольны.

– Она напугана. Перемены всегда пугают детей. Попробую

поговорить с ней. – Кемаль вышел в небольшой садик около дома.

Челси и Кэтлин, стоя у дверей, наблюдали, как он встал на колени перед белокурой девочкой, сидевшей на каменной скамейке.

– Откуда они? – поинтересовалась Челси.

– Из одного местного борделя. Кемаль вытащил их оттуда.

– Боже! – Челси покачала головой. – В каком ужасном мире мы живем.

Лицо Кемаля было очень внимательным, но на губах блуждала нежная улыбка, когда он коснулся пальцем щеки Мелис, не переставая что-то говорить ей. Золотоволосое дитя в пышном викторианском белом платье и темноволосый юноша в пуловере и джинсах представляли собой странный контраст.

Слабая призрачная улыбка появилась внезапно на лице Мелис. Тихая, едва заметная, и все же, без всякого сомнения, это была улыбка.

– Возможно, он не так уж и плох, как я о нем думала, – пробурчала Челси. – Во всяком случае, эта крошка так не думает.

Мелис встала, протягивая руку Кемалю.

– Она голодна, – сообщил Кемаль. – Как могла она спать, если ее не накормили?

– Я предлагала... – обиженно начала Кэтлин, но, встретив взгляд Кемаля, осеклась. – Сейчас будут готовы бутерброды.

Мелис снова робко улыбнулась Кемалю, и они медленно пошли по дорожке сада.

– Кажется, он умеет очаровать любого, – сказала Кэтлин.

Челси кивнула, размышляя.

– Я позвоню в Нью-Йорк директору организации, защищающей права детей, ставших жертвами сексуальной агрессии, и попрошу его подсказать мне, кто ведет такую работу в Стамбуле. Каждым ребенком займется представитель его страны, им окажут медицинскую помощь, включая психологическую поддержку. – Она устремилась к телефону. – Что же ты стоишь? Приготовь ребенку бутерброды.

Кэтлин, улыбаясь, прошла на кухню и открыла дверцу холодильника.

– Твоя подруга умеет улаживать дела. – Кемаль смотрел на Челси, уводящую шестерых детей вниз по улице. – Уже обо всем договорилась. За ними пришлют автобус, который будет ждать за два квартала отсюда. Таким образом, никто не узнает, что дети вышли из этого коттеджа. Сейчас-то о них, конечно, позаботятся, но что будет с ними, когда знаменитая американская кинозвезда покинет Стамбул?

– Челси обо всем договорится, о них будут заботиться, – сказала Кэтлин. – С ее дочерью случилось то же, что и с этими детьми. Она, как никто, понимает их проблемы и непременно защитит их.

– Ее дочь? Та девочка на фотографии? – Кемаль впился взглядом в лицо Кэтлин. – И поэтому она никогда не смеется.

Кто сделал это?

– Ее отец.

– Предательство всегда ужасней, когда его совершает тот, кому доверяешь. – Его лицо помрачнело. – Где он?

– Умер. – Кэтлин дотронулась до его руки. – Я понимаю тебя, на свете творится так много несправедливости, но ведь ты не в силах защитить всех обиженных.

– Иногда защищать уже поздно, но можно отомстить.

– С этим ты уже тоже опоздал. Он мертв. Не волнуйся, Челси делает для Маризы все необходимое.

Кемаль задумчиво смотрел вслед уходящим детям. Как будто почувствовав на себе его взгляд, Мелис обернулась, отчаянно и беспомощно ища его глазами. На ее лице застыли растерянность и страх. Кемаль ободряюще улыбнулся ей и помахал рукой. Потом обернулся к Кэтлин.

– Некоторые вещи в жизни очень трудно понять, если не испытал подобное сам.

– Что ты сказал Мелис там, в саду, отчего она немного успокоилась?

– Я сказал, что в жизни еще будет много трудностей, но она должна уметь защищать себя, и кроме того, рядом будут люди, на помощь которых она может рассчитывать.

– Не слишком утешительно.

– Не мог же я обещать, что теперь ее судьба станет безоблачной. – Кемаль покачал головой. – Она бы не поверила мне. Мелис уже знает, что жизнь полна боли и compro-

миссов. Но для таких, как мы, достаточно даже небольшого шанса изменить свою жизнь. – Он поднял на прощание руку, увидев, что маленькая группка скрывается за углом.

– Кемаль, я думаю, что ты в конце концов добьешься успеха как философ.

– Это не для меня. Став философом, я никогда не буду богат. Кинозвезды имеют гораздо больше. – Он хитро улыбнулся. – Почему бы мне не сыграть на гитаре Челси Бенедикт? Она непременно отметит меня, представит в Голливуде и познакомит с очаровательной Маризой.

– Боюсь, это будет нелегко. Думаю, она до сих пор не простила тебя за то, что ты повел ее сюда пешком.

– О, – оживился Кемаль, – она такая маленькая. У меня велосипед в саду. Обрато я отвезу ее на багажнике. Как думаешь, это ей больше понравится?

Кэтлин едва сдержала улыбку, вспомнив об огромном черном лимузине, в котором любила разъезжать Челси.

– Почему бы тебе не спросить ее? – ответила Кэтлин.

Алекс задерживался на встрече с Джонатаном, он явился в коттедж лишь к девяти вечера.

Кэтлин вышла из своей комнаты, услышав, что открывается входная дверь.

– Тебя так долго не было. Удалось что-нибудь узнать?

– Конференцию намечают провести с трех дня до семи вечера. К восьми участников уже доставят обратно в аэропорт. Ничего оригинального.

– Ты ел что-нибудь? Осталось немного тушеного мяса, которое я готовила для детей.

– Я не голоден. Они еще здесь?

– Челси действовала стремительно, как ураган, и уже успела передать их благотворительным службам. – Кэтлин вспомнила повеселевшее лицо Челси, когда все было улажено. – Кемаль отвез ее обратно в отель на багажнике велосипеда.

– Это было испытанием для них обоих. – Алекс взялся за телефонную трубку. – Мне надо позвонить Гольдбауму, возможно, он что-то узнал о Ледфорде.

– Какого черта, куда ты пропал?! – обрушился на него Гольдбаум. – Сначала изводишь меня до смерти, а потом, когда мне удастся что-то узнать, исчезаешь.

– Я был занят. Что ты узнал?

– Вычислил Ледфорда.

– Что?

– Мы вышли на него через Кракова. Мой человек, Несмит, проследил его до квартиры, арендованной на имя Даниеля Бледсворта в Париже. Я велел Несмиту проверить этого Бледсворта. – Он помолчал. – Это имя звучит почти как Ледфорд.

– Боже, и он все еще там?

– Через два дня после встречи с Краковым он оставил эту квартиру. Нам удалось узнать на станции телефонные номера, по которым он звонил в последнее время.

– Были звонки в Стамбул?

– Несколько. По одному и тому же номеру. Но мне не удалось узнать, кому принадлежит этот номер. Придется тебе заняться этим самому. Как ни странно, но телефонная компания в Стамбуле не идет на подкуп.

– Ладно, предоставь это мне. – Алекс записал номер, который продиктовал ему Гольдбаум. – Что еще?

– Телефон в Гавре. – Гольдбаум помолчал. – Пароходная компания «Белая звезда». Даниель Бледсворт числится одним из совладельцев. Корабль этой компании отплыл из Гавра в тот же день, когда Ледфорд оставил Париж.

– Людям Кемаля, сутками дежурившим в аэропорту, будет не слишком приятно об этом узнать. Как называется корабль?

– «Аргос».

– Если Ледфорд покинул Париж неделю назад, он уже должен быть здесь.

– Не обязательно, – сказал Гольдбаум. – Он мог зайти в какой-то порт, чтобы сменить название корабля.

– Возможно. – Алекс раскрыл одну из бухгалтерских книг Ирмака и скользнул пальцем по колонкам. – У меня есть для тебя пара вопросов. Мне нужно понять действие некоторых веществ и их употребление. В одной бухгалтерской книге я нашел пометку «блэкдемп» со знаком вопроса напротив, а внизу под этим написано «содиум V». Позвони, как только что-нибудь узнаешь.

– Ты скажешь мне свой номер телефона или я должен буду узнавать его телепатически? – язвительно спросил Гольдбаум.

Алекс продиктовал ему номер и положил трубку.

– Ты выглядишь очень возбужденным, – заметила Кэтлин, наблюдавшая за ним.

– Наконец-то мы решили одну задачку, – сказал Алекс. – Я уже не надеялся, что нам повезет. Возможно, Ледфорд сейчас плывет сюда на своем корабле.

– Каком корабле?

– На «Аргосе». Это название еще раз подчеркивает любовь Ледфорда к античности. Скоро мы доберемся до него, Кэтлин.

– Ты так уверен в этом?

Алекс уловил нотки растерянности в ее голосе.

– Что с тобой? Я думал, ты тоже обрадуешься, что наше ожидание подходит к концу.

– Я боюсь. – Она через силу улыбнулась. – Этот Ледфорд представляется мне каким-то суперзлодеем, исчадием ада.

– Разумеется, он хитер и злобен, и все же это человек, а не какой-то фантом, значит, существуют вполне реальные пути, чтобы остановить его. – Он поднялся. – Сегодня был чертовски трудный день. Почему бы нам не отправиться в постель?

– Нет, не теперь. Я все равно не смогу уснуть. Лучше я поработаю немного с голограммой, прежде чем отправиться

спать. Идем?

Как это было похоже на нее. Он вспомнил, как она до темноты трудилась на полях Вазаро, борясь за свое будущее, работала до изнеможения, чтобы выплатить все по закладной, и создавала в лаборатории свои любимые духи. Чувство щемящей нежности охватило Алекса.

– Идем, – обнимая ее за талию, согласился он.

– Что я должен сделать, чтобы удержать тебя в постели? Какой здесь проклятый холод, – говорил Алекс, запахивая ту же халат и спускаясь в сад к Кэтлин, застывшей на скамейке. – Ты не знаешь, что сейчас три часа ночи?

– Я не замерзла и не хочу спать.

– В чем дело? Ледфорд? Танцующий Ветер?

– Нет, я думаю об этих детях. – В своей белой рубашке, серебрившейся в лунном свете, она была похожа па лилию. – Мне так повезло, Алекс. Всю свою жизнь я огорчалась, что обстоятельства складываются не так, как мне хотелось бы. Но подумай, сколько счастья было у меня.

– Да, твое Вазаро, конечно, это счастье.

– И Танцующий Ветер, – мягко добавила она. – У меня было прекрасное настоящее и чудесная мечта. Неважно, что все это рухнуло потом. Они навсегда останутся в моей памяти. А что вспомнить этим детям?

– Со временем их жизнь изменится к лучшему и появятся другие, более приятные воспоминания.

– Это совсем другое. – Она задумчиво смотрела прямо

перед собой. – Как ты думаешь, Челси сможет устроить так, чтобы детей отпустили немного погостить в Вазаро? Уверена, им было бы полезно поработать с цветами. – Она повернулась к Алексу, ее глаза возбужденно заблестели. – И это может быть уже скоро. Возможно, уже в следующем году, после того, как мы расчистим мусор и обломки и начнем сажать заново.

Алекс спокойно слушал, но на губах его мелькнула чуть заметная улыбка.

– Хочешь начать заниматься всем этим?

– Конечно. – Она вдруг закрыла глаза. – Я так хочу домой, Алекс. Скорей бы закончился весь этот кошмар, тогда я смогу вернуться.

– И тебя не испугает вид страшных разрушений?

– Это мой дом. Я должна сделать все, чтобы он ожил.

– Мы вместе сделаем это.

– Ты был прав. Я настолько увлеклась этими дневниками, что прошлое стало мне казаться лучше и значительней будущего. – Ее глаза были влажными, и слезинки на ресницах поблескивали в лунном свете. – Но, возможно, Катрин и Жюльетта так же мечтали о времени Санчии, а та, в свою очередь, погружалась в эпоху Андроса. Это как цепь, протянувшаяся во времени, и каждый из нас – ее отдельное звено.

– И они должны быть крепкими, эти звенья. – Он проглотил комок в горле. – А сейчас, пока ты окончательно не замерзла, немедленно в постель. – Он поднял ее и нежно поце-

ловал в кончик носа. – Почему бы тебе не позвонить завтра Жаку и не поговорить с ним обо всем?

– Нет. Еще рано. Прежде мы должны покончить со всем этим кошмаром, с Ледфордом.

– Отлично, значит, подождем. Осталось уже недолго.

Ганс полз по узкому проходу, помогая себе локтями и коленями, держа перед собой холщовую сумку с пластиковой бомбой и детонаторами.

Он едва мог дышать.

Темнота сгущалась вокруг. Страх леденил душу Ганса – он всегда боялся темноты и однажды имел слабость признаться в этом Ледфорду. Он вспомнил, как на глазах этого ублюдка выступили тогда крокодиловы слезы; глядя его по волосам, Брайэн обещал, что они будут теперь вместе бороться с этим страхом, что Ганс никогда больше не будет чувствовать себя одиноким.

И что же? Вот он снова один в темноте.

Еще несколько рывков...

Он дополз до поворота и, тщательно спрятав пластик вместе с таймером под несущей балкой, начал отползать назад. Даже если Ледфорду повезет и он сумеет вовремя обнаружить два других заряда, этот ему не отыскать. А его будет достаточно, чтобы взорвать все королевство Ледфорда вместе с сокровищницей.

Ему вдруг захотелось посмотреть, как все это запыляет. Может быть, укрыться где-нибудь неподалеку?

Нет, это небезопасно. Он не станет рисковать – если его обнаружат, все может провалиться. Теперь ему надо незаметно выбраться отсюда и достичь плато, чтобы приготовить такой же сюрприз и для Кракова. После этого, спрятавшись вдали за деревьями, он сможет полюбоваться великолепным зрелищем.

И вдруг он почувствовал резкую боль внезапно открывшейся раны. Ганс остановился, прижавшись пылающей головой к холодной стене туннеля. Это помогло, боль немного отступила. Распрямившись, Ганс побежал в потемках к полоске земли, озаренной мерцающим лунным светом.

Он бежал через пространство, холодный ночной воздух обжигал его щеки. Гневное ликование переполняло его, в больной голове, как молоточки, стучали слова: «Ты умрешь сукин сын! Ты взлетишь на воздух со всеми своими проклятыми сокровищами. Я отомстил!»

Спустя десять минут он достиг откоса, отделявшего плато, и заскользил по его глинистой почве в своих легких теннисных туфлях.

– Ганс?

Он весь напрягся, подняв голову и уставившись вверх. Темный силуэт закачался над ним. Брайэн!

– Что ты здесь делаешь, мальчик?

Ярость пронзила Ганса. Он инстинктивно нагнулся вперед, рука схватилась за нож.

И вдруг снова – острая боль! На миг Гансу Показалось что

его голова сейчас взорвется. Он упал на колени тьма заволочла его глаза.

– Я говорил, что тебе не составит труда справиться с ним, – говорил Брайэн кому-то, стоявшему позади Ганса. – Не стоит добивать его, бедному парню и так досталось. – Он сделал шаг вниз и склонился над Гансом. – Ах; Ганс, и что мы только сделали с тобой?

Ганс ничего не ответил, его обступила плотная завеса темноты.

Брайэн обмывал висок Ганса влажным полотенцем. Когда юноша приоткрыл глаза, то сразу понял, что находится в сокровищнице. Его взгляд скользил по античным скульптурам, кубкам, живописным полотнам, Пока не остановился на Танцующем Ветре на столе посреди комнаты.

Ему хотелось расплющить голову Брайэна этой статуэткой.

– Ублюдок, – прошептал Ганс, переводя взгляд на Ледфорда.

Брайэн вздрогнул:

– Я заслуживаю этого. – Глаза его блеснули влагой. – Я не хотел... Краков настаивал... ты знал слишком много. После смерти Смита оставлять тебя было опасно.

– Я убью тебя.

– Ганс, послушай, я сразу понял, что ты намерен помешать Кракову принять участие в конференции. – Помолчав, Брайэн добавил печально: – Но у тебя было недостаточно пла-

стика и взрывчатки, чтобы убраться от нас обоих мой мальчик. Как же теперь ты хочешь расправиться со мной? Вонзить мне нож в спину? Я помню, ты умел ловко обращаться с ножом.

Значит, Брайэн не догадался, что он уже установил заряд в его туннель, и считает, что успел перехватить его на пути к сокровищнице. Свирепая радость охватила Ганса. Что ж, он умрет, но и Брайэн последует за ним.

– Почему обязательно нож? – Кривая усмешка появилась на губах Ганса. – Может быть, несколько пуль из ружья, вроде тех, которыми ты угостил меня?

– Я уже сказал, что не хотел этого. – Брайэн протянул руку и убрал золотистую прядь со лба юноши.

Ганс отдернул голову, чтобы уклониться от прикосновения Брайэна, и с отвращением посмотрел на него.

– Ты ненавидишь меня. И я понимаю твои чувства. Но говорю тебе, во всем виноват Краков. И он еще поплатится за это.

– Так ты не хотел причинить мне вреда? – В голосе Ганса звучала насмешка.

– Да, это правда. Как мне убедить тебя? Ты для меня как сын. – Брайэн печально покачал головой. – Я ведь вполне мог убить тебя там, на плато, но не сделал этого.

– Почему же?

– Потому что я хочу, как прежде, заботиться о тебе.

Ганс презрительно фыркнул.

– Я искал тебя по всему Парижу.

– Чтобы закончить свою работу?

– Чтобы исправить положение. И теперь я могу сделать это. Мы снова будем вместе. Вспомни все наши планы. Я хочу, чтобы мы осуществили их.

«Брайэн думает, что может дурачить меня по-прежнему, – удивился Ганс. – Даже после того, что он сделал!! Ему наверняка надо, чтобы я сделал для него еще что-то».

– Мы заберем все эти сокровища и отплывем в Южную Америку. – Брайэн помолчал. – Краков, разумеется, не получит ничего. Мне нужна твоя помощь, чтобы расправиться с ним. Это будет истинным удовольствием для тебя. Пусть наконец этот идиот заплатит за то, что произошло с тобой по его вине.

Гансу стало все ясно. Брайэн захотел избавиться от Кракова и решил эту грязную работу сделать его руками.

– Ты должен поверить, как я раскаиваюсь, что причинил тебе зло, – шептал Брайэн. – Дай мне шанс.

Шанс использовать его и затем избавиться, теперь уже наверняка. Ганс ощутил поднимавшуюся в нем ярость, но заставил себя подавить ее. Нет, на этот раз он сам использует Брайэна. Что ж, он позволит ему полюбоваться гибелью Кракова, но почти тут же взорвет на миллионы мелких кусочков и его самого, и эту сокровищницу.

Брайэн легонько поглаживал руку Ганса.

– Ты позволишь мне помочь тебе расправиться с Краковым?

Ганс посмотрел прямо в глаза Ледфорду и улыбнулся своей ангельской улыбкой.

– Разумеется, я не упущу такой шанс, Брайэн.

Гольдбаум позвонил Алексу на следующий день в десять утра.

– Блэкдемп – это такой природный газ, он скапливается под землей.

– А содийум V?

– Его применяют для особых шахтерских ламп. Пары содиума препятствуют возгоранию этого газа.

– Шахты! Бог мой! – Алекс подскочил в кресле. – Какой же я идиот! – Он положил трубку и повернулся к Кэтлин. – Возня с этим домом Ледфорда заслонила для меня главное.

– Что?

– Я совершенно упустил из виду то, что мне рассказал Гольдбаум о путешествии Ледфорда по Турции. Ведь сначала он посетил несколько городов на побережье Дарданелл, потом приехал в Стамбул и купил дом на улице Оружейников. Я попался на этот дом, а мне нужно было понять, что главное – зона раскопок. Там все начиналось.

Итак, Троя.

Высадившись в порту Чанаккале, они взяли напрокат джип и отправились по главной дороге вдоль побережья мимо небольших отелей, пляжей и палаточных городков.

Минут через двадцать они увидели поворот с дорожным указателем «Раскопки 5 км».

– Полагаешь, Ледфорд прячет свои сокровища в развалинах Трои? – спросила Кэтлин.

Алекс кивнул.

– В туннеле.

– В туннеле Андроса? – Кэтлин сделала большие глаза.

– Я помню, что Ледфорд постоянно носился с книгой Лили Андреас и легендами о Танцующем Ветре. В книге Лили нет детального разбора этих легенд, но упоминается, что Андрос спасся из Трои через туннель, выходящий на некий холм в отдалении.

– Думаешь, Ледфорд нашел этот туннель?

– Судя по всему, да. Все складывается одно к одному. Первое: Ледфорд был одержим Танцующим Ветром. Второе: он заказал специальные фонари, которыми пользуются под землей. Я думаю, что он побывал здесь, отыскал туннель и нашел, что это превосходное место для хранения украденных сокровищ. Он сумел убедить Кракова, что финальный акт их плана должен быть разыгран здесь, в Турции. Купленный на имя Ледфорда дом на улице Оружейников оставался пустым, в то время как его хозяин обитал на побережье. Отсюда всего полтора часа до Стамбула. Еще один плюс – Троя находится рядом с маленьким портовым городком Чанаккале, а награбленные шедевры легче переправлять морем.

– Следовательно, «Аргос» может стоять в одной из гаваней у побережья Дарданелл, а вовсе не в порту Стамбула.

– В этом я совершенно уверен, но смотри внимательней,

мы приближаемся к месту раскопок Трои.

Волнение охватило Кэтлин, она выпрямилась на сиденье. Она помнила об этих раскопках еще по лекциям в Сорбонне. Но то, что она увидела, разочаровало ее.

Холм, под которым покоились останки древней Трои, являл собой беспорядочное нагромождение земли и камня. Вплоть до бирюзовых вод Эгейского моря земля вокруг него была изрыта траншеями. Два автобуса со школьниками припарковались у входа на территорию раскопок, и дети гурьбой посыпались к сказочному Троянскому коню, вернее, к его макету, помещенному у фронтальных ворот. Издали, со стороны Кэтлин, этот огромный деревянный конь казался игрушкой, стоящей на детской площадке, и вид у него был скорее жалким, чем устрашающим. Неужели здесь покоился великий город, описанный Гомером? Кэтлин обернулась к Алексу.

– Ты бывал здесь когда-нибудь? Алекс печально покачал головой.

– Я слышал, что это довольно грустное зрелище. Иногда лучше избегать встречи с реальностью и продолжать жить в своем воображаемом мире. – Он показал на холмы в отдалении. – Как думаешь, к какому из этих холмов может выходить туннель Андроса? Это все равно что искать иголку в стоге сена.

– Но, может быть, нам улыбнется удача. Около выхода из туннеля должна быть красная треугольная скала.

– Которая за это время могла обрасти вековой пылью. Эта скала упоминается в книге Лили Андреас?

Кэтлин кивнула.

– Должны же быть какие-то приметы. Если Ледфорд сумел открыть этот туннель, их просто не может не быть.

– Нам остается рассчитывать на это «если».

Алекс прибавил скорость и повел джип на юг, к холмам, видневшимся в отдалении.

Им не повезло.

Они колесили на своем джипе среди кустарника по боковым дорогам, изрезанным колеями, весь день. Ничего похожего на треугольную скалу, вообще ни малейшего намека на существование туннеля. Наконец с наступлением темноты они были вынуждены прекратить свои безуспешные поиски и вернуться в Стамбул.

Кемаль нежился на кушетке, когда они вошли в коттедж. Он небрежно отбросил в сторону компьютерные распечатки с длинными рядами цифр.

– Думаешь, это действительно может помочь открыть статуэтку, Алекс?

– Вполне возможно.

– Интересно. Разумеется, ничего такого, что способно потрясти мир, но достаточно интересно. – Взглянув на Кэтлин, он сочувственно покачал головой. – Ты выглядишь очень усталой. Нашли что-нибудь?

– Землю, сосны и скалы.

– Не слишком много.

– Я так и думал, что этого занятия нам хватит надолго, – сказал Алекс. – Но Чанаккале не слишком далеко отсюда, и завтра мы можем вернуться к нашим поискам. Во-первых, надо будет посмотреть, нет ли в близлежащих гаванях «Аргоса», затем поискать след Ледфорда в местных отелях, он все же любит комфорт. Не думаю, чтобы он согласился постоянно жить под землей.

Внезапно зазвонил телефон на столе перед Алексом.

– Должно быть, это Гольдбаум. Хотя вряд ли он уже успел раздобыть что-нибудь новое. – Алекс снял трубку. – Гольдбаум?

– Кто это, Гольдбаум?

Сердце Алекса чуть не выпрыгнуло из груди.

– Ледфорд.

Кемаль пробормотал что-то невнятное. Кэтлин шагнула ближе к телефону.

– Давно мы с тобой не болтали, Алекс. Но это делает наш сегодняшний разговор лишь приятней после такой долгой разлуки, не так ли? Я слышал, что шлюха из Вазаро все еще с тобой. Это твоя ошибка. Разве я не ясно дал тебе понять, насколько меня раздражает ее присутствие?

– Как ты узнал, что она здесь?

– Потому что мне удалось посмотреть сегодня на вас обоих. Зона раскопок – такое чудесное место, столько истории. – Он помолчал. – Не предполагал, что ты решишься атаковать

мою маленькую сокровищницу, впрочем, ты всегда удивлял меня. Но, предупреждаю, Алекс, твое время истекло. Меня ты все равно не достанешь, лучше подумай о собственной безопасности.

– Где ты? – спросил Алекс.

– Сегодня ты чуть не наткнулся на меня, прыгая по кочкам на своем джипе. И я решил вознаграждать твою проницательность еще одним клочком информации. – Он помолчал. – Это действие будет разыграно не во дворце.

– Какое действие?

– Оставь притворство, Алекс, мне становится скучно. Я уверен, что ты уже знаешь о приезде британской делегации.

– Возможно. И на какую сцену ты предполагаешь перенести это действие?

– Ты спрашиваешь слишком много. Попробуй додуматься сам. – Он усмехнулся. – Если тебе это удастся, получишь еще одну небольшую награду.

– Что же это за награда?

– Твоя шлюха из Вазаро умрет легко и быстро. У меня действительно есть уважительная причина, чтобы убить ее, Алекс. – Его голос стал мягким, как бархат. – Приближается финал нашей захватывающей игры, и тебе понадобится вся ясность твоего ума. Женщина будет лишь мешать тебе. – Он помолчал. – А наш поединок становится все более интересным, не так ли?

– Увы, должен тебя разочаровать, – усмехнулся Алекс. –

То, что запрограммировано, уже не возбуждает, Ледфорд. Неизвестность была гораздо более интригующей.

– Не обманывай себя, Алекс. Ты хочешь пройти эту игру до конца не меньше меня. И знаешь почему?

– Надеюсь, что ты объяснишь мне.

– Потому, что мы слишком похожи. Я уже как-то говорил, что в тебе странным образом сочетается средневековый рыцарь и ренессансный злодей. Ты ведь знаешь, кто вершил судьбы в эпоху Ренессанса. Черные принцы – Борджия и Медичи. – Его голос стал внезапно очень ласковым. – Ты – черный принц, Алекс. Я понял это с первого момента, как только увидел тебя, этим и объясняется моя слабость к тебе. Но ты должен отбросить этот твой рыцарский комплекс. Сделай это, Алекс.

– Заткнись.

Ледфорд вздохнул.

– Я так и не сумел убедить тебя, Алекс. Жаль, но тем хуже для тебя. Мое терпение кончается, я не могу больше ждать.

Ледфорд прервал разговор.

Алекс отшвырнул трубку.

Кемаль вопросительно смотрел на него.

– Он сказал, что во дворце не произойдет ничего интересного, действие трагедии переносится на другую сцену. Надо будет сообщить об этом Джонатану.

– Неужели ты можешь верить Ледфорду? – спросила Кэтлин.

– Да, потому что действие во дворце должно было быть разыграно по плану Кракова. Очевидно, у Ледфорда есть еще и собственный.

– Двойная игра? – спросил Кемаль.

– Скорее всего.

– А когда в таком случае Ледфорд планирует свое вмешательство – до или после Кракова?

– Не знаю, от Ледфорда можно ожидать всего. – Алекс повернулся к Кэтлин. – Мы сию же минуту переселимся в «Хилтон». Пакуй чемоданы.

– Хорошо. – Взгляд Кэтлин задержался на телефоне. – Алекс, как он мог узнать наш номер?

– Мы держались слишком открыто. За нами легко было проследить, хотя бы сегодня. – Алекс обернулся к Кемалю. – Ты можешь найти двух надежных телохранителей для Кэтлин до конца этой конференции?

– Это не сложно. У меня полно такого рода знакомых, привычных к оружию и крутых в обращении. – Выражение его лица вдруг стало более серьезным и сосредоточенным. – Я не допущу повторной ошибки, Алекс. Обещаю, с Кэтлин не случится ничего плохого.

Проснувшись на следующее утро в «Хилтоне», Алекс оставил Кэтлин и поспешил на третий этаж, где находился номер Джонатана.

– Черт побери, кажется, в посольстве обманывают тебя. Если покушение состоится не во дворце, тогда все их меры

предосторожности – сплошное притворство, – начал Алекс, едва войдя в комнату.

– Или, возможно, Ледфорд обманывает тебя. Разве он не делал этого раньше? – Джонатан уселся в кресле, вытянув и скрестив ноги. – Ты сам говорил, какая это непредсказуемая личность.

– На этот раз он не лгал. Я знаю его. И видит бог, чего мне стоит доискиваться до его подлинных замыслов.

– Превосходно. Допустим, что Ледфорд сказал тебе правду. Но в посольстве могут еще не знать о перемене места.

– Или времени.

– Времени? Насколько я знаю, конференция назначена на послезавтра на три часа дня.

– Да, разумеется, это официальная информация из газет, – сказал Алекс. – Но если меняется место, почему бы не изменить и время? Возможно, Краков решил провести встречу в другом месте и в другое время, чтобы предохранить членов конференции? – Он в задумчивости покачал головой. – Мы ни в чем не можем быть уверены.

Джонатан вдруг поднялся.

– В таком случае нам надо отправиться в посольство и попробовать разузнать хоть что-то.

Алекс двинулся к двери.

– Да, это первое, что приходит в голову.

– Ты возьмешь с собой Кэтлин?

– Нет.

– А если ей это не понравится?

– Очень плохо, если будет так. МакМиллан сказал, что она является мишенью, и он был прав. Здесь, под надзором телохранителей, она в безопасности. Если же я начну таскать ее за собой по всему городу... – Он вдруг остановился, пораженный внезапной мыслью. – Боже!

Джонатан вопросительно поднял брови.

– Нет, конечно, это все пустяки. Совершенно абсурдное предположение. Хотя... – Алекс нахмурился. – Я еще подумаю об этом. А сейчас идем.

– Что это за зловещие личности в холле? – спросила Челси, входя в номер Кэтлин.

– Телохранители, которых нанял Кемаль. Тот, что со шрамом, – Али, а бледный и невозмутимый, как мертвец, – Гамад. – Кэтлин скорчила гримасу. – Я предпочла бы встретиться в темной аллее Ледфорда, чем одного из них.

– И это было бы большой ошибкой, – хмыкнула Челси. – После того, что произошло в Вазаро, Ледфорд представляется мне не слишком приятной фигурой. Я пришла потому, что Джонатан просил меня побыть с тобой. Они вместе с Алексом отправились в посольство.

Кэтлин нахмурилась.

– Почему Алекс не взял меня с собой?

– Да, он предвидел твое недовольство, – усмехнулась Челси. – И просил передать, что посольство – это не то место, куда можно отправляться всей компанией. Ты должна тихо

сидеть здесь, в своем номере. – Челси подошла к телефону. – Я только что вернулась из отдела благотворительности и даже не успела позавтракать. Хочешь что-нибудь?

– Кофе. – Кэтлин села в кресло напротив. – Как дети?

– Все замечательно. – Легкая тень омрачила лицо Челси. – Только Мелис молчалива и подавлена. Думаю, надо напомнить Кемалю, чтобы он снова проведал ее.

– Снова?

– Он навещал ее прошлым вечером. Воспитательница говорит, что Мелис лучше спала после его посещения. Кстати, где он сейчас?

Кэтлин покачала головой.

– Понятия не имею. Он исчез, оставив вместо себя двух этих телохранителей в холле.

– Я же говорил тебе, что они ничего не знают, – объявил Джонатан, выходя в фойе посольства, где его ждал Алекс. – Симоне весь передернулся, когда я высказал предположение о возможном секретном проведении встречи.

– Самим нам не справиться с этой задачей, – нахмурился Алекс. – Ты имеешь выход на кого-нибудь из окружения Картрайт?

Джонатан задумался.

– Нет, но я знаю Филиппа Пибоди из Скотленд-Ярда. Возможно, он поможет мне связаться с одним из членов британской делегации. – Джонатан направился к небольшой приемной, примыкавшей к фойе. – Попробую позвонить сразу

отсюда.

– Что ж, попробуй. – Алекс последовал за ним. – Но ради бога, не ошибись. – Он осекся, заметив недоуменный взгляд Джонатана. – Извини, сам не знаю, что говорю. Я совсем на грани.

Алекс опустился в кресло, стоявшее в приемной, рассеянно поглядывая на Джонатана, набравшего номер Скотленд-Ярда. Он попытался освободиться от своего постоянного страха за Кэтлин, от ненависти к Ледфорду и связать воедино кусочки своего кроссворда. В одном Ледфорд был прав – эмоции мешали сосредоточиться. Но в этот критический момент Алекс должен был взять себя в руки. Закрыв глаза, он холодно и отстраненно обдумывал все заново.

– Мы должны бежать отсюда!

Челси и Кэтлин, изумленные, уставились на Кемалю, ворвавшегося в их номер. Его черные кудри были взъерошены, а на губах блуждала странная улыбка.

– Здесь больше не безопасно, Кэтлин.

Кэтлин ощутила поднимавшуюся в ней волну страха.

– Что случилось? Ледфорд?

– Да. Али узнал одного из его людей, переодетого в униформу официанта. – Кемаль потянул ее за руку, заставляя встать. – Где Алекс?

– Он пошел в посольство.

– Черт. – Кемаль пожал плечами. – Ты можешь оставить ему записку, напиши, что мы отправились ко мне, на улицу

Мастеров Тюрбанов.

– Это сделаю я. – Челси прошла в гостиную и быстро нацарапала что-то на клочке бумаги.

Кемаль схватил Кэтлин за руку и потащил к двери.

– Возвращайся в свой номер, Челси. Для тебя тоже небезопасно оставаться здесь.

– И как ты собираешься доставить ее на место? – язвительно поинтересовалась Челси. – Машины у тебя нет. Может быть, ты намерен отвезти ее на велосипеде?

Кемаль нахмурился.

– Я возьму машину напрокат.

– Неплохая идея. – Челси схватилась за телефонную трубку. – Я позвоню администрации и закажу для нас машину к главному входу.

– Для нас? – Кэтлин укоризненно покачала головой. – Это не должно касаться тебя, Челси.

– Она права, – поддержал Кемаль. – Ты не должна рисковать вместе с нами.

Челси решительно поджала губы.

– Я не могу оставаться равнодушной к делам этого Ледфорда и его наемников. Они едва не убили мою дочь. Я жду своего случая, чтобы расквитаться с этим ублюдком.

– Не нравится мне это, – сказал Кемаль.

– Мне тоже не очень-то понравилось разъезжать на твоём багажнике, – сказала Челси. – Но иногда приходится принимать вещи такими, как они есть, нравится нам это или нет.

Алекс вдруг открыл глаза и выпрямился в кресле.

– Боже!

– Что случилось? – поинтересовался Джонатан.

– Положи трубку. – Алекс вскочил и подбежал к нему. –

Мне нужно срочно позвонить МакМиллану.

Барни ответил на другом конце провода и немедленно соединил его с МакМилланом.

– Что еще, Каразов? Мне это начинает уже...

Алекс нетерпеливо прервал его:

– У меня к тебе несколько вопросов, конфиденциальных.

Барни все еще с тобой?

– Алекс, что...

– Дай ему какое-нибудь задание и выпроводи.

– Мне не очень нравится...

– Сделай то, что я говорю!

– Ты не можешь приказывать... – Он прервал разговор, и Алекс услышал его приглушенный голос, обращенный к Барни. После чего МакМиллан сухо сказал: – Даю тебе ровно две минуты, Каразов.

– Назови мне место проведения конференции Кракова.

– Откуда мне знать? Из Штатов никого не приглашали.

– Тем не менее ты знаешь.

– Какое тебе до этого дело?

– Да, это будет твое дело, когда Ледфорд сделает трупами половину участников конференции.

– Это невозможно. Приняты надежные меры.

– Ладно; поговорим о другом. Кто знал, что я в Париже?

– Человек, которому я поручил следить за тобой.

– А кто знал, что я в Стамбуле?

– Врач, который лечил тебя после ранения.

– И больше никто?

– Нет.

– Ты ошибаешься. Ледфорд знал. Я проанализировал два этих совпадения. В Париже я мог совершить промах, но не в Стамбуле. Ледфорд узнал даже мой телефонный номер здесь, хотя он записан на другое имя.

– Ледфорд расстался с нами год назад.

– Он сам говорил, что у него остались источники информации. Для кого-то контакт с ним мог оказаться очень выгодным.

– Уж не меня ли ты имеешь в виду? – МакМиллан рассмеялся.

– Нет, я так не думаю. – Алекс помолчал. – Полагаю, это Барни.

– Ты свихнулся, – равнодушно заметил МакМиллан.

– Разве не Барни занимался приготовлениями к конференции Кракова?

МакМиллан чуть помедлил.

– О'кей, этим занят Барни, но не думаешь же ты...

– Где? – прервал его Алекс.

Слегка поколебавшись, МакМиллан пробормотал:

– В Трое. Краков считает, что Картрайт должна оценить

проведение встречи в таком значительном историческом месте. Его новая идея нуждается...

– Когда?

– Сегодня в три часа дня. Участников встречают в Чанаккале. Краков подготовил пуленепробиваемый автобус на 2 часа 45 минут.

– Вы проверили автобус?

– Этим заняты люди из службы британской безопасности. Это не автобус, а настоящий танк. Перед посадкой он снова будет тщательно обследован. Нет проблем.

– А территория раскопок?

– Дорога оцеплена со вчерашней полуночи и патрулируется. Никто не может проникнуть туда без специальных документов.

– А что, если кому-то уже удалось пробраться туда заранее?

– Невозможно. Обследовано все пространство на протяжении десяти миль. Уверяю тебя, безопасность полная.

– А я говорю, что в вашем спектакле участвует Ледфорд. Барни его человек.

– Барни? – МакМиллан снова недоверчиво рассмеялся. – Что такое?

Алекс тоже услышал это – сухой щелчок, так бывает, когда кладут трубку на параллельном аппарате. Он быстро проговорил:

– Уходи из кабинета, МакМиллан, позвони откуда-нибудь

в службу британской безопасности, скажи...

Снова какой-то непонятный приглушенный звук на другом конце провода, потом Алексу показалось, что МакМиллан выронил из рук трубку.

– МакМиллан!

Пустота. Потом кто-то снова положил трубку на аппарат, и послышались короткие гудки. Связь была прервана.

Алекс понял, что произошло, он слышал выстрел из пистолета с глушителем. Он повернулся к Джонатану.

– МакМиллана убрали. Конференция будет в Трое, Барни знает, что мы идем по следу Ледфорда, и сделает все, чтобы мы не смогли приблизиться к зоне раскопок. Остается меньше пяти часов до начала встречи. Джонатан, мне нужно узнать кое-что, ты должен помочь. – Алекс достал из кармана клочок бумаги с телефонным номером, который ему продиктовал Гольдбаум. – По этому номеру Ледфорд постоянно звонил в Стамбул. Мне необходимо узнать владельца.

Джонатан внимательно посмотрел на Алекса и, взяв клочок бумаги, вышел из приемной.

Алекс старался сохранять ясность мысли. Он мог ошибаться. Все возможно. Боже, как он хотел ошибиться.

Джонатан вернулся в приемную.

– Телефон записан на имя Кемаля Немида, улица Мастеров Тюрбанов, 423.

Теперь Алекс понял, почему ему никак не удавалось решить этот кроссворд.

– Бог мой!

– Не ожидал?

– Ожидал, но боялся ошибиться. Я просил МакМиллана дать мне какого-нибудь их агента в Стамбуле, тот поручил это Барни, который решил заменить этого агента человеком Ледфорда. Кемаль – человек Ледфорда в Стамбуле. Кемаль, которому я поручил теперь охрану Кэтлин. – Рука Алекса дрожала, набирая номер в «Хилтоне».

Длинные гудки. Никто не подходил.

Он похолодел от страха, вспомнив, как почти вот так же стоял, ожидая ответа, сжимая в руках телефонную трубку, в то время как в соседней комнате наемники Ледфорда зверски разделялись с Павлом. Алекс отбросил трубку.

– Идем, надо спешить в отель.

– Можешь припарковаться здесь, – сказал Кемаль. – Этот автомобиль не сможет проехать по нашей узкой улице.

Челси окинула взглядом извилистую улочку, разбитый булыжник и кивнула:

– Да, теперь я понимаю твое пристрастие к велосипеду.

Кемаль соскочил с пассажирского сиденья, открыл заднюю дверцу для Кэтлин и, обойдя «Форд», приблизился к водительскому месту, на котором сидела Челси.

– Ты не изменила своего решения? Не хочешь вернуться в отель?

Челси отрицательно покачала головой и взялась за ручку дверцы.

– Нет, ни за что.

Кемаль смотрел на нее, раздумывая.

– Мне очень жаль. – Он открыл дверцу и положил руку на плечо Челси. – Но хорошо, что ты...

Голова Челси внезапно упала на руль, каскад огненных кудрей на сером пластике.

Кэтлин испуганно вскрикнула и рванулась к ней.

– Челси, что с тобой? – Она, ничего не понимая, уставилась на Кемалья. – Что это...

– Не думаю, что это серьезно, – откликнулся тот и, взяв ее руку, помог дотронуться до Челси. – Температура нормальная.

– Но она же без сознания! – Вдруг Кэтлин ощутила какой-то слабый укол, когда рука Кемалья коснулась ее плеча. – Как можешь ты говорить, что это...

– Прости, Кэтлин, – пробормотал он, нежно подхватывая ее, медленно оседавшую на землю.

– Алекс, мальчик мой, наступило время заключительного акта нашей игры, – объявил Ледфорд, как только Алекс снял трубку в номере «Хилтона».

– Где они? – тут же спросил Алекс.

– Твои нервы, кажется, слишком натянуты. Обе леди в полном порядке, все будет нормально, если ты согласишься следовать моим инструкциям.

– Их нет у Кемалья, мы уже были там.

– Ну конечно же, их там нет. Я никак не ожидал, что ты

придашь какое-то значение этой записке. Они сейчас находятся на пути ко мне.

– В Трою?

– Да. – Ледфорд вдруг заговорил быстрее: – Кемаль встретит тебя на повороте в зону раскопок и доставит прямо ко мне. Отправляйся поживей в дорогу. – В трубке запищали короткие гудки.

Алекс быстро повернулся к Джонатану.

– Говорит, что они живы. Я должен сейчас же ехать в Трою.

– Я еду с тобой.

– Подумай, возможно, ты выбираешь билет в один конец. У меня не много шансов одержать победу в этой схватке.

– Я отправляюсь с тобой, – настойчиво повторил Джонатан. – Как можно добраться туда?

– Мы возьмем напрокат джип, Кемаль встретит нас на повороте к Трое.

Ледфорд вышел на площадку, где его поджидал Ганс.

– Ну что ж, наступил твой час, мальчик, – нежно проворковал он. – Надеюсь, ты выбрал удачное местечко.

– Довольно удачное. – Ганс пожал плечами. – На соседнем холме. Спрятано под землей.

– Взрывчатки достаточно?

– Не волнуйся, я знаю свое дело.

– Разумеется, ты его знаешь. – Ледфорд ласково улыбнулся. – После того как ты избавишь нас от Кракова, возвращай-

ся обратно в туннель. Мы переждем там, пока побережье не очистится от солдат. Понимаешь?

– Я не так уж и глуп. – Руки Ганса нервно сжали черную холщовую сумку. – Я уберу Кракова, а взрыв разнесет на кусочки Картрайт и всю делегацию. – Он посмотрел в сторону комнаты, из которой вышел Ледфорд. – Когда ты начнешь упаковывать свое старье? И как думаешь переправлять его?

– Не волнуйся. Кемаль сумеет провезти все мимо постов проверки на военной машине. Сделай хорошо свою часть, а остальное предоставь мне.

Первое, что увидела Кэтлин, приходя в сознание, это загадочные изумрудные глаза Танцующего Ветра, смотревшие на нее из глубины комнаты.

Сон...

Ее тяжелые веки снова начали опускаться.

– Хватит, проснись, – кто-то тряс ее за плечо. Снова открыв глаза, Кэтлин увидела склонившуюся над ней Челси.

– Челси?

– Кто же еще? – откликнулась та. – Скорей приходи в себя. Мы не можем позволить себе терять время даром.

Это было совершенно в характере Челси, считавшей, очевидно, что человек должен контролировать себя даже в бессознательном состоянии. Как будто такое возможно.

Кэтлин покачала головой, пытаясь вспомнить, что же, собственно, произошло.

– Кемаль...

– Грязная крыса, – отозвалась Челси. – Король грязных крыс.

– Здесь какая-то ошибка. Он не мог так поступить с нами.

– Никакой ошибки, он предал нас.

Кэтлин осмотрелась. Маленькая темная комната, стены обшиты грубыми досками, вместо пола голая земля. Две двери, кушетка в дальнем углу, стол и стул. Единственный источник света – фонарь, стоявший на полу, – бросал слабые отблески на золотую фигурку на столе. Танцующий Ветер!

И это не было сном. Статуэтка и в такой убогой обстановке смотрелась не хуже, чем в зеркальном зале Версаля.

Кэтлин с трудом поднялась и села, скрестив руки на груди и обняв себя за плечи, пытаясь защититься от холода, царившего в комнате.

– Здесь ужасно холодно. Как ты думаешь, где мы находимся?

Челси пожала плечами.

– Я и сама хотела бы это знать. Обе двери закрыты. Я уже пробовала.

К Кэтлин понемногу возвращалась способность соображать.

– Ледфорд. Мы у Ледфорда. У него сейчас Танцующий Ветер.

– Пожалуй. Король грязных крыс Кемаль работал на него.

– Не могу поверить, что Кемаль способен на такое, – сказала Кэтлин. – Челси, я знаю его, он бы не смог... – Она за-

молчала, услышав, как ключ поворачивается в замке дальней двери.

В комнату вошел мужчина плотного телосложения.

– Добрый день, леди. Позвольте представиться. Я – Брайэн Ледфорд.

Как же обычно он выглядел! Да, это был тот же человек, что и на фотографии, которую вручил ей Алекс: солидный, крепкий, с добродушным румяным лицом – ничего злодейского.

– Надеюсь, вы чувствуете себя нормально. Кемаль уверял, что побочных эффектов не последует. – Он посмотрел на часы у себя на запястье. – Вы очнулись точно в то время, что он указал. Впрочем, на него всегда можно было положиться. Несмотря на легкомысленный вид, этот парень умеет действовать очень четко.

Кэтлин охватило острое чувство разочарования. Предатель.

– Где мы?

– Еще не догадались? В туннеле, который вчера так старательно разыскивал Алекс. Кемаль доставил вас сюда на той самой машине, которую так предусмотрительно заказала миссис Бенедикт.

– Полагаю, глупо спрашивать, по какой причине мы находимся здесь?

– Вы и сами можете догадаться. – Ледфорд улыбнулся. – Каким еще образом я мог бы заманить сюда Алекса? – Он

повернулся к Челси: – Впрочем, вы здесь неожиданный гость, хотя и очень приятный. Имея дело с Кемалем, всегда можно рассчитывать на дивиденды.

– И где это юное дарование? – спросила Челси. – Я бы с удовольствием разбила его самоуверенную физиономию.

Ледфорд громко расхохотался.

– Я предвидел это и, чтобы слегка остудить ваш пыл, отправил его встретить нашего друга Алекса. Британские секретные службы не пропустят его сюда без соответствующих документов. – Ледфорд повернулся к Кэтлин: – Можете себе представить, он воображает, что я намерен вступить с ним в переговоры по поводу вас, но его ждет сюрприз – я собираюсь отправить вас обеих попутешествовать.

Кэтлин изо всех сил старалась казаться спокойной.

– Разве вы не собираетесь убить нас?

Искра симпатии сверкнула в глазах Ледфорда, внимательно изучавшего ее лицо. Он улыбнулся.

– Я думал, вы будете больше бояться. Мне следовало бы понять, что Алекс дорожит вами не только ради секса.

На самом деле Кэтлин страшно боялась – до тошноты, но ни за что не позволила бы ему заметить это.

– Надеюсь, его вы не намерены убивать? Улыбка Ледфорда погасла.

– Нет, если он будет вести себя разумно. Я вовсе не стремлюсь заканчивать нашу с ним игру. Но ваше присутствие придало ей слишком большую остроту.

Челси решила вмешаться.

– Может быть, поговорим по-деловому? Вы можете получить выкуп за нас. Я стою очень дорого.

– Это меня не интересует. Скоро я буду иметь денег столько, сколько пожелаю. Примитивное убийство также не привлекает меня. Я придумал кое-что более занимательное. Я хочу дать вам шанс выбраться отсюда. – Он обернулся к Кэтлин: – Полагаю, Алекс сказал вам, что я обожаю всевозможные игры?

– Он сказал мне, что вы убийца.

Ледфорд, несмотря на свой самоуверенный вид, вздрогнул.

– Не думал, что Алекс испытывает ко мне такую ненависть, – пробормотал он. – Это вы настроили его против меня?

– Я тут ни при чем. Алекс прекрасно знает вам цену, – резко сказала Кэтлин. – Зачем вы убили мою мать?

– Очень сожалею, но вам не следовало вставать между нами. Вы могли бы предвидеть последствия. Впрочем, все это уже в прошлом, – небрежно заметил он. При этих словах рука Ледфорда как бы случайно скользнула в карман, и в ней оказался пистолет. Рассеянно поигрывая им перед глазами испуганных женщин, Ледфорд подошел к двери рядом со столом. – Я подготовил несколько естественных препятствий на вашем пути отсюда. Прошу вас.

Ни одна из женщин не двинулась с места.

– Ну, хватит упрямяться. Я уверен, вы предпочтете любой шанс немедленной смерти. – Он вынул ключ из кармана и, повернув его в замке, распахнул дверь.

Кэтлин и Челси заставили себя сдвинуться с места и подошли к Ледфорду. Из непроглядной тьмы пахнуло холодом и сыростью. Казалось, дверь вела в черную пустоту. Но внезапно Кэтлин различила где-то впереди очень далекий проблеск.

– Дневной свет, – ласково пояснил Ледфорд. – Я был счастлив, когда мне удалось обнаружить древний троянский туннель. Он был прорыт с ответвлениями, и перед вами – одно из самых интересных. Можно пройти по этому спасительному маршруту, но ни в чем нельзя быть уверенным.

– Вы предлагаете нам спасительный маршрут? Я не ослышалась? – спросила Челси.

– Вы сомневаетесь? Впрочем, у вас есть для этого все зоны. Вы вполне можете так никогда и не дойти до конца туннеля. Я подготовил для вас несколько сюрпризов на этом пути.

– А что, если мы все же предпочтем остаться?

– Вы меня очень разочаруете. В таком случае я буду вынужден пристрелить вас обеих. Разве вы этого еще не поняли? – Глаза Ледфорда злобно сверкнули. – Когда вы спуститесь в этот туннель, у вас появится возможность не только выбраться самим, но и спасти британскую делегацию, – издевательски добавил он. – Вы прославитесь на весь мир. Раз-

ве это вас не вдохновляет?

– Вы чудовище, – гневно сказала Челси.

– Туннель выходит на Гиссарлыкское плато, где состоится конференция Кракова. – Он заметил, как широко раскрылись глаза Кэтлин. – Разве Алекс не сказал вам? Конференция состоится здесь и всего через какой-то час. Как раз сейчас участники едут сюда в специальном пуленепробиваемом автобусе. Краков собирается радушно встретить гостей и устроить им экскурсию по изумительным руинам. – Ледфорд помолчал. – Гвоздь программы – осмотр этого дурацкого деревянного коня. – Он скорчил гримасу. – Как вы полагаете, что может ожидать тех, кто захочет побывать в чреве этого пресловутого монстра?

– Какой-нибудь сюрприз, изобретенный древними греками? – спросила Челси.

Ледфорд громко расхохотался.

– Изумительно. Скорее, германцами. Прошлой ночью, еще до приезда солдат, я попросил моего друга Ганса положить небольшой заряд взрывчатки в голову лошади. Он работает, как только делегаты окажутся внутри этой статуи. – Ледфорд возбужденно взмахнул руками. – Бу-ум!

– Включая Кракова? – поинтересовалась Кэтлин.

– Вряд ли он захочет забраться туда. Для него я приготовил отдельный сюрприз. – Ледфорд печально покачал головой. – Да, да, мой друг Краков намеревался убрать с дороги меня и моих людей после того, как мы выполним свою роль

в его плане. Я слишком сентиментален, и мне никогда бы не пришло в голову первым избавиться от него. Я уже расплатился с моими людьми и отправил их своей дорогой. Мы остались втроем: я, Кемаль и Ганс. И еще – наш блестящий план.

– И вы хотите, чтобы мы вмешались в этот ваш блестящий план?

– Риска почти никакого. Ваши шансы ничтожно малы. Вряд ли вы дойдете до конца туннеля, что доберетесь до руин – еще менее вероятно. Но даже если каким-то невероятным образом вам удастся это, вы тут же наткнетесь на турецких солдат, британские секретные службы и антитеррористический отряд Кракова. Объяснение с ними будет слишком долгим. – Он вынул из кармана небольшой фонарик и несколько раз щелкнул кнопкой, прежде чем передать его Кэтлин. – Какая жалость, батарейки слишком слабые. Они могут выйти из строя через несколько минут. Но вдруг их хватит на столько, чтобы вам добраться до конца туннеля?

Рука Кэтлин нервно стиснула фонарик.

– Челси не участвует в нашей игре. Вы могли бы отпустить ее.

– И оставить вас без компаньонки, способной облегчить последние минуты? Алекс никогда не простил бы мне этого. – На его губах появилась усмешка. – Впрочем, довольно разговоров, вам уже пора, отправляйтесь. Вас ждет настоящее приключение. – Он прищелкнул пальцами. – О, я чуть

не забыл. Пожалуйста, снимите перед дорогой ваши туфли и чулки. – Он буквально расплылся в улыбке, оглядывая двух ошеломленных женщин – Ничто так не обостряет опасность и не делает человека таким уязвимым, как блуждание босиком в темноте. Я хочу, чтобы вы всей кожей чувствовали грозящую вам опасность, мисс Вазаро.

Кэтлин и Челси сняли чулки и туфли, бросив их на полу.

– Очень хорошо, – одобрительно кивнул Ледфорд. – Теперь я намерен распрощаться с вами, леди. – Он втолкнул их в черноту туннеля и захлопнул дверь.

В следующий момент они услышали, как ключ поворачивается в замке.

– Боже, все побережье прямо-таки кишит солдатами. – Джонатан оглянулся на военный грузовик, шедший за ними. – Каким образом Ледфорд надеется провести свою операцию?

– Ему даже по вкусу вся эта суматоха, уверяю тебя, – откликнулся Алекс, внимательно глядя по сторонам и стараясь не пропустить поворот. – Это уже походит на настоящее соревнование. Ледфорд стремится доказать, насколько он умен и способен перехитрить всех.

– Кому доказать? Тебе?

– Да. И еще самому себе. Который сейчас час?

– Двадцать пять минут третьего. Автобус с делегатами должен прибыть без четверти три. Как мы сможем пробраться сквозь все эти посты?

– А Кемаль на что? – Алекс мрачно поджал губы. – Такой парень всегда найдет выход. Он наверняка подумал о... – В этот момент Алекс заметил Кемалья, маячившего чуть впереди на дороге в своем красном пуловере и поношенных вельветовых брюках. Он казался таким же юным, как и в тот день, когда они впервые встретились в Стамбуле.

Алекс нажал на тормоз, и джип, подрагивая, остановился.

– Вы вовремя успели. Я недолго ждал. – Кемаль двинулся к пассажирскому сиденью рядом с водителем, где сидел

Джонатан. – Вы – Андреас?

Джонатан кивнул.

– Так я и думал. Мне знакомо ваше лицо по снимкам в газетах. Вы почти так же знамениты, как и Брюс Спрингстин.

– Спасибо, – сухо отозвался Джонатан. – Ты, конечно, Кемаль, о котором я тоже достаточно наслышан.

Кемаль открыл дверцу и сказал Джонатану:

– Будет лучше, если вы переберетесь назад, а я сяду на ваше место, потому что мне придется объясняться с постами.

Джонатан вышел из машины.

– Ты приготовил документы для нас?

– Разумеется. Краков наделил Ледфорда особыми полномочиями и снабдил документами всех его людей.

Джонатан уселся сзади и захлопнул дверцу.

– И за кого мы должны себя выдавать?

– За членов антитеррористического отряда Кракова. Это дает возможность свободного передвижения по всей территории. Не стоит беспокоиться. Предоставьте все мне.

Алекс включил зажигание.

– Почему бы и нет. Ты способен справиться с чем угодно.

Кемаль заглянул в лицо Алексу.

– Ты очень сердит на меня.

– Я сердит на самого себя. Мой бог, и я доверял тебе!

– Ты не должен слишком строго судить себя. Просто мне везет во всем, за что бы я ни взялся.

– И за что же ты взялся теперь?

– Я ведь уже говорил тебе однажды о своих планах. Моя цель – стать очень богатым человеком.

– Думаешь разбогатеть с этих кровавых денег, заработанных у Ледфорда?

– Ледфорд! Его песенка спета. – Кемаль пренебрежительно махнул рукой. – И ты ошибаешься: я не получил удовольствия, проливая чью-то кровь. Это не мое призвание.

– Что же тогда является твоим призванием? – язвительно поинтересовался Джонатан.

– Думаю, что Алексу известно об этом.

– Переменим тему, – сказал Алекс. – Итак, Джипси – это ты.

Кемаль кивнул.

– А Ирмак?

– О, разумеется, он тоже цыган. Если быть точным, то он – мой дядя. Сбежав от своего племени, я решил проведать родного дядюшку. – В тоне Кемалья послышалась горечь. – Ведь он был братом моей матери.

– Это ты убил его?

– Да. Он использовал меня и заслужил такую смерть. Не только я, многие пострадали от него.

– Я не собираюсь оспаривать твою точку зрения, но почему тогда ты не убил его раньше?

– Я сделал это, когда пришло время. Я знал, что скоро покину Стамбул, и было безопаснее не иметь за своей спиной Аднана. Его смерть послужила тройной цели. Она отвлекла

твое внимание от настоящего Джипси, то есть меня, помогла выручить несчастных детей из этого вертепа, и, наконец, она доставила мне огромное удовольствие.

– Значит, это ты подложил паспорта и бухгалтерские книги в стол?

Кемаль кивнул.

– Конечно, версию, что Аднан – это Джипси, можно было принять лишь с большой натяжкой, но я надеялся, что тебя отвлекут от сомнений подброшенные гроссбухи.

– И я клюнул на это. Боже, как я был глуп.

– Нет, – мягко поправил его Кемаль, – просто ты доверял мне.

– Доверчивый осел! – скрипнул зубами Алекс. – Расслабился настолько, что стал считать тебя чуть ли не своим другом.

– Не вини – себя. Тебе просто не хватило времени, чтобы докопаться до сути. К тому же я в самом деле относился к тебе очень нежно, и Ледфорд узнал о твоём местопребывании лишь после того, как ты был ранен. Он не подозревал, что я был в контакте с тобой еще до этого, я сказал, что мне не удалось выйти на тебя в Стамбуле. Но после того как Кэтлин позвонила МакМиллану с просьбой прислать врача, у меня не оставалось выбора. Мне нужно было успеть доложить Ледфорду о нашей связи первым, пока это не сделал Барни.

– Если Ледфорд знал, где мы, почему не было больше ни

одного покушения на Кэтлин?

– Смерть Феррацо выбила его из равновесия. Он никак не мог понять, чьих это рук дело. Барни сообщил ему, что люди МакМиллана не участвовали в этом, ты тоже был вне подозрений после своего ранения. – Он улыбнулся. – Я постарался убедить его, что ты, возможно, связан с Краковым и что вы заключили соглашение: он помог тебе убрать Феррацо, а ты в свою очередь поможешь ему ликвидировать Ледфорда. Это озадачило Брайэна, он решил выждать и понаблюдать немного. Этого я и добивался. – Так как Алекс продолжал смотреть на него скептически, Кемаль добавил: – Разве ты не понял? Я старался, защитить Кэтлин. Вы оба всегда нравились мне, и я вовсе не хотел, чтобы с ней случилось что-то плохое.

– Поэтому ты и доставил Кэтлин и Челси под крылышко Ледфорда, – вмешался Джонатан.

Кемаль обернулся и увидел его мрачное лицо.

– Видите ли, миссис Бенедикт сама настояла на том, чтобы отправиться с нами. Я пробовал отговорить ее. – Он снова обернулся к Алексу: – Я надеялся помочь Кэтлин выбраться из всего этого.

Руки Алекса стиснули руль.

– Он убьет ее.

– Я не допущу этого.

– И это говоришь ты, который своими руками отдал ее Ледфорду? – Ярость переполняла Алекса. – И все для того,

чтобы стать самым богатым человеком в одном из этих проклятых полушарий.

Губы Кемаля задрожали от обиды.

– Ты не понимаешь. Когда я бежал из гарема, у меня не оставалось выбора, был лишь один путь защитить себя. Думаешь, жизнь предоставляет так много счастливых возможностей уличному мальчишке из Стамбула? – Он упрямо тряхнул головой. – Но мой счастливый час обязательно придет, Алекс. Я получу свой дворец и роскошную жизнь. Я стану настолько богат, что никто не посмеет использовать меня. – Он вдруг выпрямился на сиденье. – Ладно, хватит. Впереди пропускной пункт.

– Может быть, воспользуемся фонарем? – спросила Кэтлин.

– Да, но ненадолго, чтобы только осмотреться кругом, – отозвалась Челси. – Как бы сюрпризы этого ублюдка не обрушились на нас уже с первых шагов. Так легче всего вселить в нас панику и отнять способность рассуждать здраво.

– Со мной пока все в порядке. – Вытянув вперед руку, Кэтлин нажала на кнопку фонарика. Слабый луч света вырвал из темноты пространство всего в несколько ярдов. Кэтлин успела заметить стены из земли и камня и подпиравшие их перекрестные балки. Она выключила фонарик. – Ты знаешь, у меня иногда бывают приступы клаустрофобии.

– Ерунда, – сказала Челси, медленно, шаг за шагом, продвигаясь вперед. – В туннелях могут водиться змеи?

– Вполне возможно. Но здесь слишком холодно. Змеи не любят холод. Во всяком случае, я надеюсь, – добавила она. Острые камешки царапали ее босые ступни, но, в конце концов, земля под ногами казалась твердой и надежной. Не хотела бы она наткнуться на что-нибудь скользкое в этих потемках... Вдруг она остановилась, внимательно вглядываясь в темноту перед собой. – Что это?

– О чем ты?

– Послушай.

Какой-то непонятный рокочущий звук или шорох в темноте вдали. Вот он повторился снова.

– Ветер?

«Или какое-нибудь из ночных чудовищ. В этой сверхъестественной пустоте может случиться все, что угодно», – безнадежно подумала Кэтлин.

– Не знаю, но мне это не нравится.

– Может быть, стоит посветить фонарем?

– Нет. Это слишком далеко. – Кэтлин снова начала ощупью продвигаться вперед.

Шорох повторился, низкий, глубокий, таящий неясную угрозу.

Алекс хотел припарковать свой джип рядом со злополучным голубым «Фордом», заказанным Челси.

– Нет, не здесь. – Кемаль показал в сторону небольших зарослей сосен: – Проедешь между ними и остановишься сзади.

Алекс подчинился.

– Твой друг Ледфорд уже не боится обнаружить себя и свое логово?

– Он считает, что наступил его звездный час, и уже упирается грядущей победой. Я на его месте был бы более осторожен.

Алекс вдруг увидел треугольную красную скалу, поднимавшуюся чуть выше шести футов. Вход оказался тщательно замаскирован холстом, замазанным грязью. Кемаль потянул крышку люка, предупредив:

– Будьте осторожны, спуск достаточно крутой, а перил здесь нет.

Деревянная лестница уходила вниз футов на пятьдесят. Кемаль закрыл дверцу люка и двинулся вслед за ними по лестнице. Где-то внизу виднелся луч света. Осторожно спускаясь по отвесным ступеням, они добрались до площадки размером около тридцати футов. С каждой стороны на нее выходило по несколько дверей. Пространство было ярко освещено закрепленными вдоль стен двенадцатью специальными лампами с парами содиума.

– Очень эффектно, – заметил Алекс, – и вполне в духе Ледфорда.

– А вот и наши гости... – Это был голос Ледфорда. Алекс почувствовал какую-то злобную радость при виде Ледфорда. Брайэн протянул Кемалю пистолет.

– Не спускай с них глаз. Я намерен полностью насладиться

данной ситуацией.

Кемаль кивнул, было заметно, что он привык иметь дело с оружием.

– Черт возьми! – С лица Ледфорда не сходила широкая улыбка. Он внимательно разглядывал Алекса. – А ты отлично выглядишь. Все равно что алмаз, чем сильнее он изрезан, тем ярче блестит.

– Где Кэтлин?

– Не волнуйся, она жива. И вторая леди тоже. По крайней мере так было, когда я видел их обоих в последний раз. – Он посмотрел на Джонатана. – Не стоило вам приходить сюда, Андреас. Я слышал, вас ожидает блестящая карьера. – Он снова обернулся к Алексу: – Я немного разочарован, не ожидал, что ты заручишься посторонней поддержкой. Разве наша игра не касается лишь нас двоих?

Алекс посмотрел в сторону Кемалья.

– То-то твой закадычный дружок стоит с оружием на изготовку.

– Немид? – Ледфорд грустно покачал головой. – Он всего лишь работает на меня и получает кое-что за свою работу. Но другом его назвать нельзя. Этот парень принадлежит лишь самому себе. Впрочем, способности у него блестящие.

– Да, я заметил.

– У меня большие планы в отношении Кемалья. Но с моей стороны было бы невежливо заставлять вас и дальше стоять здесь. – Он повернулся к той двери, откуда вышел. – К сожа-

лению, я располагаю здесь лишь двумя относительно пригодными к обитанию комнатами. Было нелегко расчистить этот туннель и кое-как устроиться здесь. – Он открыл дверь. – Входите, джентльмены. Чувствуйте себя как дома.

– Проклятье! – вскрикнула Челси. – Стой. Не двигайся! – Она вытянула руку, и кончики ее пальцев коснулись плеча Кэтлин. – Какая гадость! – яростно прошипела она, с трудом переводя дыхание.

Кэтлин вся похолодела.

– Что случилось?

– Мои ноги! Здесь повсюду гвозди, или битое стекло, или еще какая-то дрянь. Первый из сюрпризов Ледфорда. – Челси выпустила руку Кэтлин и отступила на шаг назад. Кэтлин услышала новый вскрик боли. – Черт!

– Я зажигаю фонарь.

– Нет, мы должны беречь батарейки. Я где-нибудь сяду, и ты вытащишь самые большие куски... Какое дерьмо!

– Самые большие? – в ужасе переспросила Кэтлин, опускаясь на колени рядом с Челси и отыскивая в темноте ее ступни. Кэтлин почувствовала на своих пальцах кровь, обильно струившуюся из порезов. – Необходим свет.

– Нет, – резко сказала Челси. – Попробуй на ощупь. И побыстрее. Нам нельзя терять времени.

– Ты сможешь идти? – спросила Кэтлин, вытаскивая из ее ступни полудюймовый осколок.

– Если не смогу идти, то скорее поползу, чем позволю это-

му ублюдку остановать нас. – Она посмотрела на Кэтлин, вытаскивающую из ее ноги следующий кусок стекла. – Поторопись.

– Я и так действую достаточно быстро. Но здесь может быть дюжина осколков и... Ты смеешься?

– Я просто вспомнила Поля, режиссера наших рекламных съемок. Он был просто помешан на моих босых ногах. Какая жалость, он никогда больше не сможет увидеть ни меня, ни моих очаровательных ножек...

– Заткнись, Челси, – прервала ее Кэтлин, вынимая очередной кусочек. – Мы должны держаться и верить, что выберемся отсюда.

Кэтлин ощупывала ступню Челси. Ей казалось невероятным, что она смогла вытащить все, но рука ее больше не чувствовала выступающих осколков.

– Дай мне другую ногу.

– Разве тебе не страшно?

– Конечно, страшно, – откликнулась Кэтлин, вытаскивая осколок из другой ступни. – Кажется, эта нога меньше пострадала. Я вытащила все, что было возможно.

– Тогда помоги мне встать.

Кэтлин встала и помогла подняться Челси.

– В порядке?

– Терпимо. – Челси перевела дыхание. – Теперь включи фонарь, мы должны осмотреться.

Кэтлин вытянула руку и хотела было зажечь фонарик.

Снова этот непонятный низкий шорох, отдающийся эхом в туннеле.

Дрожь пронизала Кэтлин, она с трудом подавила в себе приступ паники. Ей вдруг захотелось бежать куда глаза глядят. Но вместо этого она нажала кнопку на фонарике и стала внимательно осматривать все вокруг. Свет был таким слабым, что она могла различать окружающее лишь на расстоянии пяти-шести футов перед собой.

– Давай налево, к стене. Там можно проскользнуть на цыпочках.

Челси последовала за Кэтлин, очень медленно, постоянно прижимаясь к стене. Этот шорох. Все ближе. Нет, это был не ветер.

– Не в этих ли ящиках хранятся сокровища? – поинтересовался Джонатан, оглядывая загроможденную комнату.

Ледфорд улыбнулся.

– Прошу прощения за эту жару, но здесь необходимо поддерживать особый микроклимат, чтобы не отсырели полотна.

– А где же Танцующий Ветер? – Джонатан тревожно посмотрел по сторонам. – Тоже здесь, в одном из ящиков?

– Нет, он в моей комнате. Мне нравится постоянно держать его перед глазами, прикасаться к нему. У меня есть особые планы в отношении Танцующего Ветра.

«Кемаль единственный, кто знал и о тайне этой статуэтки, и о том, как приступить к ее раскрытию. Неужели он сказал

об этом Ледфорду?» – подумали Алекс и Джонатан одновременно.

– Что же это за планы? – спросил Джонатан. Ледфорд рассмехался, поворачиваясь к Кемалю.

– Скажи им, Кемаль.

Встретив напряженный взгляд Алекса и поняв его мысли, Кемаль едва заметно покачал головой и пояснил:

– Эта цель будет поскромнее, чем у Кракова. Ледфорд не хочет становиться королем Европы, он будет императором Южной Америки.

– В действительности мой план гораздо прозаичнее. Все эти сокровища похищены в Европе, и здесь они не могут быть реализованы. Америка – совсем другое дело, – сказал Ледфорд, усаживаясь в кресло и удобно вытягивая ноги. – Я думаю, в недалеком будущем мне удастся обрести прочное положение в одной из маленьких латиноамериканских стран. Пора уже убираться отсюда. У меня гораздо больше шансов на успех, чем у Кракова.

– Боже, – прошептал Джонатан.

– Вы меня не одобряете? – спросил Ледфорд. – Или вам кажется, что моя идея неосуществима? А вот Кемаль, например, считает ее блестящей. Он доволен своим местечком в этом моем плане. Я намерен сделать его очень богатым человеком. – Брайэн повернулся к Алексу, его голос приобрел вдруг мягкую настойчивость. – А ты не хочешь быть с нами, Алекс? Твое положение было бы столь же высоким,

как и мое, может быть, даже выше. Здесь, в Европе, уже не осталось ничего интересного для тебя. Я открою перед тобой новые возможности, вместе мы сумеем осуществить самые грандиозные идеи. Ведь, признайся, я нужен тебе.

– Где Кэтлин?

Вспышка гнева исказила лицо Ледфорда.

– Ты нарочно унижаешь меня?

– Где она? – настойчиво повторил Алекс.

– Я послал ее вместе с миссис Бенедикт попутешествовать по туннелю. К несчастью, боюсь, им не удастся выбраться оттуда.

Алекс насторожился.

– Почему же?

– Ты меня, как всегда, недооцениваешь. – На лице Ледфорда вновь сияла добродушная улыбка. – Не мог же я позволить себе сделать это путешествие слишком пресным для них? На пути их ожидает несколько любопытных сюрпризов. Впрочем, я был достаточно великодушен и снабдил их карманным фонариком, правда, с очень слабыми батарейками, к тому же я подсказал, что они должны выйти на Гиссарлыкское плато, и напомнил, что нужно поторопиться, чтобы успеть до начала конференции.

Кемаль нахмурился.

– Ты же говорил, что собираешься держать их в качестве заложниц, пока не придет Каразов?

– Не мог же я сказать тебе все, Кемаль. – Ледфорд улыб-

нулся. – Начнем с того, что я не сказал тебе и о пластиковой бомбе.

– Пластиковой бомбе?

Ледфорд кивнул.

– Мой добрый друг Ганс установил заряд в туннеле несколько дней тому назад. Он тоже хотел сделать маленький сюрприз для меня, но я успел переставить время на таймере. – Он посмотрел на свои часы. – Заряд сработает через... двадцать пять минут, если быть точным, то в 3 часа 7 минут. Это произойдет через четыре минуты после того, как взорвется деревянный монстр с делегатами. Начнется переполох, и оставшиеся в живых быстренько уберутся с территории раскопок. Если кто-то и останется в пропускных пунктах, они будут настолько выбиты из колеи, что убрать их не составит труда.

– И вы намерены рисковать всеми этими прекрасными полотнами? – спросил Джонатан, окидывая взглядом комнату.

– Здесь только одно полотно Рембрандта. Все остальное давно переправлено на борт «Аргоса». Я оставил здесь Рембрандта и Танцующий Ветер с единственной целью – обмануть бдительность Ганса. Он должен быть уверен, что совершает великий поступок, отправляя на воздух меня и мою коллекцию. Не знаю, что он ненавидит больше – меня или эти шедевры. Бедный Ганс! На самом деле и я, и моя коллекция благополучно окажемся на борту «Аргоса»!

– Зачем вам нужно, чтобы туннель был взорван? – спро-

сил Джонатан.

– О, это обязательное условие, без него мой план может и не сработать. После того как Ганс выполнит свою работу, Барни устроит так, что он будет схвачен британской службой безопасности. Ганса заставят признаться, и он гордо заявит, что избавил мир от меня и моих сокровищ. Именно этого мне и надо.

– Чтобы не стали искать ни тебя, ни твою коллекцию, – понимающе кивнул Алекс.

– Совершенно верно. – Ледфорд нежно улыбнулся ему. – Теперь ты видишь, Алекс, что иногда бывает гораздо труднее придумать кроссворд, чем решить его. Но, разумеется, тебе не понятно, как мне удалось скоординировать таким образом действия Ганса; что я сделал, чтобы довести его до точки. Так вот, поставив на его глупость, упрямство и злобность, я предпринял ряд мер, которые заставили его возненавидеть меня. После чего оставалось лишь проследить за ним. Боль от раны, которую я нанес ему, лишала его чуть ли не последних остатков соображения, но толкала на яростные действия... Впрочем, – осекся он, – сейчас неподходящее время рассуждать обо всем этом. Мы должны точно уложиться в расписание. – Он обернулся к Кемалю: – Проводи мистера Андреаса в другую комнату. Мне надо поговорить с Алексом наедине.

Кемаль кивнул и показал рукой с пистолетом на дверь.

– Прошу вас, мистер Андреас.

Джонатан вопросительно взглянул на Алекса.

– Ничего, иди, – отозвался тот.

Оставшись наедине с Ледфордом, Алекс быстро сказал:

– Покажи мне туннель.

– Ты не должен идти туда за ней, – ответил Ледфорд. –

Помочь уже невозможно.

– Покажи мне туннель.

– Оставайся со мной. – Голос Ледфорда звучал почти умоляюще. – Я прошу тебя. – Он покраснел и, глядя в сторону, выговорил с запинкой: – Я не претендую на физическую близость, просто будь рядом со мной, я понимаю, что ты... но я... мне нужна лишь возможность видеть тебя и действовать заодно.

– Иди к черту.

Кровь отлила от лица Ледфорда.

– Я не хотел такой развязки. Я искренне был уверен, что когда ты убедишься в моих способностях и могуществе, то решишь следовать за мной, быть вместе. – Глаза его сверкнули гневом. – Ты разочаровал меня.

– Туннель.

– Тебе нужна эта корова? Что ж, бери ее. – Его губы изогнулись в злобной усмешке. – Кемаль!

Тот сразу же появился в дверном проеме.

– Надо проводить этих джентльменов в туннель, пусть они присоединятся к леди. – Он впился взглядом в лицо Кемалля. – Или у тебя есть возражения?

Кемаль равнодушно пожал плечами.

– Какие у меня могут быть возражения?

– Мне показалось, что ты слегка озабочен судьбой леди.

Что ж, пусть получают поддержку.

Через несколько мгновений все оказались в небольшой комнатке.

– Женщины отправились в путь пятнадцать минут назад, но не думаю, что им удалось далеко уйти, – сказал Ледфорд, беря фонарь со стола и вручая его Алексу. – Я хочу, чтобы ты мог видеть, как побегут на часах последние минуты твоей жизни. Последний шанс, Алекс. Этот кроссворд тебе не решить.

– Не стоит обсуждать это заранее.

– Ты погибнешь. Неужели она так много значит для тебя?

Она – это смерть, поверь мне.

Алекс понимал, что не в его силах помочь Кэтлин и Челси. Оставшись же с Ледфордом, он сумеет внушить ему доверие к себе, а потом разделаться с ним, стереть этого негодяя с лица земли. Боже, как он хотел сделать это. Никогда еще с такой остротой он не чувствовал своего поражения. Ведь, оставаясь с Ледфордом, он лишал помощи Кэтлин.

Алекса охватило бешенство. Они с Кэтлин должны погибнуть, а этот ублюдок уйдет безнаказанным.

Сдерживаясь, чтобы не выдать бушевавшей в нем ярости, он ответил очень спокойно:

– Ты ошибаешься, Ледфорд. Она – это сама жизнь. – От-

вернувшись от него, он шагнул в туннель вместе с Джонатаном.

– Интересный выбор, – пробормотал Кемаль.

– Ты раскаешься! – крикнул вдогонку Ледфорд. – Это ошибка.

Алекс оглянулся. Ледфорд и Кемаль казались темными силуэтами в полумраке комнаты, так что Алекс скорее почувствовал, чем увидел неясную улыбку на лице Кемалья. Это была надежда. Почему бы и нет? Кемаль всегда действовал непредсказуемо. Это был едва ли не самый загадочный человек, с которым Алексу приходилось иметь дело. Алекс вдруг вспомнил и повторил вслух слова, сказанные Кемалем в тот день, когда он назвал себя его другом:

– Мы все каждый день совершаем свой выбор.

Ответил ему Ледфорд:

– Сегодня ты сделал ошибочный.

Тяжелая дверь захлопнулась.

Это был уже не шорох, а громкий рокот.

– Боже, что же это такое? – Челси остановилась, стиснув руку Кэтлин.

Кэтлин облизнула губы.

– Не кажется ли тебе, что эта тропинка понемногу уходит вниз?

– Не думаю, по-моему, мы все время движемся на одном уровне.

– Может быть, имеет смысл зажечь фонарик?

– Зачем?

– Но этот постоянный рокот, он идет откуда-то снизу...

Направив фонарь к земле, Кэтлин нажала кнопку.

– Какой ужас! – задержав дыхание, Челси отпрянула назад.

Они стояли почти у края огромной расщелины, круто обрывавшейся вниз. Край был таким ровным, что казался искусственно срезанным.

– Там вода, – сказала Челси. – Это родник? Кэтлин отрицательно покачала головой.

– Это больше похоже на морской прибой.

– По-моему, надо снова включить фонарь, – предложила Челси. – Если это море, то, значит, мы уже у выхода, надо лишь найти способ перебраться через расщелину.

– Ты можешь перепрыгнуть расстояние в тридцать футов?

– Мы должны поискать. Не сидеть же здесь, спокойно ожидая гибели. Включай.

Кэтлин осветила по сторонам.

– Я же говорила тебе... – Она осеклась, заметив канат.

Он был прицеплен к одной из перекрестных балок, крепивших свод туннеля, и оттуда, туго натянутый, шел через все ущелье, закрепляясь за скалу на другой стороне.

Примерно на середине, чуть ближе к противоположному краю, на канате был завязан красный атласный бант, сумрачно поблескивавший в тусклом свете луча.

– Подарок от Ледфорда, – пробормотала Челси.

– Канат кажется достаточно прочным.

– Неужели ты не понимаешь, это ловушка!

– Да, похоже. Но что, если он решил просто посмеяться над нами и привязал этот бант к совершенно прочному канату, решив посмотреть, осмелимся ли мы воспользоваться им? – Кэтлин подошла ближе и дотронулась до каната. – Он кажется нигде не поврежденным. Представь, как будет хохотать Ледфорд, узнав, что мы так и не воспользовались этим абсолютно надежным средством.

Они обе понимали, что другого выхода не было.

– Я пойду первой, – заявила Челси, – я легче.

– А я сильнее. Посмотри на это расстояние в тридцать футов. Будет лучше, если пойду я. Выход совсем рядом, ты помнишь, Ледфорд говорил, что вся местность патрулируется службами безопасности. Я быстро найду помощь. – Кэтлин передала фонарик Челси и уселась на край расщелины, свесив ноги. Обеими руками она ухватилась за канат над головой.

Челси придиричиво рассматривала канат.

– Да, он кажется надежным.

– Если он вдруг оборвется с этой стороны, успеешь удержать его. – Глубоко вздохнув, Кэтлин перехватила канат как можно дальше и, оттолкнувшись ногами от скалы, повисла в пустоте.

Грубые волокна в кровь стирали кожу ладоней.

Вода шипела внизу, как голодный дракон в предвкушении

пиршества.

Но канат казался прочным.

«Я должна сделать это быстро, – говорила она самой себе, – нельзя останавливаться». Перед ее глазами маячил красный бант. Если бы только забыть об этой боли в ладонях. Кожа горела, каждое движение давалось с трудом.

Она преодолела уже треть пути.

Вода шипела, заливаясь в расщелину.

Почти половина.

Бант поблескивал впереди как путеводный маяк.

Больше половины.

Еще несколько движений, и она сможет сорвать этот зловещий красный атлас.

Еще чуть-чуть.

Она вдруг почувствовала треск каната под своими ладонями. Страх пронизал ее. Черт возьми, неужели оборвется? Кэтлин глянула вперед – канат был так же туго натянут, как и прежде.

– Кэтлин! Все в порядке? – крикнула Челси, заметив ее остановку.

– Канат... он надрезан. – Она не смела двинуться дальше.

И все же другого выхода не было, может быть, ей удастся проскочить опасное место. Кэтлин сделала еще несколько судорожных движений. Проклятый бант. Она протянула руку, и ей удалось перехватить канат немного дальше красной ленты; в это же мгновение другой конец с треском полетел

вниз, а Кэтлин с размаху ударилась о скалу на противоположной стороне ущелья.

Челси закричала.

Кэтлин изо всех сил держалась за оборванный конец, ощущая саднящую боль в щеке, которую она поранила об острый выступ скалы.

Алекс похолодел, услышав женский крик, эхом пронесшийся по туннелю.

– Это Челси, – узнал Джонатан.

Они оба ринулись вперед, осколки стекла крошились под их ногами. Выбежав из-за поворота, Алекс увидел Челси, стоявшую на коленях, уставившись куда-то в пустоту. На ее лице было выражение ужаса.

«Боже, что там? Куда она смотрит?»

И вдруг он увидел Кэтлин, висевшую на скале на другом конце пропасти.

«Поздно! – пронеслось у него в голове. – Я не смогу помочь ей». Ярость и отчаяние охватили его, он хотел что-то крикнуть, но Джонатан схватил его за руку.

– Нет! Не говори ничего. Не отвлекай ее. Она сможет справиться, если...

– Если? – Никогда Алекс не чувствовал себя столь беспомощным. Неужели ему остается лишь стоять и смотреть на Кэтлин, безнадежно и отчаянно цеплявшуюся за эту скалу?

Преодолевая головокружение и боль в ладонях, Кэтлин попыталась сдвинуться на несколько дюймов вниз по скале.

Снова приглушенно вскрикнула Челси.

Стараясь быть спокойной, Кэтлин сделала следующее движение. Она должна победить Ледфорда. Он уже убил ее мать и теперь хочет убить ее. Глянув случайно вниз, она едва не сорвалась. Какая страшная высота! Но если она погибнет, Ледфорд будет торжествовать. Этого не должно случиться.

Ее руки кровоточили, оставляя яркие отметки на канате, такие же яркие, как и эта красная лента. Но Кэтлин казалось, что она потеряла уже всякую чувствительность к боли, автоматически передвигая руками и ногами. Только не смотреть вниз.

Слезы и пот застилали глаза, в ушах стоял звон. Она едва различала подбадривающие теперь возгласы Челси.

– Всего четыре фута, Кэтлин!

Она тяжело сползла к подножию скалы.

«Я сделала это...» – шептала Кэтлин, прижимаясь к холодной земле. Ее зубы стучали, слезы бежали по щекам. Она будет жить...

– Кэтлин!

– Сейчас, дай мне минуту...

– Слава богу, я думала, ты...

– Я тоже думала так. – Кэтлин чувствовала, что самый страшный сюрприз Ледфорда позади. Он не смог победить ее. – Алекс?

Сквозь туман и слезы в глазах она вдруг различила Алекса, стоявшего рядом с Челси, за ними был Джонатан.

– Слушай меня, – сказал Алекс. – Не беспокойся о нас. Ты должна выбраться из туннеля и предупредить о покушении.

– А что будет с вами?

– Не думай об этом. Здесь ты все равно не можешь ничем помочь нам.

– Ты не должен был идти сюда...

– Иди же, черт побери! – крикнула Челси. – Чем скорее ты выберешься отсюда, тем скорее приведешь нам помощь.

Кэтлин окончательно пришла в себя. Скорей. Ей надо добежать до зоны раскопок. Она встала на колени, вытирая кровоточащие руки о камень и начиная чувствовать боль в каждом мускуле.

– Да, я помогу вам. – Пошатываясь, она поднялась на ноги и двинулась к полоске дневного света, пробивавшейся из-за поворота скалы.

Джонатан опустился на колени рядом с Челси и коснулся ее щеки.

– Мы услышали твой крик.

– Кэтлин. Я чуть не умерла от страха за нее. – Ее тон вдруг стал резким. – Зачем ты пришел? Что хорошего в том, что мы оба погибнем здесь?

– Тише. – Он приложил палец к ее губам. – Иногда ты говоришь ужасные глупости. Как могу я быть вдаль от тебя, если тебе грозит опасность? Что вообще значит моя жизнь без тебя? Разве ты не знаешь, как нужна мне?

– Нужна? – Она в изумлении уставилась на него. Челси

знала, что многие нуждались в Джонатане, искали у него защиты и поддержки. И он охотно откликнулся. Но, оказывается, этот мужественный и решительный человек тоже испытывает минуты слабости, нуждается в помощи, сочувствии, любви. Он не может быть счастливым без нее, Челси. Это открытие поразило ее.

– Мы можем использовать как-то эти балки, – прервал ее мысли Алекс. – Что, если попробовать перекинуть их над пропастью? – Подняв вверх фонарь, он внимательно осматривал крепления свода.

– Да, – откликнулся Джонатан. – Можно рискнуть и проверить, не обрушится ли крыша нам на головы.

– У нас осталось всего двенадцать минут. Что мы теряем?

– Ты прав, – отозвался Джонатан. – Нельзя покорно сидеть сложа руки и ожидать гибели. Мы должны использовать любую возможность, даже самую ничтожную.

– О чем вы рассуждаете? – вмешалась Челси. – Не понимаю. Скоро уже придет помощь от Кэтлин.

Джонатан мрачно покачал головой.

– Ледфорд сказал нам, что в туннеле спрятана пластиковая бомба.

– Теперь понятно, почему этот ублюдок был уверен, что мы не выберемся отсюда живыми. Все козыри у него на руках.

Джонатан подошел к Алексу и стал вместе с ним осматривать балки.

– Вот эта, кажется, подается, – сказал Алекс, пробуя раскатать одну из балок. – При помощи каната мы сможем...

– Bravo, Алекс, ты верен себе: нельзя теряться ни при каких обстоятельствах... – Из-за поворота туннеля показался Кемаль, в руке его поблескивал ствол пистолета.

– Ты явился сюда, чтобы прикончить нас? – спокойно поинтересовался Алекс.

– Где же твоя интуиция? – усмехнулся Кемаль. – Разве ты мало знаком со мной и не знаешь, что у меня душа настоящего героя, даже если иногда я и вынужден играть роль злодея? Я пришел сюда, чтобы стать вашим спасителем. – Улыбка сползла с его лица, когда он окинул взглядом троих людей, стоявших на краю расщелины. – Где Кэтлин?

– Не слишком ли поздно спрашивать об этом, – отозвался Алекс, – вдруг я отвечу, что она сорвалась в пропасть?

– Этого я бы никогда не простил себе, – сказал Кемаль. – Так что с ней? Она и в самом деле упала?

– Нет, она сумела перебраться на ту сторону, – вызывающе глядя на Кемалья, ответила Челси. – Теперь она уже должна выйти наружу. Твоя помощь ей не понадобилась, ублюдок!

Кемаль с облегчением вздохнул.

– В таком случае вы должны как можно скорей присоединиться к ней. Идите за мной. – Он развернулся в том направлении, откуда пришел.

– Подожди, – сказал Алекс.

– Не могу, нет времени, – откликнулся Кемаль. – Поспе-

шите, уходят последние минуты.

– Я должен доверять тебе?

– Разве у тебя есть выбор? – Тон Кемалья был мягко-настойчивым. – Ладно, пойми, что я не хотел подвергнуть такой опасности Кэтлин. Ледфорд сказал, что она нужна ему лишь в качестве заложницы.

Алекс, помедлив чуть-чуть, последовал за ним.

– Как ты можешь доверять ему? – продолжала бушевать Челси, следуя в некотором отдалении. – Он опять заманит нас в ловушку. Это же вошь. За деньги он готов на все.

– И все же он – наш последний шанс, – хмуро заметил Алекс.

– Я же сказал, что спасу вас, – торжественно заявил Кемаль, останавливаясь перед большим валуном у стены. Он откатил его в сторону, и все увидели четырехфутовый проем в стене. – Леди идет первой. – Кемаль посмотрел на Челси.

Та недоверчиво уставилась в эту дыру.

– Куда я должна попасть?

– В главный туннель, – ответил Кемаль. – Хорошо зная, что за личность этот Ледфорд, я должен был подготовить для себя запасной путь к отступлению. – Он посмотрел на часы. – Десять минут еще в нашем распоряжении. Главный туннель идет по прямой, он очень короткий.

– И никаких сюрпризов? – спросила Челси.

– Никаких, – покачал головой Кемаль. – Он на целых полмили короче того бокового, по которому пошла Кэтлин. Ваш

джип спрятан за соснами, в ста ярдах от выхода. Вы еще успеете предупредить делегацию.

Челси проскользнула в отверстие. За ней последовал Джонатан.

– Почему ты делаешь это? – спросил Алекс.

– Иди, не думай ни о чем.

Кемаль прошел вслед за Алексом.

– Это займет у вас всего четыре минуты. – Он вдруг передал ему свой пистолет. – На всякий случай. Кто знает, что произойдет, если вы наткнетесь на отряд Кракова? Удачи тебе, мой друг. – Кемаль развернулся в обратном направлении.

– Какого черта, куда ты отправился? – спросил Алекс.

– Я должен выполнить мой план и стать богатым человеком, – откликнулся Кемаль. – Ты забыл, что Танцующий Ветер все еще у Ледфорда?

– Ты идиот, тут все сейчас взлетит на воздух.

– Думаю, все же можно рискнуть.

Алекс медлил, и Кемаль понимающе улыбнулся.

– Перед тобой снова выбор. Ты бы хотел пойти со мной и убить Ледфорда, но Кэтлин и делегация все еще в опасности. – Он пожал плечами. – Что ж, я помогу тебе сделать твой выбор. Можешь отправляться за Кэтлин. Ледфорд обречен. Его смерть входит в мои планы. Говоря по правде, наше сотрудничество с ним и началось лишь из-за того, что мне надо было подобраться к нему поближе.

Алекс внимательно всмотрелся в его лицо.

– Разве деньги не единственная причина?

– Видишь ли, Аднан был лишь управляющим гаремом, а настоящий его владелец – Ледфорд.

– Что?

– Он купил контрольный пакет акций, как только прибыл в Стамбул. Ни для кого не секрет, что он любит опекать молоденьких мальчиков, так что, возможно, в этом деле у него был и личный интерес. Он даже приобрел трех новых детей для большего процветания заведения. – Кемаль пожал плечами. – Не думаю, что было бы справедливо позволить этому человеку стать императором Южной Америки...

– Уж не ты ли претендуешь на эту роль?

Кемаль усмехнулся.

– Посмотрим. – В следующий момент он уже растворился в темноте.

– Полагаешь, мы можем доверять ему? – спросила стоявшая в отдалении Челси.

– Да, – медленно ответил Алекс. – Мы можем ему доверять. – Он быстро зашагал в направлении выхода.

– Не жди нас, – сказал Джонатан, когда Алекс обернулся. Он взял Челси на руки. – Мы будем двигаться чуть медленней.

– Я могу идти, – запротестовала Челси.

– Я уверен, что ты прошла бы и по воде, если бы захотела. Но так будет просто быстрее, поэтому успокойся.

Через четыре минуты Алекс достиг конца туннеля и оста-

новился, поджидая их. Он всматривался в пространство плато и вдруг весь напрягся – Кэтлин! Она бежала изо всех сил в сторону руин, босая, в изорванной одежде, похожая на дикарку из первобытного племени. Боже, как только часовые заметят ее, они могут выстрелить! Не успев еще додумать эту мысль до конца, Алекс увидел джип, полный солдат в британской военной форме, двое из них уже бросились через поле, наперерез Кэтлин.

Алекс оглянулся. Джонатана и Челси все еще не было видно.

Он не мог больше ждать. Алекс подбежал к соснам, за которыми был спрятан автомобиль.

– Хелло, Кемаль, а я тут поджидаю тебя. – Ледфорд сидел на краешке стола, небрежно поигрывая револьвером. Другой рукой он любовно касался изящно выточенных крыльев Танцующего Ветра. – Ты уже давно вызываешь у меня подозрения. Ни за что не поверю, что такой способный парень, как ты, не мог столько времени вычислить Алекса. К тому же ты был почему-то слишком обеспокоен судьбой моих заложниц. – Ледфорд пожал плечами. – А теперь все стало на свои места. Я ведь, кажется, послал тебя для того, чтобы ты вернул моего друга Алекса. Ну и где он?

– Ты упустил его, – ответил Кемаль. – На этот раз навсегда, Брайэн. И не только его, ты упустил все.

– Чепуха. Мой план предусматривает все до мелочей. Полотно Рембрандта уже погружено в машину, и у меня есть шесть минут, чтобы достичь пропускного пункта, прежде чем сработает взрывное устройство Ганса. – Он поднял револьвер. – И еще у меня есть оружие, чтобы размозжить твои мозги.

– Револьвер заряжен холостыми. – Кемаль спокойно подошел к нему почти вплотную. – Такой способный парень, как я, не мог оставить без внимания эту важную деталь.

Ледфорд приставил оружие к его лбу.

– Ты блефуешь.

– Я?

Ледфорд нажал спусковой крючок.

Час «Х» приближался.

Ганс подышал на руки, чтобы согреть их, и, вздохнув, измерил взглядом расстояние до деревянного коня. Затем он постарался устроиться поудобнее, заняв выжидательную позицию за скалой.

Краков, расточая улыбки направо и налево, помогал участникам конференции выйти из автобуса. Особенно он суетился около пожилой леди в элегантном голубом костюме. Вот они все направились к деревянному коню. Брайэн приказал ему подождать, пока все делегаты не окажутся внутри этого дурацкого макета, но Ганс решил действовать по собственному плану. Он улыбнулся при мысли, как удивится этому Ледфорд.

Когда Джонатан вынес Челси на руках из туннеля, Алекс уже мчался на джипе по равнине, догоняя Кэтлин.

– Я вижу, Алекс не дождался нас, – сказал Джонатан. Челси в изумлении уставилась на бегущую фигуру Кэтлин. – Боже, она похожа на сумасшедшую. Неужели и я выгляжу так ужасно?

– Еще хуже. – Сняв пуловер, он разорвал его на куски и принялся бинтовать ее левую ногу. Челси сидела на плоском камне недалеко от входа. – Черт возьми, я и не думал, что они у тебя в таком состоянии.

– Ничего, они заживут, и я опять буду порхать как птичка.

– Разумеется. – Он перебинтовал ей обе ступни и заставил подняться. – Ты можешь идти? Я хочу, чтобы мы как можно скорей убрались подальше от этого места. Не стоит дожидаться, когда сработает взрывное устройство.

– Я в порядке, – заявила Челси, осторожно начиная спускаться вниз с холма.

– Кэтлин, давай сюда! – закричал Алекс, поравнявшись с ней и резко тормозя. – Быстрее!

Она подбежала и прыгнула в джип.

– Сколько у нас осталось времени?

– Пять минут. – Алекс нажал на акселератор, и машина рванула вперед.

– Мы успеем?

– Надо постараться. – Джип мчался по равнине к зоне раскопок.

Джип мчался по равнине, как пьяный носорог.

Ганс не отрывал от него пристального взгляда. Что это? Еще один сюрприз Ледфорда? Он глянул на часы. Оставалось пять минут до взрыва делегации. Пять минут по плану Ледфорда.

Ганс вытащил из кармана две крохотные черные коробочки – реле управления двух взрывов: в макете Троянского коня и в туннеле. Прошлой ночью он наведалься в оба места и тщательно спрятал вторые радиоконтролируемые детонаторы под пластиком. Голубая кнопка для Троянского коня, красная – для туннеля.

Теперь Брайэн увидит, кто на самом деле контролирует ситуацию. Ганс довольно рассмеялся. Судьба Брайэна была в его руках.

– Неужели они действительно собираются стрелять? – Кэтлин недоверчиво смотрела на британского солдата, поднимавшего автоматическую винтовку. – Они не понимают, что мы хотим спасти их?

– Они понимают лишь, что джип может быть заряжен динамитом, а ведет его маньяк-самоубийца. Пригнись к полу.

– Ты хочешь, чтобы они подстрелили тебя одного? Не можем ли мы остановиться и попытаться объясниться с ними?

Алекс вел джип зигзагами, чтобы помешать взять их на прицел. Он покачал головой.

– У нас осталось четыре минуты. – Алекс выехал на дорогу, ведущую к макету коня.

Ганс нахмурился. Джип приближался к площадке с делегатами. В следующий момент его уже мог заметить Краков и поднять тревогу.

Ганс опустил оптический прицел.

Краков стоял рядом с Картрайт на тропинке, ведущей к Троянскому коню. Он улыбался, его бело-золотые волосы блестели на солнце, как греческий шлем.

Точно рассчитанным движением Ганс нажал спусковой крючок.

Яркое красное пятно расцвело на лбу Кракова. Не успев осознать случившееся, все с той же чарующей улыбкой на

губах, он медленно осел на землю.

Один есть.

Следующий ход будет сигналом для Брайэна, чтобы он понял наконец, кто здесь диктует правила игры.

Ганс медленно нажал голубую кнопку.

Деревянный макет взметнулся вверх облаком пламени.

Алекс нажал на тормоз и, закрывая Кэтлин, прижался вместе с ней к полу. Взрывной волной джип подняло на три фута в воздух и снова опустило.

– Тут что-то не так. У нас было четыре минуты, – задыхаясь, проговорила Кэтлин. Она прижалась к Алексу, пряча лицо у него на плече. – Случилось что-то непредвиденное...

– Очевидно, дружок Ледфорда Ганс вышел из подчинения. – Алекс напряженно всматривался в происходящее на площадке. Там творилось что-то страшное: люди в панике метались во все стороны, охваченные смертельным ужасом, воздух наполнился криками и стонами раненых. Многие бежали назад к автобусу. Солдаты беспомощно толпились, уставясь в изумлении на столб пламени, полыхавший на месте Троянского коня. Верхушки сосен, окружавших макет, тоже были охвачены огнем и походили на гигантские факелы вокруг погребального костра.

Никто не обращал внимания на Кракова, валявшегося в пыли под ногами у обезумевших людей. Взгляд Алекса тревожно отыскивал в этой неразберихе Картрайт. Наконец он увидел ее, спокойно поднимавшуюся с земли и брезгливо

отряхивавшую грязь и листья со своего сверкающего голубого костюмчика.

– С Картрайт все в порядке.

– А Краков?

– Не знаю. Он не двигается. Все бегут к автобусу.

Кэтлин наконец разогнулась и открыла глаза.

– Значит, они все спасены? Просто не верится.

– Выходите – из машины, – прозвучал чей-то резкий голос. – И поднимите руки, если не хотите, чтобы мы разнесли вам головы.

Алекс посмотрел в сторону и увидел военный джип, остановившийся в нескольких ярдах от них. Рядом стояли трое британских солдат и высокий человек в форме полковника, хмуро смотревший на него с Кэтлин.

– Поторапливайтесь, иначе я отдам приказ прикончить вас на месте.

– Картрайт, может быть, и в безопасности, – сухо заметил Алекс, поглядывая на три винтовочных дула, нацеленные в их головы. – Но что касается нас, то я в этом далеко не убежден.

Ствол ледфордовского «магнума» сухо щелкнул в пустой комнате.

Улыбнувшись, Кемаль вынул из кармана своих брюк четыре пули и протянул их Брайэну.

Искра восхищения промелькнула в глазах Ледфорда, и он опустил свое оружие.

– Ладно, можешь убираться отсюда, Кемаль. Ты первый человек, которому удалось...

Земля вдруг вздрогнула и посыпалась с потолка на стол. Ужас перекошил лицо Ледфорда.

– Ганс, будь ты проклят, это слишком рано! – Он схватил со стола Танцующий Ветер и торопливо сунул его под мышку. – Проклятый ублюдок!

– Дай мне статуэтку, – сказал вдруг Кемаль.

– Как бы не так! – Глаза Ледфорда злобно сверкнули. – Я убираюсь отсюда. Значит, этот мерзавец наведался в туннель после меня и передвинул таймер. Теперь он может взорвать нас в любой момент, когда пожелает, стоит ему лишь нажать проклятую кнопку. – Он вдруг неожиданно резко развернулся и ударил Кемалья в висок рукояткой револьвера. Того качнуло назад, и Ледфорд проскользнул мимо него из комнаты, выронив оружие на пол.

Почти тут же придя в себя, Кемаль поднял револьвер и, зарядив его двумя пулями, кинулся за ним.

Ледфорд бежал к лестнице, Кемаль – за ним, не отрывая взгляда от Танцующего Ветра, поблескивающего в свете фонарей.

Он догнал Брайэна, когда тот уже начал подниматься, и схватился за статуэтку.

– Ты, сын шлюхи, она моя! – Ледфорд поднял вверх ладонь и наотмашь, резко ударил по лицу Кемалья.

Соленый вкус крови заполнил его рот и горло. Качнув-

шись в сторону, стараясь падать набок, Кемаль продолжал удерживать Танцующий Ветер, но чувствовал, что за его спиной – пустота. Он поднял револьвер, стараясь целиться в направлении Ледфорда, и выстрелил.

Яркое пятно расплылось на щеке Ледфорда, Кемаль успел услышать крик удивления и боли и тут же полетел вниз, не удержавшись на крутизне лестницы. Тяжело ударившись спиной, он потерял сознание...

Постепенно придя в себя, Кемаль ощутил, что лежит на каменистой влажной земле, увидел распластавшееся на лестнице неподвижное тело Ледфорда. Ему показалось, что ступеньки уходят куда-то в вечность... Кемаль беспомощно улыбнулся при этой мысли. Вечность – это то, что его ожидало, и очень скоро, если он не успеет вовремя выбраться отсюда.

С трудом приподнявшись и пошатываясь, он двинулся к лестнице, прижимая к себе Танцующий Ветер. Превозмогая боль в спине, он поднимался очень медленно. Слишком медленно.

Ганс мог взорвать туннель в любую минуту.

Первый заряд, взорвавшись, слегка потрянул землю и гулким эхом пронесся по холмам. Второй и третий, следовавшие почти непрерывно, подняли на воздух верхушку холма, в котором скрывался выход из туннеля. Это было похоже на извержение вулкана. Деревья, камни и земля взмыли вверх и долго кружились, прежде чем упасть на землю. Обломки

разлетались далеко от центра взрыва.

Челси и Джонатан наблюдали это зрелище, стоя уже на равнине. «Милостивый боже, – прошептала Челси, – кто же может остаться в живых после такого?»

– Там не осталось никого живого. – Полковник Северн заглядывал в дыру, бывшую когда-то входом в туннель. Он повернулся к Джонатану и Алексу: – Разумеется, мы расчистим эти обломки, но после такого взрыва никто не мог уцелеть. Час тому назад мы взяли Ганса Брюкера, и он признался, что установил три заряда такой силы, что можно было бы взорвать пол-Лондона. Даже если они не погибли в первый момент от взрывной волны, рухнувшая скала похоронила их под своими обломками. Могут потребоваться годы, чтобы разобрать все эти руины.

– У них была спрятана машина поблизости, среди кустов, они могли... – Джонатан остановился, глядя на полковника Северна, недоверчиво покачивавшего головой. – Нет? Почему?

– Мы нашли эту машину на склоне холма, куда она могла быть отброшена взрывом. Она была пуста, если не считать тщательно упакованного полотна Рембрандта. Немид с Ледфордом, несомненно, остались внизу, в туннеле.

– Вы отдали распоряжение пропускным пунктам? – спросил Алекс.

– Прошло уже пять часов после взрыва, и ни одна машина не проходила ни через один из пропускных пунктов. По-

верьте, их нет в живых.

Время близилось уже к полуночи, когда Алекс вернулся в отель. Вид у него был совершенно измученный.

– Что-нибудь еще прояснилось? – спросила Кэтлин, как только он вошел в спальню. Она сидела на постели и смотрела телевизор, постоянно нажимая кнопки на дистанционном переключателе. – Мне уже ясно, что делегаты успели пообщаться с прессой. По-моему, они все окончательно запутали.

– Надо же было дать сенсационный материал. – Алекс устало покачал головой. – Они обшарили все побережье, но не нашли и следа «Аргоса», хотя полковник Северн и уверен, что никто не мог выбраться из туннеля живым. Его люди начали разбирать завал, но земля там мягкая и все время проваливается. Он был прав, когда говорил, что на это могут уйти годы.

– А Танцующий Ветер?

– Северн считает, что он не мог уцелеть при таком взрыве и пожаре.

Отчаяние охватило Кэтлин. Все, о чем она мечтала долгие годы, рухнуло в один момент. Ей казалось, что она потеряла друга или большую часть своей жизни.

– Значит, эти бесценные древние знания так и останутся неизвестными. Они ушли от нас навсегда.

Алекс двинулся в сторону ванной комнаты.

– Я вернусь через несколько минут, мне необходимо принять душ.

Она кивнула.

– Ты почувствуешь себя значительно лучше.

– Да, потому что хуже уже некуда.

– Боюсь, что это не так. Мелис пропала.

Алекс застыл на полпути.

– Что?

– Сегодня, после полудня, она пропала из детского дома.

В полицию заявили, но пока нет никаких следов.

– Вот как?

Кэтлин нахмурилась.

– Тебя, кажется, не слишком опечалило это известие.

Алекс задумчиво покачал головой.

– Нет, что ты, разумеется, это малоприятно, но я подумал... – Он оборвал себя и, войдя в ванную, захлопнул дверь. Почти тут же зазвонил телефон.

Когда она опускала трубку, Алекс как раз вышел из ванной и посмотрел на нее вопросительно:

– Последние новости о Мелис?

– Челси сказала, что ее до сих пор не нашли.

Алекс двинулся к постели.

– Стамбул большой город.

– Ради бога, я и сама знаю, как он велик... – Кэтлин вдруг осеклась, поняв, что взяла слишком резкий тон. – Извини, я совершенно подавлена.

– Исчезновением Мелис?

– Всем, – ответила она. – Хотя да, это из-за Мелис, Я так

хотела, чтобы она... – Кэтлин глянула на него, пытаясь сдержать набегавшие на глаза слезы. – Она ведь совсем ребенок. С ней может приключиться все, что угодно. Столько грязи вокруг. Неужели ее ждет новая боль?

– Успокойся. – Он ласково коснулся ее волос. – Кэтлин... – Алекс помедлил. – Я думаю, что они не найдут Мелис.

– Как ты можешь утверждать такое?

Он присел на край постели и взял ее руки в свои.

– Разумеется, я могу и ошибаться...

– О чем ты? – Она заглянула ему в глаза.

– Что, если Кемаль остался жив?

Она сделала большие глаза.

– Но полковник Северн сказал, что нет ни малейшего шанса.

– Северн не знает, насколько изобретательным может быть Кемаль.

– Думаешь, он выбрался оттуда?

– Я не знаю.

– Но патрульные утверждают, что никто не проходил мимо них. К тому же это полотно Рембрандта, обнаруженное в машине. Кемаль не оставил бы такую ценную вещь.

– Разумеется, я понимаю, что полотно ценой в миллион долларов – не такой уж пустяк для него. Но он не стал бы держаться за него, когда земля содрогается под ногами.

Кэтлин продолжала внимательно смотреть на него.

– Но это ведь не все твои доводы, не так ли?

– Я обнаружил следы колес велосипеда между сосен.

– Велосипеда?!

– Мне так показалось, но земля была слишком изуродована взрывом, чтобы я мог утверждать что-то наверняка. К тому же неизвестно, были ли эти следы свежими. – Он нахмурился. – Но они не идут у меня из головы. Кемаль не собирался отправляться в Южную Америку с Ледфордом, он собирался перехватить у него эти сокровища. Он подготовил для себя путь отступления через туннель, который знал как свои пять пальцев. Он следил за Гансом и Ледфордом и не мог не знать о пластиковой бомбе, установленной в туннеле. Кемаль легко мог убрать ее, но не сделал этого, почему? Раз он не собирался бежать с Ледфордом, этот взрыв был ему абсолютно не нужен. Но Кемаль не хотел... убивать. Он всегда говорил о своем отвращении к убийству, но, если бы он предотвратил взрыв, ему пришлось бы убить Ледфорда, у него были с ним свои счеты... Он вполне мог успеть выбраться из туннеля до взрыва и спрятаться среди холмов, пока не уляжется шум и не уйдут солдаты. Впрочем, на него могли и вообще не обратить внимания, приняв за какого-то местного мальчишку с фермы. Я сам принял его за ребенка, увидев впервые.

– Мог он добраться до «Аргоса»?

– Возможно.

– Но команда корабля подчинялась Ледфорду.

– Он мог подкупить их, не исключено, что он сам нанимал многих из них и хорошо знал, кого брать.

– Невероятно! Кемаль сумел отплыть с этим бесценным грузом совершенно беспрепятственно и не оставил никакой зацепки?!

– Одна зацепка есть – Мелис.

– Ты хочешь... сказать...

– Он мог послать за ней кого-то из своих. Почему бы и нет? – Алекс забрался под одеяло, устало опуская голову на подушки. – Откуда мне знать? Ладно, выключай свет.

Кэтлин нажала выключатель.

– Но если ему удалось уйти, он должен был унести с собой Танцующий Ветер.

– Это было слишком рискованно, его могли задержать с ним. На самом деле, чтобы судить обо всем этом, мне недостаточно существующей информации. Единственное, что у меня есть, это следы велосипедных шин.

– Но ты хочешь, чтобы это оказалось правдой?

Он так долго молчал, что она уже решила, будто он вовсе не собирается отвечать. Наконец он произнес еле слышно:

– Да, я хочу, чтобы это оказалось правдой.

Алексу было нелегко выговорить эти слова. Так же, как и Кэтлин, ему трудно было смириться с предательством Кемалья. Она поняла его чувства. Снова в ее памяти всплыло смуглое живое лицо, полные понимания и участия темные глаза. Вспоминалось почему-то лишь хорошее: как он бес-

покоился о детях, как утешал Мелис у них в саду...

Кэтлин прижалась головой к плечу Алекса и прошептала:
– Пожалуй, я тоже хочу этого.

Измученная событиями предыдущего дня, Кэтлин проснулась, когда солнце уже перевалило за полдень. Алекса рядом не было.

Сначала она подумала, что он в ванной, но тут ее взгляд упал на записку, оставленную на ночном столике.

«Кэтлин, я улетел в Ниццу. Поскольку с Ледфордом покончено, пора нам подумать о своих делах. Мне кажется, сейчас самое время заняться рекламой твоих духов. Момент как раз благоприятный, поскольку мы некоторое время будем находиться в центре внимания прессы. Но пока ты должна уклоняться от встреч с журналистами и не давать никаких интервью по поводу того, что случилось в Трое. Предупреди о том же Челси и Джонатана. Отвечай журналистам, что они получат интересующие их сведения на презентации в отеле „Негреско“, которая состоится 15 декабря.

Как только Северн получит от тебя ответы на все интересующие его вопросы, немедленно вылетай в Ниццу.

Ты очень нужна мне.

Алекс».

Ошеломленная, Кэтлин снова и снова перечитывала это послание. Вчера вечером он был таким усталым и раздраженным – казалось, понадобятся недели, чтобы он обрел

прежнюю бодрость духа. И пожалуйста, такая метаморфоза за ночь. Он снова готов думать и действовать, управляя событиями по своему желанию.

Кэтлин покачала головой. Теперь можно было не сомневаться – презентация духов «Вазаро» надолго займет первые полосы газет.

В холле отеля «Негреско» толпились журналисты. Увидев входившую Челси, они бросились к ней. Застрекотали камеры, посыпались бесчисленные вопросы.

– Это правда, что вы были похищены группой «Черная Медина»?

– Что вы делали в Париже последнюю неделю?

– Могли бы вы дать детальное описание разыгравшейся драмы?

Челси с ослепительной улыбкой на губах решительно проталкивалась сквозь толпу к ожидавшей ее Кэтлин.

– Никаких вопросов, – вежливо, но непреклонно заявила она. – Сегодня вечером вы обо всем узнаете на презентации. Сейчас я хочу лишь одного – попасть в свой номер и снять туфли. До встречи со всеми!

Служащий отеля оттеснял репортеров от Челси, расчищая ей дорогу к лифту. Пропустив ее внутрь, он загородил своей спиной двери, не давая прорваться журналистам. Кэтлин поспешила нажать на кнопку.

– Ну как ты? – спросила Челси, обнимая ее.

– Прекрасно. Совершенно сбилась с ног, но все хорошо.

– Для вечера все подготовлено?

– Еще нет, но работы идут полным ходом. Скоро все будет готово. Я пришла на пять минут, чтобы встретить тебя, и

скоро вернуться обратно.

Войдя в номер, Челси скинула туфли на высоких каблуках и прошла в одних чулках по гостиной.

– Барбара Уолтер встретила меня в аэропорту и попросила дать ей эксклюзивное интервью до вечерней презентации. Я ей отказала. Но они все страшно заинтригованы и ждут не дождутся вечера.

– Мы проделали огромную работу, – отозвалась Кэтлин. – Вечер в Версале ничто по сравнению с сегодняшней презентацией.

– Как Алекс?

– Я мало вижу его, да и то только ночью. Мы едва успеваем обменяться парой фраз. – Кэтлин помолчала. – Здесь Мариза.

Челси ошарашено уставилась на нее:

– Что?

– Она очень хотела быть на сегодняшнем торжестве, и Джонатан отправил ее на самолете своей компании.

– Черт побери, ей разрешено было вставать с постели только два дня назад. Где она?

Кэтлин кивнула на одну из дверей.

– Она прилетела прошлой ночью. Кажется, еще спит. Я решила, что тебе захочется быть с ней в одном номере, вы так давно не виделись, – наверно, обе страшно соскучились.

– Да уж, теперь я не спущу с нее глаз. Этот болван доктор не должен был отпускать ее.

– По-моему, она неплохо выглядит, – осторожно сказала Кэтлин. – Не думаю, что Джонатан позволил бы ей, если бы...

– Он не должен был делать этого. Я нарочно обскакала пол-Европы, чтобы все знали, что я существую сама по себе... А если теперь кто-то узнает, что на его самолете привезли сюда Маризу?

– Перестань, Челси, все это такая ерунда, – мягко сказала Кэтлин.

– Ничего себе ерунда! – взвилась Челси. – Ладно, – уже спокойнее добавила она. – Идем в спальню, я привезла для тебя подарок из Парижа.

– Правда? – Кэтлин последовала за ней в спальню, сгорая от любопытства. – Что это?

– Собственно говоря, это не совсем мой подарок, – ответила Челси, открывая один из чемоданов. – Это сюрприз Жана Пердо. – Она осторожно вытянула шелковый чехол с платьем. – Роза, темно-красная, строгий покрой, но выглядит очень торжественно. И даже шипы не забыты. Сейчас ты увидишь...

– Это для меня большая честь, – смущенно начала Кэтлин.

– Подожди, ты еще не видела... – Показался край платья, сверкнувший глубоким темно-красным отливом, близким к цвету бургундского вина. Отбросив чехол, Челси встряхнула платье и приложила к себе. Покрой был очень простым – длинные, ниспадающие до пола прямые складки струяще-

гося шелка, оставляющие открытым одно плечо наподобие античных одеяний.

Кэтлин совершенно растерялась и стояла затаив дыхание.

Но это было еще не все. Челси открыла перед ней футляр, в котором лежал золотой браслет, усыпанный шипами, между которыми посверкивали бриллиантовые капельки.

– Но... я даже не знаю, что сказать.

– Скажи спасибо Жану Пердо, когда увидишь его в следующий раз. Я тут ни при чем. Впрочем, ты не будешь себя чувствовать слишком обязанной, когда познакомишься со счетом, который он тебе выставит.

– А что ты наденешь?

– Не волнуйся, мне не затмить тебя. Я надену то, янтарное, что осталось после презентации «Шанели». Но обещаю тебе, я сделаю все возможное и невозможное для твоих духов.

– Никто не мог бы справиться с этим лучше тебя. Я поняла это с первого момента нашей встречи, ты полна тех же жизненных сил, что и мое Вазаро... каким оно было и каким оно еще будет, уверяю тебя.

Челси была тронута, она знала, что в устах Кэтлин это лучший комплимент.

– Ты собираешься вернуться домой в Вазаро?

– Возможно, уже завтра.

– Ты так уверена, что справишься со всем этим?

– Я думаю, что уже пора начинать. Как говорит Алекс,

жизнь берет свое. – Осторожно сложив платье и убрав в чехол, она направилась к двери. – Ладно, мне надо вернуться и проверить, как там у них продвигается подготовка к вечеру. На четыре часа я заказала парикмахера для тебя, он зайдет в номер. В шесть вам с Маризой подадут легкий ужин. Презентация – в восемь.

– О, похоже, все действительно находится под твоим контролем.

– Не совсем. Но я стараюсь, чтобы было так. – Помахав на прощание рукой, Кэтлин вышла из номера.

Челси сняла свой жакет и кинула на кровать.

– Мама?

– Я здесь. – Челси кинулась к гостининой и увидела Маризу, идущую к ней навстречу в своей любимой голубой пижаме. – Зачем ты вскочила? Ты должна оставаться в постели, я уже шла к тебе. – Она критически осмотрела дочь. – В самом деле ты выглядишь гораздо лучше. Почти хорошо.

Она говорила правду. К Маризе уже вернулся здоровый цвет лица.

– Я чувствую себя прекрасно. – Дочь поцеловала ее в щеку.

– Но ты не должна была приезжать сюда, Джонатан напрасно...

– Он сделал то, чего хотелось нам обоим. – Мариза твердо смотрела в глаза Челси. – Собственно говоря, я прилетела сюда из-за Джонатана.

Челси насторожилась.

– Что еще за ерунда? Мариза покачала головой.

– Так не может больше продолжаться. Ты очень плохо поступаешь с нами обоими.

– Я? Плохо поступаю?

Мариза кивнула.

– Да, ты лишаешь меня друга и отца, и ты лишаешь Джонатана жены и дочери. – Мариза смотрела на Челси в упор. – После смерти Питера я кое-что поняла. Последние его слова, обращенные ко мне, были: «Ты должна жить». Жизнь – главное, она так прекрасна, но не бесконечна... и мы никогда не знаем, что принесет следующий день. Надо жить, мама, пока есть время, пока еще не поздно... Ты не позволяешь нам этого...

Челси вздрогнула.

– Это несправедливо. Больше всего на свете я хочу, чтобы вы жили счастливо.

– Но ты все решила за нас. Ты делаешь так, как удобно тебе. Нельзя быть такой эгоисткой, мама.

Челси покачала головой, пораженная в самое сердце.

– Ты не понимаешь...

– Святые небеса, как ты упряма. – Заглянув в смущенное лицо матери, Мариза решила использовать свой последний аргумент: – Мы решили, что не позволим тебе больше дурачить нас. Если ты не хочешь выйти замуж за Джонатана, я сделаю это за тебя. – Она подняла предостерегающе ру-

ку, видя, что Челси собирается прервать ее. – И мы не станем скрываться, напротив, предадим это широкой огласке. Представляешь, какой шум поднимут журналисты? Кандидат в президенты Соединенных Штатов Джонатан Андреас живет с шестнадцатилетней. Как думаешь, на сколько тогда поднимутся его шансы?

– Ты блефуешь. Джонатан никогда не пойдет на такое.

– Да, ты права, Джонатан не пойдет, но я – да! И я сумею сделать так, чтобы это случилось.

– Бедный ребенок, ты сама не знаешь, что говоришь. Пресса разорвет тебя на клочки. Ты не вынесешь этого.

– Ты всегда боялась за меня больше, чем я сама, больше, чем мне это было нужно. Пойми, со мной уже все в порядке. – Тон Маризы стал очень нежным. – Мне долго было плохо, но сейчас... боль ушла. И единственное, что мешает мне стать счастливой, это твое упрямство.

– Боже, неужели ты говорила все это Джонатану?

Представляю себе его реакцию! Ты не понимаешь, его президентство – это...

– Послушай, мама. Я люблю Джонатана, и я люблю тебя. И я во что бы то ни стало хочу, чтобы мы все были вместе. Если ничто другое тебя не убедит, я могу пойти на отчаянный шаг. – Мариза спокойно выдержала взгляд Челси. – Ты веришь, что я способна на это?

– Возможно. – Челси тяжело вздохнула.

– Я рада, что ты наконец поняла меня. Подумай об этом.

Я даю тебе всю следующую неделю. – Мариза повернулась и направилась к своей комнате.

– Спасибо, – усмехнулась Челси.

– Обычно ты находишь быстрое решение и не ломаешь голову попусту.

Дверь за Маризой захлопнулась.

Челси стояла совершенно ошеломленная.

«Боже, она стала совершенно неуправляемой».

Челси подошла к обитому парчой креслу и рухнула в него.

Было над чем подумать. Они поменялись ролями. Теперь Мариза опекала ее, да еще и не одну, а вместе с Джонатаном. Откуда в ней такое стремление делать близких людей счастливыми? Ясно было лишь одно, Мариза не отстанет. Разумеется, Челси не верила в ее угрозу. И все же... еще один такой разговор и... их жизнь может стать просто невыносимой...

В половине восьмого Челси осторожно постучала в дверь номера Кэтлин.

– Челси, ты еще не одета? – удивилась та, открывая.

– Не беспокойся, это займет лишь несколько минут. – Челси вошла в номер, внимательно разглядывая Кэтлин в новом наряде. – Ты выглядишь сногшибательно. Жан удивительно точно уловил твой стиль.

– Спасибо тебе, – Кэтлин благодарно улыбнулась. – Но мне пора уже идти. Есть еще несколько дел...

– Я не задержу тебя надолго. – Челси решительно закрыла за собой дверь. – Я должна тебе кое-что сказать.

Без пяти восемь Кэтлин вошла в парадный зал отеля «Негреско» и, стараясь держаться как можно непринужденнее, направилась к украшенной цветами сцене.

– Все в порядке? – поинтересовался Алекс, когда она опустилась в кресло рядом с ним на сцене.

– Есть маленькое изменение, – пробормотала Кэтлин. – Но это уже от меня не зависит.

Алекс нахмурился.

– Что-то не в порядке? Я думал, сегодня все пройдет гладко. Где наконец Челси?

– Она скоро будет. – Кэтлин бросила взгляд на сидящих в зале и, заметив Джонатана, чья мощная фигура возвышалась в последнем ряду амфитеатра, приветливо помахала ему.

Первые десять рядов были заняты журналистами, фоторепортерами и телевизионщиками.

– Я чувствую, все первые полосы будут наши, – сказала Кэтлин.

Струнный квартет в дальней части зала начал что-то негромко наигрывать. Алекс посмотрел на часы.

– Но где же она? Уже пора начинать.

– Не волнуйся. Челси никогда еще нас не подводила. Почувствовав какое-то странное возбуждение в голосе Кэтлин, Алекс внимательно заглянул ей в глаза.

– Кэтлин, какого черта, что происходит?

Она сжала его руку, успокаивая.

– Ничего особенного, видишь, она уже идет. Музыканты

заиграли громче, и по залу пронесся взволнованный рокот, когда Челси Бенедикт шла через зал к сцене.

На ней был серебряный наряд амазонки – шедевр Жана Пердо. Она не надела никаких украшений, пластины на ее платье и без того переливались в свете люстр. И на серебряном мерцающем фоне драгоценной волной сияли ее каштановые волосы, а огромные прозрачные голубые глаза сверкали подобно сапфирам. Походка Челси была легкой и в то же время энергичной, радостная уверенная улыбка не сходила с ее лица.

Она была словно наэлектризована.

И ее настроение передавалось аудитории. Кэтлин чувствовала это, сама не в силах оторвать взгляд от сияющего лица и фигуры Челси. «Пора, – сказала себе Кэтлин, – время начинать шоу». Она медленно поднялась. Боже, еще каких-то шесть месяцев назад она ни за что не решилась бы выступить перед такой аудиторией. Но общение с Челси многому научило ее. Сейчас все вдруг показалось легко. Кэтлин подошла к подиуму и объявила в микрофон:

– Леди и джентльмены, я, Кэтлин Вазаро, хочу поблагодарить всех собравшихся в этом зале за проявленный интерес к нашему делу. Мы пригласили вас для того, чтобы представить уникальнейшие в истории парфюмерной науки духи. – Челси уже поднималась по ступенькам на сцену. – И вам расскажет о них необыкновенная женщина и актриса, единственная в своем роде. Она получила от нас эксклюзивное

право на рекламу этих духов. Мы уверены, что наши духи займут исключительное место среди парфюмерной продукции. «Вазаро» – особенные, волшебные духи. Они неповторимы, и так же неповторима Челси Бенедикт! – Освобождая для нее место, Кэтлин вернулась к своему креслу рядом с Алексом.

Челси достигла подиума, и раздался всплеск аплодисментов.

Она стояла выпрямившись, высоко подняв голову, ожидая, пока утихнут аплодисменты. Хотя у нее и был хорошо поставленный голос, в первых ее словах чувствовалась легкая хрипотца.

– Вы даже не представляете, какую почетную и в то же время ответственную миссию возложила на меня Кэтлин Вазаро. Без долгих вступлений начну с самого главного. – Она взяла со столика хрустальный флакон Ле Клерка и подняла вверх на всеобщее обозрение. – Вот они, духи «Вазаро», самые удивительные в мире. Я даже не знаю, с чем можно сравнить их волшебный аромат. Это – сказка, греза, фантазия. За всю свою жизнь я не встречала ничего подобного, а уж я, поверьте, обладаю некоторым опытом в этом деле. – Она шутливо улыбнулась. – Я поставила обязательным условием в своем контракте получить флакончик этих чудесных духов. Это – мечта каждой женщины, но удовлетворить ее, боюсь, будет не просто. Все вы знаете, что случилось в Вазаро. Поэтому в ближайшие десять лет духи эти станут величайшей

редкостью и будут цениться на вес золота. – Челси помолчала. – А теперь я хочу сделать одно заявление.

Кэтлин почувствовала, что Алекс нервничает. – Прежде всего я возвращаю Кэтлин Вазаро все деньги, полученные мной за рекламу этих великолепных духов. Я должна отказаться и от предоставленного мне права на их эксклюзивное представление. – Недоуменный шепот пронесся по залу. – Вы удивлены? – улыбнувшись, продолжала Челси. – И ничего не можете понять... – Она распрямила плечи. – Ну что же! Воспользуюсь возможностью с этой высокой трибуны объявить вам, что я выхожу замуж за Джонатана Андреаса, чья кандидатура будет выставлена на выборах президента Соединенных Штатов. В зале поднялся шум, и Челси выждала минуту, поднимая руку и призывая аудиторию к спокойствию.

– Джонатан Андреас – это редчайший и благороднейший человек, которого я когда-либо знала. Быть президентом неблагодарная работа, и я не могу понять, что он в ней находит. – Челси улыбнулась. – Нет, это неверно. Разумеется, я догадываюсь, зачем ему это. Он хочет помочь... вывести страну из хаоса. Такой уж он человек. – Она помолчала. – Но вы можете и отказаться от него, решив, что он выбрал не слишком подходящую жену.

Джонатан уже успел поговорить с несколькими опытными политиками о своих матримониальных планах. Они сошлись на том, что женитьба значительно уменьшит его шан-

сы, что общественное мнение не одобрит в качестве первой леди женщину с моей биографией, что предвыборная кампания рассчитана на самый нижний коэффициент общественного сознания. Но неужели избирателям может нравиться, когда их считают дураками? – Она плутовски улыбнулась. – Впрочем, как я могу кого-то осуждать, если сама уговаривала его не рисковать своей карьерой, своим предназначением. Но он не хочет слушать. Он любит меня. – Ее голос вдруг задрожал. – И в отличие от вышеупомянутых политиков он уважает вас, своих избирателей, ваш ум и образ мыслей и вашу способность сделать выбор.

Щеки Челси пылали, сапфировые глаза сверкали. Она с видом победительницы осматривала аудиторию.

– На этом все. Остальное зависит от вас. – Она сошла с подиума и двинулась к ступенькам, ведущим со сцены.

Поднявшийся было в аудитории шум стих, когда Челси направилась по проходу между рядами к сидевшему в самом конце Джонатану.

– Мой бог! – прошептал Алекс.

– Да. – На глазах Кэтлин показались слезы. Многие в зале вставали и начинали аплодировать. Кэтлин присоединилась к ним. – Неужели она не победит?

– Не знаю. – Алекс взял ее под руку и повел со сцены. – Во всяком случае, реклама наших духов пошла побоку.

– Разумеется, я понимаю, что это немного отвлекло внимание от них, но я не могла отказать ей.

Когда гибель нам грозит,
Сильней огонь любви горит...

Эти строки вновь всплыли в памяти Кэтлин, стоявшей на вершине холма и смотревшей на почерневшие, выжженные поля внизу, где еще так недавно благоухали розы.

Огненный смерч опустошил Вазаро, лишив ее дома, матери, всего, что составляло смысл ее жизни. Но, пройдя через все эти несчастья, она обрела новых друзей. И эта дружба не на один день, она проверена тяжелыми испытаниями и многого стоит.

А Вазаро обязательно оживет. Она стояла, вбирая в себя особый аромат, шедший от этой земли, которая была уже расчищена и ухожена. Внизу виднелись спины рабочих, и Жак разносил по рядам корзины с саженцами.

Она вдруг заметила Алекса, стоявшего на коленях на земле, поглощенного своей работой. Его вид напомнил ей о первых днях, когда он только появился в Вазаро и работал вместе со всеми на этих полях. Снова на нем были те же выцветшие джинсы и голубая рабочая рубашка, и белая повязка поддерживала его темные волосы на лбу.

Он поднял глаза и улыбнулся, увидев ее спускающуюся с холма. Она невольно ускорила шаги.

– Ты не должен был так поступать, – едва переводя дыхание, проговорила она. – Снова записка, это становится твоей

дурной привычкой.

– Я думал, это не будет для тебя неожиданностью. Мы уже закончили наши дела с рекламой, пора было возвращаться сюда.

Она опустилась на землю рядом с ним.

– Джонатан Челси и Мариза сегодня после полудня улети-ли в Нью-Йорк.

– Я знал об этом и успел попрощаться накануне. – Он по-смотрел на нее. – Теперь мы не скоро встретимся с ними.

– Перед моим отъездом Джонатану позвонили из Интер-пола. Найдена «Мона Лиза»!

– Что?

– Кто-то связался со страховой компанией и предложил вернуть полотно за выкуп. Сделка состоялась два дня назад на одном из Азорских островов.

– И какова сумма выкупа?

– Два миллиона долларов.

– Полагаю, передавший остался неизвестным?

– Да. Они согласились бы вести переговоры хоть с самим чертом, только бы вернуть эту картину. – Кэтлин смотрела вниз, покусывая нижнюю губу. – Я... все думаю... это мог быть Кемаль.

Он ответил уклончиво:

– Переговоры с людьми из страховой компании требова-ли едва ли не большего ума и осмотрительности, чем кража самих полотен.

– Но ты же сам думаешь, что это мог быть Кемаль?

– Я не знаю. – Он спокойно встретил ее взгляд. – Пойми, мы можем никогда не узнать этого наверняка, придется ограничиваться догадками и предположениями. Возможно, это был кто-то из команды «Аргоса».

Она кивнула.

– Но если Джонатан предложит выкуп, может ли объявиться Танцующий Ветер?

– Не представляю, чтобы Танцующий Ветер мог оказаться у кого-то, кроме Кемалья. – Он помолчал. – Но он знал и о тайне статуэтки, о ее содержимом, и мог бы требовать за нее целое королевство.

– Если он жив.

– Да, если он жив, – как эхо повторил Алекс. Он опустил руку в карман. – У меня есть кое-что для тебя... Я заказал это еще в Ницце, но мы были так заняты, что совсем не представлялось случая... – Алекс держал в руке брелок на тонкой золотой цепочке. – Конечно, я понимаю, это не Танцующий Ветер, но ничего лучшего я пока не смог придумать.

Золотой Пегас с изумрудными глазами.

Ее память вернулась назад, к тем дням, когда она была девочкой. Воспоминание обожгло ее: она бежит за отцом по дороге, а он уходит все дальше и дальше, унося в кармане ее единственное сокровище.

Он кивнул.

– Мне не удалось найти тот, что тебе подарил когда-то

отец. Поэтому я решил сделать на заказ похожий. Конечно, это не одно и то же...

– Нет, он совершенно такой же, и даже лучше... и он значит для меня... гораздо больше. – Слезы застилали ей глаза, и от этого золотой брелок сверкал еще ярче. – И ты знаешь, я больше не боюсь, что у меня его кто-то отнимет... Тогда это была мечта, и она была необходима мне. Но теперь у меня другая мечта – это новое Вазаро... – Она обратила вдруг внимание на подъехавший грузовик с огромной платформой. – Что там?

– Деревья, – улыбнулся Алекс. – Апельсиновые деревья, которым уже двадцать один год. Думаю, они станут началом нашей будущей апельсиновой рощи. А завтра утром придет платформа с новыми розовыми кустами. Завтра же придет архитектор, и ты сможешь обсудить с ним проект будущего дома. Можешь распоряжаться по своему вкусу, но я настаиваю, чтобы мой кабинет был просторным. Мне нужно много места, чтобы двигаться.

– Ты слишком забегаешь вперед. Можно представить, какой мне выставят счет! Вряд ли я смогу оплатить его.

Он отвел глаза в сторону и помолчал.

– Это моя забота... – Снова молчание. Казалось, он с трудом подбирает слова. – Я подумал, что мы могли бы прийти к некоторому соглашению.

– Соглашению?

– Почему бы и нет? Я помогаю тебе восстанавливать Ва-

заро, а взамен получаю право оставаться здесь.

У нее перехватило дыхание.

– Как долго?

– Не знаю. – Он двинулся по рядам, проверяя посадки. – Для начала в соглашении можно указать срок лет в сорок... или пятьдесят. По истечении их мое пребывание здесь можно будет обсудить заново.

– Ты когда-то говорил мне, что нет на свете места, которое ты хотел бы назвать своим домом.

– Я еще добавил тогда, что все в этом мире меняется... Так что? Договорились?

– Дай им то, что они хотят, и они...

– Нет, немного по-другому: «Назови, что ты хочешь, и я дам тебе это», – поправил он ее. – Но взамен ты должна позволить мне остаться здесь, с тобой.

– Ты очень хочешь этого? – Ее лицо расцвело улыбкой. – Наверное, я буду полной идиоткой, если откажу тебе, не так ли?

– Да.

Усмехнувшись, она взяла руки Алекса, переплетя его пальцы со своими. Золотой Пегас оказался зажатым между их ладоней.

– Как ты сказал, лет на пятьдесят?

– По крайней мере, не меньше.

– Значит, свадьба?

– Если ты ничего не имеешь против.

– Я ничего не имею против. – Она помолчала, а потом все-таки задала свой главный вопрос: – Ты любишь меня, Алекс Каразов?

– Ну конечно, – ответил он удивленно. – Разве ты не знаешь об этом?

Звонкий, ликующий смех Кэтлин эхом разнесся по розовым полям.

ЭПИЛОГ

Танцующий Ветер так и не вернулся к Джонатану Андреасу.

В течение следующих пяти лет все остальные похищенные сокровища были возвращены в музеи Европы за определенные суммы выкупа.

Чарльз Барни не был арестован за убийство Рода МакМиллана.

«Аргос» навсегда растворился в бескрайних водных просторах.

ВАЗАРО

Джек Килан припарковал взятый напрокат серый «Рено» на въезде в Вазаро и, выпрыгнув из него, подбежал к лимузину, остановившемся в нескольких шагах впереди. Шофер лимузина как раз открывал дверцу, помогая выйти Маризе Бенедикт. Она улыбнулась Джеку.

– Тебе здесь очень понравится, это одно из самых прекрасных мест в мире.

Ему уже нравилось здесь. Выросший на ферме в Северной Каролине, он в глубине души тосковал по вольным деревенским просторам и сейчас с изумлением и радостью оглядывался вокруг. Состоять в секретной службе по охране семьи президента было его гордостью, но ему никогда не нравилось

жить в больших городах. Поэтому он был счастлив, когда его приставили к Маризе, работавшей морским биологом в институте Сан-Диего. К тому же иметь дело с Маризой было истинным удовольствием. Всегда такая ровная, внимательная, доброжелательно настроенная... ему иногда казалось, что она походит на его младшую сестру, оставшуюся дома на ферме.

– Превосходное место, мисс Бенедикт, – радостно отзывался он.

Легкая тень набежала на лицо Маризы. Она смотрела на аллею цветущих лимонных деревьев, которая вела от ворот к дому.

– В последний раз, когда я была здесь, все выглядело несколько иначе...

Приставив Джека к Маризе, его ввели в курс дела, и в кратких чертах он знал о том, что произошло в Вазаро. Он понял ее по-своему.

– Не стоит грустить, мисс Бенедикт. Ничего плохого не может случиться. Завтра, к прибытию президента и вашей мамочки, здесь будет столько служб безопасности, что они смогут остановить целую армию.

– Я знаю, Джек. – Она снова улыбнулась своей всегда чуть печальной улыбкой. – Но эти воспоминания...

– А вот и Мариза! – Темноволосый юноша в ослепительно белом костюме появился на пороге дома и легко сбежал вниз по ступенькам. – Я все утро жду тебя. Кэтлин с Алексом от-

правились в Грасс, чтобы нанять дополнительную охрану, и попросили меня встретить тебя и развлечь до их возвращения. – Я Луис Дельгадо.

Джек незаметно шагнул ближе к Маризе. Он был информирован о всех обитателях Вазаро, но в их списке не было человека с именем Луис Дельгадо.

– Прежде всего, кто вы, мистер Дельгадо?

– О, секретные службы. – Дельгадо одобрительно кивнул. – Вы весьма расторопны. И задали совершенно правильный вопрос. Но дело в том, что Алекс с Кэтлин намеренно не внесли мое имя в список. Это должно стать сюрпризом для президента.

– Извините, но мы не любим таких сюрпризов, мистер Дельгадо.

– Уверяю вас, этот президенту очень понравится. Я полагаю, временами в Белом доме бывает скучновато.

– Зачем понадобилось нанимать охрану со стороны? – проворчал Джек. – Мы располагаем собственным штатом.

– Я ничуть не сомневаюсь, но это я попросил Алекса усилить охрану. На это есть особые причины. – Он повернулся к шоферу. – Заносите багаж мисс Бенедикт в дом. Управляющий покажет вам комнату. – Он обратился к Маризе: – Я выбрал для тебя самую солнечную комнату.

– Спасибо, – немного растерянно сказала Мариза. Этот человек разговаривает с ней как со старой знакомой. – Вы очень добры.

Он кивнул.

– Я умею быть всяким. – Белозубая улыбка осветила его смуглое подвижное лицо. – Но тебе я бы хотел делать только добро.

«Боже, да это какой-то жиголо, если не хуже, – решил Джек. – Челси Андреас оторвет мне голову, если заметит его рядом со своей дочерью». Он решительно сделал шаг вперед.

– Думаю, необходимо осмотреть дом, прежде чем вы войдете в него, мисс Бенедикт.

– Прекрасная мысль. – Луис Дельгадо взял руку Маризы. – Я тем временем покажу мисс Бенедикт розовые поля. Они сейчас в цвету. Это такое великолепное зрелище, просто дух захватывает.

Прежде чем Джек успел возразить, они уже, взявшись за руки, бежали через зеленую лужайку к видневшимся в отдалении розам. Он выругался и поспешил к телефону в машине, чтобы связаться со своим начальником Сэмом Геслером в Ницце, который был теперь занят приготовлениями к завтрашнему дню, когда ожидалось прибытие президента.

– Нам тут подготовили сюрприз, – сумрачно доложил он Геслеру, не отрывая глаз от Маризы и Дельгадо. – В Вазаро нас встретил человек, назвавшийся Луисом Дельгадо. Есть какая-то информация о нем?

Он услышал, как Геслер зашелестел бумагами.

– Ни одного упоминания. Что это за личность? Обрисуй вкратце.

– Симпатичный, смуглый, около тридцати, костюм за две тысячи долларов, очень разговорчивый.

– Что ж, неплохо.

– Ты не хочешь сообщить о нем Челси Андреас?

Геслер вздохнул.

– Не стоит торопиться, мы не должны волновать ее понапрасну. Я постараюсь сам навести справки о нем, боюсь, мне придется выехать к вам. Черт, ненавижу эти внезапные поездки. Президент получает какой-то телефонный звонок, забрасывает все дела и катит во Францию. Что там может быть важного?

Но Джек и сам удивлялся этому не меньше Геслера.

– Возможно, это связано с какой-то семейной тайной? Зачем бы ему понадобилось отправлять сюда свою дочь?

– Черт побери, если бы я знал. Ладно, не отходи от Дельгадо. Я выезжаю сам.

Положив трубку, Джек поспешил за Маризой и Луисом Дельгадо.

– Разве это не великолепно? – сказал Луис Дельгадо, когда они остановились перед темно-красным ковром из роз. – Видишь, они возродились вновь и стали еще прекраснее, чем прежде.

– Да, это очень красиво. – Ее грустный взгляд скользнул по дороге, ведущей к деревне.

– Ты думаешь сейчас об этом человеке, который погиб, чтобы спасти тебя?

Мариза резко повернулась к нему:

– Вы знаете о Питере?

Он нежно улыбнулся.

– Ты не должна обвинять себя. Некоторые люди специально ищут для себя такую цель, за которую не жалко умереть.

Как он догадался? Даже ее мать не подозревала о чувстве вины, которое терзало ее все эти годы. Он продолжал:

– Когда Кэтлин рассказала мне об этом, я сразу подумал, что есть такие необыкновенные женщины, ради которых совершаются подвиги.

Мариза взглянула на него с любопытством.

– Ни Алекс, ни Кэтлин не должны были никому рассказывать об этом. Вы, должно быть, очень близкий им человек, мистер Дельгадо?

– Луис. Да, очень хороший и близкий друг, хотя мы и очень давно не виделись. Я жил на одном уединенном острове, далеко от берегов Чили, и не часто выбирался в Европу.

– На острове? Он кивнул.

– Тебе бы очень понравился мой остров, ты ведь занимаешься морской биологией. У меня есть исследовательская лаборатория на северном берегу, там наблюдают за поведением дельфинов. В последнее время мы получили очень интересные результаты. Возможно, ты слышала что-нибудь об Институте Дельгадо?

– Ах, так вы тот самый Дельгадо? Я читала в газетах о ваших исследованиях. – В ее глазах вспыхнул интерес. –

Ведь это вы организовали последнюю кампанию по спасению дельфинов?

Он кивнул.

– Моя племянница очень любит дельфинов. Она будет рада встретиться с тобой.

– Вы приехали вместе?

– На этот раз нет. Мелисанда занята одним экспериментом, а у меня есть собственные дела, которые я должен уладить. – Он смотрел на розовые поля. – Для меня наступила пора жениться, и я привез выкуп за невесту.

– Выкуп? Что за ерунда? Сюда? Уверена, что даже в Южной Америке этот обычай давно вышел из моды.

Он покачал головой.

– Древний обычай был очень красивым и правильным. Свадебные подарки имеют огромное значение, они ясно говорят об отношении жениха. Чем дороже выкуп, тем тверже его намерение жениться. – Он посмотрел прямо ей в лицо. – И я привез отцу моей невесты выкуп очень ценный. Возможно, ни один жених в мире не давал еще так много.

– Тогда вам надо быть очень осторожным. Надеюсь, вы не носите свои наличные с собой? – сделала шутливую гримаску Мариза.

– Не беспокойся. Это вовсе не деньги.

– Нет? – Она с деланным облегчением вздохнула. – Тогда все в порядке, я подумала, что это очень опасно...

– Это не деньги, а особое сокровище.

– Драгоценности?

– О да. Они там тоже есть. – Он усмехнулся. – Золото, изумруды, бриллианты, жемчуга и... шестьдесят страниц самых увлекательных открытий, над которыми я работал в последние годы. – Его улыбка вдруг исчезла. – Но ты еще не спросила меня, зачем мне понадобилось делать столь дорогой подарок.

– Это меня не... – К черту этикет! Она хотела знать. – Зачем?

– Это необходимо, чтобы внушить ее отцу доверие ко мне. В прошлом я не всегда вел себя правильно. – Ей вдруг показалось, будто он хочет убедить ее в чем-то. – Но я всегда стремился платить добром за добро.

Почему этот человек так откровенен с ней? Зачем он говорит ей все это?

– А как вы нашли свою невесту? – неожиданно для самой себя спросила она.

– Это случилось уже давно. Но пришлось ждать. Я не мог сразу объявить о своем намерении. – Он вдруг протянул руку и бережно убрал прядь волос, упавшую ей на глаза. – Ты веришь в судьбу, Мариза?

– Не знаю. Никогда не задумывалась об этом.

– Я верю в нее. – Он улыбнулся. – Хотя такой человек, как я, сам строит свою судьбу, а не вверяет ей себя.

Она мягко улыбнулась:

– Должно быть, это была нелегкая судьба, если понадоби-

лось менять ее?

– У тебя замечательная улыбка. – Он в упор разглядывал ее лицо, но это почему-то не смущало ее. Напротив, ей захотелось снова улыбнуться ему. – Я научу тебя смеяться, Мариза. И не только смеяться. Я научу тебя многим чудесным вещам.

Мариза вдруг поняла, что не может освободиться от глубокого очарования его пронизательных черных глаз, ее неодолимо потянуло к этому юноше, и она прошептала удивленно:

– Ты собираешься чему-то научить меня?

– Да, именно так и будет. Я говорю правду, верь мне. Я уже вижу тебя смеющейся.